

Ольга Михайлова

Брачный сезон
в Уинчестере

Annotation

Это викторианский роман о любви, ошибках и заблуждениях, подлостях и истинном благородстве...

Ольга Михайлова

Брачный сезон в Уинчестере

вступительная, из которой читатель, походя знакомясь со сказками Рединга и легендами Бата, может почерпнуть некоторые сведения о тех, чьи деяния и проделки составят в дальнейшем суть нашего повествования.

Небольшой трехэтажный особняк на тихой Макбейн-стрит в Рединге, построенный ровно пятьдесят лет назад, в 1749 году, внешне был ничем не примечателен и никак не выделялся в ряду окрестных домов. Он принадлежал леди Кэтрин Дорранс, особе пожилой и болезненной, предпочитавшей проводить долгие месяцы в Истборне, хозяином же дома в её отсутствие считался брат леди Кэтрин, мистер Эдвин Торнби. Будучи, как было замечено в городе, весьма общительным джентльменом, он с неизменным радушием встречал вечерами в этом доме своих друзей. Впрочем, никаких излишеств господу себе не позволяли, разве что экономка мистера Торнби несколько удивляла владельцев питейных заведений и рыночных торговцев, заказывая снедь в количестве, намного превышавшем, по их мнению, потребности столь узкого круга лиц. Но удивление своё они высказывали разве что домочадцам, ибо расплачивалась миссис Локни всегда наличными и до последнего пенса, а раз так — о чём и говорить?

В этот вечер мистер Торнби прислал приглашение посетить его несколькими уважаемым горожанам, в числе которых был и Вивьен Тэлбот. Карточку мистера Торнби Вивьену передала его сестра Эннабел, которая вслух выразила недоумение, почему брат неизменно принимает приглашения этого скучнейшего человека? Он и сегодня пойдет?

На лице Вивьена просияла улыбка.

— Белл, дорогая, конечно же, пойду. Старику приятны молодые лица. К тому же рассказы старины Торнби весьма любопытны. В прошлый раз он поведал нам о норманнских храмах в Норидже и так увлек нас, что мне даже захотелось побывать там.

Сестра в недоумении посмотрела на брата. Бог весть, что волнует этих мужчин! В этом сезоне, который Эннабел и её мать планировали провести в Уинчестере, Эннабел предстояло начать выезжать, и она полагала, что это решит её судьбу. А Вивьена интересуют какие-то церкви! Эннабел сочла брата глупцом.

Однако она была права. На самом деле брат понимал чувства сестры куда глубже, чем она себе представляла, но шансы Эннабел выйти замуж оценивал как весьма скромные: он хорошо знал свет. Тридцать тысяч — неплохое приданое, да только чтобы жениться на Эннабел, нужно было, по его мнению, весьма нуждаться в деньгах.

Сам Вивьен, пять лет назад став совершеннолетним, унаследовал от отца состояние, приносящее около трёх тысяч годовых, и он, хоть и не был богат, бедным тоже не считался. Он был хорош собой, всегда любясь в зеркалах своей величавой осанкой и курчавой головой. Правильность черт оттенялась выразительным взглядом голубых глаз, и среди выпускников Оксфорда Тэлбот выделялся не столько успехами в учебе, сколько приятной внешностью. Сестра же не унаследовала фамильные черты Тэлботов и была непривлекательной. Вивьен находил, что носу Эннабел следовало быть на дюйм короче, а лбу — на дюйм повыше, но глаза... Мало того, что они были слишком близко посажены по обе стороны тонкого носа, но стоило поглядеть в них дольше минуты, и косоглазие

становилось заметным! Впрочем, всё это было Тэлботу только на руку: особой неприязни к сестре он не чувствовал, но выйди Белл замуж — Вивьен стал бы вдвое беднее, ведь, согласно распоряжению отца, её приданое составляло половину его капитала. С деньгами расставаться не хотелось.

Около семи вечера Тэлбот направился на Макбейн-стрит. Миссис Локни встретила его на пороге, привычно приняла трость и шляпу. Вивьен проследовал в гостиную, нисколько не удивился, застав её пустой, поднялся по боковой лестнице на второй этаж и уже там нашёл хозяина. Они обменялись взглядами, и лишь потом мистер Торнби поприветствовал Тэлбота. Сегодня выбор невелик, сообщил он Вивьену, заболела Сьюзан и Нелли не принимает. Вивьен поморщился. «Немочка свободна?» Мистер Торнби кивнул, провёл его к третьей двери по коридору, повернул ключ в двери, отпер её и протянул ключ Тэлботу. За соседней дверью послышался резкий окрик и звук пощечины. Тэлбот не обратил на это внимания.

Нелегальный блудный дом в Рединге, который содержал братец леди Дорранс, имел в своём распоряжении всего шесть девиц, и болезнь любой из них была большим ущербом для местных джентльменов. Но Рединг не Лондон, выбирать не приходилось, и Вивьен понимал это. Он поморщился, подумав, что придётся почти весь сезон проторчать в Уинчестере у матери, а там и вовсе не разгуляешься.

Грета Шенкопф была хрупка и белокура, Тэлбот уже бывал у неё. Все его прихоти и извращенные капризы были ей известны. Она вздохнула, но, в конце концов, среди клиентов мистера Торнби бывали посетители и похуже этого красавца. Вон как рыдает за стенкой маленькая Хетти, несчастная Эстер Чизер! Вивьен же, хоть и считал, что за свои деньги может всё, побои никогда не практиковал и тоже с неприязнью прислушивался к рыданиям за стеной. Через час стал собираться: пока мать была дома, Вивьен предпочитал появляться не поздно. На пороге столкнулся с Джулианом Монтэгю, вышедшим от рыженькой всхлипывающей Хетти. Грета говорила, что хуже клиента им не попадалось: если девица порой прикасалась к нему, она рисковала оплеухой, Монтэгю был настолько брезглив, что без изобретения доктора Кондома никогда в комнатах девиц не показывался и даже перчаток не снимал!

Посещение мистера Торнби обходилось в гинею, а Джулиан, и Вивьен знал это, был небогат. Ему, второму сыну баронета, предстояло стать юристом, ограничившись доходом в восемьсот фунтов в год. Знать, здóрово тяготит плоть, коли при таких доходах Монтэгю позволяет себе подобные визиты.

Они приветствовали друг друга и, выйдя на улицу, пошли в сторону парка.

Монтэгю негромко спросил:

— Вы будете в этом сезоне в Лондоне, Тэлбот?

— Я должен проводить мать в Уинчестер, но, возможно, через несколько месяцев мы поедem в столицу. Однако не поручусь за это. А вы заедете в Уинчестер?

— Да, чуть позже.

Тэлбот видел, что Монтэгю сильно расстроен чем-то, но это ничуть не заинтересовало его. Какие-то личные неурядицы. Имение отца Джулиана, Монтэгюкастл, было в десяти милях от его поместья Вудонхилл в Хемпшире, но общались они редко: хоть в обществе Монтэгю всегда держался сдержанно и скромно, Джулиан казался Тэлботу человеком опасным. Ричард Дартон, приятель Вивьена из кавалерии, говорил, что Монтэгю — страшный противник, за годы учебы он имел три десятка дуэлей — и ни одной царапины. Вивьен слышал также из весьма достоверных источников, что однажды в Кембридже

Монтэрю был впутан в какую-то скандальную историю и с большим трудом вывернулся. Странный субъект. Интересно, за что он избил проститутку? Но спрашивать не стал. Что ему за дело? У ратуши они расстались, Монтэрю кликнул кэб, а Вивьен направился к себе.

* * *

Вернувшись домой, Тэлбот снова с удовольствием оглядел себя в зеркале у порога. Вивьен нравился женщинам, был образован и умён. Приятели считали его весьма обаятельным. Недруги могли бы сказать, что он человек распутный и лицемерный, но у него не было недругов. Вивьен пожелал доброго вечера матери и с восторгом рассказал ей и сестре удивительную историю о «красавце Нэше», законодательнице мод Бата, которую сегодня поведал ему во всех подробностях мистер Торнби. Как жаль, что с таким человеком, истинным джентльменом, неиссякаемым кладезем мудрости, ему вскоре придётся расстаться!

Сестра почти не слушала, но мать умилилась серьёзности интересов сына и восторженно поддержала его, тут же погрузившись в дорогие её сердцу воспоминания.

— О, да, великий Ричард Нэш! Вы, мой мальчик, конечно, уже не застали его, а в былые времена он, в роскошном камзоле, поигрывая золотой табакеркой, просто царил в Бате! Самые знатные дамы соперничали из-за его улыбки, малейшее отклонение от хороших манер могло заставить его нахмуриться — публичное порицание, которого боялись даже герцогини!

Понимая, что мать остановится теперь нескоро и уже не вспомнит о том, что он пришёл поздно, Вивьен, сохраняя позу внимательного слушателя, задумался о своём. Мать между тем продолжала:

— А старинное Батское аббатство, где по фасаду ангелы карабкаются на небо! Туда приходила только знать, леди, разодетые в шёлк и атлас, и мужчины в пудренных париках. Во время службы пожилые предавались дремоте, а молодые — флирту, барышни трещали расписными веерами, а джентльмены передавали со скамьи на скамью любовные записочки!

Последние слова матери Вивьен расслышал и задал подходящий вопрос, вложив в него деланное возмущение и неподдельное любопытство.

— Боже мой, а куда же смотрели матери?

— Сквозь пальцы, мой милый, сквозь пальцы. Девиц-то надо было пристраивать. По окончании службы все разгуливали по городу, посещали портних и роскошные магазины, — мечтательно продолжала миссис Тэлбот, — а два раза в неделю в Зале Собрании устраивались балы, открывавшиеся изысканным менюэтом. Потом танцевали искрометные контрдансы. Их живость разгневала, помню, одного из отцов семейств. Какой-то торгаш. Когда его дочку закружили в танце, он «увидел всё много выше, чем допускают приличия» и вытащил дочь из вереницы танцующих.

В разговор, а точнее, в монолог матери вмешалась Эннабел.

— Кто же допустил туда торгаша?

— О, Нэш настоял, чтобы все посетители курорта, если они достаточно богаты, свободно общались друг с другом по всему его маленькому королевству. Купеческие семьи понимали, что в Лондоне их аристократические знакомые вовсе не узнают их, но в этом волшебном городе им было дозволено не только поговорить, но и потанцевать со

знатнейшими леди страны.

— Возмутительно, не правда ли, Вивьен? — на лице Эннабел проступило выражение высокомерной чопорности.

Это выражение её не красило. Впрочем, Вивьен не помнил выражения, которое красило Эннабел. Тут он улыбнулся, вспомнив своё пребывание в Бате этой зимой. Помимо балов и азартных игр, к удовольствию джентльменов, в городе обитало немало красавиц полусвета, да и многие титулованные леди с удовольствием пускались в любовные интрижки. Эх, потерянный рай...

Мать между тем снова заговорила о его женитьбе. В Лондоне уже делать нечего: зимний сезон закончился, но в Уинчестере всё только начнётся! Он непременно должен подыскать себе жену в этом году, откладывать уже нельзя. Неужели ему самому не хочется познать семейное блаженство? Вивьен вздохнул и заверил мать, то постарается присмотреть невесту этой весной или летом.

И что им всем надо от него, чёрт возьми?

которая знакомит читателя с местом, в котором развернется действие, и которой, как уповает автор, будет достаточно для того, чтобы вдумчивый читатель разобрался во всём остальном.

Тэлбот привёз мать и сестру в Уинчестер, в их городской дом на Соборную улицу, и неожиданно возле дома встретил Лоренса Иствуда, своего оксфордского сокурсника. Встреча порадовала. Изнеженный и избалованный, Лоренс всегда с лёгкостью потворствовал прихотям своего сердца, которые становились год от года всё менее безобидными, но Тэлбот на такие мелочи внимания не обращал, зато неизменно восхищался утончённым вкусом и дендизмом приятеля. Лоренс знал толк в развлечениях, и с ним всегда было приятно провести время.

Они успели только обменяться первыми приветствиями и договориться о встрече нынешним вечером, тем более что дом Иствуда был рядом — наискосок через площадь, как со стороны Старой церкви у Королевских ворот появился его милость Раймонд, виконт Шелдон. Старший сын богатейшего землевладельца, наследник огромного состояния и графского титула, выпускник Кембриджа, он недавно вернулся в город после путешествия по Европе.

Тэлбот с изумлением оглядел того, с кем не виделся почти десятилетие. Казавшийся Вивьену в отрочестве нелюдимым и угловатым, Раймонд превратился в воплощение мужественности и респектабельности. Трудно было сказать, что во внешности Раймонда было довлеющим — мощь ли плеч, красота ли лица, странное ли величие всего облика, исключаяющие всякую фамильярность? Тэлбот удивлённо оглядывал спокойные черты виконта, блестящие, как вороново крыло, волосы, выразительные голубые глаза. Да, Шелдон стал просто красавцем, а пятнадцать тысяч годовых милорда Брайана, сиречь триста тысяч фунтов, которые предстояло унаследовать Раймонду, делали его завиднейшим женихом.

Речь сразу зашла о нынешнем вечере. Не успев приехать, Тэлбот уже получил приглашение от сэра Винсента Сейвари, богатого местного эсквайра, на устраиваемый им музыкальный вечер, и сейчас узнал, что там соберётся полгорода. Иствуд рассмеялся, сказав Тэлботу, что, скорее всего, вечер устроен специально для него: сэр Винсент уже исчерпал все возможности пристроить дочерей, хотя за каждой готов дать по пятьдесят тысяч, и его приезд, может статься, породил в баронете новые надежды. Шелдон, чуть запрокинув голову вверх и глядя на Иствуда, как показалось Вивьену, с некоторым высокомерием, заметил, что это вздор, просто в город прибыл французский скрипач, причём приглашён он был сэром Винсентом две недели назад.

— Боже, до чего вы скучны, Шелдон, с вашей дотошностью... — в голосе Иствуда не было, однако, как отметил Вивьен, ни привычной издёвки, ни сарказма, тон был мягкий, вкрадчивый, любезный.

Но виконт спокойно отвёл упрёк мистера Иствуда, сказав, что просто точен, и откланялся.

Вечером Вивьен навестил Иствуда и подивился изысканной роскоши, которой окружил себя приятель. Тэлбот краем уха слышал, что состояние, унаследованное Лоренсом, оказалось далеко не столь значительным, как тот рассчитывал. Тем страннее было его мотовство: Иствуд похвалился двумя новыми чистокровными лошадьми, новой коляской, роскошной упряжью. Позволить себе такое мог и Тэлбот, но имей он всего полторы тысячи в год, — счёл бы подобные траты нелепым транжирством, но, по мнению Иствуда, жизнь на широкую ногу была непременно условием элегантности.

— И по сей день, друг мой, — поучал Лоренс Тэлбота, — многие стремятся убить двух зайцев: жить элегантно, но экономно. Одной цели они, безусловно, достигают: выглядят смешными, ибо элегантность состоит в первую очередь в том, чтобы не показывать, за счёт чего она создается. Сколько раз мне приходилось встречать разряженных в пух и прах новоиспеченных аристократов из числа буржуа, которые вынуждены сообразовывать свои визиты с предсказаниями погоды, поскольку не имеют собственного выезда! Попав под дождь и испачкав платье, они способны разрыдаться! Нет, подлинные знатоки элегантности не прикрывают ковры дорожками и не боятся, что старый дядюшка-астматик лишит их наследства. У подъезда их ждёт собственный экипаж. Перед выходом из дома они не смотрят на градусник. Убирать под колпак вазу или каминные часы, покрывать чехлами диваны, укутывать в тряпки люстру — разве это не смешно? Человек со вкусом наслаждается всем, что имеет, и никогда не жалуется на дороговизну, ибо она входит в его расчёты...

Вивьен слушал дружка, не перебивая. Зачем спорить? Верный своей привычке оставлять причуды ближних на их усмотрение, пока они не затрагивали его собственных интересов, Тэлбот восхищенно отдал должное новым приобретениям Иствуда и, угощаясь роскошным кларетом приятеля, спросил о начавшемся сезоне.

— Чем радуется местное общество?

— Больше невестами, чем женихами, — утешил его Иствуд, — Эдмонд Девэрилл недавно женился. Обещали, что вот-вот придут Шелдон, младший Чилтон, ждали Льюиса Карбэри, год назад говорили, будто сэр Этьен настаивал на женитьбе Томаса Монтэгу, в итоге — появился пока один Шелдон. Прочие — Джон Лавертон, Сирил Салливан, молодой Вудли едва ли женятся в этом сезоне. Ну, о Патрике Кемптоне и говорить нечего — старый холостяк, похоже, останется им навсегда. Их младший, Альберт — совсем ещё щенок. Ну, и естественно, два самых лучших жениха — мы с тобой, — усмехнулся Иствуд.

— Ну, а кроме твоей очаровательной сестрицы — есть ли приличные невесты?

— Почему нет? Правда, обе мисс Сейвари — это уже скорее музейные экспонаты, третий сезон в обществе, отец в отчаянии. Три юные подружки дебютировали только что: сестра этого несчастного Эйбела Хеллорана Рейчел, Эмили Вудли и Лилиан Лавертон — за ними дают по двадцать тысяч. Приехала и Энн Гилмор — за ней дают сорок. Говорят, сэр Этьен вывезет дочь — Кэтрин Монтэгу, она сейчас в пансионе, твоя сестрица да моя сестрица. Это — невесты. Есть ещё несколько молодых красоток, вроде Элинор Бартон да Элизабет Харди, но приданое незначительное — около десяти, говорить не стоит. Прибыла и вдовья леди Радстон, тоже ищет жениха, за весь сезон в столице удача ей не улыбнулась. Теперь пытается штурмом взять Уинчестер.

Для Тэлбота это были пока лишь имена, многих он даже не помнил в лицо, и Вивьен

поинтересовался планами самого Лоренса. Он собирается жениться? Лоренс всерьёз не думал об этом. Последние пять лет жил с молоденькой горничной своей матери и ничего не хотел менять. Пристроить красавицу-сестру труда не составит, а сам он женитьбой не озабочен, ответил он.

— Ты же помнишь мудрость старого Джонсона? Тот, кто женится ради денег, по крайней мере, имеет право сказать, что его мотивация разумна. Во всём остальном более нелепого института, чем брак, представить себе невозможно.

Тэлбот посетовал, что мать настаивает на его браке, но вначале нужно выдать замуж сестру. Лоренс бросил на приятеля мерцающий взгляд и едва заметно улыбнулся. По его мнению, более омерзительной девицы, чем сестрица Тэлбота, и придумать было невозможно. Доска доской, а амбиций да дури! Иствуд не поделился этим мнением с Вивьеном, однако деликатность тут была ни при чём, Лоренс прекрасно знал, что суждение самого Тэлбота по поводу Эннабел, высказанное однажды после разгульного вечера, немногим разнилось с его собственным, и понимал, что Вивьену на самом деле вовсе не резон подыскивать сестре жениха: ведь пока она не замужем — доходами с её капитала пользуется он. У самого Иствуда всё было иначе: его сестрица Кора — писаная красавица, и даст Бог, ему суждено будет породниться с Шелдонами. А такая родня, любому понятно, стена каменная.

Вивьен тоже был наслышан о мисс Коре Иствуд, и одной из целей его приезда в Уинчестер как раз и было желание поближе познакомиться с богатой наследницей, начавшей выезжать только в этом сезоне. Приданое прекрасное, земли по соседству, девица, говорят, хороша собой. Чего бы лучше? Прикинуться влюблённым труда не составит, а барышням ничего другого и не надо. Но, как безошибочно понял Тэлбот из короткого диалога Иствуда с виконтом Шелдоном, тот надеется на другую — более аристократическую родню. Ладно, посмотрим, чья возьмёт.

Лоренс же покуда рассказывал о своих лошадях, участвовавших в дерби: его Пегаса обошёл на полкорпуса Нерон, принадлежащий семейке Монтэгю, вот незадача. Тэлбот мимоходом вспомнил младшего Монтэгю, но ничего не сказал, и мужчины собирались уже покинуть гостиную, когда в комнату в скромном синем домашнем платье впорхнула Кора Иствуд.

Вивьен обомлел. Он помнил её, пожалуй, семилетней, девочкой она была мила, но сейчас роза распустилась во всей своей утренней свежести. Резкий контраст розово-белой кожи и тёмных блестящих волос напомнил ему римские камеи. Вивьен давно не видел таких красавиц, приковывающих к себе любой взгляд, прелестных, ярких. Боже, до чего хороша... Тэлбот на мгновение даже утратил дар речи, и его приветствие было несколько нервным, по-мальчишески сбивчивым. Мисс Иствуд заметила его робость, но восприняла её как должное. Мужчины, это говорила ей мать, восхищаются только красотой, и Кора, понимая, что красива, безотчетно пользовалась своей прелестью, кокетничая с такой безыскусной естественностью, что и само кокетство вызывало восторг джентльменов. Тэлбот невольно расслабился и подчинился. Теперь он гораздо решительнее, чем раньше, хотел покорить эту девушку. Ему и впрямь пора жениться, мать права.

Мисс Кора, однако, хоть с интересом приглядывалась к мистеру Тэлботу, которого не видела годы, не нашла в нём ничего замечательного. Да, пожалуй, довольно привлекателен, но ни в какое сравнение не идёт с Раймондом Шелдоном. Мать восторгалась его состоянием, брат не уставал намекать, как прекрасно было бы ей стать виконтессой, а ему —

роднѣй Шелдонов, все девицы города только о нём и говорили. И когда самой мисс Иствуд представили три дня тому назад молодого виконта Шелдона — она сразу увидела в нём идеал своих девичьих грѣз.

в которой пред нами снова предстаёт Раймонд Шелдон, сначала смиренно внимающий мудрым словам отца, а после — совершающий глупость, от которой его эти слова предостерегали.

Раймонд Шелдон и его брат Родерик рано лишились матери, но их отец, милорд Брайан, человек умный и властный, не доверил воспитание сыновей преподавателям частных школ. Им были выписаны лучшие учителя королевства, и милорд лично проверял знания детей. Когда Раймонду минуло пятнадцать он — в первый и единственный раз — был застигнут отцом на пристрастии к пороку, склонность к которому проявлял в юности Руссо. Раймонд ожидал чего угодно — от оплеухи до порции розог, но не того потерянного и больного выражения, что отобразилось на лице отца, его растерянных и горестных слов: «Вы же Шелдон... как же можно? Ведь осквернить храм Духа Святого...»

Милорд не договорил и вышел.

Через час Раймонд тихо постучал в дверь отца. Получив разрешение войти, в ужасе замер на пороге — отец, сгорбившийся и постаревший на десять лет, сидел в кресле. Губы и пальцы Раймонда затряслись, он в слезах рухнул на колени, долго целовал руки отца, умолял простить его, клялся, что больше никогда не позволит себе осквернять себя. Отец кивнул, тихо прикоснулся к его волосам и проговорил что-то невразумительное о сходстве Раймонда с матерью. В эти короткие мгновения юный Шелдон смог прочувствовать одиночество и боль отца, его любовь к нему, раньше едва ли видимую за внешней суровостью. Теперь Раймонд, понимая, как отец любит его, особенно боялся огорчить милорда и трепетал перед ним. Занимался ночами и никогда не позволял себе того, чем однажды так огорчил отца.

Его же младший брат Родерик полагал отцовскую власть ярмом, которую придется терпеть до совершеннолетия. Он искренне не понимал брата, который как одержимый учил конспекты, не отпускал учителя до тех пор, пока до конца не постигал неясное, а главное, робел перед отцом как ребёнок. Родерик, пожалуй, проникся бы к старшему братцу презрением за раболепие и угодливость, но было в Раймонде нечто, чего побаивался и Родерик. Однажды, после званого обеда в доме отца, он позволил себе несколько пошловатых замечаний в адрес девицы, присутствовавшей там с матерью и братом. Раймонд, который был на голову выше брата, левой рукой приподнял его за воротник, оторвав на три дюйма от земли, а правой закатил оплеуху, отшвырнув на диван. В его глазах промелькнуло нечто такое, что перепугало Родерика до дрожи.

С тех пор Раймонд никогда не утруждал себя общением с братом, Родерик тоже сторонился его. Они не были даже в приятельских отношениях, и старший брат с брезгливым недоумением замечал в младшем умение выбирать себе приятелей среди подонков общества и склонность к вещам запретным и порочным. В самом же Раймонде в эти годы обозначилась жёсткость суждений и безапелляционность оценок. Он был, как и отец, адептом Высокой церкви и теперь стал проявлять рвение к вере. В семнадцать лет Раймонд поступил на богословский факультет Кембриджа, Родерику же был куплен чин армейского полковника.

С тех пор минуло пятилетие.

Раймонд, окончив Кембридж, несколько месяцев путешествовал по Европе и только неделю тому назад вернулся в Уинчестер. По его возвращении они с отцом сделали все необходимые визиты. Раймонд принимал все приглашения, которыми его буквально засыпали, и по тому, как любезны были с ним дамы, было заметно, что он и вправду являлся предметом всеобщих вожделений свах, мамаш и их дочек. Его прекрасное воспитание, изысканные манеры и внешняя привлекательность покорили общество. На самого Раймонда, после бессонных ночей в Кембридже, аскетизма и самоограничения, обстановка салона подействовала, как бокал шампанского — согрела и чуть разнежила. Он ощутил странную истому и возбуждение, которое усилием воли всегда гнал от себя. Женщины... Он чувствовал, что голова идёт кругом.

Отец, заметив это, вернувшись домой, спросил старшего сына, намерен ли он жениться? Раймонд покорно осведомился, кого он должен взять в жены? Лорд Брайан внимательно посмотрел на Раймонда. После того, памятного им обоим эпизода, отец приказал доверенным людям не спускать в университете с сына глаз — и был доволен их отчётами. За всё время пребывания в Кембридже Раймонд ни разу не был замечен в местах, где порядочному человеку не место, если конечно, он уважает в себе образ Божий. Поведение юноши называли безупречным.

Сам Раймонд, достигнув зрелости, понял, что отец подлинно создал его, вложив в него запредельно высокие идеалы, никогда ничего не говоря об их недостижимости. Преподобный Хоуп, друг графа и наставник Раймонда в Кембридже, вторил милорду Брайану, и Раймонд, бесконечно любя отца и доверяя Хоупу, титаническим усилием воли и молитвой к Господу подавлял в себе зов плоти, дурные помыслы и искушения. Его воля и стремление к совершенству удивляли наставника и радовали отца. Теперь милорд без обиняков спросил сына, сохранил ли он чистоту? Шелдон чуть покраснел, но кивнул. Отец заметил, что при их богатстве, состояние его будущей жены существенной роли не играет, но на опороченных или бесприданницах не женятся. Безупречное поведение его невесты и состояние представляются обязательным.

«Это должна быть девушка нашего круга». С этим согласился и Раймонд.

Лорд Шелдон внимательно посмотрел на сына, чуть прикрыв тяжёлые веки. Мальчик хорош собой, любой гордился бы им. Он воспитал свою гордость, совершенство ума, воли, веры. Милорд улыбнулся, опустив голову и скрывая счастливую улыбку. Потом обратил внимание наследника своего рода на красоту мисс Иствуд, на достоинства и таланты мисс Гилмор, на добродетель сестер Сейвари. Без комментариев упомянул о мисс Эннабел Тэлбот, Лилиан Лавертон, Эмили Вудли — и ещё некоторых. Раймонд про себя отметил, что все предложенные ему невесты располагают капиталом от двадцати до пятидесяти тысяч фунтов. Он давно не был в городе, сохранил самые смутные воспоминания о внешности упомянутых девиц, помнил лишь, что мисс Иствуд когда-то казалась ему и впрямь хорошенькой. Но о женитьбе думал с удовольствием. Его воображение рисовало ему близость с женщиной, матерью его детей, блаженство домашнего уюта с прелестной спутницей жизни, милой и преданной... Что может быть лучше?

Милорд меж тем добавил:

— Коль скоро женщины составляют значительную часть общества, мнение их много значит для репутации человека в свете. Вы должны знать, Раймонд, секрет общения с этим полом, но никогда не показывать, что знаете его. Женщины — странные существа, они порой бывают милы, но что касается здравого смысла, то я за всю мою жизнь не знал ни

единой женщины, которая могла бы последовательно рассуждать в течение нескольких часов кряду. Исключение — женщины за пятьдесят, но это уже не женщины. Какое-нибудь пристрастие или прихоть всегда заставляет их изменить самые разумные решения. Если люди не признают за ними красоты или пренебрегают ими, дают им больше лет, чем им на самом деле, или недооценивают их мнимый ум, обида мгновенно оборачивается вспышкой гнева, которая начисто опрокидывает последовательность их мышления. Здравомыслящий мужчина лишь льстит им, но никогда не доверяет ничего значительного, хоть и старается убедить их, что относится к ним с серьезностью — этим они больше всего гордятся. Они до чрезвычайности любят совать свой нос в дела, которым вмешательство их только вредит и, подозревая мужчин в том, что те относятся к ним несерьёзно, начинают боготворить того, кто говорит с ними как с равными. Никакая лесть, помните это, Раймонд, не может быть для женщин слишком груба: и вы спокойно можете льстить любой, превознося в ней всё что угодно, начиная от её несуществующего ума и кончая изысканностью кружев её платья.

Раймонд внимательно слушал отца и молчал. Тот продолжил.

— Легче всего льстить женщинам неоспоримо красивым или неоспоримо безобразным. Уродине нечасто приходится слышать похвалы своей наружности, и она поэтому чувствует себя особенно благодарной тому, кто превозносит её красоту. Что же касается настоящей красавицы, такая принимает дань своей красоте лишь как должное, но ей хочется снискать признание именно за то, что она умна. Слабость мужчин, Раймонд, приводит к тому, что женщины чеканят репутацию человека в высшем свете. Поэтому совершенно необходимо быть с ними обходительным и никогда не выказывать им и тени небрежения, ибо этого они не прощают. Тут они, впрочем, не одиноки, с мужчинами происходит то же самое: у каждого в душе достаточно гордости, чтобы почувствовать самое незначительное пренебрежение и затаить обиду. Поэтому вы должны тщательнейшим образом скрывать свое презрение к человеку, каким бы справедливым оно ни было, если не хотите нажить непримиримого врага.

Когда Шелдон, выслушав наставления отца, собирался уйти, милорд остановил его.

— Вас не нужно учить сдержанности, мой мальчик. Всегда лучше недоговорить, нежели сказать лишнее. — Граф замолчал, потом нехотя добавил, — вообще-то, по моим наблюдениям, наибольший успех у женщин имеют посредственности. Кругозор женщин ограничен: тупоумие они принимают за мужественность, глупость за величавость, в себялюбии видят благородство и в пошлости — остроумие. Не проявляйте же излишних эмоций, пока не поймёте, что нашли ту, что достойна ваших чувств.

Отец многого не сказал сыну. Последней зимой в Бате милорд неоднократно имел беседы и встречи с миссис Иствуд, сэром Винсентом Сейвари, с миссис Гилмор и некоторыми другими уважаемыми особами. Разговоры эти были ненавязчивы и вдумчивы. Отцы и матери невест во время неторопливых робберов наперебой расхваливали своих дочерей перед отцом богатейшего наследника графства. Шелдон понимал, что далеко не все сентиментальные рассказы о доброте и кротости упомянутых девиц правдивы, и потому, очертив перед сыном круг возможных претенденток, решил предоставить выбор ему самому. Всё-таки уединиться в алькове под одеялом сыну нужно будет с той, что заставит биться его сердце, а не той, что покажется приятной отцу. И теперь, отметив, что он весьма им доволен, милорд выразил надежду, что его сын своим выбором не оскорбит ни благородство их рода, ни чистоту крови. Напоследок тихо добавил:

— Я... горжусь тобой, Раймонд... — голос милорда задрожал, но тут же и

выровнялся, — и искренне надеюсь, что будущая графиня Шелдон будет достойна продолжить наш род.

Раймонд вышел от отца растроганным, задумчивым и чуть растерянным. Про себя он подумал, что советы отца весьма противоречивы. Если женщины и впрямь столь ничтожны, как же найти среди них достойную-то?

* * *

Войдя в светское общество, Раймонд искренне стремился следовать советам отца, отметив, что женщины похожи на нарисованный им портрет. Суетные и пустые, болтливые и вздорные, они порой вызывали даже оторопь: ему казалось, что они специально прикидываются дурочками. Говорили девицы только о любви, закатывая глаза и вздыхая. И какую же из них выбрать-то? У него — виконта, сына графа Шелдона, была возможность сделать свою супругу виконтессой, а в будущем и графиней, но брак с ним — вот в чём была беда — не мог сделать глупышку умной.

Посетив пару званых вечеров, Раймонд утомился, ибо был слишком глубок для светской болтовни ни о чём, впрочем, его выручали титул и врожденная светскость. К нему мало кто рисковал обратиться с излишней фамильярностью, но даже если это случалось, молодой виконт всегда умел сказать нечто обтекаемое, приятное и ни к чему не обязывающее.

Теперь, когда лондонский сезон завершился, в город к Пасхе вернулись все знатные семьи. Вечер у Винсента Сейвари знаменовал начало новой весенней кампании сватовства и ухаживаний, открытие сезона в провинции, который обычно продолжался до Рождества. Раймонд надеялся, что на вечере у Сейвари, где впервые соберётся весь цвет общества, ему повезёт больше, чем на званом ужине у Салливанов. В этот вечер хозяева не сильно утомили его — у них не было дочерей, но они так лебезили перед ним, что он подлинно устал. Покидая гостиную и прощаясь с миссис Салливан, уже на лестничных ступенях парадного, виконт чуть посторонился, пропуская в дверях какого-то офицера, и тут взгляд его неожиданно упал на девушку, сопровождавшую пятидесятилетнюю, очень полную и явно нездоровую женщину, которую она называла миссис Грэхем и заботливо усаживала в старенький обшарпанный экипаж. Он почему-то не заметил её за столом, впрочем, вспомнил он, она сидела за вистом у окна, но не поворачивалась.

Девушка была в неброском бледно-розовом платье, на лебединой шее выделялась только нитка недорогого жемчуга. Черты — необыкновенной, точёной правильности — казались бы мраморными, если бы не огромные серые глаза, глубокие и удивительно живые, нежные розовые губки и прекрасные густые волосы цвета выбеленного льна. Проводив её взглядом, чуть прикрыв глаза, Шелдон представил розовые жемчужины на сером шёлке. Да, розовый жемчуг в каплях весеннего дождя...

Но кто она? Осторожно поинтересовавшись у миссис Салливан, кто сопровождает миссис Грэхем, он узнал имя той, что неожиданно привлекла его внимание. Мисс Патриция Монтгомери. Ему в нескольких довольно путаных словах поведали грустную историю несчастной миссис Грэхем, потерявшей прелестную дочь, обещавшую стать подлинным украшением общества. Если бы ни милосердие покойного сэра Джереми, несчастная миссис Грэхем и вовсе осталась бы на старости лет одна, но теперь её и бедного молодого мистера Грэхема поддерживает мисс Пэт. Приданного у мисс Монтгомери нет, и от Грэхемов она

ничего не получит — их состояние тает, мистер Гэмфри не может заниматься делами... Мисс Пэт — приживалка...

Шелдон мало что понял из этих невнятных объяснений, но неожиданно вспомнил — очень отрывочно и смутно, что уже видел её когда-то в отрочестве, но где и при каких обстоятельствах — вспомнить не смог. Но что он делает? Он безумец. Отец назвал тех, среди которых он может выбирать. Она бесприданница, к тому же может оказаться пустышкой дурочкой. Он не может оскорбить выбором отца. Первая встречная! Это вздор. Шелдон поморщился. Он просто... что лгать себе-то? Он хочет женщину — и готов в первой же увидеть красавицу. Это сумасшествие и телесный голод. Шелдон уже с трудом справлялся с собой, с желаниями, становящимися всё навязчивей и тягостней. Но был твёрд. Всё вздор. Красота лица не залог здравомыслия. Что он знает о ней, чтобы увлечься? Нелепость. Отец ни словом не обмолвился...

Раймонд понимал, что отец не случайно обозначил ему круг претенденток, «достойных продолжить его род». Это было приказание отца — сыну. Он исполнит то, что приказал отец. Воля отца незыблема — по Божественному праву и по праву любви. «Слава человека — от чести отца его, и позор детям — мать в беславии. Сын! Прими отца твоего в старости его и не огорчай его в жизни его. Оставляющий отца — то же, что богохульник, и проклят от Господа раздражающий мать свою...»

Но не только Писание руководило Раймондом. Он любил отца — любовью застенчивой и трепетной, нежной и заботливой, и огорчить его даже пустяком — не мог. А выбор невесты пустяком не был. Первая встречная... «приживалка», промелькнули в памяти пренебрежительные слова миссис Салливан. Раймонд болезненно поморщился. Господи, зачем так... зачем это всё... Завтра вечер у сэра Сейвари. Не думать. Случайное впечатление. Игра света, плотский голод, искушение дьявольское.

И Раймонд запретил себе любое помышление о девице.

Но он закрывал глаза — и снова видел розовый жемчуг в каплях весеннего дождя на струящемся сером шёлке.

в которой пересекаются взгляды и сталкиваются расчеты весьма многих юных леди и джентльменов, но эти столкновения и пересечения не позволяют пока сделать никаких выводов.

В этот вечер дом сэра Винсента Сейвари поражал великолепием. Всё, от украшенных гирляндами садовых дорожек до роскошных праздничных ливрей лакеев, говорило о богатстве хозяина, и должно было внушить гостям — разумеется, мужского пола — мысль о том, как хорошо стать зятем владельца такого дома.

Гости съезжались. Хозяин галантно представлял Шелдону прибывающих, тот был изысканно вежлив, но эта вежливость не таила восторга. Девицы были прекрасно одеты, но снова не блистали ничем, кроме дорогих украшений. Он заметил, что мода здесь была свободней той, что он видел в Кембридже, декольте дам глубже, из-под платьев даже чуть виднелись туфельки. Между тем сам молодой виконт был объектом сугубого интереса.

— Знаешь, Эмили, миссис Салливан сказала, что она ещё никогда не видела юноши, красивее молодого мистера Шелдона. Говорит, он похож на юного бога, — мисс Лилиан Лавертон восторженно зажмурилась.

Мисс Лилиан, у которой было всего двадцать тысяч приданого, была девицей наивной и нежной, при этом — чувствительной и щепетильной. Она прочла несколько сотен книг из отцовской библиотеки, и это дало ей основание думать, что она необычайно глубоко судит о людях и событиях. Лилиан всегда делилась мыслями с Эмили Вудли, особой, читавшей комедии Конгрива и стихи Поупа и удивительно хорошо игравшей на фортепиано. Общество требовало от девиц чистоты и скромности, им положено было очень многого не понимать, но если некоторые барышни прекрасно умели делать вид, что многого не понимают, то мисс Лавертон и мисс Вудли искренне полагали всех мужчин — воплощением благородства и придавали огромное значение изысканности манер и тонкости вкуса.

Сейчас мисс Вудли с некоторой долей высокомерного торжества проронила:

— Это справедливо, поверь, дорогая Лили, он необычайно хорош собой.

Глаза мисс Лавертон широко распахнулись.

— Ты уже видела его, Эмили?

— Да, он с милордом Брайаном был с визитом у моего отца и, когда он уезжал, мне удалось мельком увидеть его.

На самом деле мисс Вудли, едва завидев карету Шелдонов у их дома, специально направилась в ближайшую лавку, где пробыла, прильнув к оконному стеклу, почти четверть часа, а потом, видя, что гости откланиваются, якобы случайно вернулась домой именно в это время. Тут-то ей и удалось разглядеть молодого виконта.

Лилиан посмотрела на подругу с восторженным любопытством.

— Ну, и?..

— Красавец. Рост шесть футов, волосы как ночь, а глаза — как небо Италии! А его сюртук, жилет, шейный платок так дороги и изысканны! А какая трость с набалдашником из слоновой кости!

Мисс Лавертон снова мечтательно зажмурилась. Боже мой!... Когда она открыла глаза,

в трёх шагах от неё стоял писанный красавец со жгуче-чёрными волосами, похожий на сказочного принца, с мягкой улыбкой взиравшего на замечтавшуюся девицу. Мисс Лавертон ахнула, обернулась к мисс Вудли, и по тому, как Эмили смотрела на юношу, поняла, что это и есть молодой виконт Шелдон.

Когда его отрекомендовали юным особам, Раймонд галантно улыбнулся дурочкам и тут заметил, как в зале появился Рудольф Томпсон, тридцатисемилетний вдовец, который окинул мисс Лавертон взглядом, исполненным тошнотворного обожания. Их представили друг другу на одном из первых званых вечеров, куда попал Шелдон, и там-то Раймонд впервые услышал про влюблённость этого немолодого уже человека в юную мисс Лилиан. Ему рассказали, что первая жена мистера Томпсона умерла родами, умер и ребёнок. Такая трагедия не могла не вызвать сочувствие виконта, но теперь, увидев мисс Лавертон, он искренне удивился, как столь зрелый человек может восхищаться подобной особой. Девица была недурна собой, но изрекаемые ею сентенции так резали ухо Шелдона, что плениться ею мог, по его мнению, только глупец.

Когда Раймонд высказал это мнение отцу, ибо никому другому он не решился бы сказать такое, — милорд Шелдон усмехнулся и пробормотал, что зрелость избавляет от глупости только некоторых, для большинства же становится копилкой сумасбродств. Но его сиятельство тут же одернул сам себя и добавил, что женская глупость — вещь не безусловная. «Женщина, которая знает разницу между фракком и панталонами своего мужа — уже может считаться умной. И потому, сэръ, — жёстко обронил напоследок сыну милорд, — я посоветовал бы вам не умничать, а подыскивать себе супругу». Раймонд вздохнул и обречённо кивнул. «Да, отец», и тут же неожиданно поймал на себе взгляд отца, исполненный любви и гордости. Милорд подлинно не смог скрыть радости: сколь разумен его мальчик, сколь великими достоинствами одарил его Господь! Но, заметив, что сын поймал его взгляд, милорд торопливо отошёл.

Раймонд несколько минут с нежностью думал об отце, потом неожиданно услышал за спиной разговор двух девиц, которых раньше не видел, и осторожно отойдя, будто невзначай обернулся. Одна из них, приятная особа, правда, с несколько длинноватым носом, слушала другую, чей носик, напротив, был излишне вздернут. Курносенькая взахлёб рассказывала:

— Если во время новолуния на луну посмотреть через шёлковый платок, который никогда прежде не стирали, то шёлковые нити преломят свет, так что вместо одной луны ты можешь увидеть несколько. Так вот, сколько лун ты увидишь — через столько лет и выйдешь замуж, Рейчел!

— А ты так пробовала, Элиза?

— Да, и увидела только одну луну!

Шелдон закусил губу, чтобы не рассмеяться, девицы между тем продолжали болтать. Длинноногая Рейчел спросила курносенькую Элизу, прошли ли судороги в ноге у миссис Рей? Та ответила, что ей посоветовали, чтобы избежать судорог, обвязать ногу высушенной кожей угря. Кстати, в угря превращается конский волос, упавший в воду, ты знаешь об этом? Шелдон закатил глаза в потолок. О, Боже! А он-то по наивности счёл мисс Лилиан Лавертон дурочкой! Да по сравнению с неизвестной ему Элизой мисс Лилиан могла бы быть членом Лондонского королевского общества.

Тут в роскошных туалетах появились дочери хозяина. Старшая мисс Сейвари — Сесили — не отличалась красотой, но её отсутствие в какой-то мере искупалось мягкостью взгляда и общей грацией, в чертах её можно было различить впечатлительность и ранимость, лицо

же мисс Глэдис, младшей, при внешнем сходстве с сестрой, было заметно обезображено оспинами. Никакой близости между сестрами не замечалось. Они не любили друг друга, но вызвано это было не столько соперничеством, сколько расхождениями в суждениях и взглядах. Мисс Сейвари полагала, что Глэдис нередко высказывает мнения, заставляющие усомниться в её моральных устоях, а Глэдис считала старшую сестру лицемерной ханжой и кривлякой.

Сейчас Сесили, присев рядом со своей подругой мисс Энн Гилмор, миловидной девицей, только недавно вернувшейся из престижного столичного пансиона, поделилась с ней впечатлением о молодом Шелдоне и Вивьене Тэлботе, которые сегодня были в их гостиной впервые. По её мнению, манеры молодых людей были прекрасны. Доход мистера Шелдона свыше пятнадцати тысяч, подумать только! А как красив... «Но, боюсь, — заметила она с горечью, — достанется он нашей красотке Коре. Её мать зачастила с визитами к милорду Брайану, её экипаж каждый третий день стоит перед Шелдонхоллом...»

— А как хорош мистер Тэлбот! — восхитилась мисс Гилмор. — Его мать недавно рассказывала леди Диллингем о сыне. У него такие значительные интересы, он так образован, так умён! — Энн ещё не приобрела умения скрывать свои мысли, суждения её свидетельствовали о чистоте души и недостатке опыта. А возможно, именно недостаток опыта позволял ей мыслить столь чисто.

Сесили заметила подруге, что она не доверялась бы в столь важном вопросе пристрастному суждению матери, но мистер Тэлбот и ей показался истинным джентльменом. Однако серьезных надежд на этих молодых людей мисс Сейвари не возлагала: она выезжала уже третий сезон и, будучи весьма здравомыслящей, понимала, что сейчас, когда в свет вышла Кора Иствуд, её шансы на замужество стали ещё меньше.

Мисс Эннабел Тэлбот, сестра Вивьена, прогуливаясь по залу с мисс Глэдис Сейвари, тоже внимательно разглядывала из-под роскошного веера присутствующих молодых людей. Взгляд её с деланным равнодушием скользил по незначительному лицу Лоренса Иствуда, по силуэту брата, разговаривавшего с Шелдоном, по толпе молодых людей у камина, но поймать заинтересованные взгляды мужчин ей не удавалось. Равно молодые люди отводили глаза и от мисс Глэдис.

Вивьен был прав, полагая, что замужеством его сестрица сможет похвалиться нескоро. Тридцать тысяч — это неплохо, и если в придачу к ним подается лёгкий нрав, обворожительная улыбка и кое-что в вырезе платья, притягивающее взоры мужчин, тогда отбоя от желающих и в самом деле не будет, но увы! Высокомерная и эгоистичная, Эннабел была неумна и никак не могла взглянуть на себя здраво. Глэдис, однако, полагала её суждения верхом здравомыслия.

— Твой братец, Эннабел, безусловно, человек большого ума и обаяния, — проговорила Глэдис, следя глазами за мистером Тэлботом, который галантным поклоном приветствовал мистера Чилтона. — Мне, признаться, всегда нравились блондины.

Эннабел, несмотря на отсутствие ума, некоторые вещи понимала прекрасно. Но, поняв намек подруги, не могла пойти ей навстречу. Она знала предпочтения брата и понимала, что на Глэдис Сейвари Вивьен не обратит внимания никогда. Тем более что накануне он заметил матери, что мисс Иствуд и впрямь очень хорошенькая, и он не прочь жениться.

В эту минуту в ослепительном платье у входа в зал возникла мисс Кора Иствуд.

Она прошла по залу к старшей мисс Сейвари, к ней тут же подошёл Вивьен Тэлбот, приглашая на два первые танца. Кора взглянула на него и приняла приглашение, но взгляд

её, пробежав по залу, остановился на Раймонде Шелдоне, который беседовал с хозяином вечера. Сэр Винсент сделал это нарочито, глубокомысленной беседой задержав около себя лучшего жениха графства. Мимо них прошла мисс Эннабел Тэлбот, словно разыскивая брата, но сэр Винсент, разгадав её уловку, буквально силой увлёк молодого Шелдона в другую залу. Впрочем, Раймонд подчинился охотно — длинноносая мисс Тэлбот просто пугала его. Он понимал, что в результате окажется в паре со старшей мисс Сейвари, но это, в его понимании, и то было лучше.

Сэр Винсент действительно как бы случайно подвёл его к своей старшей дочери. Шелдон улыбнулся и учтиво протянул ей руку. Рядом встал Тэлбот в паре с мисс Иствуд, Лоренс Иствуд пригласил мисс Гилмор. Заиграла музыка, и тут Тэлбот неожиданно увидел, как в зал вошёл Джулиан Монтэгю.

Но Вивьену было не до Монтэгю. Обаяние мисс Иствуд кружило ему голову, Вивьен ощущал, что увлекается гораздо больше, чем мог предположить, но не видел в этом ничего опасного. Он блистал остроумием, делал всё, чтобы понравиться, и ему казалось, что он отнюдь не противен. Между тем сама мисс Иствуд неожиданно тоже обратила внимание на вновь вошедшего и спросила своего партнёра, кто тот молодой человек, что стоит рядом с мистером Чилтоном? Монтэгю и впрямь выделялся из толпы мужчин: его смуглое, довольно приятное лицо с резкими чертами привлекало взгляд, в глазах — выразительных, странно очерченных, чуть удлинённых — было что-то мечтательное и одновременно мятежное. Густые тёмные волосы, сколько он ни приглаживал их, лежали в некотором беспорядке, а крупный нос с резкой горбинкой сообщал лицу нечто бунтарское, смягчавшееся, однако, улыбкой красивых губ — красивых, когда их не портило часто появлявшееся на них брезгливое выражение.

Тэлбот поморщился и сказал мисс Иствуд, что это мистер Монтэгю-младший, юрист. Мисс Иствуд, заметив, что её партнёр не хочет говорить о Монтэгю, решила позднее расспросить о нём брата, но тут же отдернула себя. Она взглянула на виконта Шелдона — вот кому надо понравиться. При этом Тэлбот, увлечённый мисс Иствуд, не замечал взгляда Энн Гилмор, которым она, танцевавшая в паре с Лоренсом Иствудом, всё время провожала его.

Остальные девицы не спускали глаз с Шелдона, но... было и исключение. Юная мисс Элизабет Харди нашла молодого виконта совершенно недостойным внимания любой романтической девушки. Говорил он какой-то непонятный вздор, был холоден, бесчувственен и полностью лишён обаяния. Другое дело мистер Тэлбот, вот это и впрямь — истинный джентльмен, как обходителен, как галантен!

по сути, продолжение предыдущей. В ней Шелдон трижды приглашает разных девиц на танец, а после именуется глумцом.

Когда танец закончился, Вивьен заметил, что Раймонд Шелдон, проводив свою партнершу к отцу, невозмутимо поприветствовал Монтэгу, тот также сдержанно поклонился в ответ, потом они разговорились. Тэлбот не знал, что Монтэгу и Шелдон знакомы, но потом вспомнил, как Джулиан говорил, что закончил Кембридж.

Раймонд был рад встрече со своим бывшим университетским знакомым, — настолько одиноким он себя чувствовал. Он хорошо знал Монтэгу. Склонность Джулиана к вещам предосудительным претила ему, однако, когда Монтэгу уставал от мятежей против морали, с ним было интересно поболтать: он был начитан, даровит, умён. При этом Джулиан, вечный оппонент Шелдона и задира, сейчас тоже улыбнулся Раймонду почти дружески — ему приятно было видеть знакомое лицо в новом для него обществе. Но разговор был недолгим. Лоренс провел мимо виконта свою красавицу-сестру, и вскоре Шелдон оказался в паре с мисс Иствуд. Став в общий ряд, Шелдон неожиданно увидел, как при виде мисс Иствуд скулы на лице Монтэгу вдруг обострились, и сквозь смуглую кожу Джулиана проступил пунцовый румянец. Было заметно, что кровь его вспыхнула, он буквально пожирал мисс Иствуд глазами, равно отметил Шелдон и впечатление, которое девица производила на Тэлбота. Но сам Раймонд почему-то оставался холоден. Да, мисс Кора была хороша, но этой красоте недоставало той утончённости, которой пленила его Девушка в розовом. Не нравилось ему и поведение мисс Иствуд — слишком раскованное и свободное.

— Как вам понравилось местное общество, мистер Шелдон? — спросила тем временем мисс Кора, давая ему возможность галантно заметить, что сейчас он видит перед собой его лучшее украшение, как сказал в ответ на эту реплику мистер Тэлбот.

Раймонд, однако, заметил, что пробыл здесь слишком недолго и пока затрудняется вынести какое-либо суждение. Мисс Иствуд не роняла смешанных его глупых фраз, но спрашивала о том же, о чём, как он слышал, только что говорила с Тэлботом. Он отвечал сдержанно и вежливо, не стремился ни понравиться, ни произвести впечатление, был осторожен и осмотрителен — и по совету отца, и потому, что ему запала в сердце другая, а ещё потому что за короткое время пребывания в родном городе уже успел приглядеться к родне мисс Иствуд — её матери и братцу, и не мог сказать, что пришёл в восторг. Миссис Иствуд, мать Кору, была достаточно пустой особой, раздражительной и вздорной, но это было пустяком в сравнении с откровенной порочностью её брата — расточительного, лицемерного и, кажется, весьма развращённого человека. Могла ли подобная обстановка и такие люди воспитать в этой особе ум и твёрдые нравственные принципы? Сомнительно.

После буланже к виконту подошёл Вивьен Тэлбот, подводя сестрицу. Шелдон тихо вздохнул, понимая, что этого всё равно не миновать, и поклонился мисс Эннабел, приглашая её на следующий танец. Вглядевшись в лицо партнерши, ощутил, как по коже пробежала противная дрожь. Раймонд иногда позволял себе в полночных мечтах раздеть женщину, но тут почувствовал, что подобные греховные мысли, пусть и в фантазиях, ничего волнующего не принесут. Полуобнажённые руки и плечи мисс Эннабел были усеяны мелкими

крапинками родинок и странных шероховатостей, а взглянув в лицо девице, он заметил, что если мисс Тэлбот высунет кончик языка меньше чем на дюйм, она запросто достанет до кончика носа. Чтобы прогнать эти дурацкие мысли, Раймонд попытался галантно улыбнуться своей партнерше и тут с ужасом обнаружил, что, хотя правый глаз девицы смотрит на него, её левый глаз устремлён куда-то в другую сторону. В эту минуту Шелдон с ностальгией вспомнил не только красавицу Кору, но даже мисс Сесили Сейвари — и та была прекрасна по сравнению с этой особой.

Танец казался бесконечным, и когда музыканты наконец смолкли, Раймонд возблагодарил Бога.

Достаточно привлекательной показалась Шелдону мисс Гилмор, милая шатенка с карими глазами, в поведении которой не было ни излишнего кокетства, ни навязчивой разговорчивости, но пару раз он подметил её грустные взгляды в сторону Тэлбота, всецело занятого Корой Иствуд.

После того, как сам Шелдон оказался партнёром всех девиц, скрипачи вновь заиграли контрданс. Кого он пригласит второй раз? Девицы затаили дыхание. Кору Иствуд? Тут Шелдон неожиданно вздрогнул, заметив в компании пожилых дам её — встреченную им у Салливанов Девушку в розовом, Патрицию Монтгомери. Это имя впечаталось в память. Теперь она была в бледно-зелёном платье, которое тоже удивительно шло ей. Она сидела рядом с миссис Грэхем, глядя не на танцующих, но в темноту за окном, и свечи в напольном канделябре бросали на её белокурые волосы странный отблеск, казавшийся сияющим нимбом, окружавшим её головку и изящные, точно выточенные из слоновой кости, плечи.

Раймонд, внутренне затрепетав, подошёл к девице и пригласил её, заметив, что она робко взглянула на миссис Грэхем, но та, восхищённо взирая на прекрасного юношу, не заметила взгляда Пэт. Сама мисс Монтгомери, побледнев от удивления и страха, на дрожащих ногах прошла с Шелдоном на середину зала. Она знала, что в своём платье в глазах всех богатейших наследниц графства выглядит нищенкой, и старалась быть как можно незаметнее. Раймонд, оказавшись в паре с предметом своего интереса, чувствовал, как её холодная мраморная рука леденит его ладонь, он не знал, как себя вести, все галантные фразы вылетели у него из головы, он не мог отвести взгляда от завораживающей красоты девушки. Сердце его стучало гулко и лихорадочно. Растерянная и побледневшая мисс Монтгомери была грациозна, но немного скованна, и оттого, что удостоилась приглашения того, о ком восторженно говорили все девицы и их матери, ещё больше волновалась. Шелдон, опуская глаза, иногда останавливал взгляд на её бело-розовой груди, и его дыхание пресекалось, обжигая душу, по телу проходила волна пламени.

Музыка смолкла, и Раймонд очнулся. Глупец! Ну почему он не заговорил с ней? Что с ним? Его ум профессор Хоуп называл утончённым. Знать бы, что порождением самого утончённого разума может быть самое причудливое безрассудство! Раймонд почти не мог дышать, темнело в глазах, голова шла кругом. Что за вздор? Наваждение какое-то. Почему какая-то девица, которую он и видит-то второй раз в жизни, вдруг так заморозила его, приобретя над его душой ничем не оправданную власть? Красота её, бросившаяся в глаза Раймонду, похоже, никем, кроме него, не замечалась. Может быть, ему просто мерещится? Шелдон беспомощно оглянулся на девицу. Нет, не мерещится. Такие лица он видел в Лондоне — в музейном греческом мраморе. Но все почему-то прославляли красоту Кору Иствуд — если разобраться, просто кукольно-смазливое личико и ничего больше.

Нет, мисс Патриция была прекрасна, как Афродита, вышедшая из розово-белой пены

Адриатики, как лилейный лунный диск, отраженный в серебряных зеркалах, как мрамор Пароса, опал и жемчуг... Ничего ему не мерещилось. Но это всё равно ничего не объясняло. Почему он теряет себя, почему не может быть собой, глядя на неё? Безумие, вот что это такое. «Возьми себя в руки, идиот», приказал себе Шелдон. «Что с тобой происходит?»

Он постарался овладеть собой. Музыканты заиграли снова. Все матери опять затаили дыхание. Шелдон не мог пригласить мисс Монтгомери ещё раз, это нарушение этикета было бы немедленно подмечено пожилыми дамами, разместившимися на удобных диванах в танцевальной зале, но приглашать мисс Иствуд не стал. Это могло породить надежды, которых Раймонд, памятуя отцовские наставления, внушать отнюдь не хотел.

Молодой виконт медленно прошёл по залу и приблизился к компании мужчин, где громко высказывался адмирал Салливан, обратившийся к нему с вопросом, как он смотрит на события во Франции? Пожилые люди определяли мнение общества, и проявить неуважение или невниманье к старшему было более чем неприлично. Раймонд не любил кривить душой и высказался категорично. По его мнению, произошедшее на континенте — безбожное безумие парвеню, жаждущих патрицианских привилегий. Но глупо думать, что это переменит мир. Можно поменять плебеев и патрициев местами, но плебеи останутся холуями и в роскоши, аристократ будет собой и в лохмотьях. Если же, паче чаяния, произойдет внутренняя перемена — и вчерашние парвеню или хотя бы их внуки обретут подлинный интеллект, благородство и силу духа, а нынешний аристократизм деградирует — ну и что это даст? Мир останется поделённым всё на тех же плебеев и патрициев...

Сам Шелдон полагал, что вообще-то светская аристократия, патрицианство крови — это всего-навсего наличие денег в одной семье на протяжении нескольких поколений, дающее возможность покупать лучших учителей, лучших врачей и лучших женщин в жёны своим отпрыскам. С течением времени кровь облагораживалась, удлинялись лбы и пальцы, утончались вкусы и манеры, ум становился изощреннее. Сам же он предпочитал истинную знать — аристократию духа — природное благородство, не позволявшее человеку утратить честь ни при каких обстоятельствах. Аристократия, элита нации, необходима. Бунты же плебса всегда сводились к попытке поменяться местами со знатью, и в основе этих дурных притязаний лежала обыкновенная зависть — невольное признание чужого превосходства, злоба на собственную обделённость да стремление к животному самоудовлетворению.

Шелдон заметил, что Монтэгу, выслушав его, покосился на него с тонкой улыбкой, Иствуд — с явным раздражением, Тэлбот — безучастно, зато адмирал одобрительно покивал головой и пробормотал, что завидует милорду Брайану. Иствуд же нервно заметил, что события во Франции всё же всколыхнули Европу и многому учат. В этом не было демарша, Лоренс просто был раздражён поведением Шелдона, не пригласившего вторично Кору, тот же в ответ заметил, что не понимает, какие уроки можно извлечь из бунта нотариусов и адвокатов, равных по значимости тысячам невинно убиенных. Этот пошляк Вольтер утверждал, что «наступит день, когда у руководства встанут философы. Готовится царство разума». Вот это оно и наступило? Но, ему, Шелдону, кажется, что Разум должен проявлять немного больше уважения к своему вместилищу — человеческим головам, между тем первым изобретением этого царства Разума стала гильотина.

Кора тоже была удивлена поведением Шелдона, его сдержанностью и спокойствием. Он, правда, никому из девиц не выказал никакого предпочтения, но она уже привыкла к тому, что преимущество всегда оказывалось за ней. Она продефилировала перед мужчинами, краем глаза заметив, как пожирает её глазами Тэлбот и как побледнел стройный смуглый

юноша, стоявший рядом с Шелдоном, которого ей представили как мистера Джулиана Монтэгу. Она снова внимательно взгляделась в него. Он напомнил ей вдруг её детскую фантазию: итальянского красавца-пирата, грозу морей, который брал на abordаж судно с золотом испанской короны и прекрасной принцессой на борту. Кора заметила, что Шелдон смотрит в её сторону, и чтобы позлить его и заставить ревновать, улыбнулась мистеру Монтэгу и, слегка стиснув веер в правой руке, свернула его, сжав пальцами левой. Монтэгу вспыхнул. Виконт же чуть прикрыл глаза, сохраняя на лице улыбку. Мисс Иствуд только что предложила Монтэгу быть смелее, дав ему понять, что он не противен и вполне может подойти.

Язык галантности мужчины понимали ничуть не хуже дам.

Джулиан Монтэгу поспешно отошёл от компании мужчин и пригласил мисс Кору. До этого он вообще не танцевал. Тэлбот, заметив, что мисс Иствуд приглашена Монтэгу, поморщился и, пока они танцевали, не спускал с них мрачных глаз. Внимательно смотрел на танцующих и Раймонд — с улыбкой. Монтэгу всегда был великолепным танцором, ещё в Кембридже удивляя их на вечеринках грацией и удивительной пластикой, а что удивляться, французская кровь и за столетия в Англии не свернулась — и сейчас Шелдон просто любовался этой парой. Было заметно, что и мисс Иствуд отметила изящество своего партнера и даже несколько раз посмотрела на него с восхищением. Теперь мистер Монтэгу напомнил ей не менее любимых, чем пираты, рыцарей Круглого стола.

в которой Раймонд Шелдон признаётся в любви к старине, а Джулиан Монтэгу заявляет о том, что весьма дорожит своей репутацией.

В зале снова появился милорд Брайан Шелдон и тихо примкнул к небольшому избранному кругу своих ближайших друзей, состоявшему из весьма любопытных особ. То были сэр Остин Чилтон, состоятельный и неглупый человек, почти всю жизнь проживший в Италии и Франции, леди Френсис Холдейн, для друзей — просто Фанни, мудрая и более чем зажиточная вдова, похоронившая двух мужей, мисс Летиция Хилдербрандт, особа богатая, но настолько умная, что мужа ей просто не нашлось, и полковник Габриэл Карбэри, весьма обеспеченный жуир, казалось, не склонный затруднять себя размышлениями, что, однако, не говорило о его природной неспособности к оным.

Миссис Френсис была весьма консервативна, мисс Летиция, напротив, отчаянно радикальна, джентльмены же примыкали то к той, то к другой стороне — в зависимости от того, обсуждались ли тонкости приготовления абрикосового джема или причины робеспьеровского бунта на континенте. Одним лишь взглядом мисс Хилдербрандт умела достичь большего, чем другие — самой тщательно разработанной сплетней. Словом же могла убить любую репутацию. Леди же Холдейн не занималась ниспровержением репутаций — она их создавала. Правда, иногда те, кому было создано подобное реноме, предпочитали покинуть общество. Миссис Френсис и мисс Летиция при этом, что редко случалось в обществе, были искренне привязаны друг к другу.

Пока молодежь веселилась, они вчетвером составили партию в вист, но приход Шелдона расстроил игру. И сэр Чилтон, и мистер Карбэри выразили недовольство его опозданием, но леди Холдейн и мисс Хилдербрандт перебили их брызжание восторгами по поводу его сына и наследника.

— Ваш мальчик так красив, Шелдон, что даже у нас с Летицией голова идёт кругом, — томно заметила леди Холдейн.

Брайан Шелдон не смог скрыть улыбку, почувствовав себя подлинно растроганным. Раймонд был предметом его тайной гордости, и восхищение сыном, столь откровенно выраженное, было ему приятно.

— Как он держится, Фанни?

— Ну, впервые вступая в свет, Шелдон, молодые люди должны быть застенчивы или даже неловки: ранняя уверенность в себе и чрезмерная непринужденность обычно оборачиваются наглостью. Ваш сын держится величаво, и только опытный глаз угадает в его величии некоторую скованность. Для всех остальных его сдержанность выглядит ещё большим достоинством, — она помолчала и по недолгом размышлении добавила, — ещё по отроческим склонностям человека ясно, в чём проступит его достоинство и чем он будет возвышен, равно видно в иных то, что приведёт их к падению, — глухо проговорила она, глядя куда-то в глубину зала. Сэр Чилтон с удивлением заметил, что она провожает сумрачным и угрюмым взглядом сына покойного Мортимера — красивого и обаятельного Вивьена Тэлбота. Сам он с неприязнью оглядывал сына Этьена Монтэгу, Джулиана. Он достаточно слышал о нём, чтобы насторожиться. Развратный и порочный, сейчас он

крутился вокруг его крестницы Кору Иствуд.

Но от этих опасений его отвлек вопрос мисс Летиции, заданный Шелдону.

— И какие у вас планы на сынка, ваше сиятельство? — осведомилась мисс Хилдербрандт.

— Женить, разумеется.

— «Господом утверждаются стопы праведника, и Он благоволит к пути его. Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба», — процитировал сэр Остин тридцать шестой псалом. — Вы всегда старались поступать по-божески, Брайан, и не допустит Господь, чтобы потомство ваше было в упадке.

— Если бы это всегда было истиной, — вмешалась мисс Хилдербрандт. — Вон, взгляните, Чилтон. Дочь праведника.

Она показала глазами на миссис Грэхем, чуть задремавшую в креслах у камина.

— Бог мой, Амалия Грэхем? — тон сэра Остина был непередаваем.

— Да не Амалия, — миссис Хилдербрандт тоже брезгливо наморщила нос. — Рядом с ней, приживалка, молоденькая Монтгомери. Её отец, спасая свой полк, собой пожертвовал — и что? «Не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба»? Так посмотрите, Остин.

Лорд Брайан удивился. Дочь Реджинальда Монтгомери? Они были знакомы. Настоящий джентльмен. Мужчина. Герой. Он и не знал, что тот оставил дочь. Граф внимательно оглядел бледную, очень скромно одетую девушку. Отметил аристократизм и грацию. Хорошенькая, но Бог мой, платье-то, платье... Обноски. Да, Реджинальд, видимо, оставил дела в запутанном состоянии.

— А что его супруга? Почему рассталась с дочерью?

— Бедняжка Джейн... — махнула рукой мисс Летти, — она едва успела договориться с Грэхемом, знала, что в чахотке. Потому и спешила пристроить дочь. Она умерла, кажется, через месяц после того, как Джереми взял девочку.

Лорд Брайан снова бросил взгляд на девицу. Платье её было сшито из салатного муслина, очень дешёвого. Кроме нитки жемчуга, тоже дешёвого, никаких украшений не было. Бедная сиротка. Грэхемы не умирают с голоду, но от Амалии девочка даже подачки не дожждётся. Он наклонился к Фанни и попросил разузнать о положении и поведении девицы. «Если она благонравна, её можно пристроить, мы могли бы собрать приданое. Это минимум, что мы должны ради Реджинальда. Я дам тысячу фунтов». Леди Холдейн кивнула. «Хотя это и не срочно. Сколько ей, семнадцать, восемнадцать? «Да, около того».

До сих пор молчавший полковник Карбэри призвал было всех к новой партии, но тут мимо милорда Брайана прошёл мистер Вивьен Тэлбот с сестрицей, и Шелдон-старший вздрогнул почти так же, как час назад его сын. «О, Господи, это и есть та самая «милая девушка», которую так расхваливала миссис Тэлбот? Интересно, есть ли хоть слово правды в рассказах остальных? А это кто? О, Боже, Софи Радстон! Откуда она взялась? Ведь и трёх месяцев не прошло, как овдовела. Ни стыда ни совести. Отравила жизнь несчастному Невилу, а теперь — кара Божья! — оказалась на мели. И ищет нового мужа. Этого только не хватало. Надо предупредить Раймонда на её счёт...», — пронеслось у него в голове.

Между тем Раймонд, приложив к тому некоторые старания, стремясь, чтобы они были ненарочитыми и даже — не выглядели стараниями, был представлен миссис Грэхем. Он любезно осведомился о здоровье её сына, мистера Гэмфри. Сам он давно, ещё с отрочества, знаком с мистером Грэхемом, но помнит ли он его? Миссис Грэхем была необычайно

польщена вниманием наследника Шелдонхолла и завершила его, что сын прекрасно его помнит. «Как его здоровье? Я слышал, он болен. Это правда?» «О, да, несчастный случай на охоте... Он всё ещё не может вставать, ваша милость, но немного окреп».

— Могу ли я заехать завтра, узнать о состоянии его здоровья?

Такой учтивости она от него не ожидала и рассыпалась в заверениях о том, какую радость его визит доставит несчастному Гэмфри. Ведь так приятно встретить того, с кем связывают воспоминания детства!..

Шелдон обещал заехать к ним около трёх, после чего отошёл.

Тем временем вниманием публики завладел приглашённый скрипач, но любителей музыки среди гостей оказалось немного. В их числе была, однако, мисс Кора Иствуд, которая, как сказал Лоренс Иствуд Шелдону, расхваливая сестрицу, сама прекрасно играла на арфе и фортепиано. Лоренс был лжив, но в данном случае не лукавил: было заметно, что мисс Иствуд и вправду по душе скрипичные пассажи. Рядом оказался и Монтэгю. Джулиан, как знал Шелдон, превосходно пел по-французски и по-итальянски, обладал приятным мягким баритоном, но сейчас было ясно, что в музыкальный круг его вовлекла страсть не к музыке, но к мисс Коре: он не спускал глаз с её прелестного профиля, любовался чудесными тёмно-пепельными волосами и едва ли слышал скрипача. Таким Джулиана Монтэгю виконт Шелдон никогда не видел.

Не очень многочисленным, но весьма говорливым был в обществе Уинчестера кружок дам и джентльменов средних лет, которые, однако, сторонились друзей милорда Шелдона. Те платили этой компании ответной, хотя и апатичной неприязнью, не достаивали их особым вниманием, не снисходя, впрочем, и до явно выраженного презрения. Представители говорливого кружка не отличались богатством и существенного веса в обществе не имели. Женщины в нём не выделялись красотой, однако считали себя весьма остроумными, мужчины за неимением большого ума одевались несколько шокирующе. Хотя мистер Диллингем был, как говорили, субъектом несколько недалеким и раздражительным, но завязывал шейный платок он так элегантно, что его ставили в пример молодежи. Миссис Грэхем обожала сплетни, но зато никто не мог дать лучший медицинский совет. Миссис Лавертон была немножко болтлива, но все были согласны, что это добрейшая женщина.

Правда, леди Холдейн и мисс Хилдербрандт с этим мнением согласны не были.

Хуже всего было когда, зная высокий уровень осведомленности круга его сиятельства графа Шелдона, миссис Лавертон пыталась почерпнуть оттуда «что-нибудь интересное». Вот и сейчас Раймонд издалека наблюдал, как она незаметно подобралась, точнее, подкралась, к полковнику Карбэри, вышедшему в парк выкурить сигару, и огорошила его приветствием.

Беда была ещё и в том, что миссис Лавертон не очень удачно старалась скрыть следы времени. Нет, она неплохо владела пуховкой, но, закончив свое лицо, она так неумело соединяла его с шеей, что напоминала реставрированную статую с современной головой, приставленной к античному туловищу. Контраст настолько устрасал, что полковник посмотрел на миссис Лавертон несколько испуганно, словно опасаясь, что голова её вот-вот отскочит от дряблой шеи.

— Ах, мистер Карбэри, как я рада встрече! Скажите, не далее как вчера мне рассказывали, что мисс Иствуд безумно увлечена молодым Шелдоном. Но разве можно придавать значение тому, что слышишь! Так ли это?

— Возмутительные сплетни.

— Разумеется, просто стыд говорить подобное! Но свет привередлив.... Боже мой, кто бы, например, позволил себе заподозрить миссис Гилмор в опрометчивом поступке? Однако люди так злы, они рассказывают, будто она буквально навязывает молодому Шелдону свою дочку? Это правда?

— Я могу вам поручиться, что этот рассказ ни на чём не основан.

— Да? А эти слухи о леди Радстон? Говорят, что более развращённой особы свет не видывал! Вогнала мужа в гроб, несколько раз вытравила плод, лишь бы сохранить фигуру... Но справедливо ли это? Ведь разнузданность, с которой некоторые сочиняют небылицы, поистине чудовищна.

— Да, но, по-моему, разносчики сплетен нисколько не лучше их сочинителей.

— Безусловно. Это старое утверждение и очень верное. Но что поделаешь! Как вы запретите людям говорить? Сегодня миссис Диллингем уверяла меня, что мистер Салливан недавно угрожал сыну лишением наследства. Но, Боже мой, неужели вы думаете, что я стала бы передавать эти рассказы!

— Ах, миссис Лавертон, — не выдержал полковник, почти не скрывая злого сарказма и раздражения, — если бы все обладали вашей сдержанностью и добрым сердцем!

Он сумел всё же отделаться от навязчивости старой сплетницы и примкнул к друзьям. Сюда же подошёл и Раймонд Шелдон. Странно, но ему нравились друзья отца, он чувствовал себя с ними куда лучше, чем с Тэлботом и Иствудом. Только леди Холдейн иногда несколько шокировала его слишком откровенной прямоотой суждений и удивительной прозорливостью. Впрочем, возраст давал ей такое право.

— Это хорошо, что вы не избегаете стариков, Раймонд, — заметил сэр Остин, тасуя карты, — у нас можно кое-чему научиться...

— Бросьте, Чилтон, — насмешливо перебила его леди Холдейн, — старики учат молодых старости.

— Ну, что вы, миледи, — изумлённо возразил Раймонд, — как можно? Люди Опыта учат наизабавнейшим вещам. Помню, как я смеялся, листая советы милорда Честерфилда, когда он рекомендовал своему сыну много читать, причём требовал не терять даже тех коротких минут, которые тому приходилось проводить за отправление естественных потребностей; в эти минуты он рекомендовал сыну перечитать одного за другим всех латинских поэтов: покупать какое-нибудь дешёвое издание Горация, вырывать из него страницы две и уносить их с собою, где сначала читать их, а потом уже приносить в жертву Клоацине. Честерфилд утверждал, что любая книга, прочитанная таким образом, очень отчетливо запечатлется в памяти. Разве не забавно? Правда, сам я советом милорда так и не воспользовался. Что-то в нём показалось мне... грубым.

Милорд Брайан насмешливо заметил:

— Не выделяйтесь чрезмерной утончённостью, Раймонд, — где тонко, там и рвётся...

— Простите, отец, — мягко улыбнулся Шелдон. — Я просто думал, что стихи можно приносить только на алтарь любви или скорби... но в ночной горшок? К тому же — рвать книги, помилуйте...

Мисс Летиция спросила, пробовал ли он сам свои силы на литературном поприще? «Неужели ни разу не написал мадригала в честь красавицы?» «Нет, он недостаточно ещё знает женщин...»

— Ну, для написания стихов о дамах — чем меньше знать их, тем лучше. Получится и глубже, и тоньше.

— Я полагала, Раймонд, — заметила леди Холдейн, — что вы сразу должны потерять голову. Начать совершать безрассудные безумства, увлечься...

— Для этого я, миледи, должно быть, чрезмерно рассудителен.

— Сильные страсти — свидетельства сильных чувств.

— Основание сильных страстей — слабая воля. Подлинная глубина чувств исключает и суету, и безумства.

— Вы странный юноша, Раймонд, — усмехнулась леди Холдейн, — глупые надежды молодости действительно порой излечиваются мудрой безнадежностью старости, но юная рассудочность странна. Я двадцать лет притворялась молодой, теперь вот прикидываюсь живой, но вы, по-моему, играете роль старика...

— Ну, что вы, миледи. Я просто слушал лекции старых профессоров, читал старых и даже древних писателей, если заболел, предпочитал лечиться у старых и опытных врачей... Я люблю зрелый виноград и старые вина, мне нравятся не новомодные, но антикварные вещи. Помните Леонарда Райта? «Старое дерево лучше горит, на старой лошади безопаснее ехать, старые книги приятнее читать, старое вино приятнее пить, старым друзьям можно довериться...»

Но тут к ним подошёл сэр Винсент и, пригласив всех к столу, увёл его с собой виконта. Лорд Брайан предложил руку леди Холдейн и дорогой услышал он неё достаточно странные слова:

— Похоже, вы всё же перестарались, Шелдон. Желательно было спасти наследника вашего рода от раннего растреления, вам это удалось, друг мой, но ваш мальчик, обладая врожденной светскостью, скучает со сверстниками. Между нравственной чистотой и стоицизмом есть граница. Боюсь, Брайан, что ваш сын пошёл дальше предписанного вами.

— Это, по-вашему, опасно, Фанни?

— Не знаю...

* * *

Между тем Сэр Винсент привёл Шелдона в центр компании молодых. В их кругу беседовали о предстоящем бале у Тэлботов, намеченном на ближайшую субботу. Здесь был Джон Лавертон, брат мисс Лилиан, юноша достаточно милый, но нельзя сказать, чтобы интересный. Молодость придавала ему свежесть, но ею не отличались ни его суждения, ни взгляды. Впрочем, сказать правильнее, никаких взглядов у Джона и не было, и потому его мнения по любому поводу сводились к тому, что он просто становился на точку зрения одной из сторон. Его приятель, мистер Саймон Вудли, брат Эмили, был юношей горячим и порывистым, любил охоту и удовольствия сельской жизни. Матери многих дочерей приглядывались к этим юношам с интересом, опытным взглядом отмечая в них те свойства, что делают молодых людей хорошими мужьями.

Молодой Сирил Салливан говорил больше, чем нужно, но не это было огорчительно. Он ещё и, как правило, говорил то, что было никому не нужно. Все считали, что он благовоспитанно глуп и тупо порядочен. Сейчас он высказал мысль, что балы начинают надоедать. «Все это так суетно и преходяще...» В разговор вмешалась Кора Иствуд. В её голосе слышался вызов.

— Отказываться от земных радостей, только потому, что они преходящи? Коли

молодость отпущена ненадолго — надо постараться, чтобы она не прошла даром! Или вы полагаете иначе, мистер Шелдон?

Раймонд, памятуя, что молчаливая сдержанность — святилище благоразумия, хотел было уклониться от ответа. Но тут заметил, что вокруг него собрались Монтэгу, Иствуд, Тэлбот, Лавертон, Вудли и почти все девицы, и внимание всех приковано к нему. Он не заметил, как сзади подошли его отец и леди Холдейн.

— Я отвечу на ваш вопрос, мисс Иствуд, — вздохнул он, — если вы поясните мне одно обстоятельство. Сам я не понимаю. Для лорда Котесмора, который закончил свою жизнь с проваленным носом, молодость прошла даром или — не даром?

Леди Френсис беззвучно рассмеялась. Граф Шелдон закусил губу. С одной стороны, он бы и сам так ответил бы на подобный пассаж, но, с другой, он же предупреждал сына о необходимости особого отношения с красивыми женщинами! Мужчины опустили головы, чтобы скрыть улыбки. Мисс Кора растерялась, покраснела и, пожав плечами, пошла к столу. Раймонд Шелдон проводил её странной улыбкой, в которой было немного иронии и — чуть-чуть издёвки. Последнюю, он надеялся, никто не заметил.

— Стыдно вгонять женщин в краску, Шелдон, — пробормотал подошедший к нему Монтэгу. — Зачем говорить такие возмутительные вещи дамам?

— Вы меня поражаете, мой дорогой Джулиан. Давно ли вы стали так галантны и чувствительны? — поднял брови Шелдон. — А что до дам, то лучше бы они вместо смущения выказывали невинность, не понимая того, что слышали, или рассудительность, не слыша того, что им не положено понимать. Но и тут есть польза: смущение дам улучшает цвет их лиц, что позволяет сэкономить на румянах, — философично дополнил он и отошёл к сэру Чилтону и отцу, где его ждал тихий нагоняй милорда Шелдона за нахальство, выраженный, впрочем, мягко, так как леди Фанни незадолго до того успела заметить графу шёпотом, что его сынок — просто прелесть.

В зал из парка зашла леди Софи Радстон. Совсем недавно овдовевшая, несмотря на сравнительную молодость, она уже успела прославиться редкостным мотовством и весьма предосудительным поведением. Злые языки уверяли, что она весьма сократила жизнь своему супругу отказом иметь детей и растратой весьма значительных сумм, но теперь внезапная смерть мужа и её бездетность привели к печальному итогу: богатейшее имение досталось младшему брату графа Невила Радстона — Даниэлю, а вдова оказалась вынужденной искать нового мужа. Впрочем, как бы ни была подпорчена её репутация, привлекательность она сохранила.

Ей представили молодого Шелдона, Раймонд сказал пару комплиментов, но намётанным взглядом опытной кокетки леди Софи поняла, что увлечь такого мужчину будет непросто. Сам Шелдон был, пожалуй, удивлён: леди Софи порхала по залу как бабочка. Вникнув в положение леди, он даже пожалел её. Да, нелегко, смею вас уверить, приходится женщине, которая в тридцать всё ещё хочет казаться девочкой. Между тем милорд Брайан вспомнил об опасности, о которой забыл предупредить сына, и торопливо отвёл его в сторону.

— Нравится ли вам эта особа, леди Радстон, сэр? — тихо спросил он Раймонда.

Тот удивился — и удивление читалось в его взгляде, обращённом на отца.

— Милорд, если я сказал леди Холдейн о своей любви к старине, это не значит, что я предпочитаю старых женщин молодым. Это только вина улучшаются от времени.

Граф вздохнул с заметным облегчением, всё-таки тихо заметив сыну, что он правильно

поступит, если будет держаться подальше от этой особы. Сын кивком головы выразил полное послушание и готовность держаться от леди Радстон так далеко, как только сможет.

* * *

Джулиан Монтэгу, высказывая возмущение Шелдону, лукавил. Раймонд на самом деле порадовал его, хотя Джулиан и не показал этого. Он находил взгляды виконта противоречащими человеческой природе и хотел, чтобы суждения Шелдона ригоризмом и аскетикой отпугнули бы мисс Кору Иствуд, как отпугивали многих и в Кембридже. Невероятная высота нравственных требований — это прекрасно, господа, но юные леди предпочитают чувству долга — радости жизни.

В эту минуту к Монтэгу, уже севшему за стол, обратился Лоренс Иствуд. «Хорошо ли тот знает виконта Раймонда Шелдона? Они ведь знакомы, не правда ли?» Джулиан вежливо ответил, что они с виконтом учились вместе.

— А правда ли, что мистер Шелдон прославился в Кембридже тем, что демонстративно игнорировал бордели, предпочитал одиночество вечеринкам и, говорят, до сих пор ещё не познал женщину? — со скрытой, но ощутимой насмешкой спросил Лоренс.

Монтэгу учтиво улыбнулся, но заметив, что мисс Кора прислушивается к их разговору, вся буквально обратившись в слух, достаточно громко ответил, что мистер Шелдон развлечения действительно игнорировал и любил уединение, но прославился глубочайшим интересом к богословию и своими выдающимися работами по Оккаму и Канту, за которые дважды получил университетскую премию. Монтэгу краем глаза заметил, как замерла в немой задумчивости мисс Иствуд. Рано поняв, какую власть даёт её красота над мужчинами, Кора не привыкла умерять её воздействие и сейчас совершенно не могла понять, почему её чары не действуют на Раймонда Шелдона. Она хотела думать, что виконт нарочито изображает безразличие, или втайне увлечён кем-то. Но Кора не заметила, чтобы он оказывал предпочтение другой. Тогда мисс Иствуд сочла, что лучше всего пробудить его ревность, и стала заигрывать с мистером Монтэгу и мистером Тэлботом, овладела вниманием обоих, но не добилась своей истинной цели — Шелдон был по-прежнему холоден.

Рассказанное только что Монтэгу удивило её: Кора не привыкла думать о серьёзных вещах, и сейчас, с некоторым опозданием задумалась, что же представляет собой Раймонд Шелдон? Джулиан же охотно просветил её, рассказав Иствуду о трудах Аквината, Оккама и Роджера Бэкона, которые читает Раймонд, о его любви к глубоким и серьёзным занятиям, о его добродетели и степенности. Раймонд суров и аскетичен по духу, это человек очень глубокого ума и серьезной веры. Почти не слушая, как за соседним столом витийствует Тэлбот, уже успевший надоесть ей, Кора прислушивалась у разговору брата с Джулианом. При этом мисс Иствуд ловила себя на странном ощущении чего-то томящего, неопределенного и неясного, которое почему-то усиливалось, стоило ей взглянуть на этого смуглого юношу, и наконец она тихо спросила мистера Монтэгу, что, он, так же как и мистер Шелдон, читает Бэкона? Любит философию?

Джулиан Монтэгу категорически отверг подобное предположение.

— Нет, мисс Иствуд, я не люблю философии. Я — любитель приключений.

Кора неожиданно улыбнулась.

— «Я не хочу влачить, не выходя из дома, молодые лета...»

— «...в праздности бесцветной». Именно так, мисс Иствуд, — с улыбкой подтвердил Монтэгу.

Приключения... О, Кора тоже любила запутанные авантюрные романы, её воображение рисовало девственные итальянские леса, лазурные берега Средиземноморья, лихих красавцев-разбойников и прекрасных принцесс. Увы, жизнь в скучном доме с вечно переносящей пустые сплетни матерью, с циничным и распущенным братцем не несла в себе даже толики романтики. Кора бросила взгляд на мистера Монтэгу и представила, как она, знатная донья, укутанная мантильей, бросает ему, гранду с гитарой, поющему под её окном серенаду, пунцовую розу. Картинка была столь живой, что она едва не спросила мистера Монтэгу, умеет ли он петь? Но при чём тут фантазии? Кора погрустнела и снова спросила о Шелдоне.

— Правда ли, что мистер Шелдон всегда избегал женщин?

Монтэгу подтвердил её мнение о добродетели виконта. Джулиан не боялся хвалить мистера Шелдона, ибо видел, что все его комплименты производили на мисс Кору именно то впечатление, которое ему было желательным. Сначала она растерялась, потом удивилась и, наконец, даже несколько испугалась.

— Не следует чрезмерным воздержанием привлекать к себе внимание дьявола — ведь он особо печётся об аскетах, — с тонкой улыбкой иронично заметил Иствуд, — кто пытается стать святым и побороть искушения, смешон. Честь женщины — её невинность, невинность мужчины — его честь, но зачем же мужчине ещё и невинность? Нелепые проповеди.

Джулиан Монтэгу вдруг внимательно — куда внимательнее, чем раньше — посмотрел на Лоренса. Мистер Иствуд был ему остро неприятен. Скользкий и мерзкий. Люди проступают в своём фиглярстве отчетливей, чем в исповедях. Монтэгу достаточно знал об Иствуде и достаточно знал жизнь, чтобы понять то, чего не знал. И то, что Лоренс высказывал те же мысли, что и он сам, не нравилось мистеру Монтэгу — именно потому, что ему не нравился тот, кто их высказывал.

Монтэгу недовольно проговорил:

— Мистер Шелдон заботится о своём добром имени, но ничего не проповедует. Лишь однажды он процитировал мне Писание: «Не ходи вслед похотей твоих и воздерживайся от пожеланий твоих...» Больше ничего я не слышал.

— Замшелые истины, расхожие глупости, затасканные слова...

Сходство взглядов порождает родство душ, но вопреки этому распространенному утверждению, Монтэгу, однажды сказавший Шелдону почти то же самое, снова почувствовал раздражение. Омерзительный тип этот Лоренс. Просто омерзительный. Лоренс тоже был раздражен, но совсем иным обстоятельством. Чёртов Шелдон вёл себя так, словно женитьба вообще не входила в его планы! Между тем Иствуд рассчитывал, что тот непременно увлечётся Корой. Такая родня была бы ему, Лоренсу, более чем выгодна. Но даже за ужином, когда Лоренс предполагал усадить его рядом с сестрой, Шелдон, игнорируя все его ухищрения, сел рядом с отцом и сэром Чилтоном, Кору же окружили Тэлбот и Монтэгу.

— И вы разделяете взгляды виконта, мистер Монтэгу? — лениво поинтересовался Иствуд у своего собеседника.

— Дорогой мистер Иствуд, — с нажимом проговорил Монтэгу, — даже полковник Чартез, отъявленный мошенник, говорил, что за добродетель не дал бы и ломаного гроша, но

за доброе имя не пожалел бы и десяти тысяч фунтов, — так неужели же человек порядочный должен пренебрегать тем, за что умный плут готов отдать такие деньги? — Джулиан поднял на Лоренса холодный взгляд тёмно-синих, в свечном пламени казавшихся черными, глаз. — Своим добрым именем я тоже дорожу.

— Разумно...

в которой мистер Раймонд Шелдон впервые заговаривает с той, что пленила его сердце, а затем в одиночестве мечется по постели.

Визит к Грэхемам стал для Раймонда немалым испытанием. Он отдавал себе отчёт в своём тайном желании увидеть Патрицию, ближе узнать её и в душе страшно боялся разочарования — и одновременно надеялся на него. Страсть, столь неожиданно поселившаяся в душе, тяготила, Раймонд перестал принадлежать себе и, понимая безнадежность своего недозволенного увлечения, хотел освободиться от его неизъяснимого очарования.

Миссис Грэхем приняла его с преувеличенной приветливостью, Шелдон же, искренне желая быть приятным, старался понять эту женщину. Вскоре увидел, что перед ним достаточно слабохарактерное и вздорное существо, воспитанное на дамских романах, не лишённое, однако, доброты, но сломленное жизненными невзгодами и не устающее сетовать на жизнь. Справедливости ради следовало сказать, что некоторые основания для этого у неё имелись.

* * *

Её ныне уже покойный супруг, мистер Джереми Грэхем, быстро забыл, как, стараясь унять раздражение, смотрел на миссис Монтгомери. Её просьба возмутила его. Подумать только! Да, они в родстве, но... Он давно через своего поверенного знал, что семья Монтгомери практически разорена, и вдова не сможет свести концы с концами, но взять на воспитание дочь Реджинальда? Кто она ему? Кто ему дочь троюродного брата? Одновременно он понимал, что весомой причины для отказа ему не найти, и это-то и раздражало ещё больше. Он неприязненно покосился на Джейн Монтгомери, бедную красивую женщину с явно нездоровым румянцем на щеках, и на юную Патрицию, худенькую двенадцатилетнюю девочку с длинной шеей, испуганным узким личиком и волосами цвета льна. Она напоминала тощего цыпленка.

Джереми Грэхем вздохнул. Он не был жесток, ему были свойственны спокойное благодушие и уравновешенность поступков. Он задумался. В конце концов, почему бы и нет? Нищенка-родственница его не обременит. Будет компаньонкой его дочурке Хелен. Род Монтгомери — не последний, и вряд ли племянница его опозорит. Конечно, бесприданница и личиком не вышла, но возьми он в дом малышку, в свете непременно отметят его милосердие и сострадание. Это поднимет его во многих глазах. К тому же — эти высокомерные Монтгомери — у него в приживалках! Эти мысли привели к тому, что сэр Джереми чуть успокоился и даже улыбнулся.

Он позвонил и приказал явившемуся на зов слуге позвать дочь. Хелен не заставила себя ждать — она уже знала, что миссис Монтгомери приехала с дочерью, и хотела взглянуть на неё. Мистер Грэхем с удовольствием посмотрел на дочку — просто куколка. Само очарование! Он не был пристрастен: юная мисс Хелен Грэхем и в самом деле была очень

хорошенькой: милая улыбка озаряла прелестные черты, глаза сияли, словно две свечи. Отец обожал дочь и сейчас, отметив ещё раз, как непривлекательна юная мисс Монтгомери по сравнению с его дочуркой, почувствовал, что раздражение его полностью улеглось.

Царственным жестом он представил дочери её новую подругу и выразил надежду, что девочки подружатся. Затем он с улыбкой выслушал слова искренней благодарности, произнесенные со слезами в голосе миссис Монтгомери. Если бы можно было разыскать Бенджамина, она не обременила бы его, но — ни на одно письмо ответа не пришло... Женщина продолжала всхлипывать, и он дружески обнял жену покойного родственника.

Девочку поместили в небольшой комнате в конце коридора, через две комнаты от спальни Хелен. Брат Хелен Гэмфри был в это время в Итоне. Хелен же была искренне рада напарнице в играх и прогулках и, будучи добросердечной и душевной, не склонна была прислушиваться к словам матери, что Пэт — их бедная родственница и совсем ей не ровня. Хелен была на три года старше и многому обучала Патрицию — ей нравилось быть наставницей. Кроткую и тихую Пэт в семье Грэхемов не обижали, мистер Грэхем даже распорядился одевать девочек одинаково: бледенькая Патриция подчеркивала красоту и здоровье его малютки.

Дни девочек проходили в тихих играх и чтении, чуть повзрослев, обе стали непременно участницами городских детских вечеринок. Приехавший на каникулы Гэмфри сопровождал их, и тут Пэт впервые довелось в полной мере понять, сколь велика разница между ней и Хелен. Юноши наперебой приглашали мисс Грэхем, её книжка танцев была заполнена от начала и до конца, с Пэт же танцевал только один раз Гэмфри — и то, как видела Пэт, просто из жалости. Когда же она случайно, на какой-то вопрос молодого Грэхема ответила: «Да, братец», миссис Грэхем резко указала ей, что к нему следует обращаться — «мистер Грэхем». Пэт смущённо повторила: «Да, мистер Грэхем». Больше она не ошибалась.

Во время вечера она стала случайной свидетельницей разговора двух юношей, которые казались удивительно взрослыми и мужественными. Один из них спросил Гэмфри Грэхема, кто эта бледная девица, с которой он танцевал третий танец? Тот объяснил, что это их дальняя родственница, приживалка и компаньонка его сестры, отец говорит, что у неё ни гроша за душой. Его позвали к столу, а юноши, смеясь, заметили, что единственным капиталом бесприданницы является красота, если же и того нет...

Пэт побледнела так мел, но благодаря тому, что её скрывали от всех тяжёлые портьеры у входа, осталась незамеченной. Она тихо вышла на оплетённую плющом веранду. «В беседке той, где жимолость так разрослась на солнце, что солнечным лучам закрыла вход...» Мать учила её, что она принадлежит к тем людям, которые умеют скрывать свои чувства. Она сумеет. Она никому никогда не покажет, как ей больно. Но как можно скрыть то, что разрывает сердце? Патриция почувствовала, что глаза наполняются слезами. Но она сумеет. Есть простой способ скрыть чувства: просто не иметь чувств.

В эту минуту к юношам подошёл ещё один, которому они снова высказали ту же мысль. Патриция сжала свой маленький веер так, что побелели пальцы: подошедший юноша был очень красив, и пренебрежение с его стороны было бы, чувствовала она, ещё более болезненным, чем выказанное другими. Однако он, выслушав друзей, не присоединился к ним. Девушка, танцевавшая с Грэхемом, по его мнению, была очень грациозна.

— Вы бы женились на такой, Шелдон?

— Я старший сын и собой не располагаю, Тэлбот. Давайте оставим этот нелепый

разговор.

Шелдон. Его зовут Шелдон. И оттого, что этот красивый юноша не задел её оскорбительным замечанием, ничем не показал, что понимает, как она уродлива и неуклюжа, в ней проснулось благодарное и нежное чувство к нему. Однако Хелен на её осторожный вопрос о том, кто этот юноша с чёрными волосами с цветком в петлице, услышала, что это старший сын милорда Брайана Шелдона, богатейший наследник графства. «Спаси Бог девушку от любви к мужчине, стоящего выше её по положению» — Патриция хорошо помнила эту максиму, неоднократно слышанную на проповедях.

* * *

По возвращении домой у себя в комнате она внимательно оглядела свое лицо. Полупрозрачные восковые черты, серые глаза с огромными серо-голубыми синяками под ними. Тонкая, длинная шея. Бесцветные волосы. Блеклые, чуть розоватые губы. Она вздохнула. «Единственным капиталом бесприданницы является красота, если же и того нет...»

С того дня в Пэт что-то незримо изменилось. Им часто читали глубоко запавшие ей в душу рассказы о служении ближним, и теперь Патриция осознала, что ей нужно не иметь самолюбия и забыть о фамильной гордости, и если она никогда не сможет быть счастливой сама, то почему бы не заботиться о счастье тех, кто ей дорог? В ней появились покладистость и услужливость, и даже миссис Грэхем заметила, что Пэт много проворней всех слуг. Сэр Джереми с удовольствием слушал вечерами импровизации Патриции на фортепьяно, она научилась прекрасно шить, скроенные ею платья делали юную Хелен королевой всех вечеринок. Мистер Грэхем теперь признал, что проявленное им когда-то сострадание себя окупило. Малышка не обременяла его, он постепенно привязался к сиротке и даже подумывал выделить ей что-то, пусть мизер, из семейного капитала. При этом мало-помалу малютка Пэт из бледной хрупкой девочки превратилась в девушку, чью красоту домочадцы не сразу заметили — Патриция привыкла держаться в тени, к тому же яркая внешность Хелен затмевала в их глазах проявившуюся вдруг неброскую, но утончённую красоту компаньонки.

У мистера Грэхема были проблемы с сыном — Гэмфри был транжирой и мотом, одна дочь неизменно радовала его. Но вот, спустя пять лет после того, как Пэт поселилась в доме, в идиллическую жизнь Грэхемов вторглась беда, в сравнении с которой гульба сына была пустяком. Юная мисс Грэхем неожиданно заболела и за три месяца сгорела в чахотке. Джереми Грэхем, убитый внезапной смертью дочери, тоже несколько месяцев спустя умер. Лишившись дочери, миссис Грэхем не могла утешиться в своей потере. Раздражительная и вспыльчивая по натуре, она теперь просто ослабела от горя и в своих ежечасных сетованиях неделикатно задавалась вопросом, почему это случилось именно с её дочерью? Лучше бы умерла Пэт. Патриция, слыша подобные слова иногда по нескольку раз в день, относилась к ним не на счёт бестактности бедной миссис Грэхем, но её скорби и, понимая материнскую боль, не обижалась. Лишившись своей подруги и наперсницы, Патриция тоже чувствовала, что мир опустел, и старалась, как могла, поддержать вдову своего благодетеля и мать той, о ком она вспоминала с неизменной печалью.

Смерть отца сделала его сына, Гэмфри Грэхема, к этому времени чуть образумившегося,

обладателем состояния, приносящего около тысячи фунтов годовых. При должной экономии и здравомыслии этого бы вполне хватало для всех нужд маленькой семьи, но ни миссис Грэхем, ни Гэмфри никогда не могли похвалиться ни тем, ни другим. Они то экономили на грошах, то допускали такие расходы, каких не могла бы позволить себе и куда более обеспеченная семья.

Но тут случилось ещё одно несчастье, совершенно сломившее несчастную миссис Грэхем. На охоте лошадь Гэмфри неожиданно понесла, он не справился с испуганным гунтером и оказался сброшенным на землю, нога его была сломанной в нескольких местах, его нашли полумёртвым, он ничего не помнил. Патриция преданно ухаживала за мистером Гэмфри, в то время как миссис Грэхем только сетовала, жалуясь на судьбу.

* * *

Теперь миссис Амалия, многословно приветствуя гостя и неумеренно восхищаясь им, проводила его по лестнице из гостиной в спальню к Гэмфри Грэхему. Окна комнаты были затенены, дневной свет раздражал больного. Около него в маленьком кресле у камина сидела Патриция с томиком Шекспира. Увидев его, она поднялась и отошла в тень. Раймонд ни за что не узнал бы Гэмфри — лицо его потемнело и осунулось, вокруг глаз залегли круги, но он приветствовал Шелдона с улыбкой искренней радости. К нему почти никто не приходил, он вообще был несколько нелюдимым, но сейчас, в болезни, был рад сообщению матери, что сам мистер Раймонд Шелдон хотел навестить его. Это было и вежливо, и лестно.

Гость расспросил о трагическом происшествии на охоте, осведомился о том, какой врач наблюдает больного, узнал о ходе лечения, любезно пообещал прислать своего врача, выразил надежду на скорое выздоровление. Как он коротает время? За Шекспиром? Да, Патриция читает ему, вмешалась миссис Грэхем, и Гэмфри поморщился — высокий голос матери бил по нервам. Шелдон краем глаза оглядывал мисс Монтгомери. Патриция тихо стояла у окна, взгляд её был устремлен в пол, она казалась уставшей и отсутствующей.

Раймонд рассказал о новом, довольно занимательном романе, что прочитал ещё в Кембридже, его автор — французский аристократ, сбежавший от Робеспьера в Италию, роман в подлиннике называется «Опасные связи». «Мисс Патриция читает по-французски?» — осведомился он. Пэт кивнула головой. В следующий раз он непременно принесёт его для мистера Гэмфри. Подобной любезности от него не ожидали: было совершенно очевидно, что этот визит не последний. «Завтра же мистер Клиффорд, наш врач, будет у вас» — с этими словами виконт попрощался.

Спускаясь по лестнице, Раймонд поинтересовался у мисс Патриции библиотекой покойного мистера Джереми. Говорят, у него было редкое собрание книг, не так ли? Может быть, мисс Монтгомери проводит его туда? Пэт указала рукой на тяжёлые дубовые двери, отворившиеся перед ними с резким скрипом петель.

Библиотечное собрание, и вправду, было богатейшим, Джереми Грэхем любил и ценил книги. «Вы любите читать?», спросил он Патрицию, просто чтобы хоть раз услышать её голос. Она ответила, что ей нравится Шекспир, она предпочитает комедии. «Почему? Ведь общепризнанными шедеврами являются его трагедии...»

— Трагедий, сэр, и в жизни достаточно.

Патриция по-прежнему была отстраненной, спокойной и тихой. В ней не было ни тени

угодливости или желания понравиться — и это и пленяло, и огорчало его. Она рассказала о мистере Джереми Грэхеме и его книжных предпочтениях, и Раймонд с её немногих слов увидел дядю Пэт как живого. Шелдон почувствовал странную горечь: если бы Патриция была глупа или вздорна, заносчива или горделива, он нашёл бы в себе силы отойти, забыть её. Но спокойное, полное достоинства и непоказной кротости поведение лишало его такой возможности, и это обессиливало. Шелдон не мог сказать о своей любви, не мог позволить себе добиваться её. С трудом сдерживая дыхание, чувствуя, что слабеет, стал прощаться. Патриция тихо поклонилась, проводила его к лестнице.

Когда Шелдон спустился, её наверху уже не было.

«Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня. Пленила ты сердце моё одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей. Доколе день дышит прохладою, и убегают тени, пойду я на гору мировую и на холм фимиама...» Он с изумлением остановился, поняв, что бормочет слова Песни Песней, и снова двинулся вперёд, и строки сызнава взвихрились в нём. «Нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви...»

Ночью, когда Раймонд тщетно пытался заснуть, перед его глазами снова вставали её черты, он метался по постели, впиваясь руками в кованое изголовье. «О, как любезны ласки твои, о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов! Сотовый мёд каплет из уст твоих, мёд и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана! Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник: садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана...» Утром, больной и истомлённый, он с удивлением оглядел изголовье кровати, литьё решетки которого было изогнуто и перекошено.

в которой мистер Иствуд не может понять, то ли мораль присуща только старым глупцам, то ли, напротив, всем глупцам свойственно под старость впадать в морализаторство.

Вивьен Тэлбот не поскупился. И не только потому, что не хотел ударить в грязь лицом и позволить говорить, что его званый ужин не идёт-де ни в какое сравнение с вечером у Сейвари. От этого вечера многое зависело. При этом планы матери выдать замуж сестрицу совершенно не занимали его. Ещё у Сейвари Вивьен увидел, что для неё можно найти лишь голодного парвеню или обнищавшего джентльмена, готового польститься на тридцать тысяч, и теперь с радостью убедился, что если не произойдет чуда — Белл замуж и не выйдет, а это значит, его доходы не сократятся.

Но, хоть Вивьен Тэлбот и не верил в чудеса, как знать, что может случиться, и потому он с особым удовольствием производил в голове подсчеты. Его состояние — около шестидесяти тысяч. Потеряй он половину — приданое сестры, но женись на Коре Иствуд — он ничего не теряет, приобретая двадцать тысяч дополнительно, это — ещё тысяча годовых. Если же Белл так и не выйдет замуж — это пять с половиной тысяч в год. А случись что с Белл...

Но эти мысли развития не получили, ибо Тэлбота занимали собственные матримониальные планы. И не только ради пятидесяти тысяч приданого. Мисс Кора всерьёз увлекла его. Он женится. Тэлбот был из тех, кому легче пренебречь выгодой, чем отказаться от прихоти, но теперь выгода и прихоть совпадали. Вивьен задумался. Иствуд явно нацелен на Шелдона и мечтает видеть сестренку виконтессой. Монтэгю серьёзным соперником не назовёшь. Нищий. Но всё будет решать прихоть самой мисс Иствуд — это Вивьен чувствовал.

Не менее важные планы были на этот вечер и у мистера Патрика Кемптона. Он, старший из трех сыновей, был далеко не беден, отец оставил ему немалую сумму — и жизненный принцип, согласно которому любая нравственная нечистоплотность — есть презрение к самому себе. Сын следовал отцовскому принципу, склонен был к удовольствиям невинным и недорогим, если и грешил, то весьма осторожно, много лет имел связь с вдовой стряпчего, что обходилось недорого, и к тридцати пяти годам сумел ещё на несколько тысяч приумножить отцовское состояние. Теперь мистер Кемптон возымел, наконец, желание жениться и обзавестись потомством, тем более что его брат — полковник Арчибальд — был давно женат и воспитывал уже двоих чудесных ребятишек. Но сколько можно любоваться на племянников?

Никто не считал мистера Кемптона-старшего семи пядей во лбу, но те, кто близко знали его, не могли бы, пожалуй, назвать ни одного поступка мистера Патрика Кемптона нелепым или глупым. Приняв решение о женитьбе, он сразу спокойно и разумно отказался от ухаживаний за мисс Иствуд — такая красавица не для него. С ней покоя знать не будешь, а покой мистер Кемптон ценил очень высоко. Мисс Тэлбот он отверг по иным причинам: несмотря на то, что исполнение супружеского долга совершается по ночам, желание его совершать возникает днём, а если глядеть на мисс Тэлбот поутру, он боялся, что ночью

может оказаться несостоятельным. Некоторые полагают, что отсутствие груди могут компенсировать доброта и ум девицы. Но, во-первых, мистер Кемптон в этом вопросе был максималистом и требовал всего, а, во-вторых, у мисс Тэлбот указанные недостатки фигуры ничем и не компенсировались. Мисс Лилиан Лавертон и мисс Эмили Вудли были слишком молоды и легкомысленны. Мисс Энн Гилмор даже во время танца ни разу не взглянула на него, мисс Рейчел Хеллоран в его понимании не имела нужной родни, а то, что имела, пугало, мисс Глэдис Сейвари казалась особой раздражительной и вздорной, да и оспины в глазах мистера Кемптона ничуть её не красили.

Старшая мисс Сейвари. Мистер Кемптон методично размышлял. Не красавица, но достаточно мила. То, что мелькало в декольте, нареканий не вызывало и могло даже с избытком удовлетворить самый строгий вкус. Девица ничем себя не запятнала. Спокойна и воспитана. В свете, как знал мистер Кемптон, уже третий сезон — значит, капризной не будет. Пятьдесят тысяч приданого, добавленные к его капиталу, дадут свыше семи тысяч годовых. Отец — человек весьма уважаемый. Всё просто чудесно. И мистер Кемптон, подойдя к мисс Сесили ещё в доме её отца, пригласил девицу танцевать. Это ничего не значило, но весь последующий вечер он был так внимателен... Мисс Сейвари, отойдя тогда на минуту, попросила пожилую родственницу отца уточнить, чем располагает этот не слишком-то молодой человек, о котором говорили как об убежденном холостяке. Та кивнула и исчезла. Во внешности мистера Кемптона не было ничего отталкивающего. Не Шелдон, понятно, но мисс Сейвари была неглупа и, восхищаясь виконтом, понимала, что едва ли тот обратит на неё серьёзное внимание. На вечере отца она заметила, что и мистер Тэлбот тоже склонен отличать только Кору Иствуд. Родственница же за несколько минут сумела раздобыть все нужные сведения о происхождении, состоянии и достоинствах мистера Кемптона. Мисс Сейвари внимательно выслушала. Ей исполнилось уже двадцать четыре года.

Сейчас, у Тэлботов, мистер Кемптон решил не терять времени попусту. Если особа отвечает ему взаимностью — она даст ему понять это. Мистер Кемптон пригласил её на первые два танца — и мисс Сейвари с улыбкой его поблагодарила. В ответ на его комплименты, становившиеся час от часу всё восторженнее, она лишь смущённо прикрывала правую щеку веером. Мистер Кемптон приободрился ещё больше. «Как относится мисс Сейвари к жизни в деревне? Или она предпочитает жить в городе?» «Городская жизнь утомительна для неё. Она мечтает о тихом и уютном доме на природе...», заметила мисс Сейвари, узнав от родственницы-свахи, что у мистера Кемптона обширное имение в четырех милях от города. Самым забавным было то, что Сесили и вправду не любила город. Мистер Патрик Кемптон был приятно изумлён сходством их взглядов. Он уже немолод и так хотел обрести спутницу жизни, тоже мечтающую о тихих радостях супружества, обронил он осторожно. Мисс Сесили потупилась и смутилась. Согласна ли она разделить его судьбу? Боже мой. Неужели? Мисс Сейвари возликовала. Решительный мужчина. Но она тих заметила, что всё будет зависеть от воли отца. Глаза её сияли.

Мистер Кемптон направился на балкон, где до этого за приметил сэра Винсента. Для последнего это был приятнейший сюрприз. Он не рассчитывал на мистера Кемптона, известного холостяка, при этом успел отчаяться — ни Тэлбот, ни Шелдон, и никто из мужчин не обратил особого внимания на его девочек. И вдруг — такая удача! Он с радостью отдаст дочь за столь безупречного и достойного человека, заверил мистер Сейвари Патрика Кемптона, и особенно радостно, что теперь он, сэр Винсент, породнится с такой уважаемой

особой, как леди Холдейн, дочь которой замужем за его братом!

И счастливый отец во всеуслышание объявил о помолвке мисс Сесили.

Радостно взволнованная Энн Гилмор с восторгом поздравила Сесили, с улыбкой и поздравлениями подошли и Кора Иствуд, и мисс Лилиан Лавертон, и мисс Эмили Вудли, и мисс Рейчел Хеллоран. «Какая радость, дорогая, как ловко вы всё скрывали! Я уверена, вы будете очень счастливы!» И только мисс Элизабет Харди, приятельница Лилиан и Эмили, недоумевала: «Ой, он такой старый...», но кто слушает дурочку-то? Однако Глэдис Сейвари и Эннабел Тэлбот продолжали сидеть у стола и даже отвернулись, однако, созерцая в зеркале, висящем напротив, их озлобленные и исполненные зависти лица, мисс Сесили и впрямь почувствовала себя счастливой. «Муж, свой дом, хозяйка...» Прекрасный вечер...

Гости провозгласили тост за первую помолвку в этом сезоне, после чего танцы были продолжены, а не танцующее общество разбилось на несколько кружков. При этом Раймонд Шелдон дал себя поймать мисс Хилдербрандт и сел играть в вист. Миссис Грэхем не было в числе гостей, не было и Патриции, а вождедеющие взгляды девиц ему уже порядком наскучили. Завершая партию, Раймонд вдруг заметил Джулиана Монтэгу, что-то говорящего Коре Иствуд. Виконт с удивлением заметил, как не похож на себя Джулиан: в его глазах было необычное для него выражение рабской покорности, надломленной слабости и потерянности. Черты его странно обострились, Монтэгу казался больным.

Сказав, что пропустит следующий роббер, Раймонд подошёл к сэру Чилтону, попросив его присоединиться к игрокам, сам же, проходя мимо Монтэгу и мисс Кору, услышал несколько слов Джулиана. Монтэгу говорил то, что мечтал бы сказать сам Шелдон — мисс Патриции, и тут услышал ответ мисс Иствуд, обратившей любовный лепет Монтэгу в шутку. Но именно — в шутку. Она кокетничала и посмеивалась над ним, спрашивала, не был ли он корсаром на Средиземноморье и не прячет ли под кроватью сундук с золотом и скелетом? О какой любви он говорит? Что любят пираты, кроме рома и бриллиантов?

Шелдон, несмотря на то, что над Монтэгу посмеялись, был склонен даже завидовать приятелю. Если бы он ощутил в тоне любимой женщины, обращавшейся к нему, такие игривые и тёплые нотки, он не выглядел бы таким потерянным, как Джулиан. Раймонд Шелдон приятно удивился, отметив, что мисс Кора, оказывается, умеет говорить не только светские банальности.

Но дальше слушать было неприлично — и Шелдон уединился на балконе, где, как вскоре выяснилось, его ждало ещё одно испытание. Раймонд отошёл за колонну и задумался, глядя в ночь. Он послал своего врача к Грэхемам и по его возвращении узнал не очень радостные новости. Клиффорд выразил опасение — зрение его нового пациента начало падать, что может грозить слепотой, врач уже наблюдал подобные случаи. Нога срастается правильно, но он всё равно опасается, что хромоты его новому пациенту не избежать. Сказанное заставило Раймонда проникнуться куда большим сочувствием к больному, нежели он испытывал вначале. Шелдон размышлял о том, что может сделать для Гэмфри, но тут за колонной послышались женские голоса. Разговаривали, как ему показалось, мисс Эннабел Тэлбот и мисс Глэдис Сейвари.

— Как ей удалось захомутать Кемптона? Кто бы мог подумать, что старый холостяк задумает жениться? И что он нашёл в Сесили?

— Да, хитрая ханжа с вечно опущенными глазками и дурацкими цитатами из проповедей Джеймса Фордайса... Сестрица твоя не промах, Глэдис.

Резкие голоса девиц смолкли, и Раймонд поморщился. Впрочем, чему удивляться? В

свете в той или иной мере сплетничали все: мерзейшие особы, вроде мисс Эннабел, злословили омерзительно, скромные девицы судачили скромно. Шелдон подумал, что общество сумело утомить его быстрее, чем он ожидал. Тут его как бы случайно нашла леди Радстон. «Почему его милость виконт в одиночестве? Она видит, что он не создан, как и она, для общества. Здесь всё гнетёт, никто не ценит ума, добродетели, чести, все думают лишь о деньгах да титулах... Человеку с душой и чувствами здесь можно задохнуться!» Ответить на эту тираду Шелдон мог бы только вопросом, что же в таком случае заставило вдову, не дожидаясь конца траура, заявиться туда, где все думают лишь о деньгах и титулах? Но памятуя свой ироничный пассаж в отношении мисс Кору Иствуд и выговор, полученный от отца, Шелдон заметил лишь, что она видит мир в чёрных красках... «Что, впрочем, вполне понятно. Она потеряла самого дорогого человека... кажется, только три месяца назад? Да, рана ещё, конечно, не успела затянуться, но, может быть, через несколько лет она ещё сможет посмотреть на мир более радостными глазами...»

Леди Радстон ещё раз убедилась в истинности своего умозаключения о молодом Шелдоне. Высокомерный наглец. Просто негодяй. Строит из себя принца. Но пятнадцать тысяч годовых... Она вздохнула. Сейчас ей приходилось довольствоваться пятьюстами фунтами в год, — это ей-то! То ли дело был Невил! О, как быстро — в одно мгновение — он потерял голову, каким был влюбленным безумцем... Этого с ума не сведёшь, что ни делай. Шелдон даже не заметил её новый веер, ни снизошёл до комплимента, не уронил ни единого лестного замечания о её внешности. Странно, но и на молоденькую вертихвостку Иствуд он тоже не смотрит. Что за пуритан выпускают из Кембриджа? И этот сокурсник его — Монтэгу, жаль, младший сын, — тоже не обратил на неё ни малейшего внимания, но тот хоть, сразу видно, потерял голову от Кору. А этот — пень бесчувственный. Сколько ему? Двадцать три? Или двадцать пять? Непонятно...

С этими мыслями она отошла от него, но в одиночестве он пробыл не более трёх минут.

— Добродетель, возможно, бесценна, но она не окупает себя, Лоренс, — услышал неожиданно Шелдон голос Вивьена Тэлбота, — люди не столько страдают от своих пороков, сколько от того, что им мешают ими наслаждаться.

— Да, но попробуй продекларировать подобное перед старыми моралистами и святошами, — заключают. Не могу понять, то ли мораль присуща старым глупцам, то ли, напротив, всем глупцам свойственно под старость впадать в морализаторство?

— Что в лоб, что по лбу. Но, похоже, столь вожделенный для тебя графский сынок Шелдон в свои двадцать с небольшим — ничем от этих старых глупцов не отличается.

— Ну, у него есть достоинство, Вив, которое перевесит не только склонность к ханжеству, но и сотню других самых нестерпимых добродетелей — пятнадцать тысяч годовых. К тому же, ты слыхал? Его сиятельство Брайан Шелдон в прошлом году выкупил поместье Олдэби у разорившегося Стивена Бартона, а в январе приобрёл Лэдингплэйс, и даже, говорят, присматривается к замку Глумэвеньюз. С таким состоянием и собственностью можно позволить себе не только морализировать — но даже проповедовать добродетель с амвона.

Оба рассмеялись и быстро разошлись.

Шелдон задался риторическим вопросом, почему это каждый хочет иметь репутацию благородного человека, но норовит купить её, как правило, за чужой счёт? Потом тяжело вздохнул, опершись на перила балкона, долго смотрел в ночь. Едва он созрел духовно, он начал искать уединенной жизни, чтобы убежать от этих подлых и извращенных умов,

которые потеряли дорогу к Небу. Но они всегда обретались рядом. Шелдон подумал было, что вполне может уже и откланяться, но после услышанного подходить к Тэлботу прощаться не хотелось, однако деваться было некуда, и спустя несколько минут он вернулся в гостиную.

Здесь вновь в центре внимания был хозяин.

— Эти французские безбожники пытались уничтожить самое важное — божественные принципы морали. Но ведь всё, что строится на безбожных и порочных принципах, рано или поздно разрушится. Истинная мораль — не в переустройстве мира, но в борьбе с собственной порочностью, — продолжал Вивьен, — вы согласны, мистер Шелдон?

«Лицемерие — всё же принципиальное признание и точное понимание нравственной нормы, при внутреннем презрении к ней», подумал, вспомнив слова своего университетского наставника Джеймса Хоупа, Раймонд, молча оглядев Вивьена.

И что-то в его взгляде, отяжелевшем и мрачном, даже чуть испугало Тэлбота.

в которой мистер Шелдон вступает за честь, репутацию и доброе имя мистера Джулиана Монтэгу, при том, что, как выясняется, знает его достаточно хорошо.

Воистину, недобрая фея пошутила над мисс Энн Гилмор, своими чарами заставив её плениться на вечере у Сейвари тем, кого она увидит первым входящим в двери бальной залы. Первым вошёл Вивьен Тэлбот. Мисс Гилмор была покорена сразу, даже не отдавая себе отчёта в том, что происходит. Почему? То ли разгадка была в его улыбке, обнажавшей прекрасные зубы, то ли сам взгляд, которым Вивьен одаривал женщин, был нежен и мягок, то ли вкрадчивая и льстивая речь, обволакивая нежной паутиной женские сердца, очаровывала. Но что толковать об этом? Ведь даже премудрый Екклесиаст уверял, что четырех вещей он не понимает — пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице...

Дальнейшие встречи на званых обедах и музыкальных вечерах только усугубили её влюблённость.

Почти то же самое произошло и с мисс Элизой Харди, юной и весьма темпераментной особой, которую Вивьен пленил тем удивительным шармом, что рисовался ей обязательным для обаятельного молодого человека. Ей ничуть не понравился виконт Шелдон — да, слов нет, красив, но такой чопорный. Ничего романтического!

Нежное чувство одаряет душу тем восприятием, которого нельзя ждать от равнодушия. Мисс Гилмор скоро заметила, что тот, чьё присутствие заставляло её сердце колотиться в груди, отдаёт предпочтение вовсе не ей. Они с Корой не были подругами, воспитывались в разных пансионах, но вражды между ними никогда не было. Теперь Энн почувствовала раздражение. Она видела, что на самом деле Кора предпочитает Раймонда Шелдона, да и всё общество полагало, что они созданы друг для друга — оба красивы и богаты — чего же лучше? Заигрывания мисс Иствуд с мистером Монтэгу казались Энн пустым кокетством, но когда мисс Коре, улыбаясь, протягивал руку Вивьен Тэлбот, Энн трепетала. Сидя напротив Кору за столом, она наблюдала за ними троими и то, что она видела, совсем не радовало. Мисс Кора была раздражена поведением виконта, мистер Монтэгу пожирал её глазами, мистер Вивьен Тэлбот был остроумен и обаятелен, и его внимание было всецело поглощено мисс Иствуд. Мисс Гилмор грустила, хоть истории и анекдоты Вивьена были игривы и заставляли всех улыбаться.

При этом ни она, ни Тэлбот, ни мисс Кора не заметили нескольких весьма странных взглядов, брошенных на них Лоренсом Иствудом. Как не хотел Лоренс породниться с Шелдонами, он не особо препятствовал приятелю Вивьену в его ухаживаниях за Корой, но, заметив внимание мисс Гилмор, обращенное на Вивьена, помрачнел. Пьяные кутежи и попойки, плата за азарт — карточные долги, тайная подружка, горничная его матери, стоившая весьма недёшево, навязчивая тяга к роскоши и мотовство — всё это вконец расстроило состояние Иствуда. Только женитьба могла основательно поправить его дела, но приличное приданое, способное это сделать, было только у мисс Сейвари-младшей и у мисс Гилмор. Но Глэдис была, по его мнению, ничем не краше тэлботовой сестрицы, и десять тысяч, на которые её приданое было больше того, что давали за мисс Гилмор, не окупало в

его глазах уродства, что, кстати, давало ему основание считать себя бескорыстным.

Не то, чтобы Лоренс Иствуд был эстетом и ценителем красоты, но ему, во-первых, хотелось считать себя таковым, а, во-вторых, кто же хочет, чёрт возьми, ложиться в постель с жабой? Немалый опыт порочности подсказывал мистеру Иствуду, что, жаба, сколько её не целуй, принцессой не станет. Мисс же Энн Гилмор была хорошенькой, что делало приятной не только перспективу получения сорока тысяч приданого, но и позволяло с улыбкой думать о предстоящих радостях семейной жизни, кои Иствуд ещё не пробовал.

Отказываться от этих планов Лоренс не собирался. Решение было простым, и осуществил его Иствуд без малейшего труда. Надо было только не дать Вивьену ближе познакомиться с мисс Гилмор. Пусть уж лучше увивается вокруг Кору. Но для этого надо, чтобы и Кора приветливо улыбалась ему, не отвлекаясь на Монтэгу. Такого зятя ему не надо — и небогат, и дерзок, и ещё строит из себя святошу. А между тем, Вивьен рассказывал достаточно... Да и не только он.

Иствуд заговорил о Монтэгу с сэром Чилтоном, старший сын которого тоже закончил Кембридж, постаравшись, чтобы разговор слышала Кора. Сэр Остин, крестный Кору, как-то при нём уже высказывался на счёт Монтэгу и сейчас Иствуд полагал, что сэр Остин скажет достаточно, чтобы перепугать сестру. И впрямь, сэр Чилтон, лениво рассматривая свой портсигар, подтвердил слышанное от своего старшего сына Эдгара, что слухи о распутстве мистера Монтэгу далеко вышли за пределы Кембриджа, а о некоторых его извращенных склонностях и говорить омерзительно.

Кора побледнела. Брату она могла бы и не поверить, но сэр Чилтон, её крёстный, всегда судил обо всех вещах правильно. Кора замерла, сердце её болезненно сжалось, она почувствовала странную пустоту в душе. Да, корсар... сундуки-то, и в самом деле, со скелетами. Как глупо она поступила, пытаясь пробудить ревность мистера Шелдона! Но это было полбеда. Знай Кора, что мистер Монтэгу — распутник, она никогда даже из пустого каприза не стала бы заигрывать с ним. Она не только поступила глупо, но и — пусть и минутным предпочтением такого человека — скомпрометировала себя. Однако, какой лицемер! Подумать только, какие высоконравственные слова говорил он братцу! Можно подумать — миссионер-проповедник. Что ж, добродетельная наружность негодяя и его слова о высокой морали заставляют предполагать, что в нём одним пороком больше. Кора дала себе слово, что больше ни разу не улыбнется мистеру Монтэгу и, приняв столь благое решение, с удвоенным вниманием стала прислушиваться к льстивым словам мистера Тэлбота. Заметив это, Лоренс довольно потёр руки и успокоился.

Что касается мисс Харди, она, кроме мистера Тэлбота, не видела абсолютно ничего.

Между тем Монтэгу, тая от близости той, что сводила его с ума, быстро заметил охлаждение мисс Иствуд. И ничего не понял. Что за существа эти женщины? Джулиан никогда и ни от одной женщины не добивался любви, привыкнув просто платить за удовольствие, но теперь, когда ничего не мог купить, оказался бессилён. Он не знал, как понравиться, что говорить, чем привлечь внимание Кору. Но ему показалось, что вначале она смотрела на него с интересом, теперь же его слова не находили её души, скользили мимо и растворялись в пустоте. Он что-то сделал не так, но что?

Вскоре Монтэгу заметил, что её взгляд не только охладел, но и стал выказывать явную неприязнь к нему. Что случилось? Однако в неведении Монтэгу находился не более получаса, пока мистер Диллингем фамильярно не полюбопытствовал у него, о каких это его извращенных склонностях только что рассказывал сэр Чилтон? Говорят, некоторые

джентльмены в Рединге были весьма охочи до девочек, не к тому ли склоняется и он? Или мальчишки? Джулиан помертвел. Ему потребовалось необыкновенное усилие воли, чтобы взять себя в руки и спокойно спросить болтливого идиота, кому это сэр Чилтон рассказывал подобные нелепицы? Лоренсу Иствуду, просветили его, тот как раз спросил о нём, ну и он, Диллингем, услышал, потому и интересуется. Мисс Кора, та ничего не сказала, просто отошла.

Земля на миг расступилась под ногами Монтэгу. Конечно, Эдгар Чилтон... Он был старше Монтэгу, пуританин с богословского. Второй Шелдон... Весь вечер Джулиан чувствовал себя просто убитым. «Ведь щеки шлюхи, если смыть румяна, не так ужасны, как мои дела под слоем слов красивых...» Теперь Монтэгу боялся подойти к мисс Коре, опасаясь услышать нечто столь резкое, что пришлось бы просто ретироваться. Для многих мужчин несчастная любовь, лишённая наслаждения, становилась поводом к наслаждениям, лишённым любви. Но Монтэгу давно изведаль последние в их дурной полноте и теперь оказался в пустыне духа и плоти.

* * *

Раймонд устал от шума. Его душа была несуетна и молчалива, Шелдон любил тишину библиотек и уединение ученических келий Кембриджа, тихие шорохи под стрельчатыми арками и музыку колоколов. Жаль, что всё это невозвратно. Раймонд незаметно удалился от веселящихся, прошёл по весеннему парку и углубился в ближайшую из аллей. Она привела его к небольшому озеру, около которого густо росли буки. Раймонд сел на скамью и, ни о чём не думая, разглядывал рябь на озерной глади. Лунные лучи чуть золотили её, и он снова вспомнил Пэт. Нет. Нельзя. Сердце зашло тупой болью. Он замер в молчании и около получаса просто слушал музыку ночи.

Неожиданно вспомнил сначала лицемера Вивьена, потом — свои извечные препирательства с Джулианом Монтэгу.

«...блуд вы называете грехом, Раймонд, но так говорит лишь тот, кто не познал плотской любви. Кто изведаль её, никогда не поверит, что плотская любовь — удел скотов. Как может быть грязным то, что дарует наслаждение? Здесь нет ни грязи, ни запретов, лишь желание и наслаждение. Кто вы, чтобы судить меня? Кто вы, чтобы судить любовь?»

В ответ Шелдон язвительно поинтересовался тогда у Джулиана, к какой из бордельных шлюх относит тот столь патетичные слова? А его склонность постоянно избивать проституток, о чём неоднократно рассказывали сокурсники, это продолжение его наслаждений или удел скотов?

И вот — Джулиан Монтэгу, осторожный и похотливый, чьи уста оскверняли само имя Любви, потерял голову и лепечет слова, которые в его устах кощунственны, а самого Раймонда сотрясает от помыслов, которых он всегда стыдился.

Где-то послышался шум фейерверка. Небо озарилось светом. В эту минуту Шелдон услышал вкрадчивый голос Тэлбота. Хозяин пикника хотел показать своё озеро его возможной хозяйке и сейчас вёл мисс Иствуд по аллее. Раймонд поморщился. Он не хотел встречаться с ними и решил подождать, когда они отойдут, а потом — вернуться к обществу. Он укрылся за буковым стволом и тут неожиданно услышал, как мисс Кора насмешливо заметила Вивьену, что хоть он и ругает мистера Монтэгу, но не может отрицать, что тот

великолепный танцор, наездник и стрелок. Все так говорят.

На самом деле мисс Кора, теперь совершенно безразличная к Монтэю и даже ловившая себя на острой неприязни к нему, просто поддразнивала мистера Тэлбота, ибо видела ревность Вивьена к Джулиану, и просто забавлялась игрой извечного женского кокетства. Но что-то в её голосе разозлило Вивьена. По-настоящему Тэлбот ревновал к Шелдону, но и невесть откуда возникший младший Монтэю тоже раздражал невероятно, тем более что буквально пожирал его пассию глазами. Пытаться опорочить Шелдона было неумно, да и опасно, а вот с Монтэю можно было не церемониться.

— Да, вы правы, мисс Кора, — усмехнулся Вивьен. — Он прекрасный танцор, наездник и стрелок. И мерзавец, каких мало.

Тэлбот выбрал не очень удачное время и место для своих разоблачений.

— Что вы хотите сказать, мистер Тэлбот? — мисс Кора раздраженно поморщилась. Она достаточно уже поняла из разговора брата с сэром Чилтоном, и никакие новые рассказы слушать не хотела. Её не интересовали скелеты в пиратских сундуках мистера Монтэю.

— Я - ничего, дорогая мисс Иствуд. Достаточно и того, что говорят другие, — улыбнулся Вивьен, — ваш избранник прославился ещё в Кембридже — причём, вещами, которые чести никому не сделают. Эта история широко известна. Начать с того, что из его комнаты видели выходящих обесчещенных им девиц, когда же кое-кто вступился за их честь, он струсил — и не пришёл, игнорируя вызов...

Кора побледнела. Это как-то перекликалось с тем, на что намекнул — только намекнул — сэр Чилтон.

Господи, кто все эти джентльмены? Ей на минуту стало дурно.

— Вы лжёте, Тэлбот, — спокойный голос Раймонда Шелдона прозвучал отчетливо и резко. Он появился из-за ствола старого бука, заставив Вивьена вздрогнуть от неожиданности.

Мисс Кора торопливо повернулась к нему.

— Что вы здесь делаете? — Тэлбот был разозлен тем, что у их беседы нашелся свидетель, да ещё, вдобавок, что им оказался Шелдон.

Раймонд был не столько разгневан, сколько забавлялся: он понимал, что Тэлбот никогда не попрекнёт Монтэю его подлинными грехами — рыло и у Вивьена было в том же самом пуху.

— Это неправда? — В голосе мисс Кору промелькнуло на мгновение нечто большее, чем обычное любопытство.

— Неправда, мисс Иствуд. Я учился вместе с мистером Монтэю. К нашему сокурснику Эдгару Финли приехала сестра. Она воспитывалась в одном пансионе с сестрой мистера Монтэю и привезла ему письмо от неё. Мисс Монтэю просила привести ответ от брата, и мисс Финли обратилась к нему с просьбой тут же написать сестре, чтобы она смогла забрать письмо. Тот при ней набросал несколько строк. Беда была в том, что, когда мисс Финли выходила из комнаты мистера Монтэю, её заметил... некий... джентльмен, который, почему-то счёл нужным раззвонить по всему факультету о том, что мистер Монтэю совратил-де мисс Финли. Брат мисс Финли был оскорблён и вызвал мистера Монтэю на дуэль.

— И дуэль состоялась? — в тоне мистера Тэлбота была насмешка.

— Если бы она состоялась, это бы плохо кончилось для несчастного мистера Финли. Мистер Монтэю не умеет промахиваться. В Кембридже шутили, что у него заговорённые

пистолеты. Но, по счастью, мистер Финли предложил мне быть его секундантом, и мне удалось уговорить их встретиться. Мистеру Монтэгу мало улыбалась перспектива убить брата подруги своей сестры, и он тут же согласился. Присутствовала ещё не уехавшая мисс Финли, и всё достаточно быстро выяснилось. Монтэгу был повинен разве что в неосмотрительности, мисс Финли — тоже, но мне кажется, это говорит скорее о чистоте её помыслов, ведь ей и в голову не приходило, что в её поведении можно усмотреть что-то дурное. Она же в присутствии мистера Монтэгу заверила своего брата и меня, что мистер Монтэгу не позволил себе ничего недостойного по отношению к ней, после чего — говорить было не о чём. Дуэль не состоялась.

К несчастью, всегда существуют мерза... — Шелдон на мгновение осёкся, — джентльмены, которые таковыми являются только по имени. Вот этот-то упомянутый уже джентльмен, разнесший сплетню по факультету, а у него, кстати, были личные счёты с Монтэгу, и после продолжал рассказывать мерзости о нём, обвиняя его во всех смертных грехах. Сила сплетен — в низости помыслов распространяющих их и в равной низости слушающих. Он отчасти добился своего. Многие перестали общаться с Монтэгу. Финли, у которого тогда умер отец, покинул университет, а сам Монтэгу считал ниже своего достоинства оправдываться. Хотя, я видел, Джулиан был больно задет подобным отношением товарищей. Он стал взвинченным, замкнулся, несколько озлобился. Я понимал его, ведь в числе тех, кто перестал подавать ему руку, были и те, чьей дружбой он дорожил.

Тэлбот молчал.

— Вы друг мистера Монтэгу, мистер Шелдон? — задумчиво поинтересовалась Кора. На лице виконта промелькнула странная улыбка.

— Сокурсник, мисс. Он учился на юридическом факультете, я — на богословском, но наши комнаты были рядом и некоторые лекции были общими для всех, — ответил Шелдон и медленно пошёл по аллее туда, где небо вновь озарилось фейерверком.

Ни Тэлбот, ни мисс Иствуд, ни сам Раймонд Шелдон не знали, что у их разговора был ещё один свидетель. Сэр Остин Чилтон имел столь же мало интереса к бурлескам, как и Шелдон, просто он устроился на скамье, скрытой кустами лигуструма, и не заметил прихода Раймонда. Однако голоса привлекли его внимание.

Чилтон, когда понял, о чём идёт речь, не счёл нужным вмешиваться в разговор и тем более обнаруживать своё присутствие. Старость нетороплива и лишена суетливости, и сэр Чилтон оставался на скамье, предаваясь тёмным раздумьям, ещё долго после того, как все участники беседы покинули парк.

из которой в которой проступает подлинное мнение виконта Шелдона о мистере Монтэгю.

Шелдон хотел домой, но его пригласили в кружок мистера Карбэри, и он не мог не подойти. Он вёл вежливую светскую беседу, когда снова заметил Монтэгю. К нему подошла мисс Кора, и виконт видел, как она что-то говорит ему, трепещущему и замороженному. Новый вопрос полковника отвлек его от парочки, а когда он встал, чтобы уйти, то заметил, что бледный Джулиан дожидается его у колонны. Они вместе вышли на улицу. Монтэгю, как понял Раймонд, узнал от мисс Иствуд о разговоре в парке, однако в голосе его были лишь горечь и раздражение.

— Я, видимо, должен поблагодарить вас, Раймонд, но я не понял, что побудило вас вмешаться?

Шелдон пожал плечами.

— Зачем позволять нести грязь туда, где её нет? Достаточно и того, что есть...

Монтэгю горько усмехнулся. Он нервничал, в его движениях проступала взвинченность, жесты были порывисты, нервозны и почти судорожны.

— Да, вы неоднократно давали мне понять, что я развратен и зол. Готов даже признать, что это соответствует действительности. Но чего ради вы вдруг стали защищать меня, Шелдон?

Виконт снова пожал плечами.

— Я говорил вам, Монтэгю, что вы излишне драматизируете жизнь, не уважаете в себе образ Божий, оскверняете своё тело, что вы озлоблены и недоброжелательны, склонны своими выдуманнами обидами оправдывать то, что не подлежит оправданию. Но я говорил это вам и — в приватной беседе. Позволять приписывать вам то, чего вы не совершали — бесчестно. Тем более что мерзавец Тэлбот прекрасно знал, что лжёт, но настоящими помоями облить вас не мог — от самого смердит тем же.

Монтэгю недоверчиво усмехнулся. Он никогда не понимал этого человека. Джулиан видел, как жил Шелдон и, хоть и не уставал насмеяться, ни разу не мог поймать его не только на дурном поступке, но даже — на дурной мысли. Это раздражало. Джулиан дорого бы дал, чтобы иметь возможность посмеяться над Шелдоном, хотя бы раз застать его *in flagranti*, унижить до себя... Но сейчас к его всегдашней неприязни к этому очень сильному человеку и зависти, которую он ощущал неоднократно, хотя Монтэгю никогда бы себе в ней не признался, добавилось чувство, пересиливавшее и подчинявшее себе всё остальное. Монтэгю не хуже Тэлбота понимал, что именно Раймонд Шелдон является его подлинным соперником, и стоит ему шевельнуть пальцем — Кора будет принадлежать ему. И потому проявленное Шелдоном по отношению к нему, Монтэгю, благородство тоже казалось унижением.

— Что вам за разница, будет ли мисс Иствуд думать обо мне как о трусе и развратнике или нет? — Монтэгю просто хотелось, чтобы Шелдон высказался.

Раймонд понимал Монтэгю. Джулиана выдавали и глаза, и пунцовый румянец на скулах, и сбивающееся при виде мисс Иствуд дыхание. Влюблён до ослепления. Понимал

Шелдон и себя. Видел безнадежность своей любви, и оттого постигал, насколько любовь бывает безысходна. Но осознавая, что никогда не получит того, чего жаждет его душа, Раймонд понимал, что никогда уже не сможет полюбить и Кору Иствуд. Претили кокетство, суетность, отсутствие терпения и заметная зараженность дурным духом эпохи. Правда, кое-что в ней нравилось Шелдону, было живым и человеческим, недостатки её были не таковы, чтобы, будь в нём нежное чувство к ней, он не смог бы преодолеть. Но чувства Шелдона по нелепому произволу случая принадлежали другой.

— Мне казалось, что эта девушка вам, мой друг, небезразлична, а раз так — вам должно быть небезразлично и то, что она думает о вас, — проронил он Монтэгию.

— Положим, но я спросил, почему это небезразлично вам, мистер Шелдон?

Раймонд неожиданно усмехнулся. Он несколько раз, ещё в Кембридже, обращался к Монтэгию со словами «друг мой» и всегда слышал в ответ «ваша милость» и «мистер Шелдон». Его дружба отвергалась жёстко и несколько подчеркнута, с высокомерием и нервной торопливостью. Шелдону казалось, что он понимает Монтэгию: теперь Джулиан видел в нём не только оппонента, но и соперника.

Раймонд с улыбкой наклонился к Монтэгию и с любопытством спросил:

— А, скажите, Монтэгию, если бы моё имя смешивали при вас с грязью, вы опровергли бы клеветников?

— Если бы Тэлбот при мне рассказывал мисс Коре мерзости о вас?

Шелдон снова усмехнулся. Он видел, что для Монтэгию его провокации выглядели незначительными и пустыми, всё, что хотел Джулиан, — это услышать о планах самого Шелдона в отношении той, которой он бредил. Раймонд не хотел мучить Монтэгию, но и открывать ему сердце тоже не собирался.

— Я не называл имен, Монтэгию. Так вы бы вступились за меня?

Монтэгию досадливо поморщился.

— Не знаю. Если бы то, что говорилось, показалось мне мерзким, возможно, опроверг бы. А, может, и нет, кто знает?

— Н-да... И, наверняка, окажись вы на месте Вивьена, вы, так же, как и он вас, облили бы его грязью...

— Мне надоели дебаты о чести и добродетели. Скажите, Шелдон... — голос Монтэгию дрогнул. Джулиан ненавидел этого надменного богача, с издевательским высокомерием называющего его своим другом, презирал себя за слабость, вынужденный унижаться перед ним, но ничего не мог с собой поделать: для него на карте стояло слишком много. — Вы собираетесь жениться на... мисс Иствуд?

Шелдон вздохнул. Монтэгию был неисправим.

— Когда я видел дворец Сен-Джеймс издали, он казался мне маленьким, Джулиан. Но подъехав ближе — я постиг его подлинные размеры и величие. Но почему... к иным людям, чем ближе подходишь, тем они мельче, а? Простите, я отвлёкся... Мой отец назвал имя мисс Кору Иствуд первым в списке моих возможных невест. Но если то, что я видел у мистера Сейвари, правда... — Шелдон отстранённо и вежливо улыбнулся. — Вам ведь дали понять, что вы можете рассчитывать на внимание...

— Да, но это был сделано, чтобы вызвать вашу ревность, Шелдон.

— Монтэгию... — Раймонд Шелдон стал уставать от разговора. — Все, что я могу, это уступить дорогу вам и Тэлботу. Заставить мисс Иствуд полюбить вас я не могу.

— Но она любит вас, Шелдон.

Раймонд окинул Монтэгу взглядом изумлённым и — подлинно высокомерным.

— Что за вздор вы несёте Джулиан? Она может считать, что влюблена. Но в кого? В фантом, в собственную фантазию? Что она знает обо мне, кроме того, что я богат, положим, не урод, и брак со мной — выгоден для всего семейства, о чём ей неоднократно и настойчиво твердил братец Лоренс? Кстати, поверенный отца говорит, что он почти разорён. Разумеется, породниться с Шелдонами им выгодно. Мисс Кора тоже понимает это. И вот появляюсь я — и она, как по заказу, в три часа влюблена. Вам ничего не кажется странным? Женить деньги на титуле — прекрасный вариант, но мой титул не нуждается в деньгах. Нет, — надменно бросил он, — я не хотел бы приписывать мисс Коре корыстные интересы. Она не бедна. Но вы прекрасно знаете, Джулиан, — продолжал Шелдон, — что мисс Кора не знает меня, — про себя Шелдон с досадой подумал, что всё то, что он говорит о Коре, в полной мере можно отнести и к нему самому. Разве сам он потерял голову не из-за прелестного личика? — последняя мысль исказила лицо виконта, наложив на него печать сугубого недовольства собой и раздражения.

Монтэгу пожирал Шелдона глазами. Чёрт, он не шутит и он... не любит.

— Стало быть, вы... и вправду... устраняетесь?

Монтэгу поймал глазами взгляд его милости. Шелдон не стал уклоняться от ответа.

— Моё сердце свободно. Никаких намерений у меня нет.

Откровенность Шелдона Монтэгу оценил.

— Страсть — это трагедия, Шелдон, — пробормотал он с улыбкой, горько перекосившей его красиво очерченные мягкие губы.

— Да, потеря рассудка трагична...

— Вы — ненормальный, Шелдон! Как можно остаться равнодушным...

— Ну, что вы, друг мой, — в голосе Раймонда снова проступило высокомерие, но теперь — насмешливое и деланное, — просто взболтать бокал вина легче, чем бочку. — Он нарочито придал своему лицу выражение чуть наигранного недоумения. — Но я не понимаю вас, дорогой Джулиан. Наслаждение плотской любви можно получить в любом борделе, где ваши страсти всегда и реализовывались. Давно ли страсть стала трагедией?

Но препирательства с Шелдоном о плотской любви Монтэгу сейчас не занимали.

— Довольно, Шелдон, Бога ради. Но... её... её не отдадут за меня...

— Мне лично кажется, что мисс Кора, — Шелдон усмехнулся, — весьма решительная особа, и стоит ей по-настоящему увлечься и чего-либо захотеть, — ни у кого спрашивать она не будет. Я, кстати, вы уж простите, слышал, как вас называли пиратом. Она, оказывается, романтична. Мне так и показалось, что ей должны нравиться корсары и искатели приключений. Но я, знаете ли, принадлежу к другому типу...

Монтэгу задумался, потом, чуть поморщившись, проговорил:

— Я благодарю вас, Раймонд, за все, что вы сделали для меня.

Шелдон грустно пробормотал:

— Это не стоит благодарности, Джулиан.

Он не стал дожидаться конца вечера, и вышел, не прощаясь с хозяином.

Тэлбот был ему омерзителен.

Виконт вынул часы. Его экипаж должны подать не раньше часа, а сейчас не было ещё и полуночи. Шелдон свернул с Соборной площади, медленно побрёл по Рыночной улице и неожиданно вздрогнул, услышав своё имя. Он обернулся и в тусклом свете освещённого окна мрачного дома, мимо которого проходил, увидел сэра Остина Чилтона, неторопливо шедшего за ним.

— Надеюсь, Раймонд, вы не возразите против попутчика?

— Ну, что вы, сэр.

Некоторое время они шли рядом. На улице Южных врат баронет замедлил шаги и предложил Шелдону присесть. Они опустились на скамью, и Раймонд Шелдон с удивлением в свете фонаря заметил, что на лице сэра Чилтона застыло выражение надменной брезгливости.

— Должен признаться вам, Раймонд, что я был свидетелем вашего разговора с хозяином праздника и мисс Корой в парке. Вашего прихода я не заметил, но произошедший инцидент заставил меня несколько отвлечься от собственных мыслей. — Баронет повернулся к виконту. — Вас не шокирует сказанное мною?

Раймонд, храня молчание и глядя в темноту, отрицательно покачал головой. Его это и вправду ничуть не волновало.

— Тогда я хотел бы кое-что уточнить, если это не обременит вас, — веско выговорил сэр Чилтон, — я хотел бы понять, насколько вы были искренни, защищая сына Этьена?

Шелдон с изумлением посмотрел на собеседника.

— Вы... говорите о мистере... Монтэгу?

— Да.

Раймонд Шелдон не понял, чем объясняется интерес сэра Чилтона, не знал и причин, побудивших баронета затеять этот разговор, но предпочел не спрашивать об этом и ответил, не задумываясь.

— Вступившись за Монтэгу, я просто сказал правду.

— Мой мальчик, если вы в самом деле считаете сына Этьена достойным человеком, мне придется отказать вам в уме. Вы не можете не понимать, что этот щенок столь же лицемерен и ничтожен, развратен и подл, как и тот, кто сегодня поносил его. Мисс Кора — моя крестница, и я не допущу, чтобы вокруг неё увивались подобные люди. Я намерен завтра же поговорить с ней. Я думаю, что она уже поняла, кто такой молодой Тэлбот, но вы сделали всё, чтобы ввести её в заблуждение по поводу молодого Монтэгу. Я не допущу этого.

Раймонд растерялся, и его замешательство отразилось и в нервном жесте, сковавшем его руки, и в голосе.

— Сэр, я... я полагаю, вы не правы.

— Я хочу понять, Раймонд, вы, что, — считаете его порядочным человеком?

Виконт пожал плечами. Разговор был ему в тягость, но Шелдон сделал над собой усилие.

— Я много лет знаком с Джулианом Монтэгу, знаю его жизненные обстоятельства, его взгляды и его поведение. Не могу утверждать, что его душа открыта мне, но должен уверить вас, что знаю его лучше многих. Он... поймите меня, сэр, Джулиан очень умён, в чём-то благороден. Не могу утверждать, что те слухи, что дошли до вас, несправедливы, но он... не то... не только то, что вы о нём слышали.

— Вы судите о нём на основании услышанного от него?

— О, нет. — Раймонд Шелдон невесело рассмеялся. — В этом случае мне пришлось бы

согласиться с вами. Его слова хуже его поступков. В них отсутствует критерий добра и зла. Но я видел его лицо, когда он писал письма сестре, я видел его бесстрашие, великодушие... Некоторые случаи, что мне довелось наблюдать... Особенно — случай с юным Дэвидом Эшером. Несчастный сирота, обучавшийся за казённый счёт, его буквально травила компания во главе с Холдернессом, графским отпрыском из Суррея. Эти негодяи заперли его на всю ночь в мокрый подвал, кишасший крысами. Монтэгию вытащил его оттуда и в одиночку учинил расправу с мерзавцами, отхлестал Холдернесса по щекам, послал вызов всем — но никто из них не принял его. Мистер Холдернесс возненавидел Монтэгию до дрожи, но тоже не осмелился — ни жаловаться, ни драться.

— Эта история вам известна с его слов? — в тоне сэра Чилтона было некоторое недоумение.

Шелдон покачал головой.

— Крики мальчишки услышал я и пока побежал к себе за кочергой, чтобы выломать дверь, Джулиан уже вышиб её ногой. Пока мы отогрели, точнее, пока я отогревал у камина Дэвида, Монтэгию, узнав, что это дело рук холдернессовской шайки, помчался наверх и счёлся со всеми пятью мерзавцами. Четверо потом три дня не появлялись на лекциях. Я никогда не скрещивал с ним шпаги, но однажды видел его в фехтовальном зале. Клянусь, меня морозом прошибло, а ведь я как будто не робкого десятка. До сих пор помню эту шпагу в его руке. Она мелькала, как молния. Поверьте, сэр, Тэлбот хуже своей репутации, Монтэгию — лучше. Я попросил бы вас не вмешиваться... — Шелдон бросил печальный взгляд на собеседника, — Джулиан впервые влюбился, такого с ним никогда не было. Будем надеяться, что нежное чувство обуздает в нём некоторые... издержки юности.

— Издержки юности? Я вас не понимаю, Шелдон. Вы говорите о распутнике, который обтёр сюртуком грязь всех борделей Кембриджа, Бата, Лондона и Рединга. И вытворял там такое, что распоследние шлюхи в ужасе шарахались от него. Он развратен и порочен. Вы знаете об этом?

Шелдон поморщился. Ещё бы он не знал! Шелдон вздохнул, подумав, что все попытки сохранить репутацию, прилагаемые Монтэгию, оказались тщетными, и криво улыбнувшись, подумал, что у правды есть странное свойство, роднящее её с дерьмом — всегда всплывать. Впрочем, нет, поправил он себя. Не у правды. У мерзости. Нет ничего тайного, что не стало бы явным. «Засыпь хоть всей землёй деяния тёмные — их след поздней иль раньше выступит на свет...» Но Шелдону было искренне жаль Джулиана: Раймонд понимал, если сэр Чилтон действительно возьмёт на себя труд поговорить с мисс или миссис Иствуд — Монтэгию просто откажут от дома.

— Я, конечно, знаю об этом, сэр, но я знаю и о другом. Монтэгию сам прекратил свои похождения, раскаявшись в них. — Это было не совсем правдой и даже совсем не правдой, но Шелдон счёл, что посвящать сэра Чилтона в подлинные обстоятельства жизни Монтэгию вовсе необязательно, — Джулиан прекрасно учился. Острый ум, феноменальная память, блестящие отзывы. Он был гордостью юридического факультета. Я прошу вас не вмешиваться, сэр. Грехи молодости надо прощать. Подлость — коррозия души, но распушенность — это её грязь, а грязь очищается слезами раскаяния.

— Что-то я не замечал слёз на лице этого распутника, — тон сэра Чилтона чуть смягчился, но в нём всё ещё проступал металл. — Сегодня, отвечая на вопрос мисс Иствуд, вы отказались назвать его другом.

— Не я. Я называл, и не раз, — сэр Чилтон не понял странной улыбки, проскользнувшей

по губам виконта Шелдона, — но замечал, что он в ответ всегда обращался ко мне «мистер Шелдон» и «ваша милость».

— То есть, это он не удостоил вас именем друга? Счёл вас недостойным своей дружбы? — вопрос сэра Чилтона был слишком саркастичен. — А, может быть, в этом была известная доля скромности и смирения, и он полагал, что недостойн чести быть другом такого, как вы?

Шелдон рассеялся, правда, совсем невесело.

— Я полагаю, сэр, что Монтэгию не хотел, чтобы это выглядело так, будто он нуждается в моей дружбе. Я мог оказать ему услугу, помочь или облагодетельствовать — он не мог. Это понимание унижало Монтэгию. У него есть чувство собственного достоинства — только и всего. Ну... может быть, его можно назвать гордецом... Но Джулиан всегда был склонен не унижать, как Холдернесс, но покровительствовать тем, кто ниже и слабее его.

— Скажите откровенно, Раймонд, имей вы сестру или крестницу — вы бы доверили её такому человеку?

Раймонд снова поморщился. Вопрос был гипотетический, но неприятный.

— Монтэгию никогда не совершит подлости, — заверил он баронета, — от него можно ждать любой выходки, но не низости. Монтэгию... шалопай, конечно, но не подлец. А уж повести себя непорядочно по отношению к мисс Коре Джулиан просто неспособен. Мы говорили с ним сегодня. Уверяю вас, его намерения — самые честные.

Остин Чилтон долго молчал. Баронет знал из хорошо осведомленных источников в Кембридже о поведении в университете не только Монтэгию, но и самого Шелдона. Большой противоположности, разницы в отзывах трудно было себе даже представить. Тем страннее для баронета звучали слова Шелдона, явно пытавшегося выгородить Монтэгию. Чилтон видел, что сын Брайана равнодушен к красавице Коре, но считал его — по тем же отзывам — человеком кристальной порядочности, и недоумевал, что может заставить молодого Шелдона быть столь снисходительным к распутному повесе. Неужели ему совсем безразлично, что девушка будет связана с негодяем? В отличие от Раймонда, сэр Чилтон полагал развращенность — не грязью, но болезнью, проказой души, и не считал, что она может быть прощена или забыта. Клеймо распутства не смывается. Проказа не излечивается. Слова Раймонда не убедили Чилтона, он решил просто подождать, понаблюдать за поклонником крестницы, а уже потом принять решение.

* * *

Шелдон же, вернувшись к себе, долго лежал без сна, снова вспоминая свои препирательства с Джулианом.

«- Кто определяет запреты, Шелдон? Только я сам себе могу устанавливать границы дозволенного. Я никогда не признаю принуждения над собой, только мои желания есть мерило всего, и подавлять их я не намерен — иначе, зачем жить?»

— Мне остаётся лишь уповать на то, что ваши желания не вымостили бы вам, Монтэгию, дороги в ад. К счастью, вы кажетесь мне добрым человеком, Джулиан, несмотря на декларируемые софизмы.

— Я добр лишь к тем, кто достоин этого. Трижды презрен тот, кто расходует себя на недостойных.

— И любите лишь достойных любви? — Губы Шелдона искривились.

Намек на бордели Монтэгу проигнорировал.

— Ваши взгляды отдают плесенью, Шелдон. Я не готов подставить щеку, жизнь — это насилие. Кто и чего достиг непротивлением? Я ничего не прощаю врагам своим. Отвечаю ударом на удар, насмешкой — на насмешку, оскорблением — на оскорбление — мера за меру. Воздай другим то, что они заслужили. Презрен отвечающий добром на хулу. Трижды презрен творящий добро неблагодарным.

— А вы пробовали?

— Даже не собираюсь. Зачем растрачивать себя на глупости?

— Это всё же лучше, чем растрачивать себя на бордели.

— Все блага и радости надо брать здесь и сейчас. Трижды глуп аскет, страдающий в этой жизни и надеющийся на воздаяние потом. Что лучше: страдать всю жизнь, в надежде на будущее воздаяние, но узнать потом, что всё всуе? Или сейчас срывать все плоды жизни, ни на что не рассчитывая, а потом узнать, что тебе даровано новое бытие?

— Оно может быть для сорвавшего здесь все плоды таким, что едва ли порадует.

— Это ерунда, в мире нет ни добра, ни зла. И глуп тот, кто меряет всё понятиями света и тьмы. В мире много цветов, много и оттенков. И когда вы осознаете это, вы познаете, что есть Свобода. Если же кто творит то, что вы именуете злом, почему он делает это? Либо от одиночества, либо его на это толкают отчаянье, бедность, болезнь, дурное воспитание или безумие.

Шелдон вздохнул.

— Я не могу стать выше безумия. Но я буду выше одиночества, отчаяния, бедности, болезни и дурного воспитания. Нет, и не может быть обстоятельств, которые толкнули бы меня на подлость. Просто потому, что я не хочу быть подлецом.

Монтэгу насмешливо улыбался.

— О, Боже мой, слышать такое от Шелдона, наследника трехсоттысячного состояния, руками гнущего кочергу, здоровьем, образованием и воспитанием которого занимались лучшие врачи и учителя королевства! Что вы знаете об отчаянии, бедности, болезни?

— Бросьте, Монтэгу. У вас поводов впасть в отчаяние не больше моего, вы просто потворствуете своим самым низменным прихотям и оправдываете себя несуществующими придуманными драмами! Подумать только, он шляется по значным местам, как сказал про вас Хилл, «до глубины души поражая женщин размерами своего огромного дарования», потому что... А почему, кстати? Отчаялись? В чём? Больны? Но болеете вы только с похмелья. Дурное воспитание? Может, определить вас в пансион мадам де Фри и поучить этикету? Бедность? Но вояжи по борделям недёшевы. Может, безумны? Но ваше мышление не носит никакой печати умопомешательства. Вам нет оправдания, Джулиан...»

Монтэгю уехал вскоре после ухода Шелдона. Только сейчас, уже в предрассветных сумерках, Джулиан задумался о происшедшем — в присутствии Кору он не мог размышлять ни о чём. Он порадовался, что Вивьен в её глазах предстал лжецом — это повышало его шансы, которые он оценивал теперь, после слов Чилтона, как весьма скромные. Но подумать только! Ещё совсем недавно он не знал, зачем встаёт по утрам и как скоротать день, и вот теперь не мог спать по ночам и не замечал времени!

Судьба обошлась с Джулианом Монтэгю немилостиво, причём несправедливость ощущалась им с колыбели. Властный и сильный, умный и осмотрительный, Джулиан был рожден управлять, но жребий сделал его младшим сыном. Отцовское состояние должен был унаследовать старший брат Томас, мягкий и поэтичный юноша, как характеризовал его отец, слабохарактерный и ничтожный, как позволял себе думать Джулиан в раздражении. Истина, как обычно, была посередине: Томас поэтом был, прямо скажем, весьма заурядным, но был добр и мягок. Нельзя сказать, что братья ненавидели друг друга: Томас всегда стремился к добрым отношениям с Джулианом, восхищаясь его отчаянной отвагой и душевным благородством, сожалея лишь, что оно не распространяется на него самого. Джулиан же ненавидел своё ущербное и подчинённое положение и, считая брата его виновником, ненавидел и его. Он не был ни кутилой, ни игроком, ни транжирой, но сама необходимость довольствоваться восемьюстами фунтами в год унижала и бесила. В семье Джулиан был замкнут и высокомерен, и только любовь к сестре говорила, что он умеет испытывать некоторые иные чувства, кроме раздражения и недовольства жизнью.

Едва вырвавшись в семнадцать лет из-под опеки отца, Монтэгю в Кембридже дал волю самым низменным инстинктам. Похоть в нём заговорила раньше, чем сумела воплотиться хотя бы в подобие любви или увлечения, и поиск удовлетворения привёл его к тем женщинам, в которых сам Джулиан видел только ничтожество. Он презирал их и нуждался в них — и понимание того, что наслаждение дарует ему то, что сам он считает мерзостью, тоже унижало. Но наслаждение углублялось только при погружении в мерзость, и Джулиан всё более и более ненавидел то, от чего зависел. Он стал жесток, и возможность унижить распутных женщин углубляла его ощущения, он никогда не упускал возможности выместить на проститутке накопившееся в душе зло.

Вначале Монтэгю не видел ничего неприемлемого в своих деяниях — они были обычны для той среды, где он находился. Исключением был только Шелдон, но исключения — не в счёт. Джулиан считал, что только плоть, а не его личное произволение влечёт его к наслаждению, и не заметил, как его душа, однажды породившая своей волей мерзейшие желания, затем сама стала лишь инструментом их осуществления.

— Вы осквернили своё тело, Джулиан, а теперь грязь тела измазала вашу душу, — сказал ему на втором курсе Раймонд.

— Вздор, Шелдон, душа — иллюзия. Все страсти порождены нашей животностью, я тут ни при чём.

— Греховное влечение поднимается не из тела, а из глубин души, не тело же ввергает

вас в состоянии гордости или отчаяния, не пожелание плоти приводит к зависти или ненависти! Никакая из страстей сама по себе в нашу природу не заложена. Но допуская, чтобы ваши пороки осуществлялись, вы делаете их потребностью, исходящей из сердца уже как естественные желания. Вы находитесь в состоянии страстной одержимости, ваши склонности уже правят вами.

Они спорили часто и яростно, Джулиан утверждал, что побуждения тела не должны пресекаться измышлениями ума. «Изнурение плотским голодом только разгорячит вашу фантазию», смеялся Джулиан над Шелдоном, на что тот неизменно спокойно и даже с бесившей Джулиана кротостью отвечал, что осквернение в себе образа Божьего недопустимо, нельзя мириться с тем, что марает честь, и добавлял: «когда в человеке умолкают глупые страсти, он начинает слышать, как течёт время, как поёт ночная цикада и всё живое славит Господа...» Чёртов богослов!

Джулиан зло отвергал нелепые аргументы Шелдона, но тут всё шире распространявшиеся слухи о его порочности заставили его умерить пыл. Монтэгию всегда берёт репутацию, и когда сокурсники стали сторониться его, был неприятно поражён. Джулиан понимал, что их остракизм в какой-то мере оправдан, и постепенно стал понимать правоту виконта: однажды в минуту покаянного просветления он попытался было избавиться от своих склонностей, но уже не смог.

Однако это осознанное бессилие вдруг взбесило его до яростной дрожи. Он не господин самому себе?!

Шелдон с удивлением наблюдал перемены в поведении Монтэгию. Высокомерная гордыня, ощутив свое унижение, сделала то, чего не смогли ни его уговоры, ни попытки самого Джулиана. Он будет управлять собой, решил Джулиан и прекратил свои похождения. Раймонд изумлялся. Одно греховное побуждение оказалось уничтожено другим: Монтэгию год не появлялся в местных борделях, что заставило многих говорить о его нравственном перерождении.

На взгляд Шелдона, это говорило только о сильной воле приятеля. «Вы не преодолели похоть, а просто по гордыне не перенесли собственной зависимости от неё». И Шелдон оказался прав. Утвердив себя, Джулиан снова стал позволять себе — но не с той одержимостью, что раньше — полночные порочные вылазки, предпочитая теперь не официальные бордели, а тайные дома свиданий. Телесное наслаждение притупилось, Джулиан уже ощутил пресыщение, и оттого в некоторых наипорочнейших склонностях проявлял себя ещё омерзительнее, чем раньше. Но действовал с утроенной осмотрительностью. Старое наблюдение, что там, где попирается мораль, всегда сугубо блюдет пристойность, было по-прежнему истинным.

* * *

Вернувшись в Уинчестер, Монтэгию не поехал в Монтэгиюкастл, имение отца, не ответил на письмо брата, приглашавшего его приехать, ибо Джулиана взбесило, что он может появиться в дом, где родился, только по приглашению того, кто появился на свет на два года раньше. Пропавши всё пропадом! Он остановился в их городском доме, не рассчитывая пробыть там долго, ибо собирался в Лондон — приступить к юридической практике. На вечер к Сейвари он попал случайно и ничего не ждал от него. То, что произошло, стало для

Джулиана полной неожиданностью. Единственная женщина, о которой Монтэгю думал с нежностью, была его сестра Кэтрин, остальные в его понимании делились на доступных и недоступных: первые пресытили его, вторые — не интересовали.

Но вот перед ним стояла женщина, сотрясая его колени, та, что подарила ему двойственное ощущение его мужской силы и его же слабости, от которой голова вдруг пошла кругом и сердце колотилось в груди как безумное. Джулиан недоумённо оглядывал антрацитово-пепельные волосы, отливавшие на свету лаковой белизной, обрамлявшие лицо с огромными глазами и высокими скулами, со сбившимся дыханием останавливал взгляд на нежном изгибе бледно-розовых губ... При мысли, что такой можно пользоваться, Монтэгю почувствовал оторопь, почти ужас, он жаждал... обладать ею, — и вдруг содрогнулся, поняв, что до сих пор никогда не обладал ни одной.

Любовь, неожиданно войдя в изгаженную душу, сделала её чище, но сама, отравленная ядовитыми миазмами прежней мерзости, исказилась. Монтэгю страдал от ревности и страсти, сжигавшей его, метался между надеждой и отчаянием, мучился безысходностью и терзался новым, неизвестным ему ранее неутолимимым плотским томлением, блаженным и тягостным одновременно.

Он совсем упал духом, выслушав разряженного идиота Диллингема. Боже мой, если сэр Чилтон расскажет в обществе о его похождениях, о коих, разумеется, он осведомлен от Эдгара — от него будут шарахаться как от зачумлённого. Не все, разумеется, но что ему все? Кора... А если заговорит Шелдон? У Джулиана потемнело в глазах. Нет! Раймонд не сделает этого. Он ведь только что вступился за него! Впрочем, речь шла не о том.

Когда Шелдон дал ему понять, что не намерен домогаться любви Кору, Монтэгю возликовал, хоть и изумился. Равнодушие Раймонда к самому воплощению красоты казалось необъяснимым, странным. Помилуйте, да здоров ли он? Как можно...? Впрочем, что ему, Джулиану, за дело? Но может ли Шелдон проговориться Коре? Раймонд порядочен и... и из той самой порядочности может предостеречь юную особу от общения с ним.

Сейчас, когда лошади быстро несли его по тёмным улицам, Джулиан неожиданно задумался. Шелдон и его вечное высокомерное упорство в добродетели... Что-то в его словах, сказанных сегодня, походя, рикошетом — задело Монтэгю, задело, но тут же и забылось, вытесненное угаром страсти. Что такого сказал Шелдон?

Ландо остановилось у его дома, Джулиан тихо вошёл, впущенный лакеем и, раздеваясь, неотступно вспоминал, что так зацепило? Упоминание, что Кора влюблена в Шелдона лишь потому, что так надо Лоренсу? Нет, не это. Может, его оскорбило великодушие Шелдона? Джулиан покачал головой. Нет, не то. Высокомерное замечание о бокале вина было актерством и шуткой, Монтэгю понимал это. Чёрт возьми... Джулиан сел на кровати. «Наверняка, окажись вы на месте Вивьена, вы, так же как и он вас, облили бы его грязью...» Джулиан выпрямился и похолодел.

Вивьена Тэлбота Раймонд Шелдон, отнюдь не склонный разбрасываться эпитетами, назвал мерзавцем.

А что... в самом-то деле, облил бы? Монтэгю задумался.

Нет. Нет, не облил бы. Хотя с Тэлботом они пересекались в местах малопочтенных, он не стал бы... Не то, что не стал бы... просто... не смог бы. Это мерзость. Джулиан с наслаждением убил бы Тэлбота, но клеветать не стал бы... «Чёрт, а хорошая мысль, меня оскорбили, задели честь, оклеветали... У мерзавца обширный лоб — и захочешь, не промахнешься...» А разве он хочет промахнуться? Монтэгю широко улыбнулся в темноте,

закинул руки за голову и, откинувшись на подушку, предался мечтаниям. Он посылает вызов... Поднимает пистолет, прицеливается... Пах! Вивьен с простреленной макушкой падает навзничь, широко раскинув руки... Эти сладкие фантазии и приятнейшие грезы так увлекли его, что Джулиан с трудом очнулся. Мстить за себя — смешно, к тому же, скажут, что просто убрал соперника. И правильно скажут.

Монтэгю вздохнул, расставаясь с прекрасными воздушными замками.

Впрочем, уснуть он не смог. Мысли его заполонила мисс Кора. Он, то и дело облизывая пересыхающие губы, грезил наяву. Мысль, пришедшая ему в голову, едва он увидел её, скрежещущим диссонансом вторгалась в него. Он ведь, действительно, никогда не обладал ни одной женщиной. Настоящей женщиной, а не теми порочными созданиями, что ублажали по грязным притонам мужскую похоть. Странная и безотчетная брезгливость, почти патологический страх заразы и презрение к шлюхам исказили его чувственность. Но сейчас, лежа в расслабленной истоме в постели, Джулиан таял, воображение рисовало нежнейшую, бархатистую кожу лилейной шеи, изящные завитки волос возле затылка, прелестный профиль и тёмные глубокие глаза. Мысленно он прикоснулся губами к её рукам и запястьям, к тонким, словно вырезанным из слоновой кости ключицам, ладонь его скользила по лилейным плечам... Он представил её в утреннем пеньюаре, белом, с пеной кружев... Вот она будит его поцелуем, ерошит волосы, смеётся... Он хватает её в объятия, осыпает поцелуями...

Вот оно, счастье.

Джулиан тихо поднялся, подошёл к ящику трюмо. Ещё в конце вечера у сэра Винсента Кора оставила на столе крохотный благоухающий платок из батиста. Монтэгю видел, что она потом искала его — но он, незаметно накрыв его ладонью, сунул в карман сюртука. Ящик бесшумно открылся. Вот он. Джулиан прижал платок к лицу, вдохнул запах, чувствуя новый приступ истомы и головокружение.

Внезапно всё кончилось. Взгляд его упал в ящик. На дне его лежали коричневые перчатки из тонкой замши, а под ними — небольшой замшевый мешочек, напоминающий кисет для табака. Но табака внутри не было. Он был наполнен, как шутил Джулиан, высочайшим порождением прогресса, изобретённым доктором Кондомом: это была его постоянная экипировка при посещении зланных мест. Боже, как же он не подумал! Положить сюда... Идиот. По коже Джулиана прошла неприятная дрожь. Надо... убрать это отсюда. Мерзость. Надо... просто вышвырнуть. Монтэгю поморщился.

Раймонд Шелдон недаром называл этого человека умным. Будь Джулиан глупцом, его мысль остановилась бы, но к несчастью для Монтэгю, виконт не заблуждался на его счёт. И воспоминания и мысли, логичные и умные, потекли дальше. В памяти всплыло: «Вы опоганили своё тело, Джулиан, а теперь грязь тела измазала вашу душу...» Чёртов ортодокс. Но как вышвырнешь мерзость из души? Мысль Джулиана не могла остановиться. «Это другое!», в отчаянии закричал он про себя.

Образ Кору растаял. Джулиан был один в пустой спальне, сжимая в руках белый платок.

Сна не было. В душу медленно вползало что-то ледяное, скользкое, подступало к сердцу, обвивая змеиными кольцами. Маленькая рыженькая шлюшка Хетти, смеясь, прыгнула ему на колени, обняла за шею тонкими ручонками, попыталась приникнуть розовыми губами, составлявшими неприятный контраст с волосами, к его губам. Монтэгю в ужасе отстранился, вспомнив омерзительные губы виденного им в Лондоне нищего

сифилитика. Он никогда не целовал губ ни одной женщины. Рука Джулиана в коричневой замшевой перчатке резко отстранила мерзкую тварь, другая с размаху ударила её по лицу.

— Не смей, дрянь, прикасаться ко мне.

Монтэгу методично избивал шлюху, вымещая на ней постоянный парализующий страх подхватить что-то в этом мерзейшем притоне, злость и ненависть к ней и к себе, вечное дурное напряжение и что-то ещё, неопределимое, но саднящее душу.

Джулиан вскочил, на несколько мгновений замер перед горящим камином. Осторожно положил платок в изголовье кровати. Тяжело дыша, вынул из ящика его содержимое. Яростно швырнул в огонь. Обессилено сел в кресло, наблюдая, как, словно живая старческая плоть, корчится и извивается в огне замша. Где-то в извивах памяти надсадно и горько плакала маленькая рыжая девчонка. Монтэгу заткнул уши и бросился на постель. Всё, чего он теперь хотел, был сон. «Невинный сон, тот сон, что сматывает нити с клубка забот, хоронит с миром дни, дает усталым труженикам отдых, врачующий бальзам больной души, сон, это чудо матери-природы, вкуснейшее из блюд в земном пиру...»

Но уснуть так и смог.

* * *

На следующий день около четырех пополудни заехал к Шелдону. Тот не ждал Джулиана, хотя и ничем не выказал своего удивления. Раймонд видел по усталым жестам и кругам под глазами Монтэгу, что тот не спал ночь. Монтэгу пребывал в странно взвинченном состоянии, и почти сразу задал Шелдону вопрос, который вынашивал всё утро.

— Я заехал, чтобы кое-что понять, — несколько рассеянно проронил Монтэгу, стараясь не встречаться глазами с Раймондом. — Как, по-вашему, я чем-нибудь отличаюсь от Тэлбота, Шелдон?

Шелдон удивленно покосился на Монтэгу. Подумать только! Слышал бы их сейчас сэр Чилтон...

— Стало быть, вы ответили себе на тот вопрос, что вчера проигнорировали?

— Облил бы я перед мисс Корой Тэлбота грязью? Ответил. Я не сделал бы этого.

— А почему?

— Просто не смог бы и всё. Но, сказав себе это, я полночи мечтал пристрелить его, — Монтэгу болезненно усмехнулся. — Это пустяки. Но меня, как я заметил, вы достаиваете беседой, укорами, нравоучениями и даже руганью, а Тэлбота просто не замечаете. В чём вы видите разницу между нами? Если вспомнить наши былые дискуссии — мы с ним одинаково порочны.

Виконт Шелдон неожиданно для Монтэгу улыбнулся ему, тепло и странно искренне, в самом деле — как другу.

— Когда-то отец сказал мне, что достоинство человека можно безошибочно определить по одной составляющей: есть ли у него за что умереть? Правда, это подразумевает наличие в жизни человека того, что для него свято. Так вот, у Тэлбота — ничего святого нет. А вот вы, Джулиан, я просто чувствую это, можете собой пожертвовать. Я, правда, пока не понял, за что?

— Я и сам не знаю... — Монтэгу встал. — Благодарю вас, Шелдон.

Раймонд молча поклонился.

Не то, чтобы слова Шелдона убедили Монтэгу, хотя, как сам Джулиан с удивлением отметил, вышел он от виконта в более радужном настроении, чем был накануне. Ночные призраки днём растаяли. Слова Шелдона тонко и незаметно польстили его самолюбию, хоть и была в них некоторая недоговоренность. Странно, вдруг осмыслил Джулиан. Ведь он и раньше был склонен — в тайне, в самой скрытой глубине души — изумляться и даже восхищаться целомудрием и самообладанием этого человека, хотя наедине всегда высмеивал его. Кто-кто, а он на себе прочувствовал, что разврат — удел слабых, но аскетизм требует невероятного напряжения сил, и то, что Раймонд — человек необычайной силы, Джулиан понимал. «С тех пор, как для меня законом стало сердце и в людях разбирается, оно отметило тебя...» Вчерашняя ночь заставила Монтэгу кое на что посмотреть иначе. «Осквернение в себе образа Божьего недопустимо, нельзя мириться с тем, что марает честь...»

Конечно, не проповеди и нравоучения Шелдона сделали это. Они просто упали на иную почву. С той минуты, как Джулиан Монтэгу увидел Кору Иствуд, его душа смягчилась, и то, что раньше отлетало от неё как от медного щита, теперь проникало внутрь, как нож в масло. Теперь Джулиан дорого дал бы, чтобы прошлого не было, чтобы из памяти навсегда ушли рыжие плачущие шляпки, коричневые замшевые перчатки и мерзкие изобретения доктора Кондома. Если бы и память сжечь, как и ставшую ненавистной замшу...

Ещё одной такой ночи он просто не вынесет.

в которой одна девица доверяет другой свою сердечную тайну, а брат предостерегает сестру от тех досадных ошибок, которые свойственны молодости и наивности.

Мисс Иствуд видела, что Монтэгу влюблён в неё, и немногим раньше наслаждалась своей властью над его столь ощутимой мужской мощью, теперь — униженной и подавленной. Нравилось Коре и внимание Вивьена Тэлбота. Она улыбалась при мысли, что от одного её желанья зависит повергнуть их в уныние или вознести до небес. Однако слова сэра Чилтона и произошедшее ночью в парке Тэлботов впервые заставили Кору серьёзно задуматься. Что представляют собой все эти лощёные господа, которых любой назовёт «джентльменами»?

Кора и сама не понимала, зачем рассказала Джулиану Монтэгу о клевете Тэлбота. В её душе всё смешалось. Только недавно она узнала о недостойном поведении Монтэгу, но злобно клеветущий на него Тэлбот показался ей стократ омерзительней. Не поняла Кора и виконта Шелдона, защитившего Монтэгу. Он пытался выгородить подлеца или искренне защищал друга? Но другом он Монтэгу не назвал... Она была растеряна и расстроена, и рассказала о случившемся мистеру Монтэгу, пытаясь по его реакции понять, кто есть кто в этой истории? Джулиан выслушал её молча, странно посмотрел и ничего не сказал. Почему он не попытался оправдаться, почему промолчал? После Кора заметила, как он что-то довольно резко говорит виконту Шелдону. Что всё это значило?

Кора в детстве не имела подруг, была предоставлена самой себе, много и без разбора читала. Она знала множество вещей — из коих половина была никому не нужной, но редко задумывалась над жизненными реалиями, ибо не знала их. Но книги научили её главному — умению мыслить здраво, анализировать причины и извлекать из них следствия. Подлинно образованием и воспитанием её никто не занимался, и это было, в общем-то, благом: мать Кору не отличалась большим умом, жила сплетнями, а отец души не чаял в сыне, но почти не замечал дочь. Что до Лоренса, то он мог научить только дурному.

В Коре, однако, было некое врожденное отвращение от пошлости и понимание благого, и только юность, когда она вдруг преобразилась в удивительную красавицу, несколько помутила в ней изначально верные представления. Мать начала неустанно твердить ей о необходимости очаровать самого богатого мужчину графства и настояла, чтобы муж выделил ей солидное приданое в управление частного поверенного.

Теперь, пережив первое в жизни болезненное унижение от равнодушия виконта Шелдона, Кора словно очнулась, оглянулась на случившееся. Она сделала болезненный и ранящий гордость вывод — ею пренебрёг тот, кого она считала достойным её любви, а вокруг неё вертелись люди ничтожные и недостойные. Даже то, что приходилось уделять им внимание, в тихом полночном размышлении показалось Коре унижительным для её достоинства. Кокетничая с подобными людьми, она унижает себя. На душе у неё стало гадко. При этом она заметила странную разницу в отношении к своим поклонникам. Мистер Тэлбот был ей просто неприятен, но мистер Монтэгу вызывал злобное чувство. Кора поймала себя на том, что ненавидит его.

Мистер Чилтон, не знавший, что Кора услышала его разговор с её братом, отказался от

своего первоначального намерения предостеречь крестницу от общения с господами типа Тэлбота и Монтэгю. Но лишь отчасти этому способствовали уверения виконта Шелдона. Понаблюдав за Корой несколько часов, сэр Остин пришёл к выводу, что она презирает Вивьена Тэлбота и ничуть не увлечена Джулианом Монтэгю. Ни в каких предостережениях просто не было смысла.

Но сложившаяся ситуация спровоцировала две встречи, которые при иных обстоятельствах просто не состоялись бы.

В субботний вечер мисс Энн Гилмор, заметив мисс Иствуд, прогуливавшуюся вместе с матерью недалеко от Вульвси-кастл, руин резиденции уинчестерского епископа, сделала все, чтобы на короткое время уединиться с ней на одной из скамеек. Мисс Сесили Сейвари, ныне миссис Патрик Кемптон, после замужества уехала в имение мужа, посоветоваться Энн было не с кем, писать же о своих бедах подруге она не хотела — боялась доверить подобное бумаге. Потом подумала о встрече с Корой. Мисс Энн чувствовала себя униженной, но боль сердца, происходившая от неопределённости её положения, превозмогла гордость. Готовая и к насмешке, и высокомерию соперницы, мисс Энн попросила мисс Кору быть с ней откровенной. Ей... нравится мистер Тэлбот? Выдавая тайну сердца, Энн бросила на мисс Иствуд жалкий и растерянный взгляд.

Кора побледнела, несколько минут потерянно молчала. Энн ошиблась — мисс Иствуд не воспользовалась возможностью унижить её. Кора, поняв вдруг, что мисс Гилмор, всегда казавшаяся ей особой милой и обаятельной, влюблена в Вивьена, пыталась привести в порядок сбившиеся мысли. О происшедшем в парке Тэлботов, полагала она, не знал никто, кроме троих, столкнувшихся там, и Кора не знала, имеет ли право рассказать мисс Гилмор о том, что избранник её сердца, видимо, лишен порядочности джентльмена. А имеет ли она право скрывать подобное? — эта мысль вдруг странно обожгла её.

Подняв голову в ожидании, возможно, самого ядовитого и высокомерного ответа, Энн была удивлена растерянным и жалобным взглядом мисс Кору. Та кусала губы и казалась совсем потерянной. Наконец мисс Иствуд несколько косноязычно заверила её, что ухаживания мистера Тэлбота не вызывают отклика в её сердце. Энн снова внимательно взглядела в красивое лицо соперницы. Она глубоко вздохнула, перевела дыхание и улыбнулась. Но тут же заметила, что её собеседница остаётся задумчивой и невесёлой. Энн исподлобья взглянула на мисс Иствуд, поймала её неуверенный взгляд.

Тем временем мисс Кора приняла решение.

— Я не знаю, надо ли говорить об этом... Имею ли я право... Мне хотелось бы думать, что ты поймешь правильно. У меня нет подруги, а советоваться с матерью — значит, разгласить обстоятельства. Ты должна понять, что я просто хочу предостеречь тебя, и дать мне слово, что то, что я расскажу, не пойдет дальше тебя.

Мисс Гилмор, удивлённая и заинтригованная, тут же дала требуемые заверения.

Рассказанная мисс Иствуд история огорчила и расстроила мисс Энн, несмотря на то, что мисс Кора пыталась представить поступок Вивьена как следствие ревности и была готова допустить, что человек может быть лучше своего минутного порыва душевной низости... или слабости.

Что ж, женское сердце причудливо и готово любить умного за ум, глупца — из жалости и сострадания, а подлеца — рассчитывая исправить его своею любовью, и через некоторое время Энн подумала, что мистер Тэлбот просто был несчастен и, если он полюбит её, он может стать лучше. Одновременно боль самой Энн заставила её разглядеть и страдание той,

которую она считала виновницей своей муки. Она видела, что Кора Иствуд тоже несчастна, и догадывалась о причинах — видимо, явная влюбленность мистера Монтэгу несколько не компенсировала для Кору равнодушие виконта Шелдона.

Расстались они дружески, чувствуя одна к другой куда больше симпатии, чем прежде. Встречаясь на званых обедах и концертах, всё чаще уединялись вместе, с удовольствием беседовали. Постепенно девицы стали делиться мнениями с полной откровенностью и через некоторое время подружились.

* * *

Ещё одна встреча состоялась несколькими днями позже возле Сада декана, где виконт Шелдон неожиданно натолкнулся на Монтэгу. Раймонд не сразу узнал Джулиана, настолько исхудавшим и измученным тот выглядел. Его дела шли дурно. Мисс Иствуд, Джулиан видел это, уже давно тяготилась его присутствием и попытками ухаживать за нею. Он терялся, не мог найти верного тона. Кора перестала кокетничать, была раздражительна и нервна, выслушивала его признания с тоской и унынием. Монтэгу, опасаясь, что на неё так повлияли слова мистера Чилтона, не находил слов, чтобы защитить себя — да и что было сказать-то? Сейчас Джулиан был в дорожном костюме: собирался в Лондон — забрать сестру из столичного пансиона. Это должен был сделать отец или Томас, но Джулиан известил отца, что заберет Кэт сам.

Монтэгу сообщил об этом Шелдону.

— Вот как? И как выглядит ваша сестра? Сколько за ней дают?

Монтэгу ответил, что приданое сестры — сорок тысяч, и Кэтрин, по его мнению, очень мила.

Шелдон пронзил его странным взглядом.

— Вот будет любопытно, если она понравится мистеру Лоренсу. Вы — женитесь на его сестре, а он — на вашей...

Джулиан побледнел, хмуро взглянул на Шелдона и ничего не ответил. Всю дорогу до Лондона был мрачен. Монтэгу впервые подумал, что Раймонд Шелдон был бы прекрасной партией для Кэт, осознав, что такому мужчине доверил бы сестру, закрыв глаза. С этим человеком будет счастлива любая разумная женщина. Слова же Шелдона сначала задели его — тот словно заранее отказывался даже рассматривать его сестру в качестве своей супруги, тем самым как бы выражая пренебрежение и ему самому, но потом Джулиану показалось, что в словах Раймонда был некий иной подтекст. Шелдон словно намекал на что-то, или от чего-то предостерегал...

Джулиан Монтэгу мечтал о женитьбе на мисс Коре, но отдать свою Кэт Лоренсу Иствуду — развратнику, транжире и картежнику? Ещё чего! Монтэгу проехал по Пиккадилли, свернул по небольшому проулку, миновав Чаринг-Кросс, выехал на Стрэнд, свернул на Ковент-Гарден и остановился перед небольшим трехэтажным зданием — пансионом миссис Дарлингтон.

С мисс Монтэгу расстались неохотно. Всеобщая любимица, обладавшая столь милым и кротким нравом, что поссориться с ней было решительно невозможно, Кэт имела столько подруг, что их слёзное прощание растянулось на полчаса. Джулиан терпеливо переживал расставание сестры с пансионерками, думая о том, что его прощание с университетскими

друзьями не заняло и минуты... Но эти мысли отвлекали Монтэгу недолго. Расцеловав сестру и погрузив в ландо её вещи, Джулиан некоторое время на обратном пути слушал её рассказы о пансионе, о подругах и прочитанных книгах, но когда они подъезжали к границе Суррея, Монтэгу, бросив на сестру внимательный взгляд, после некоторого размышления сказал:

— Выслушай меня внимательно, Кэтрин, — сестра подняла на него глаза, удивленная тем, как изменился его голос, — тебе предстоит в скором времени выйти в свет, и мне хотелось бы, чтобы ты не совершила там тех досадных ошибок, что свойственны молодости и наивности. Люди света обходительны и галантны, все они, на первый взгляд, кажутся равно достойными и порядочными. Но это не так.

Кэт изумлённо посмотрела на него.

— В Уинчестере сегодня в свете вращаются мужчины, чьё состояние и положение дают им право именоваться джентльменами, но далеко не все достойны этого имени. Некий мистер Тэлбот, его зовут Вивьен, выделяется внешней привлекательностью, но не отличается ни порядочностью, ни чувством долга, ни... — Джулиан сглотнул комок в горле, — высокой нравственностью. Это распутник и негодяй, и никакая девица никогда не найдет счастья с таким человеком. — Монтэгу тяжело вздохнул и продолжил, — есть там и... мистер Лоренс Иствуд. Он столь же распутен, как и Вивьен, но к тому же — картежник и транжира. Иствуд уже пустил по ветру отцовское состояние, и сейчас ищет невесту с приданым, — для новых распутств и кутежей. Он, правда, не слишком-то хорош собой и едва ли тебе понравится, но... у него очень красивая сестра... — сбился Монтэгу, но тут же и поправился, — но всё равно, я хотел бы, чтобы ты держалась на расстоянии от этих господ. Холодное приветствие, ледяная учтивость, равнодушный взгляд — вот что они должны видеть от тебя. Ты поняла меня?

— Ты так серьёзно говоришь... — заметила Кэтрин, с удивлением глядя на брата. Джулиан и впрямь был бледен, руки его тряслись, по лицу пробегала нервная судорога.

Тот упрямо продолжал:

— Коль скоро ты ненароком можешь очутиться в их компании, ни в коем случае не показывай, что ты хотя бы снисходишь к их постыдным суждениям, не говоря уже о том, что одобряешь их. Никогда не оспаривай их и не заводи серьёзных разговоров. И вообще — старайся всячески избегать подобного рода людей, ибо общение с ними бросает на человека тень и легко может опозорить всякого. Ты всё поняла?

Мисс Монтэгу испуганно кивнула.

в которой миссис Девэрилл начинает сожалеть о своих былых глупостях, мистер Шелдон получает щелчок по носу, а мисс Вудли — настоящую трёпку.

Арчибальд Кемптон, брат Патрика и Альберта, привлекательный тридцатитрехлетний мужчина, много лет был другом Эдмонда Девэрилла. Сегодня они виделись впервые после того, как месяц назад Эдмонд женился — по требованию больного отца, заявившего, что такова его последняя воля. Эдмонд взял в жены дочь старейшего отцовского друга, весьма красивую девицу из Солсбери, и сейчас Арчибальд не мог понять сумрачного взгляда друга, совсем непохожего на молодожена. Девэрилл был явно не в себе — в чертах Эдмонда проступило что-то болезненное, каждый жест выдавал нервозность. Эдмонд был дорог Арчибальду, и видеть друга в таком состоянии было мучительно.

Да, Девэрилл был унижен, издерган, болен. Нелепая ситуация, в которой он оказался, вымотала все его нервы. В этот вечер он навестил Кемптона — просто, чтобы убить время, и мягкое дружеское внимание Арчибальда преодолело наконец сдержанность его старого друга. Почти всхлипывая, он рассказал об обстоятельствах, в которых оказался.

Эдмонд винил в произошедшем только себя, хотя, если разобраться, был не столь виноват, как сам полагал. Отец настаивал на его браке, видя, что сам день ото дня теряет силы. Он считал юную Мэйбл Даннинг вполне подходящей партией для сына — прекрасное приданое, прекрасная внешность, девица прекрасно воспитана и никогда не роняла себя. Вина Эдмонда была в том, что, увидев девицу, он позволил себе плениться красотой, не дав себе труда получить узнать свою нареченную.

Мэйбл не была глупа, но малая опытность заставила её в восемнадцать лет влюбиться в своего кузена Роберта. Её отец, мистер Даннинг, зная склонности юноши и разбираясь в людях лучше, чем его дочь, поторопился ответить согласием на переговоры, которые вел с ним старший Девэрилл, однако девушка сохранила в своем сердце нежность к кузену. Это чувство помешало ей заметить достоинства жениха, предлагаемого отцом, но когда отец всё же решительно настоял на браке, она согласилась, ибо Роберт по требованию дяди уехал из имения, а обещание отца отправить Мэйбл к тетке в Эдинбург совсем её не обрадовало. Однако девица сочла себя жертвой роковых обстоятельств и стоя у алтаря, сказала «да», презирая и ненавидя того, кто должен был стать её мужем. Накопившееся нервное раздражение привело к тому, что перед тем, как взойти на брачное ложе, Мэйбл в романтическом запале, считая такое поведение благородным и честным, уверила своего супруга в том, что не испытывает к нему никаких чувств, кроме презрения.

Растерянность и досада мистера Девэрилла сменились обидой и болью, затекло левое плечо и потемнело в глазах. Зачем же было говорить «да»? Но потом Эдмонд подумал, что, не узнав её ближе, — виноват сам. Он молча, несколько смутив Мэйбл, смерил её больным и тяжёлым взглядом и, почему-то держась за стену и шаркая ногами, ушёл к себе в кабинет.

С тех пор он уже месяц ночевал на кожаном кабинетном диване, стараясь не встречаться с женой, оставшейся невестой, и боясь увидеться с отцом. По счастью, тот уже не вставал с постели и довольствовался письмом сына, в котором тот неизменно сообщал, не желая волновать отца, что его дела в полном порядке.

Сейчас Девэрилл признал, что должен был лучше узнать девицу, он бы так и сделал, если бы отец не торопил его, и всё же — ему казалось, он не заслужил подобного. Он старался никогда никому не делать ничего дурного. За что? Девэрилл горестно пожаловался и на мужские проблемы — теперь при одной мысли о постели его замораживает. Даже если развестись... Но нет, это убьёт отца и как огласить обстоятельства?

За что, за что ему такое постыдное бремя?

Арчибальд внимательно выслушал. Он хорошо знал друга, его всегдашнюю деликатность, мягкость и скромность. Сам он, решительный, умный и властный, был лишён этих черт, но это не значило, что они не импонировали ему в Эдмонде. Душевная кротость и абсолютная незлобивость Девэрилла нравились ему, однако Арчи не мог не понимать, что тот попал в весьма унижительную для себя ситуацию, и свойственные ему душевные качества едва ли помогут в её разрешении.

Самому Арчибальду Кемптону Мэйбл Девэрилл показалась привлекательной, при этом её поступок он однозначно оценил как глупость, но понять, глупа ли девица по принципу, или это возрастное — пока не мог. Он задал ряд удививших мистера Девэрилла вопросов о его невесте, её уме, образовании, склонностях. Ответы Эдмонда порадовали и огорчили одновременно. Девица была состоятельна, резка в суждениях, хорошо образована. В обществе никто не замечал в её поведении отклонений от общепринятых норм. У неё прекрасный вкус в одежде и талант к живописи. Арчибальд внимательно выслушал его, ненадолго задумался и уверенно предрёк, что всё случившееся — пойдёт Эдмонду на пользу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Девэрилл горько усмехнулся.

— Да, согласен, отсутствие семейного счастья и детей вырабатывает монашеский стоицизм и твёрдость характера, а мне этого всегда недоставало.

Мистер Кемптон тоже усмехнулся.

— Ненастойчивый мужчина, говорят, умрет девственником, но тебе это не грозит. Если ты сделаешь то, что я посоветую...

Мистер Девэрилл никогда не был упрямым и признавал, что его друг Арчи — человек большого ума и глубокой порядочности, а главное, он был наделен той волей и настойчивостью, о которых сам Эдмонд мог только мечтать. Девэрилл был готов выслушать совет, — тем более что в его положении терять было нечего.

— Ты просто не понимаешь ситуации. Воистину, это Божий промысел. Быть отвергнутым — унижительно, но она уже сделала все, что могла. Следующий ход за тобой. Пройдёт совсем немного времени, и девица попытается, осознав нелепое положение, в которое попала, помириться с тобой. Если ты последуешь моему совету — будешь счастлив всю оставшуюся жизнь.

Эдмонд Девэрилл смерил Кемптона долгим скептическим взглядом.

— Ты полагаешь, что выход из этого положения возможен — и прямо в счастье?

— Да. В скором времени тебе предложат примирение, ты же скажешь, что нанесённую тебе душевную боль готов простить по-христиански, но отвергнешь любую возможность совместной жизни. Ты не в состоянии делить постель с женщиной, презирующей тебя. Скажет, что она была неправа, ответь, что есть слова с необратимым звучанием. Любой мужчина хочет быть любимым, но её слова убили твою любовь и унизили твоё достоинство. Тебе тяжело даже видеть её. Ты должен дать ей понять, что считаешь её недостойной себя и будешь после смерти отца настаивать на разводе.

— Мой Бог, Арчи... ты говоришь немыслимое, — горько рассмеялся Девэрилл, — да если бы она хотя бы намекнула, что готова наладить отношения...

— Мальчик мой, если ты не хочешь всю жизнь быть в дураках, ты сделаешь то, что я скажу.

— Ну, хорошо, хорошо... Что же я должен делать?

— Отвергать все попытки сближения до тех пор, пока твоя супруга не начнёт в слезах целовать тебе ноги, отирая их своими волосами, как Магдалина Христу. Даже если она сама, отбросив одеяло, влезет к тебе в постель — ты должен гнать её. Делай, как я говорю. Ну, и мы с Флорой подсуедемся...

Мистер Девэрилл горько улыбнулся. Он так мечтал о семье, о детях...

Эдмонд, правда, нервничал бы куда меньше, если бы знал, что в последнее время положение его дел несколько изменилось. Мэйбл, до этого полагавшая, что была абсолютно права и честна по отношению к мистеру Девэриллу, неожиданно из письма подруги узнала о том, что её кузен был пойман при попытке получить деньги по фальшивому векселю, который сам же и изготовил. При этом Розали не скрывает от неё, что юношу обвиняют и в соведении дочери местного аптекаря. Скандал в Солсбери вышел довольно громкий, и подобные сведения дошли до Мэйбл ещё из двух источников: письма тетки и слов отца. Происшествие заставило девушку задуматься — в памяти всплыли некоторые слова и дела кузена, раньше не замечавшиеся ею, а пара строк в письме тетки, довольно резко высказавшейся по поводу поступка Роберта, сильно царапнули душу. Так ли уж неправ был отец?

Мэйбл почувствовала себя виноватой перед Эдмондом. За что она обидела его? Он избегал её, уединяясь в кабинете, они не встречались днями, слуги хихикали, видя подобное сожителство супругов, и она почувствовала, что подлинно попала в глупое положение — ни жена, ни невеста.

* * *

Мисс Лавертон и мисс Вудли тоже вскоре были влюблены. Но их обеих привлёк тот, кто, по их мнению, был воплощением элегантности и изящества — Раймонд, виконт Шелдон. День ото дня, от бала к балу они обнаруживали в нём новые и новые совершенства, наделяли каждый его знак внимания, на который вынуждала того галантность, особым смыслом. Каждой из них казалось, что именно ей он улыбается с особым чувством.

Основание для подобной уверенности давало обстоятельство, давно уже замеченное всеми: виконт Шелдон равнодушен к достоинствам мисс Кору Иствуд. До этого никому и в голову бы не пришло, что подобное может случиться, всем казалось само собой разумеющимся, что бесспорная красота мисс Кору покорит сердце богатейшего наследника графства, и остальным рассчитывать будет не на что. Но теперь, втайне ликуя и злорадствуя над неудачей мисс Иствуд, остальные приободрились и удвоили усилия понравиться его милости. И нечего удивляться, что мисс Эмили, покоренная аристократизмом Раймонда Шелдона, ни во что не ставила усилия мистера Джона Лавертонна, брата своей подруги, привлечь её внимание. Сам мистер Лавертон находил мисс Эмили особой нежной и романтической, в его понимании, больше всего подходящей для того, чтобы составить его счастье.

Влюблённость молодых особ, как правило, не умеющих ещё ни соизмерять силу своих чувств со здравомыслием, ни соотносить неразумность своих душевных порывов с требованиями приличий, неоднократно доводила их до бед и горестных сожалений. Мисс Эмили потеряла голову. Всю ночь втайне от родных она сочиняла письмо к виконту Шелдону. На одном из вечеров ей удалось передать его Раймонду достаточно неприметно, чего, однако, оказалось недостаточно, чтобы вообще никто ничего не заметил. Самые внимательные глаза оказались у леди Холдейн и мистера Монтэгу. Первая — просто ничего не упускала, а второй — не выпускал из виду сестрицу, делающую первые шаги в обществе, и заметил, что сделала мисс Вудли, в общем-то, случайно. И леди Френсис, и Джулиан ничем не выдали своей возросшей осведомлённости, тем более что содержание переданного письма было им неизвестно, хотя и легко предсказывалось. Леди Холдейн положила себе посоветовать своей кузине миссис Вудли обратить больше внимание на занятия дочери, а мистер Монтэгу, хорошо зная Шелдона, вообще не стал забивать себе голову пустяками. И без того забот хватало.

Взяв письмо, Раймонд Шелдон тяжело вздохнул. Он неоднократно подмечал очарованные взгляды мисс Вудли и без труда понял, что будет в послании. Глупышка. Письмо, написанное размашистым почерком девицы, не умеющей экономить ни бумаги, ни своих чувств, прочёл дома, в своей спальне, и тяжело задумался. Джулиан Монтэгу был прав, когда счёл, что кристальная порядочность Раймонда будет порукой тому, что опасность репутации несчастной мисс Вудли угрожать не будет. Но самому Шелдону было мучительно тоскливо — и читать смешной любовный лепет бедной дурочки, и представлять неизбежно жестокий разговор, который ему предстоял, и понимать, как будет убита бедняжка его словами. Шелдон не был жесток, и теперь, когда его вынуждали проявить жестокость, чувствовал раздражение и апатию.

Раймонд был так истомлён и измучен своей безысходной и давящей сердце любовью, оттого понимал, какую боль ему придётся причинить, что подумывал и вовсе оставить письмо без ответа. Потом он положил себе сжечь неосторожное письмо, потом — вернуть его глупышке, объяснив, насколько опасно так рисковать своей репутацией в свете, потом — снова хотел уничтожить его.

Неожиданно он получил записку от леди Френсис. Его приглашали на званый ужин.

Шелдон предпочёл бы не появляться в доме леди Холдейн, где, как он ожидал, должен был неминуемо встретить упомянутую девицу, но в конце приглашения леди Френсис стояла приписка, в которой его особо просили пожаловать — переговорить с хозяйкой. Скрепя сердце, Шелдон, заложив письмо во внутренний карман фрака, пришёл на приём, преисполненный мутной тоской. Раймонд думал, что же сказать Эмили, но все разумные слова казались безжалостными, других он не находил, и, тяжело вздохнув, решил сказать то, что Бог на душу положит.

Однако, оглядев зал, Раймонд не заметил ни Эмили, ни прочих девиц. Оказалось, что почти вся молодежь собралась у мистера Лавертонна, а Шелдон не получил туда приглашения. У миссис же Холдейн расположилась, в основном, публика почтенная и солидная. Шелдон порадовался отсрочке и собрался было сесть за вист или побродить по саду, но тут, жалуясь на духоту, леди Холдейн попросила его сопроводить её в каминный зал. Что-то в её тоне насторожило Раймонда, но он молча подал ей руку. Они поднялись по лестнице через бильярдную наверх, и тут леди Френсис попросила у него... письмо мисс Эмили Вудли.

Раймонд окаменел. Он поднял глаза и столкнулся с взглядом умных серых глаз. Она протянула руку. Шелдон лихорадочно размышлял. Откуда она знает? Голос леди Холдейн был насмешлив и холоден.

— Самое смешное, что может сделать в таком случае джентльмен, Раймонд — это начать строить из себя джентльмена. Отдайте письмо.

Шелдон расслабился и улыбнулся. Покачал головой.

— Я готов сжечь его в вашем присутствии, мэм, но отдать... Я могу, поймите, отдать его только мисс Вудли.

— Вы хотите уверить меня, что готовы ответить девице взаимностью? — с ядовитой улыбкой склонилась к нему леди Френсис, и Раймонд ощутил, как по коже его прошёл мороз. Он опустил глаза. — Возможно, вы до конца сезона ещё не раз увидите мисс Вудли, но едва ли вам придётся с ней объясняться. Она — моя внучатая племянница, мальчик мой.

Шелдон набрал полные лёгкие воздуха и резко выдохнул. Конечно, они же двоюродные сестры с миссис Вудли... кто-то говорил ему. Он возликовал и теперь хотел только, чтобы несчастной глупышке не слишком влетело, и потому ещё раз предложил сжечь письмо.

Леди Холдейн была непреклонна. Её рука зависла перед ним в жесте требовательном и безжалостном. Шелдон подумал, что даже если бедняжка Эмили получит порцию розог — это не будет лишним. Он получал их в отрочестве немало — и только на пользу пошло. Стараясь сдержать улыбку, достал письмо, но прежде чем протянуть его леди Холдейн, галантно поцеловал её руку. И тут же ощутил щелчок по носу, что и вовсе развеселило его. Он спустился по ступеням вниз, почти танцуя, и сел за вист с мистером Чилтоном, мисс Хилдербрандт и отцом.

Шелдон почти не думал об игре, но выиграл десять фунтов — ему шла карта.

* * *

Между тем у Лавертонов, где веселилась молодежь, мисс Гилмор и мисс Монтэгю, утомлённые танцами, вышли в парк освежиться. Мисс Кэтрин, впервые появившаяся неделю назад в свете, показалась мисс Энн весьма симпатичной особой, и сейчас, присев на скамью, они мило болтали. Кэтрин рассказала о пансионе, где пробыла почти четыре года, о своих подругах, пожаловалась, что далеко не все оказались хорошими корреспондентками, — ей пишут немногие. Она вздохнула.

— У вас есть утешение, Кэтрин. Ваш брат так заботится о вас.

Лицо Кэтрин просияло улыбкой. Да, Джулиан — самый лучший брат, какого только можно пожелать. Он из Кембриджа писал ей трижды в неделю, всегда интересовался её жизнью, был в курсе всех её дел.

— Он и сегодня очень озабочен вашими успехами в обществе, — улыбнулась мисс Гилмор.

Кэтрин кивнула, чуть наморщив носик.

— Да. Он дома постоянно ругает меня за неловкость, разбирает каждый мой шаг и читает нотации.

Мисс Гилмор это позабавило. Какое счастье — иметь такого брата! Впрочем, подумала Энн, вспомнив Лоренса Иствуда, некоторые братья — сущее наказание. Она, подружившись в последнее время с Корой, очень скоро заметила, что между братом и сестрой нет никаких

родственных чувств, и поняла, что Кора считает Лоренса развращенным мотом. Она даже случайно в раздражении проговорила Энн, что Лоренс уже несколько лет живет с горничной её матери, Пегги Фаркер, и несколько раз был в затруднении из-за последствий этой связи, но как-то выходил из положения. Сам мистер Иствуд, как заметила Энн, тоже не питал к сестре братских чувств, видя в ней только средство, при помощи которого мог бы завязать полезные знакомства и приобрести выгодные родственные связи. Но такой брат, как мистер Монтэгю, безусловно, подарок судьбы.

— Он хочет, чтобы вы удачно вышли замуж, Кэтрин.

— Он говорит, что я неловка, плохо держусь и не умею пользоваться веером. Это неправда, меня подруги в пансионе учили, но мне пока никому не хотелось продемонстрировать это умение...

Энн улыбнулась.

— Вам ни понравился никто из мужчин, Кэт?

Кэтрин пожала плечами. Виконт Шелдон был слишком завидным для неё женихом, против мистера Тэлбота и мистера Иствуда её, напугав, настроил брат, мистер Лавертон и мистер Вудли казались ей скучными, мистер Салливан... слишком заумным. Молодой мистер Кемптон, младший из братьев, был очень умён, но Джулиан сказал, что он слишком молод для брака. Все остальные — либо были намного старше, либо непривлекательны. Брат предостерегал её от излишнего кокетства, но кокетничать ей ни с кем и не хотелось.

— А девушки вам нравятся?

Кэтрин вполне искренне ответила, что ей понравились только сама мисс Гилмор, на что Энн улыбнулась и спросила, разве она не находит красивой мисс Кору Иствуд? Она не нравится ей?

— Она очень красива, — сухо ответила Кэт.

— Но разве это плохо?

Мисс Кэтрин снова со странной улыбкой пожала плечами. На самом деле, мисс Кора вначале понравилась ей, она была идеально красива и безусловно воспитана. Но, несмотря на молодость и неопытность в житейских делах, Кэтрин очень быстро поняла, что её Джулиан влюблён в мисс Иствуд, однако та безжалостна и жестока к нему, избегает его и смотрит на него с презрением. Как можно так относиться к брату — Кэт не понимала. В её глазах он был достоин любви самой красивой девушки общества, и то, что его отвергали, вызывало её неприязнь к мисс Коре. А прислушавшись к разговорам в обществе, Кэтрин поняла и причину такого пренебрежения — мисс Иствуд либо была влюблена в Раймонда Шелдона, либо просто хотела стать виконтессой, зарилась на богатство и титул. Мисс Кора была недоброй и корыстной. Кэт не осмеливалась говорить об этом с Джулианом, но видела, как он страдает — и это заставило её проникнуться к мисс Коре ещё большей недоброжелательностью.

* * *

Сказать, что мисс Вудли влетело — значит, ничего не сказать. Леди Фанни и миссис Вудли так сумели объяснить юной дурочке всю вздорность и недопустимость её поведения, так растолковали, какой опасности подвергает свою репутацию молодая девица, решающаяся на столь безрассудный и опрометчивый шаг, и так вдолбили ей представление о

пристойности, что опухшая от слёз Эмили несколько недель не могла и думать о том, чтобы показаться в обществе.

— Боже мой, Фанни, как я благодарна тебе за внимательность. Подумать только, что могло бы случиться...

— Не стоит об этом, Доротея, виконт — человек порядочный и никогда не допустил бы скандала. Но дело не в нём. Как будто редко несколько неосторожных строк навсегда губили репутации! Надеюсь, глупышка достаточно вразумлена, и мне кажется, следует обратить её внимание на более приемлемый объект — молодого Лавертонна.

— Я сто раз ей говорила, что лучшего мужа ей не найти. Так нет же — их всех сводит с ума виконт Шелдон! Дерево надо рубить по себе. Пятнадцать тысяч годовых! О таком и мечтать нельзя!

Про себя леди Холдейн подумала, что роковая граница, разделяющая виконта Раймонда Шелдона и юную мисс Эмили Вудли, измеряется совсем не уровнем дохода их семейств, но говорить об этом не стала.

Не та была аудитория.

в которой повествуется о градациях глупости, кои столь многогранны и трудноуловимы, что со стороны невозможно оценить их подлинные размеры.

Мистер Вивьен Тэлбот теперь рассматривал свои шансы жениться на Коре Иствуд как весьма незначительные. Он видел, что после встречи с Шелдоном в парке она стала смотреть на него стеклянными глазами. Тэлбот возненавидел бы Монтэгию, невольно ставшего причиной инцидента, если бы не видел, что тот столь же нелюбим, как и он сам. Его ненависть в итоге сконцентрировалась на Раймонде Шелдоне. Тэлбот понимал, сколь немногим может навредить виконту, но был уверен, что рано или поздно случай подвернётся, а пока хандрил и бесился, не зная, куда себя деть.

В это время Вивьен неожиданно заметил нечто до такой степени странное, что не сразу и осмыслил. Сорокалетний вдовец, мистер Мартин Ламберт, человек не то чтобы состоятельный, но и не совсем уж бедный, вдруг несколько неочевидно начал... проявлять интерес к Эннабел!

Нет-нет, ничего определённого. Но если остальные мужчины просто шарахались от Белл, то он... не избегал её и порой даже беседовал с ней. Несколько раз Вивьен заставлял их за глубокомысленным разговором и пару раз слышал, как Ламберт весьма хвалебно высказывался о точности и зрелости некоторых суждений Эннабел. Беспокоиться, казалось, было не о чем, но теперь, когда пятьдесят тысяч приданого мисс Иствуд растаяли как туманное видение, замужество сестры могло серьезно понизить его благосостояние, и если до того Тэлбот мог считаться достаточно обеспеченным человеком, то уменьшишь его состояние вдвое — он с его привычками не мог бы не почувствовать нужду.

Тэлбот пытался уверить себя, что это вздор, но настороженность и беспокойство не проходили. Белл не должна выходить замуж. Эта мысль оформилась в нём трезво и основательно. До этого он полагал, что уродства сестрицы вполне достаточно для его спокойствия, но теперь понял уязвимость такой позиции. Мало ли голодных парвеню, нищих проходимцев Ламбертов, которым ничего не стоит ради тридцати тысяч жениться на Белл?

Нельзя сказать, что эта мысль поглощала всё время Вивьена. Она скорее просто угнездилась где-то в мозгу и время от времени вспыхивала, стоило ему приметить новые знаки внимания мистера Ламберта к Белл. В остальном же мысли мистера Тэлбота занимали два обстоятельства — ненависть, о чём уже было сказано, к виконту Шелдону, и — интерес к одному забавному приключению, вызванному, в общем-то, раздражением и бездельем.

Дело в том, что в это время мистер Тэлбот обратил внимание на мисс Элизабет Харди, что, впрочем, надо справедливости ради заметить, было спровоцировано самой девицей, столь упорно старавшейся попасть ему на глаза, что её заметил бы и слепой. Навязчивость глупышки поначалу была в тягость Вивьену, но вскоре он свыкся с ней. Её романтический лепет журчал, не задевая внимания, успокаивал и расслаблял. Тэлбот знал, что опекун не может дать за ней больше десяти тысяч, и не имел никаких планов или намерений. Зато намерения были у мисс Элизы, она мечтала заполучить мистера Тэлбота в мужа и имела обыкновение исполнять свои намерения, причем, чем глупее они были, тем больше пыла

вкладывала мисс Харди в их осуществление.

Глупость — удивительное свойство разума, порой вызванное его ущербностью, порой — искажением, порой — подделкой, а порой — просто полным его отсутствием. Градации глупости столь многогранны и трудноуловимы, столь часто переходят, как сияющие радужные цвета павлиньего хвоста, один в другой, что порой невозможно оценить со стороны ни подлинные размеры, ни глубину умственного вырождения. Иная глупость настолько непроходима, что её просто невозможно исследовать до дна, ибо в ней нет дна, в её бесконечной пустоте не рождается никакого отзвука, она поглощает мысли без возврата, это топь, к которой опасно даже приближаться.

Но мистер Вивьен Тэлбот склонен был всех женщин считать недалёкими дурочками, не утруждая себя анализом того, насколько одна дурочка умнее другой. В его глазах единственными достоинствами девицы были приданое и красота, при их наличии, полагал он, всё остальное было не очень-то и значимо. Так что у мисс Харди, хоть её и нельзя было назвать дурнушкой, по здравом размышлении шансов заполучить мистера Вивьена Тэлбота в мужа было не больше, чем у самого Вивьена — жениться на мисс Коре Иствуд.

Но это — по здравом размышлении...

Пылкое же воображение девицы рисовало её триумф, когда она появляется в свете как миссис Тэлбот. Элиза видела, как вытягиваются лица у этих воображал — гордой кривляки Кору, показной скромницы мисс Гилмор, с какой завистью и восхищением смотрят на неё Лилиан и Эмили, высокомерные богачки сестры Сейвари, как зеленеют лица Рейчел и Элинор... А она явно нравится ему — на прошлом вечере мистер Тэлбот приглашал её дважды и сказал, что она прекрасно танцует.

Самому Вивьену мучительно недоставало удовольствий Бата и Рединга — так недоставало, что он подумывал было бросить всё и навестить мистера Торнби. Но мать настаивала, чтобы Вивьен сопровождал сестру в свете, и слышать ничего не хотела о его отъезде. В итоге Тэлбот вынужден был оставаться в Уинчестере, и тут глупость мисс Харди неожиданно начала привлекать его...

Вообще-то для блудных забав намного разумней было найти чистенькую гризетку, белошвейку или горничную — вон как пробавлялся Лоренс. Идеальна была бы и замужняя особа из низшего сословия — там иногда попадались милашки, и любые последствия подобных забав всегда были заботой мужей. Недурно было бы закрутить роман и с леди Радстон, которая не отказалась бы, наверное, от романтического приключения. Связываться же с девицей было до крайности неразумно — поднимался шум, могли заставить жениться. Но в случае с мисс Харди особых последствий можно было и не опасаться — её опекун, престарелый Чарльз Лоусон, едва ли способен всерьёз вмешаться. К тому же, дурочку весьма легко будет после пристроить поставщику, а через него — тому же Торнби. За живой товар можно получить, наверное, фунтов пятьдесят, не меньше. Чем дольше Тэлбот рассматривал эту мысль, тем меньше находил в ней уязвимостей. Впрочем, Рединг — далековато, проще пристроить красотку — после того как она послужит ему, — где-нибудь и поближе. Но для начала стоит всё же списаться с Торнби. Сколько он даст?

Ответ от мистера Эдвина Торнби пришёл незамедлительно. Двести фунтов. Это было много больше того, на что рассчитывал Тэлбот, риск казался минимальным, похоть жгла, и теперь мысль, которой мистер Тэлбот раньше, в общем-то, просто забавлялся, приобрела реальные очертания. Глупость девицы тоже была, бесспорно, обстоятельством и полезным, и провоцирующим...

Предстояло решить, направиться ли в Рединг или выбрать Солсбери, где у Вивьена Тэлбота тоже были соответствующие связи? Потом Тэлбот уверенно остановился на Рединге — ведь дурочку надо уверить, что они направляются в Гретна-Грин, а кто знает, вдруг она поймет, что Солсбери — вовсе не на пути в Шотландию? Дурочки предсказуемы, но иногда могут выказать и некоторые знания...

Было и ещё одно незначительное обстоятельство, заставившее Вивьена Тэлбота окончательно выбрать Рединг. Мысли о сестрице не оставляли его — и он решил, что в Рединге на всякий случай наведается к старухе Эстер Броун, к которой когда-то обращался по довольно невинному поводу — за отравой для крыс по просьбе одного приятеля из кавалерии. Увиденное там натолкнуло его на новые мысли — и теперь они медленно оформлялись, вращаясь вокруг четко выверенного помысла о том, что Белл не должна выходить замуж.

Продумав и это, и все прочие обстоятельства, мистер Тэлбот как бы случайно встретил в парке мисс Харди, где, заведя её в галерею колледжа, пылко заговорил о любви. Мисс Харди возликовала. Сбывались её самые смелые мечты! Но одно обстоятельство, объяснил Тэлбот дурёхе, мешало ему обрести блаженство, стать счастливейшим из смертных, — мать никогда не позволит ему жениться на ней, ему подыскивают богатую невесту. Но его сердце принадлежит только ей... Единственный выход для них — бежать в Шотландию, ведь троекратного оглашения в церкви его мать не допустит, лицензии юридической коллегии у него нет, но его любовь не вынесет, если она будет принадлежать другому. Уговаривать мисс Элизу не пришлось — конечно, она была согласна.

Вивьен Тэлбот строго запретил мисс Харди говорить или писать хотя бы кому-то об их бегстве — могут передать его матери и вернуть их. Элиза клятвенно обещала молчать и ждать его вечером на Вестгейт, у Западных врат, — недалеко от Грейт-Холла. Вивьен же сказал матери, что съездит на пару дней в имение, и в тот же вечер выехал в Рединг, посадив в свой экипаж поджидавшую его мисс Элизабет. Предстоявшее удовольствие грело ему душу — полакомиться первыми, самыми свежими плодами всегда приятно. В Рединге они остановились в доме леди Дорранс, их встретил мистер Торнби и проводил в уютные апартаменты на втором этаже. Юная глупышка, уже считавшая себя миссис Тэлбот, уступила Вивьену почти добровольно.

Тэлбот только тут ощутил, как на самом деле оголодал в чёртовом Уинчестере. После того, как Элиза уснула, он вышел выкурить сигару, и тут заметил, что освободилась Грета. Бог весть, когда представится возможность ещё раз потешить плоть? Он под насмешливым взглядом мистера Эдвина протянул руку к ключам и уединился с молодой немкой.

Ближе к рассвету Тэлбот отбыл в Уинчестер, став богаче почти на двести фунтов, но около двенадцати шиллингов ему пришлось потратить на содержимое некой склянки с глухо запечатанным горлышком, которого, как уверила его старуха Эстер, хватит, чтобы избавиться от крыс все полковые конюшни и погреба. Для верности Тэлбот, усмехнувшись, задал забавный вопрос.

— Видать, смесь забористая? А если её глотнуть с кларетом?

Старуха переменялась в лице, сказав ему, что такими вещами не шутят.

— Лет пять назад лудильщик Джон Марнер случайно глотнул спьяну, перепутав бутылки на кухне, свечу-то уронил под стол и не нашёл в потемках. Так наутро похоронили. Мой зять привозит эту кислоту из Германии и всегда говорит, что хуже смеси нет... хотя запах приятный... миндалём пахнет.

из которой выясняется, что бесприданнице нет иного пути, кроме как стать графской наложницей.

Раймонд Шелдон зачастил к Грэхемам, приносил книги, редкие лекарства, рекомендованные Клиффордом. Он искренне хотел обрести в Гэмфри друга или хотя бы товарища. Отсутствие близости с братом сделало его юность одинокой, сформировавшийся в этом одиночестве глубокий ум породил превосходство, которое резко обособляло его от сверстников. Только Джулиан Монтэгю отличался сходным умом, но разница в духе рождала не дружбу, а вечные неистовые пререкания. Однако и в Грэхеме ему не удалось найти друга, Шелдон скоро понял, что перед ним человек ординарный и дюжинный, все его суждения были скучны и заурядны.

Случайно, из разговора с миссис Грэхем Раймонд узнал, что у Патриции в субботу день рождения. Отец стал с ним после окончания Кембриджа более чем щедр, деньги у него не переводились, но Шелдон почти ни на что не тратился, привыкнув в университете отказывать себе во всем. Сейчас Раймонд купил у ювелира кольцо из черных индийских сапфиров, которое подчеркивало цвет глаз Патриции. В нём заговорило что-то, чего Шелдон ранее в себе не замечал — щедрость аристократа, стремление порадовать, огорошить счастьем. Но, когда Пэт открыла шкатулку, Раймонд видел, что она скорее удивлена и недоумеает, чем обрадована. Мисс Монтгомери не привыкла к чуткости. Миссис Грэхем усугубила её недоумение, расширившимися от удивления глазами глядя на украшение. Такое же она видела на витрине ювелирного магазина на Пиккадилли в Лондоне. Оно стоило пятьдесят фунтов...

Патриция не поняла истинной стоимости вещи, однако оценила его внимание к себе. То, что виконт Шелдон нашёл время и возымел желание порадовать её, было неожиданно и приятно. Патриция помнила, что ещё в детстве этот человек был мягок в суждениях и человечен, и ей было отраднo, что он и поныне не утратил благородства и душевной щедрости.

Шелдон видел, что мисс Патриция даже не подозревает о его любви и видит в нём только щедрого друга детства мистера Грэхема, ставшего другом дома.

Шелдон старался быть осторожным. Мучительное желание постоянно ощущать её присутствие заставляло его навещать Грэхемам чаще, чем позволяли приличия, и ему становилось всё труднее придумывать подходящие поводы для визитов, хотя миссис Грэхем и встречала его с восторженной приветливостью. Шелдон боялся скомпрометировать Патрицию своим вниманием, опасался, что Грэхемы догадаются о его склонности. Теперь Раймонд сам понимал, что влюблён, и перестал уверять себя, что это помешательство и телесный голод. Желание его стало слабее под действием трепетной очарованности, что неизменно охватывала его при встречах и случайных разговорах с мисс Пэт.

Симпатичная зеленая беседка, газон, затенённый свисающими ветвями деревьев возле садового ручья, нежные руки Патриции, подбирающей букет для стола — туберозу, флердоранж и золотистую лилию, — неизменно учитывающий расцветку чайного сервиза, — всё пленяло, кружило голову, сводило с ума. Шелдон замечал в ней не только строгий и изысканный вкус, но и безупречное совершенство ведения беседы, оценив её способность поддерживать живой разговор с друзьями и гостями.

Возможно, впрочем, что особо ценить ум и достоинства мисс Монтгомери виконта Шелдона заставляли Грэхемы. Гэмфри, обременительный, напыщенный, надоедливый, твердящий об одном и том же, занимающий большую часть беседы, совершенно не соотносящий количество собственных мыслей с количеством слов, был просто занудой. Для всех разумных существ существует одна тема безоговорочно запретная, а именно — болезни и расстройства. Выспались ли вы или нет, случилась ли у вас мигрень или радикулит, проказа или удар молнии, помилуйте, зачем же осквернять чаепитие своими жалобами?

Но миссис Грэхем была ещё хуже. Имея чрезмерный интерес к делам своих ближних, невероятно сложно не опуститься до злословия, и её вечные толки о доходах, ссорах и одежде соседок были утомительны и оставляли вкус горечи во рту.

Отдыхал Раймонд, только глядя на мисс Пэт, беседуя с ней и принимая из её рук самые вкусные и изысканные сэндвичи — разумеется, с огурцом и кресс-салатом. Делала она их просто из хлеба с маслом и слоя аккуратно порезанных слегка подсоленных зеленых овощей, но Шелдон готов был поклясться, что ничего вкуснее в жизни не ел.

Сама Патриция не замечала его чувств, — воспитанная в смирении и понимании своего положения, она давно поняла, что притязания любого рода и на что угодно — источник боли. После смерти Хелен Пэт замкнулась в себе, и единственным удовольствием для неё были вечерние часы, которые она неизменно проводила в своей комнате с книгой. Этого счастья её не мог лишить никто. Пэт радовалась улучшению здоровья мистера Грэхема — с одной стороны, это оставляло ей больше времени для себя, а, с другой стороны, пока он — хозяин в доме, будущее казалось ей достаточно определенным. Патриция легко представляла себе, как после его женитьбы будет воспитывать и обучать его детей, учить их французскому и игре на фортепиано, а вечерние часы проводить с книгой у любимого камина. В этой рисуемой её воображением картине Пэт не видела ничего отталкивающего. Но вскоре, каким бы глубоким не было осознание разделяющей их пропасти, Пэт всё же вынуждена была заметить, что виконт Шелдон в какой-то мере... ищет её общества.

Человек начинается с горя. И она, как и все те, кого ранние жизненные невзгоды заставили увидеть мир таким, каким он является, а не кажется, была умна и понимала многое. Патриция видела, что ни беседы с мисс Грэхем, ни посещения Гэмфри на самом деле не интересуют Раймонда. Он держался непринужденно, но мисс Монтгомери чувствовала, что Шелдон скучает и томится с её родственниками. Но постоянные визиты продолжались, и Пэт отметила, что, когда виконт обращается к ней — от его непринужденности не остается и следа: Шелдон становился скованным, без всякой причины краснел и смущался. Однако он, и это Пэт тоже отметила, был сострадателен и милосерден, щедр и ненавязчив. Она не могла не уважать его. Но даже на миг задумываясь о его внимании к ней, Пэт качала головой. Она знала законы мира, в котором жила. И знала своё место. Сказку о Сinderелле Патриция Монтгомери тоже знала, прекрасно понимая, что это — сказка.

На пикнике, устроенном Лавертонами, Раймонду посчастливилось почти час пробыть с Пэт почти наедине, катать её на лодке по озеру. С утра собирался дождь, почти никто из девиц не приехал, но миссис Грэхем и Патриция прибыли — впервые с Гэмфри, который уже мог, опираясь на костыли, передвигаться. Он побоялся взбираться в лодку, миссис Грэхем испугалась волн, Пэт тоже хотела остаться на берегу, но Шелдон уговорил её проплыть вдоль берега. Лодка рывками шла вперед, подчиняясь движению его весел, и его обдало жаром, когда он подумал, что перевернись лодка, он мог бы спасти Пэт, обняв, прильнув к ней в этих зеленоватых волнах...

Из девиц были только мисс Тэлбот и младшая мисс Сейвари, демонстративно сторонившиеся «этих нищих Грэхемов», относя к ним и Патрицию. Мисс Эннабел, заметив вдруг внимание виконта Шелдона к Патриции Монтгомери, не могла не уязвить её, и, дождавшись, когда виконт Шелдон и мистер Лавертон отошли за корзинами с провизией, ядовито заметила Глэдис, с явным расчетом на то, что мисс Монтгомери услышит:

— Сегодня каждый джентльмен, Глэдис, имеет содержанку, почему бы бесприданнице не стать наложницей графского сынка — когда тебя так обхаживают? Тем более, — что ещё остаётся?

Патриция чуть побледнела и замерла. Но подошедший вскоре Раймонд не заметил в ней никакой перемены. Она давно научилась владеть собой.

Однако Шелдон не мог не заметить, что с того дня ему редко удавалось увидеть её — Патриция явно стала избегать его. Не мог он не заметить и появившейся в мисс Монтгомери холодной отстранённости и строгой сдержанности.

Патриция поверила словам Эннабел. А почему им не поверить? Естественно, что богач Шелдон ищет наложницу, искал бы жену — разве мало к его услугам девиц с прекрасным приданым? И как она сразу не поняла, чего он зачастил в их дом? Потом Пэт сообразила, что её ввело в заблуждение всеобщее мнение об этом человеке, как о добродетельном и высоконравственном. Его расхваливали и миссис Грэхем, и всё общество, Патриция же просто доверилась этим суждениям. Пэт почувствовала отвращение. Он — не просто порочен, но и лицемерен, если сумел внушить всем столь превратное мнение о себе. Она не хотела видеть его. Само намерение Шелдона обесчестить её, в котором она после слов мисс Тэлбот не сомневалась, заставляло её видеть в его визитах оскорбление. Особенно обидным было то, что ему удалось на короткое время привлечь её сердце добротой и милосердием. Теперь, понимая, что всё это служило низменным и гадким целям, Патриция презирала его и ненавидела себя за доверчивость. Если бы она сразу догадалась, что у него на уме! Зная время его визитов к Грэхемам, Пэт либо уходила в это время за лекарствами, либо направлялась на прогулку.

Вначале Шелдон счёл это досадной случайностью, но потом заметил нарочитость этих отлучек. Первой мыслью виконта была болезненная ревность, мысль о том, что она увлечена кем-то, сдавливала его дыхание. Куда она уходит? С кем встречается? Её полюбит каждый, кто хоть раз заглянет в её глаза. Но он не может этого допустить. Он не допустит. Кто его соперник? Не понимая, что происходит, Шелдон нервничал и ревновал, не спал несколько ночей, наконец, решил любой ценой встретиться с Пэт.

Накануне он сказал миссис Грэхем, что придёт к Гэмфри около трех, и, наблюдая за

домом Грэхемов, заметил, что незадолго до назначенного часа Патриция направилась к аптекарю. Он дождался её возвращения, и стоило ей подняться к себе, позвонил в дверь. Патриция растерялась, увидя его, он же выразил радость от встречи, спросил, прочла ли она книги, что он присылал ей? Она сказала, что они в библиотеке, пусть он зайдет туда после встречи с мистером Грэхемом. Шелдон радостно кивнул, но когда через четверть часа пришёл туда, Патриция молча передала ему книги, поверх которых лежал футляр с сапфирами.

— Мистер Шелдон, — Патриция посмотрела ему прямо в глаза, и душа в нем перевернулась. — Вы позволите мне поговорить с вами?

Он растерянно посмотрел на неё и молча поклонился. Почему-то ему стало не по себе.

— Я не могла не заметить, что вы всеми средствами, которые находятся в вашем распоряжении, стараетесь понравиться мне. При этом вы не хуже меня знаете, что я вам не ровня и, хоть вас и называют достойным человеком, вы не можете преследовать в этом случае никакие достойные цели. — Патриция ловила себя на мысли, что не просто даёт ему отповедь, но мстит за то, что сразу не распознала его намерения и позволила думать, что может стать его лёгкой добычей. — Я полагаю, что, зная моё положение, вы, мистер Шелдон, сочли, что вам будет нетрудно добиться того, чего мужчины обычно хотят от женщин, тем более что вступить за меня некому. Но я прошу вас понять, что ваши намерения неосуществимы. Мне не хотелось бы обвинять вас в бесчестности, но будет лучше, если вы отныне...

Патриция замолчала, испугавшись. Взгляд Шелдона отяжелел, он сделал несколько шагов к ней и, почувствовав, что задыхается, сорвал с шеи платок. Раймонд понял, что не сумел ничего скрыть от неё, но понят неправильно, но, с другой стороны — всё правильно, ибо как же его прикажете понимать? Однако мысль о том, что он не сможет больше придти сюда, увидеть Патрицию, была непереносима. Пытаясь овладеть собой, несколько секунд молчал, но хладнокровие не обреталось. Заметив, однако, что дыхание его выровнялось, Шелдон заговорил со спокойствием отчаяния.

— Я не бесчестен, мисс, я несчастен. Поверьте, это не одно и то же, — нервно усмехнулся он. — Вы не правы, приписывая мне недостойные намерения. Бесчестных намерений я не имею, но честных, к несчастью, иметь не могу. Отец, оскорбить которого недозволенным выбором я не в силах... Отец не позволит мне... — Шелдон сбился, голова его кружилась. — Равно я не в силах потерять вас. — Раймонд вдруг вспомнил все муки ревности последних дней. Взгляд его засверкал так, что Патриция в ужасе сжалась, — но вы не будете принадлежать никому, пока я жив. Я пробью пулей лоб каждому, помните это...

Патриция, отстранившись в испуге, потрясённо молчала, ощутив исходящие от него жар и боль. Теперь ставшая для неё явной любовь такого человека и льстила, и пугала, и вызывала к нему сострадание. Искренность Шелдона не вызывала сомнений, и даже нелепая угроза устранить несуществующих поклонников заставляла сочувствовать его помраченности. Её обида прошла.

Шелдон тем временем опомнился.

— Простите. Ваши обвинения задели меня. Возможно, я наговорил лишнего. — Он удивился, заметив, что сжимает в руках шейный платок. — Прошу простить меня.

Раймонд вышел.

Оставшись одна, Патриция была во власти только что пережитого. Опустившись в кресло перед камином, невидящими глазами глядя в пламя, вспоминала эпизоды его

посещений, слова, жесты, поступки. То, что раньше казалось оскорбительным, теперь рисовалось иначе. Да, она иногда замечала боль в его взгляде, но приписывала её случайному впечатлению, Шелдон был подчеркнуто внимателен, никогда ничем не задел её, и только под воздействием злых слов Эннабел она сочла, что виконт способен на низость. Ей стало неловко, Патриция поняла, что, считая себя обиженной, незаслуженно обидела его. Сердце её смягчилось. Всё, что раньше, казалось, усугубляло его вину — его неоспоримая красота, манеры, благородство — теперь вспоминалось иначе. Да, это безнадежно, он прав, но... Его чувство было дорого ей. Подумать только... Сам Шелдон, о котором с таким восторгом говорила покойная Хелен, выбрал её. За что? Может ли это быть? Как же это?

Патриция раскрыла футляр с его подарком и долго гладила камни бледными пальцами.

в которой мисс Мэри Смит получает фунт, мистер Тэлбот улыбается, а миссис Девэрилл понимает, что попала в беду.

Исчезновение мисс Харди было замечено не сразу. Она часто гостила у своих приятельниц Лилиан, Эмили, Рейчел и Элинор, и им потребовалось собраться вместе, чтобы узнать, что Элизы они не видели уже больше пяти дней. Испуган и растерян был и мистер Лоусон, у которого они спросили о ней. Он-то был уверен, что мисс Харди у кого-то из них...

Её двоюродная тетка — мисс Хилдербрандт — встревожилась больше и раньше всех, но общество пропажа Элизы обеспокоила позже. Некоторое время подруги и опекуны полагали, что Элиза просто гостит в предместье у каких-нибудь знакомых, не предупредив мистера Лоусона, но к концу второй недели стало ясно, что случилось что-то необычное, ибо, где бы ни гостила мисс Харди, она уже должна была вернуться.

Теперь общество переполошилось. Сугубое затруднение было в том, что никто не мог точно вспомнить, когда именно пропала Элиза. Мистер Лоусон обратился за помощью к мистеру Чилтону, обрисовал ситуацию. Девушка была слишком бедна, чтобы кто-то мог польститься на приданое, а если бы она задумала уехать куда-нибудь, то непременно взяла бы денег у опекуна, не говоря уже о том, что раньше она никогда и никуда не отлучалась столь надолго.

Мисс Хилдербрандт уже давно била тревогу, леди Холдейн выслушала её молча, закусив губу, Брайан Шелдон склонен был всё же надеяться на лучшее, мистер Карбэри был хмур и задумчив. Чилтон посоветовал тщательно расспросить горничную и кухарку — и этот совет пришёлся как нельзя кстати, тем более что исполнить его взялся Арчибальд Кемптон, зять леди Холдейн, тут же ею и вызванный.

Мистер Кемптон имел облик настоящего джентльмена, был прекрасно воспитан, обладал живым умом и всё понимал. Эти способности, помноженные на удачный брак, одаривший его прекрасным приданым, семейным счастьем и прелестными детишками, привели к тому, что в тридцать три года, благодаря покровительству тётки, он возглавил местную полицию, наведя в городе образцовый порядок.

Услышав о пропаже юной Элизы, Кемптон вначале не сильно встревожился, рассуждая житейски. Помилуйте, и приданого-то всего ничего, и нельзя сказать, чтобы красавица. Он полагал, что сможет достаточно быстро напасть на след мисс Харди и обнаружить беглянку где-нибудь гостящей у знакомых. У девушки — ветер в голове, вот и забыла предупредить опекуна. Надо начать поиски с дома, мистер Чилтон абсолютно прав.

Увы, кухарка в доме мистера Лоусона ничего не знала, но горничная Мэри Смит сказала, что видела, как юная госпожа собиралась в поездку, как радовалась и ликовала, даже пела что-то и всё время в зеркало гляделась. «Сказала ли она, куда направляется?» «Нет, мистер, она не говорила...» Мистер Кемптон внимательно оглядел Мэри. Что-то в тоне девушки показалось ему странным. «Не говорила?» Мэри растерялась. Она опустила глаза, затеребив кончик накрахмаленного фартука. Снова подняла глаза на мистера Кемптона, снова опустила. Начальник полиции видел, что Мэри колеблется, и постарался

мягко помочь ей. «Но, может быть, ты просто случайно что-то услышала?» Она снова посмотрела на него. Кемптон, не колеблясь, вынул из кармана фунт и, поигрывая монетой, которая составляла четверть её годового жалования и при виде которой у Мэри пересохло в горле, мягко уверил смущающуюся горничную, что если она случайно услышала некоторые слова мисс Харди, её за это никто не упрекнёт.

Мэри решилась.

— Мисс Харди, когда собирала саквояж, всё время пела, сэр, потом потребовала, чтобы я принесла её муслиновое платье от прачки, миссис Гаррисон, я побежала вниз, тут недалеко, в двух кварталах, когда же вернулась, услышала, что она разговаривает с кем-то. Я подумала, что, пока я бегала за платьем, пришли или мисс Лавертон, или мисс Вудли, или мисс Хеллоран. Они часто приходят. Дверь была полуоткрыта, и я побоялась войти, пока госпожа не одна. Но слова её я слышала. Она говорила, что не понимает, почему ей все так завидуют. Да, конечно, мистер Тэлбот выбрал её, но ведь лучшие мужчины выбирают самых красивых девушек, чему же тут удивляться? Они не должны отчаиваться, может, им ещё повезёт. Но ей никто не отвечал. Я поняла, сэр, — подняла Мэри глаза на мистера Кемптона, — что мисс одна — просто разговаривает сама с собой. Тогда я отошла к лестнице и затопала, будто поднимаюсь. Госпожа выглянула и спросила, где я пропадала? Вот и всё, мистер... — Она снова посмотрела на мистера Кемптона.

Он наклонился к ней.

— Она сказала «мистер Тэлбот»? Ты не перепутала?

— Нет, сэр. Она сказала «мистер Тэлбот».

— Когда это было?

— В среду, на позапрошлой неделе, сэр. Больше я госпожи не видела. Она отпустила меня к тётке на весь оставшийся день, и я... я боялась, что госпожа передумает и поскорее ушла. На аббатстве как раз пробило четыре. А когда утром вернулась — госпожи уже не было, сэр.

Мистер Кемптон отдал Мэри монету. Глаза девушки заискрились. Для неё это было целое состояние, Кемптон же подумал, что сообщенное ему Мэри стоит намного дороже. Вечером того же дня он поделился полученными сведениями с мистером Чилтоном и своей тёщей. Услышав его рассказ, оба долго молчали, глядя друг на друга.

— Всё это достаточно странно. Тэлбот здесь и, кажется, никуда не уезжал.

— Времени это заняло бы немного — вечером туда — утром обратно. Его отсутствие могли и не заметить... — напряженно проронил мистер Чилтон.

Кемптон был твёрд в своей уверенности.

— Горничная не солгала, я убежден. Но мисс Харди могла и нафантазировать о том, что Тэлбот ухаживает за ней. Но при этом собранный саквояж говорит уже не о фантазиях. Где был Тэлбот в позапрошлую среду?

— Арчибальд, вы понимаете, что это может означать?

— Я не знаком близко с мистером Тэлботом. Если мы имеем дело с негодяем...

— Боюсь, что да.

— Тогда несчастная погибла. Кто у Тэлботов кучер? Не подослать ли к нему кого с расспросами? Выезжал ли его господин в позапрошлую среду и куда? Вот что нужно узнать.

— Да, пожалуй.

Увы. Кучер Тэлботов ещё две недели назад попросил расчет и отбыл в Истли. Нового кучера наняли только накануне. Никто на конюшне не знал и не помнил, брали ли экипаж в

среду две недели назад. Всё это не обрадовало мистера Кемптона, но весьма насторожило. Напрасно он столь легкомысленно размышлял о пропаже девицы.

Теперь Кемптон рассуждал методично и быстро.

— Вы сказали, что боитесь, что Тэлбот — негодяй, — обратился он к теще, тоже погружённой в сумрачные размышления, — насколько обоснованы подобные опасения? Что он из себя представляет?

— Остин сказал, что он завсегда тай многих значных мест Бата, Лондона, Оксфорда. Судя же по моим наблюдениям — человек без чести и совести.

— Если Тэлбот причастен к исчезновению мисс Харди, он должен был увезти её туда, где обычно бывал, и имеет родственные или дружеские связи. Кто близко знаком с Тэлботом? Не лучше ли ненавязчиво расспросить миссис Тэлбот? Где родня, где учился, где имеет приятелей?

Леди Холдейн поняла зятя и в этот же вечер на званом ужине у Хеллоранов подседа к матери Вивьена, завела разговор о детских воспоминаниях, о былых временах...

— Родня Тэлботов проживает в Рединге, Солсбери, Нортгемптоне и Лондоне, — сообщила она зятю через полчаса. — Если он быстро вернулся, то Нортгемптон и Лондон исключаются. Он мог отвести девицу в Солсбери или Рединг.

— Да, но где там искать?

Леди Холдейн молчала.

* * *

Тэлбот прогулялся в Рединг на славу. Он был весьма доволен поездкой. Но впереди его снова ждала мучительная скука. Чем занять себя до конца сезона, чёрт возьми? Впрочем... Эта мысль уже мелькала в голове Вивьена. Леди Радстон. Да, немного старовата. Сколько ей, интересно? Тридцать? Тридцать пять? Но, в конце концов, разве это важно? Графиня уже неоднократно останавливала на нём свой бархатный, весьма голодный взгляд. Увлечённый Корой, Тэлбот не особо-то замечал похотливые взгляды вдовой красотки, но теперь — почему бы и нет? Это развлечёт его.

И не прошло и двух дней после его возвращения из Рединга, как Тэлбот в гостиной Салливанов, слегка подбоченясь, оглядывал леди Софию с удвоенным вниманием. Ну, нет, ей только тридцать, не больше, может, и меньше. Замужем она была семь лет, так сказала, как он слышал, мисс Хилдербрандт, и если рано вышла замуж... Тэлбот начал игриво ронять комплименты, леди Софи кокетливо улыбнулась в ответ, однако ответила с благородной сдержанностью. Тэлбот не был для неё завидным женихом, она слышала, что у него около трех тысяч в год. Это, конечно, не сравнить с тем, что было в своё время у Невила, но что толку в нелепых сожалениях? Три тысячи годовых — это тоже неплохо.

Она улыбнулась — мальчишка совсем молод, и задурить ему голову будет несложно.

Тэлбот понимал, что леди Софи — не Элиза, эта дурочка, безусловно, поопытней будет, и её не проведёшь уж совсем откровенной ерундой. Но это его, в общем-то, ничуть не волновало, жениться на нищей вдове Тэлбот не собирался, увольте, но кто знает, как далеко она способна забежать в погоне за новым мужем? Тем более что с её-то репутацией особо капризничать не приходится. Даже и случись что — в молчании она будет заинтересована куда больше его. Так что избавляться от неё не придётся. Можно и не ломать себе над этим

голову.

Он улыбнулся — приключение сулило немало развлечений.

* * *

Миссис Мэйбл Девэрилл попала в беду — и поняла это. Муж совершенно не замечал её, часами музицировал у себя за запертой дверью, пропадал с друзьями на охоте, с ней держался сухо и холодно. Не только её камеристка и горничная, но и все слуги в доме шушукались. «Господин Девэрилл не удостоивает вниманием супружеское ложе и въявь пренебрегает госпожой». Это она пренебрегла им! Но после скандала, в который оказался впутан кузен, глупо было искать разумные причины такого пренебрежения. Раньше ей казалось, что вполне довольно и того, что мистер Эдмонд Девэрилл — не Роберт Донован, но теперь в этом трудно было увидеть преимущество.

За эти два месяца Мэйбл Девэрилл не могла не заметить любви, которую питали все в доме к молодому господину, не увидеть его мягкости, ума и доброты. Он прекрасный музыкант и певец, на вечеринке в их особняке Мэйбл видела, что в кругу друзей Эдмонд пользуется всеобщим уважением и приязнью, а мистер Арчибальд Кемптон как-то при ней рассказывал, что в Оксфорде Эдмонд был лучшим учеником. Очаровательная миссис Флора Кемптон, жена мистера Арчибальда, сказала, что Мэйбл можно позавидовать — ведь столь мягкого и душевного человека, как друг её мужа — поискать. Сколько в нём такта, добросердечности, готовности идти навстречу людям, милосердия и обаяния! А как хорош собой! Эдмонд — удивительный человек. До чего же ей повезло с мужем! Она — просто счастливица! Мэйбл Девэрилл выслушала эти похвалы супругу молча, склонив голову и глядя в пол.

А какие дивные итальянские арии пели они с мистером Кемптоном! А какие интересные споры вели о литературе... Разве её кузен — жулик и повеса — способен был сказать хоть что-то разумное? Где были её глаза?

Первую попытку примириться с мужем Мэйбл Девэрилл предприняла после того, как их гостеприимный дом опустел, а Эдмонд удалился к себе, даже не оглянувшись на неё. Мэйбл подумала, что лучше выразиться письменно. В переданном камердинером мистеру Девэриллу от госпожи письмо содержались несколько строк, в которых миссис Девэрилл выражала сожаление по поводу своих резких слов. Ей не хотелось бы, чтобы он чувствовал обиду. Она просит простить её.

Прочтя письмо, Эдмонд побледнел. Господи, неужели?

За это время он присмотрелся к Мэйбл. Как ни царапала его обида, как ни унижало её пренебрежение, Эдмонд видел, что она обаятельна, талантлива и мила, а про мысли о её красоте ему становилось столь тягостно, что от боли и желания сводило зубы. Девэрилл не очень-то верил в убежденность Арчибальда, что она захочет примирения, но вот, Кемптон оказался прав. Но что дальше? Как ни хотелось Эдмонду наладить наконец хоть какое-то подобие семейной жизни — Девэрилл хорошо помнил жёсткий совет Кемптона.

В ответном письме, на которое Девэрилл потратил всю бессонную ночь, была выражена мысль, что он не понимает, что может быть в сердце и душе женщины, сказавшей пред Богом у алтаря «да», а через час изменившей своему слову. Любой мужчина хочет быть любимым, ему же достаточно дали понять, насколько он любим. Он никогда не будет в

состоянии делить брачное ложе с той, что заявила о презрении к нему. Как только умрёт его отец, которому их развод нанёс бы огромную душевную травму — он, Эдмонд Девэрилл, немедленно прекратит комедию совместного проживания под одной крышей.

Прочтя эти строки, Мэйбл почувствовала, что под ногами её кружится пол.

Глава 17,

в которой мистер Раймонд Шелдон засыпает усталым и обессиленным, просыпается испуганным, а по ходу повествования становится просто несчастным.

Шелдон, вернувшись домой, долго не мог придти в себя, но когда наконец успокоился, счёл происшедшее у Грэхемов благом. Раймонд не мог сказать Пэт о своей любви, но теперь её слова, в которых Шелдон, по размышлении, не увидел ничего, кроме добродетели и здравомыслия, вынудили его к откровенности. Её подозрения виконт счёл вполне обоснованными — он не мог быть искренним в этих отношениях, не мог ничего добиваться и даже сказать ничего не мог — что же она могла заподозрить? Шелдон надеялся, что теперь Пэт поймет его, пожалеет и... если не полюбит, то хотя бы перестанет избегать, заставляя ревновать и мучиться. Только одно на мгновение порадовало, всколыхнуло и обожгло душу. Его невольно вырвавшееся признание, он видел, хоть и удивило Патрицию, не было ей неприятно! Она растерялась, но на её лице Шелдон не прочёл отвращения или отказа. Это позволяло надеяться, пусть не на взаимность...

А на что?

Неожиданно Шелдон понял, как хочет её любви, как пьяница — вина, он алкал и жаждал, чтобы она искала его взгляда, растворялась в нём, чтобы находила в этом счастье и, как и он, не могла прожить без него и дня. Но тут же его лицо исказила гримаса боли. О чём он мечтает, безумец? Как будто у него есть право требовать от неё любви. Теперь, когда всё волей случая прояснилось — он снова попал в тупик. Подобные отношения, Раймонд понимал это, долго продолжаться не могут, в них слишком много пищи для дурной молвы, он не может позволить себе скомпрометировать Пэт, нужно решиться на что-то. Сегодня суббота. Завтра утром он пойдет в церковь, будет молить Господа о помощи, об укреплении его души, потом упадёт в ноги отцу. Сердце Раймонда болезненно сжалось. Отец не может не понять его. Он сжалится. Это огорчит его, но он сжалится...

Но это огорчит его. Почему всё так нелепо? Шелдон всей душой любил отца, сердце сжимало болью от одной мысли опечалить человека, всегда проявлявшего о нём самую трепетную заботу, столь благородного и щедрого. Он расстроится. Отец, столько вложивший в него, столь гордящийся им — будет вынужден стыдиться его выбора, отвечать на исполненные злорадства насмешки... Почему так, Господи?

Раймонд всегда думал, что в этом мире действует незыблемый, исполненный мудрости Божественный Промысел, и всё в мире провиденциально. Промысел Божий, полагал он, есть непрестанное действие всемогущества и благодати Божией, которым Бог сохраняет бытие, а возникающее через удаление от добра зло пресекает или исправляет, обращая его к добрым последствиям. Его учитель, преподобный Джеймс Хоуп сказал, чтобы увидеть Бога в Его Промысле, нужна чистота разума, сердца и тела, а для достижения чистоты необходимо жить по заповедям Спасителя. Шелдон верил в это. Его усилия на пути — нет, не святости, он не был самонадеян, но поисков её, заставляли его всем напряжением душевных сил искать целомудрия, истины, веры. Раймонд верил, что на праведном пути избежит горестей, сожалений, печальных прозрений и раскаяния.

Он старался жить по-божески.

А что в итоге? Непонятная, слепая сила вынуждает его не только потерять голову в безумной страсти, сходить с ума, не спать ночами в жажде запретного, но причинить боль самому дорогому для него человеку, а в будущем, возможно, обречёт и сугубым скорбям... За что, Господи? Что он сделал не так? Раймонд в изнеможении прилёг на постель, веки его сразу отяжелели. Нервничая и ревнуя, он плохо спал несколько последних ночей и сейчас провалился в глубокий сон, как в бездонный колодец. «Бесформенный хаос прекрасных форм, свинцовый пух и ледяное пламя, недуг целебный, дым, блестящий ярко, бессонный сон, как будто и не сон...»

* * *

Он шёл в чёрной университетской мантии под стрельчатыми арками коридоров Кембриджа, пока не оказался перед тяжёлой дубовой дверью, — как та, что вела в библиотеку Грэхемов, она распахнулась — и оттуда взметнулся, оледенив душу ужасом, рой страшных чёрных нетопырей. В пустом помещении, открывшемся ему, стоял гроб. Шелдон почему-то страшно испугался. Ему показалось, что в этом гробу она, Пэт, и на душу пахнуло могильной сыростью погреба. Она умерла! Пол закружился под его ногами, однако он устоял, опершись о колонну, обхватив её руками. Но вот на фоне окна неожиданно мелькнул её силуэт. Он смог вздохнуть. Господи, она жива... Раймонд приник лбом к ледяному мрамору, отдышался, потом медленно приблизился к гробу — и замер в новом ужасе.

На крышке гроба был герб Шелдонов.

В испарине и дрожи, колотившей его, Раймонд сел на кровати. Это сон? Что за кошмар? Пытался подняться, но ноги так тряслись, что он оставил это намерение. Почему-то подумал об отце и почувствовал, как душу обдало леденящим холодом. Нет, только не это!! Что это значит? Его сны были столь редкими, что каждый был вещим. Значит ли это, что его просьба о женитьбе убьёт отца? Шелдон почувствовал, что задыхается. В глазах совсем потемнело. Раймонд был одинок и потому неизмеримо дорожил теми, кто был подлинно близок сердцу. Кроме отца и Пэт у него никого не было. Господи, сжался...

Все мысли вчерашнего дня померкли перед ужасом потери. Потери необратимой и страшной. В голову Шелдона на мгновение вошла мысль, что если он потеряет отца — то сможет жениться на Патриции, став себе хозяином, но тут же вздрогнул от омерзения. Эта мысль была не его мыслью. Она была послана дьяволом и должна была быть раздавлена. Такой ценой Шелдон счастья не хотел.

Неожиданно в коридоре раздались шаркающие шаги, и в его дверь постучали. «Войдите», — Раймонд не узнал свой голос. Дверь медленно отворилась. На пороге стоял отец.

— Мальчик мой...

Лорд Брайан был бледен.

— Что случилось, отец?

— Вы не спали?

— Нет, мне приснился кошмар.

— Он уже сбылся, Раймонд. — Тут Шелдон заметил, что отец сжимает в руке письмо, которого он сразу не заметил на фоне белого шлафрока милорда Брайана. — Только что прибыл нарочный. Ваш брат... мой сын Родерик погиб.

Раймонд окаменел. Родди?

Гибель его была столь неожиданной, что в неё просто с трудом верилось. Шелдон протянул трясущуюся руку отцу и взял письмо. Полковник Габбин сообщал, что его друг, мистер Родерик Шелдон, в пятницу был убит на дуэли, и испрашивал согласие сэра Брайана Шелдона на погребение сына на редингском кладбище.

— Я не в силах... Вам нужно забрать тело, Раймонд, он должен покоиться в нашем фамильном склепе. Я распорядился о лошадях...

— Да, отец, я еду.

* * *

Скорбная весть в воскресное утро мгновенно разнеслась по городу — все, кто был в церкви, узнали о трагедии ещё до полудня, и к дому Шелдонов начали подъезжать экипажи. В это время Раймонд, по дороге в Рединг, был полон всё теми же странными, искушавшими и угнетавшими его мыслями. Боже! Что происходит? Перед ним то и дело всплывало в памяти побелевшее лицо отца. Раймонд никогда не был близок с братом — поведение Родерика не давало ни малейшей возможности уважать брата или полюбить его, но при мысли, какая скорбь сжимает сейчас сердце отца, чувствовал, что теряет самообладание. За что непомерная и непосильная тягота потери сына должна лечь на плечи графа? За что? Впрочем, вспоминая своё пробуждение и жуткие мысли от страшного сна, Раймонд всё же чувствовал некоторое облегчение. Господь оставил ему отца и возможность грезить о Патриции. Это была милость Провидения.

Прибыв в Рединг, где раньше бывал проездом в Кембридж, но никогда не останавливался, Шелдон нашёл полковника Габбина. Что-то неясное насторожило его сразу — то ли в глазах этого человека, то ли в его странной манере отводить их от собеседника. Шелдон сказал, что по поручению отца должен забрать для погребения тело брата. Полковник выразил сомнение в целесообразности подобного, спросив, не лучше ли предать тело земле в Рединге? Раймонд снова внимательно взглянул на Габбина. Желание родственников в подобных случаях никем не должно оспариваться и даже обсуждаться, но что-то в тоне полковника подлинно обеспокоило его. «А почему, по мнению мистера Габбина, это целесообразно?», спокойно поинтересовался Раймонд. Полковник поднял глаза и тут же снова опустил их. Шелдон почувствовал странную дрожь, охватившую тело, Габбин же, не замечая в собеседнике признаков гнева или раздражения, в конце концов нарушил молчание, сказав, что вид покойного... Он умолк.

Раймонд начал понимать. «Я могу посмотреть на тело?» Полковник пожал плечами — и указал на казармы. Тело брата находилось в закрытом дешёвом гробу в тёмном помещении, где хранились запасы фуража. Раймонд сдвинул тяжёлую крышку и ахнул. Если это была дуэль, то на достаточно странных условиях: выстрел был произведен в упор, висок чернел запекшейся кровью. Шелдон повернулся к Габбину. «Он оставил письмо или записку?» Габбин снова отвёл глаза. «...Да, своему приятелю мистеру Генри Сейкеру» «Я могу его прочесть? Речь идёт о долге чести? Что вынудило брата так поступить?»

Габбин наклонился к самому уху Шелдона.

— Поверьте, дорогой мистер Шелдон, лучше всего предать тело земле в Рединге без выяснения всех обстоятельств, которые ничего, кроме стыда и боли, никому не принесут.

Мы сделали всё, абсолютно всё, чтобы скрыть подробности происшествия. Кроме меня, мистера Сейкера и денщика вашего брата, нашедшего тело первым, никто ни во что не посвящён. Хотя догадываются многие.

Шелдон задумался. Похоже, что Габбин был прав, но он должен знать все, чтобы принять верное решение.

— Мистер Габбин, посвятите меня во все подробности, и я сделаю всё, чтобы избежать скандала.

Габбин вздохнул, вынул из кармана лист бумаги и протянул его Раймонду. Прочитав, Шелдон побледнел так, что полковник в испуге вскочил. «Врача?» «Нет-нет, — Раймонд несколько секунд молчал, лоя ртом воздух. — Это нужно... уничтожить» «Мы думаем так же, но я сохранил это именно на случай, если родственники захотят...»

Записка жгла руки Раймонду. Да, хоронить нужно здесь и немедленно. Но что сказать отцу? Шелдон закрыл глаза. Что-то нужно придумать. Тяжесть на сердце была невероятная. Они вышли из казарм, и тут Габбин заметил, что привезли почту. «Завтра утром мы сможем похоронить его в закрытом гробу». Шелдон кивнул, и в эту минуту услышал, как кто-то выкрикивает его имя. Шелдону подали письмо, на котором он мгновенно узнал почерк отца. Лорд Брайан приказывал ему привезти тело брата, «вопреки тому, что он находит нужным сделать сам или к чему его попытаются склонить в Рединге». Шелдон растерялся. Состояние его заметил полковник и, подойдя, поинтересовался, всё ли в порядке? Шелдон молча протянул ему письмо отца. Габбин, прочтя, вздохнул и посетовал на непререкаемость воли родителей. Шелдон попросил разрешения увезти последнее письмо брата. Габбин пожал плечами и снова вздохнул.

* * *

Раймонду с трудом удалось достать подводу, он заплатил денщику брата более чем щедро, умоляя о молчании, и в Уинчестер прибыл далеко за полночь. Приказал сразу поставить гроб в склепе и снова заплатил гораздо щедрее, чем запрашивали. Идти к отцу боялся, и предпочёл отложить разговор на утро, но едва разделся, скинув дорожный сюртук, на пороге показался лорд Брайан.

— Раймонд...

— Отец...

— С кем он стрелялся? Он послал вызов? Вы узнали обстоятельства его смерти?

— Да, отец, — Шелдон тяжело вздохнул, — но они таковы, что я предпочёл бы не говорить вам о них.

— Рассказывайте.

— Никакой дуэли не было. Он покончил с собой. Оставил записку приятелю — Генри Сейкеру.

Граф побелел и опустился в кресло.

— Вы читали? Долг чести? Сколько он проиграл?

— Карточные долги... сравнительно незначительны — около пятисот фунтов.

— Почему он не обратился ко мне? Я бы оплатил...

— Отец... — Раймонд не мог продолжать, чувствуя, что задыхается. Подумав, просто протянул отцу записку брата. — Это он написал Сейкеру. Нашёл тело Артур Дейли, его

денщик, он тоже это видел...

Лорд Брайан взял письмо. В нескольких строках, стиль которых не сделал бы чести и конюху, Родерик Шелдон сообщал приятелю, что сучка из притона негодяя Торнби наградила его мерзейшей заразой.

— Мистер Габбин сказал, что брат, видимо, был сильно пьян, когда сделал это...

Милорд Брайан на глазах ссутуливался, долго молчал.

— Вас обоих воспитывали и учили одни и те же люди... Так трудно что-либо понять... Сожгите это.

— Да, сэр.

Шелдон бросил письмо в камин, несколько минут наблюдая, как бумага становится пеплом.

— Поведение Родерика кладет пятно на полк, но оно — ничто в сравнении с пятном, которое будет лежать на роде, если обстоятельства станут известны. Позволить называть род Шелдонов сифилитическим... Я был неправ, не нужно было привозить его в Уинчестер, — возле глаз графа проступила темнота, он кусал губы и растерянно смотрел в тёмный угол спальни Раймонда.

— Успокойтесь, отец. Гроб заколочен, оставим его в фамильном склепе. Что ещё можно сделать? Габбин уверяет, что ни у кого в Рединге нет резона распространять эти сведения.

— Хранить свой секрет — мудро, но ждать, что его будут хранить другие, — глупо. Вы наивны, мой мальчик...

Это не соответствовало действительности. Раймонд и сам не верил тому, чем пытался успокоить отца. Сохранить в тайне можно только то, что забыл сам. То, о чём знают трое — не утаишь. С особым ужасом, злостью и омерзением Шелдон подумал о том, как будут смеяться над их позором и Тэлбот, и Лоренс, и все те, чье положение много ниже. Возможность оплевать то, что ещё вчера казалось недостижимым — праздник для ничтожеств. Зависть самому совершенству поставит в упрёк его безупречность и, ни в чём не сыскав изъяна, осудит всё.

Если же такой изъян отыщется...

Глава 18,

повествующая о романе мистера Тэлбота и леди Радстон, которая не столько переоценила степень влюблённости своего поклонника, сколько недооценила уровень его подлости.

Тем временем роман между мистером Вивьеном Тэлботом и леди Софи Радстон развивался весьма стремительно. Этому способствовали два обстоятельства: стремление вдовы во что бы то ни стало обзавестись новым мужем и желание мистера Тэлбота разнообразить свой вынужденный досуг. Он мечтал о Лондоне. Вот где можно по-настоящему поразвлечься. Но обречённый торчать в Уинчестере, покорствуя нелепой материнской придурью о том, что Эннабел здесь быстрее выйдет замуж, Тэлбот понимал, что нужно довольствоваться тем, что подворачивается под руку.

Изобразить влюблённость труда не составило, мистер Тэлбот был артистичен и легко придал взгляду томную задумчивость и нежную меланхоличность, бормотал расхожие шекспировские фразы: «Я понял вас, вы чересчур надменны, но будь вы даже ведьмой, вы прекрасны...» Леди Радстон умело кокетничала, но сохраняла сдержанность и спокойствие. Переводила разговоры на высокие темы и высказывала взгляды почти пуританские. Вивьен не слушал, обдумывая возможности получить интересующее его, но всякий раз наталкивался на сложности. Наконец план был составлен, намечен и срок — в ближайшую среду Лавертон устроивали пикник, и там вполне можно было продвинуться к цели.

Между тем, уловив его нарастающую решительность, леди Софи удвоила несговорчивость, стараясь разжечь его желание назвать её супругой. Во время пикника мистер Тэлбот пригласил её пройтись по лесу, но леди Радстон отказалась — это даст пищу молве. Вивьен взбесился — не хватало, чтобы эта старая кокетка начала корчить из себя недотрогу! Тэлбот дал себе труд заранее прогуляться по окрестностям, присмотрел и снял на время пикника домик егеря, а эта потаскуха выламывается? И если раньше мистер Тэлбот планировал просто позабавиться, теперь мстительно захотел по возможности скомпрометировать леди Радстон.

Надо заметить, что, несмотря на значительный опыт кокетства и некоторое знание света, леди Софи несколько ошиблась в оценке своего воздыхателя, не столько переоценив степень его влюблённости, сколько недооценив уровень подлости. Она не слышала слова виконта Шелдона о том, что у этого господина нет ничего святого, но если бы и слышала — не придала бы им значения. Мистер Тэлбот казался ей недалеким, неопытным, но милым и состоятельным юношей, что, безусловно, делало честь артистизму Вивьена.

Сам Тэлбот не остался в долгу. Лёгкое охлаждение, которое леди Радстон заметила после того, как весьма благопристойно умерила пыл юноши на пикнике Лавертонов, усугубилось его неожиданным вниманием к юной мисс Гилмор, располагающей сорока тысячами фунтов. Девушка странно трепетала, танцуя с Вивьеном, и леди Радстон не могла не увидеть в этом угрозы. По её мнению, девушка была, в лучшем случае, недурна, но молодость и хорошее приданое...

В свою очередь такое поведение мистера Тэлбота взбесило Лоренса Иствуда. Какого чёрта! Однако когда обозлённый Лоренс высказал приятелю своё негодование — оную

девицу присмотрел он, чего он лезет поперёк дороги, чёрт возьми? Взаялся за Радстон — ну и развлекайся! Однако Вивьен сумел его успокоить. Никаких планов на мисс Гилмор у него нет, пояснил он дружку, просто надо, чтобы его красотка, взревновав, оказалась сговорчивей.

Лоренс чуть успокоился, но решил внимательно понаблюдать за приятелем и вскоре убедился, что тот и в самом деле разыгрывает тонкую и дерзкую комбинацию совращения. Впрочем, с такой особой, как леди Радстон, Иствуд тоже особо не церемонился бы. Он предложил приятелю свои услуги — отчасти, чтобы помочь, отчасти, чтобы не выпускать Тэлбота из виду.

Тэлбот обрадовался этой неожиданной помощи. Именно этого-то ему и недоставало — ведь опасно в таких случаях кому-то довериться, а в Иствуде Вивьен был уверен. Тэлбот посвятил дружку в свои планы. Подумать только, он всё так удачно продумал, снял егерский домик, где можно было осуществить всё без помех, а эта мерзавка начала читать ему проповедь о приличиях! Теперь Тэлбот хотел сделать так, чтобы и достойно поразвлечься, а после — унижить и скомпрометировать вздорную дуру, надоевшую ему упрямством, лицемерными проповедями и глупым кокетством. Иствуд внимательно выслушал. Недурно задумано. Но как это осуществить?

Идея Тэлбота была весьма любопытна, а с помощью дружка — вполне осуществима. Он, Иствуд, ненавязчиво поведает леди Радстон, что его друг мистер Вивьен Тэлбот несколько сблизился с мисс Энн Гилмор, но всё же в сердце его живёт неодолимая склонность к ней, леди Софи. Но, убедившись в её жестокосердии, — ведь она ничем не поощрила его — он понял, что её душа закрыта для него — и предпочёл удалиться с раненым... нет, лучше сказать, с разбитым сердцем. Да, с разбитым, это звучит более впечатляюще.

— Затем можешь добавить, что недавно я признался тебе, что к мисс Гилмор меня ничего не влечёт, но я просто желаю найти исцеление от... как же тут получше-то выразиться?... а, вот! Найти исцеление от неутолённой страсти в новом чувстве.

Лоренс пришёл в восторг. Прекрасно звучит. Но что дальше?

— А дальше можешь поведать ей, что, несмотря на все попытки забыть её и исцелиться от страсти, у меня ничего не получилось — и я слёг в горячке... Или лучше нервное истощение? Ну, придумаешь сам. Обязательно добавь, что я купил для нее дорогой бриллиантовый убор, но не могу дерзнуть преподнести ей его... Она ведь так добродетельна и строга! А тем временем сегодня я на пару дней избавлюсь от матери да сестрицы. Мать хотела съездить в Вудонхилл, а сестру пригласила к себе погостить Глэдис Сейвари. Надо только не прогадать со сроками... Неделя у меня есть...

— Ты полагаешь, она придёт навестить несчастного больного страдальца или клюнет на бриллианты? — усмехнулся Лоренс.

— Всё зависит от того, как ты сыграешь свою роль. «Удильщику всего милее видеть, как рыбка с золотыми плавниками вод рассекает серебро, чтоб жадно коварную приманку проглотить...» Ей нужно подыскать мужа до конца сезона, доход её, мать говорит, ничтожен, так что, на что-нибудь да клюнет, а возможно — на всё сразу.

— А где ты возьмёшь камни? Неужто раскошелишься?

— Как же... возьму у матери на время. Если всё продумаем правильно — из дома они не уйдут. Главное, сделать так, чтобы она пришла.

— Пусть так, но что дальше?

— А вот тут-то ты пригодись сугубо. Понаблюдаешь за ней, как только заметишь, что

она явилась — подбей Салливана и Лавертон зайти ко мне на партию в вист...

— Почему их?

— Салливан — тупица, но именно такому поверят: Сирил просто неспособен ничего выдумать. Лавертон, даже если расскажет об увиденном ужасе только своей мамаше — большего не потребуется.

— Но почему — вист? Ты же болен... Я скажу, что тебе недужится, и мы должны тебя проведать.

— Да ври, что хочешь. Я предупрежу лакея, он пропустит вас. Нет, я вообще отпущу его на вечер. Заваливайте в спальню. Только, Бога ради, не сразу, как заметишь, что она пришла — дай мне часок на забавы. Постой. Я посвечу в окно — тебе же видно будет из окна гостиной?

Дом Иствудов находился на Грейт-стрит, неподалеку, и окно спальни мистера Тэлбота, выходящей на Соборную улицу, было видно из гостиной Лоренса. Но план этот не устроил мистера Иствуда. Не может же он сидеть в гостиной с Салливаном и Лавертон и не спускать глаз с окна? Мистер Тэлбот согласился. Это верно. Что же делать? О, да он просто распахнет окно, сказав красотке, что в комнате стало душно! А предварительно натопит... Заметить распахнутое окно проще, чем свет свечи. Мистер Иствуд кивнул. Отменно задумано. Лоренс ничем не рисковал. Всё, что нужно — пригласить к себе Сирила и Джона, развлекать часок, угостить кларетом и портером, а потом предложить навестить Вивьена. Но придёт ли красотка?

* * *

Услышав сообщение мистера Иствуда о том, что её поклонник, несмотря на все попытки забыть её и исцелиться от иссушающей страсти, слёг в лихорадочной горячке с полным нервным истощением и, возможно, не протянет и нескольких дней, хоть врач и старался обнадежить родных и посоветовал убитой горем матери Вивьена срочно выехать в Лондон для консультации с тамошними светилами, леди Радстон промолчала. Но когда мистер Иствуд добавил, что робкий юноша так страдает, что не мог решиться даже на то, чтобы преподнести ей, зная её скромность и добродетель, бриллиантовые серьги и кольцо, она затрепетала.

Миссис Тэлбот действительно уже несколько дней не показывалась в свете, уехав в имение, и это подтверждало слова Иствуда. Что до сестры, которая уже два дня жила в доме Сейвари, то перед ней Вивьен заранее разыграл маленький спектакль, уверив, что в последнее время плохо спит, чувствует себя совершенно разбитым и больным. Эннабел вовсе не хотелось покидать Глэдис, но брат заверил её, что в этом и нет необходимости — он знает её заботливость и доброту, но врач просто рекомендовал ему покой. В итоге, когда леди Радстон, не доверяя словам Иствуда о болезни Вивьена, спросила об этом Эннабел, та тоже ответила, что брат жаловался на плохое самочувствие, и у него даже был врач.

Сомнений больше не было, хотя любая, более разумная и менее самонадеянная особа несколько усомнилась бы, как ей удалось свести с ума молодого человека, твердя ему о добродетели? Но леди Софи, искренне считая себя неотразимой, об этом не задумалась. С началом вдовства леди Радстон пришлось отказаться от многих атрибутов своего положения. В их числе была и карета, ибо содержать лошадей было теперь не по карману. Она решила

нанять на этот вечер экипаж, но по зрелом размышлении решила навеститься к влюбленному юноше под покровом темноты пешком, и днём мистер Тэлбот получил записку от неизвестной особы, известившей его, что его навесвят около одиннадцати вечера.

Получив это известие, Вивьен вызвал лакея. Ему действительно кое-что нужно было сделать по поручению матери.

— Брук, вы поедете сейчас к двоюродному брату моей матери, мистеру Форинту, он очень тяжело болен, и осведомитесь о его самочувствии.

Лакей уехал. Вивьен же поторопился известить Лоренса о грядущем визите леди Радстон, и Иствуд тут же отправил приглашение Салливану и Лавертону, а так как никто из них не был никуда приглашён, оба они вечером обещали быть в гостиной Иствуда.

Между тем, вернулся Брук.

— Вы спросили, как себя чувствует несчастный мистер Форинт?

— Да, мистер Тэлбот.

— Хорошо, можете идти. До утра вы свободны, — и игнорируя удивленный взгляд лакея, Вивьен занялся подготовкой к ожидаемому визиту. Брук всё же сообщил хозяину, что самочувствие мистера Форинта просто ужасно, по мнению врача, надежды нет никакой. О, чёрт, он забыл осведомиться об этом. Тэлбот нервничал. До здоровья мистера Форинта ему не было никакого дела, но приличие есть приличие. Торопливо бросив сочувственное «да-да, всё это прискорбно», мистер Тэлбот выпроводил лакея за дверь, повторив, что до утра тот свободен.

Взгляд Брука ему не понравился.

* * *

Лоренс, время от времени подходя к окну, внимательно вглядывался в окно дома мистера Тэлбота, которое оставалось закрытым. Неужели план дружка провалился? Задумано всё было неплохо. На ратуше пробило половину двенадцатого, пошёл мелкий дождь, и фонари проезжающих карет отражались в лужах размытыми цветными пятнами. Неожиданно, как раз тогда, когда мистер Иствуд хотел предложить гостям перекинуться в картишки, он вдруг заметил, как тяжелые портьеры на окне Вивьена раздвинулись, его лицо на миг показалось в оконном провале — и створки окна поехали вверх. Неужели?

Лоренс незамедлительно вспомнил о больном друге, предложив Джону и Сирилу отправиться к Вивьену. Там они перекинутся в карты, чем скрасят больному томительные часы недуга. Не поздно ли, спросил Лавертон, но Лоренс разубедил его — вчера он заходил к другу в это же время — тот не спал. Они миновали площадь Ратуши, и Лоренс без стука отворил дверь. Лакея, как и обещал мистер Тэлбот, не было. Но перед домом не было и экипажа. Да полно, тут ли она?

Мистер Лавертон и мистер Салливан поднимались за ним, на пороге спальни Вивьена, прислушавшись, Иствуд чуть помедлил. Ему показалось, он услышал негромкий разговор и, пропуская вперед Лавертон и Салливана, Лоренс распахнул перед ними дверь и с мягкими словами: «А вот и мы, дружище, пришли навестить больного...», вошёл последним. Лоренс до конца не верил, что план Вивьена удастся, но кто знает?

От двери мистер Иствуд сразу на всякий случай отскочил к трюмо, — и правильно сделал. Раздался истошный женский визг, леди Радстон фурией пронеслась по комнате, едва

не сбив с ног мистера Салливана и наступив на ногу мистеру Лавертону. Сам мистер Тэлбот был озабочен только тем, чтобы в момент посещения друзей ненароком опуститься в кресло, незаметно убрав со стола и опустив в карман халата бриллианты матери в алом бархатном футляре. В связи с тем, что предусмотрительный Вивьен, раздевая леди Софи, засунул её платье глубоко за полог кровати, найти его ей не удалось, она схватила с кровати покрывало и ринулась вон из спальни. Трудно сказать, что чувствовали при этом мистер Лавертон и мистер Салливан, но у мистера Лоренса Иствуда хватило ума несколько наигранно засмеяться, извиниться за вторжение и даже шутливо попенять больному, что от подобного врачевания, что и говорить, проходят все болезни...

Сам Вивьен Тэлбот тоже явно чувствовал себя неловко. Право, господа, неловко вышло... но, может быть, им и вправду перекинуться в картишки? Но джентльмены решили откланяться, — каким бы не было самочувствие больного, сейчас ему самое время отдохнуть. Мистер Тэлбот был огорчён таким решением, но не мог перечить друзьям, проводив их к выходу и подмигнув напоследок Лоренсу. Тот понял и кивнул.

Мистер Иствуд быстро догнал друзей и полностью разделил их возмущение подобной безнравственностью молодой вдовы. Подумать только, придти ночью к мужчине!

— Ваш Тэлбот тоже хорош, Иствуд, сказать больным и принимать женщин!

Но Лоренс, как истинный друг, встал на защиту репутации приятеля.

— Полно, Салливан. Есть вещи, о которых неудобно говорить, но если влюблённая дама врывается среди ночи в спальню к джентльмену, выгнать её — это не поступок истинного джентльмена. Тут уж приходится... хочешь не хочешь... быть джентльменом.

К мистеру Салливану леди в спальню среди ночи никогда не врываются, и эта мысль была для него новой. Сирил глубоко задумался.

— Но поведение вдовицы, конечно, не лезет ни в какие ворота. Как можно? Настолько забыть женский стыд и скромность? — продолжал между тем возмущённый мистер Иствуд. — Интересно, что скажет по этому поводу такая вдумчивая, высоконравственная особа, как миссис Лавертон, а, Джон? Мне кажется, она не может не осудить подобные поступки.

Джон Лавертон кивнул, конечно, мать всегда осуждает безнравственность.

— А что скажет общество? — не унимался Лоренс, — воистину, в какие времена живём? Всё попирается — честь, совесть, женская скромность! — У порога своего дома он откланялся, внимательно поглядев вслед уходящим, после чего, помедлив несколько минут на своём пороге, снова перешёл через площадь и постучался к приятелю.

Вивьен уже убрал в шкапулку, где хранились драгоценности матери, бриллианты, в панике бегства, естественно, брошенные вдовой, о чём он специально, как уже было сказано, позаботился. Он был весьма доволен. Даже удивительно, как гладко всё сошло — как по нотам. Но бабёнка в постели оказалась совсем неплоха, Тэлбот ожидал худшего. Поломалась для виду, а потом всё было в лучшем виде. Но как Лавертон, как Салливан? Можно ли рассчитывать, что к завтрашнему дню новость распространится? У Лоренса на этот счёт не было никаких сомнений — даже если Сирил и Джон по каким-то странным причинам замолчат происшествие, чего ждать отнюдь не приходится — ему-то молчать с какой стати? Разве он не возмущён? Чёртова распутница, Мессалина! Такие падшие женщины не должны иметь доступ в общество приличных, порядочных людей!

Вивьен Тэлбот, хотя слушал артистичные разглагольствования мистера Иствуда с улыбкой, попросил его умерить пыл — и выпить шампанского. Шипучее вино весело

искрилось и пенилось в бокалах, и оба с удовольствием выпили за успех. Выкурив по сигаре, решили пойти к Иствуду, — поужинать. Оба проголодались.

* * *

Наивное возмущение мистера Салливана и искренний рассказ мистера Джона Лавертонна, действительно, молниеносно распространили новости в свете. Умный мистер Иствуд всячески избегал разговоров об этом, не зная, как джентльмену вообще говорить о подобном, но когда его просили подтверждения слов мистера Лавертонна и мистера Салливана, Лоренс нехотя — а куда деваться? — был вынужден подтвердить справедливость их рассказа.

Услышав о распутстве леди Радстон, мистер Монтэгю пожал плечами, виконт Шелдон глубоко вздохнул, молодые особы, краснея, шушукались. Мисс Иствуд странно побледнела и поторопилась подойти к Энн Гилмор. Кора испугалась, увидя лицо подруги. Энн всё поняла. В последнее время ей казалось, что мистер Тэлбот наконец-то заметил её и увлёкся, он часто приглашал её танцевать, был любезен и мил. У неё появились надежды. Но теперь оказалось, что всё это делалось для отвода глаз, для прикрытия постыдной связи мистера Тэлбота с леди Радстон...

— Ты была права, Кора, — только и смогла прошептать Энн, сжимая руку подруги.

У Кору сжалось сердце. Вчера поздно ночью, когда она уже ложилась, вернулся Лоренс с Вивьеном, оба несколько хмельные, они прошли в малую гостиную, и она услышала обрывок их разговора.

— Да не стоит тебе встречать — просто подтверди слова этих двух болванов. С ней всё равно покончено.

— А не жаль тебе красотки-то?

— Ну, второй-то раз мне её уже не заманить, так что ж жалеть-то? Нет, дважды в одну реку не войдёшь. Позабавились и хватит. Но ты — молодец. Привёл дураков минута в минуту.

Слова их быстро затихли. Кора не поняла, о чём они. Какие болваны? С кем покончено? Куда и кого её братец привёл «минута в минуту»? Однако мисс Иствуд не провела и двух минут в гостиной на званом обеде у Лавертоннов, как ей поведали о возмутительнейшем факте, имевшем место прошедшей ночью. Выслушав все обстоятельства, Кора помрачнела. Леди Радстон, особа, что и говорить, неприятная, но всё произошедшее — дело рук Тэлбота и её братца. Мистер Салливан и мистер Лавертон, действительно, болваны. Но её Лоренс и Вивьен Тэлбот — просто подлецы. Они заманили леди Софию к Вивьену, а потом её Лоренс привёл в спальню к мистеру Тэлботу — двух свидетелей... болванов... «минута в минуту»... всё верно.

С леди Радстон подлинно было покончено.

Кора вздохнула. Потом увела Энн в парк и рассказала об услышанном ночью разговоре. Мисс Гилмор помертвела. Нет, этого не может быть. Энн готова была поверить, что мистер Тэлбот ухаживал за ней просто для отвода глаз, будучи влюблённым в леди Софию, но подумать, что он хладнокровно решил уничтожить репутацию женщины, несколько не любя её — просто, из пустого каприза? Энн стала уверять Кору, что она просто что-то поняла неверно. Такого не может быть. Кора, видя потрясение подруги, не решилась настаивать.

Может, она и впрямь чего-то не поняла?

Происшествие подверглось обсуждению, правда, весьма короткому, и в кружке милорда Шелдона и сэра Чилтона. Здесь о леди Радстон придерживались мнения не лучшего, чем то, что имел Вивьен. Мисс Хилдербрандт даже не удержалась от короткого замечания, высказанного, правда, тихо и на ухо подруге.

— Выкинуть из общества эту распутную мотовку и мечтать было нельзя, но вот, счастливое стечение обстоятельств...

— Я бы не назвала это стечением обстоятельств, дорогая, это промыслительно, — тихо поправила её леди Холдейн.

Мистеру Салливану и мистеру Лавертону поверили безоговорочно и именно по тем самым соображениям, которые называл Тэлбот. То, что леди Радстон застали в постели Вивьена, говорило о крайней распущенности этой особы, только и всего.

Тэлботу ничего в упрёк не поставили.

в которой мистер Монтэгю напоминает мистеру Тэлботу старую истину о том, что осторожность — не только дочь опыта, но ещё и мать разума. Впрочем, Джулиан тут же понимает, что сам ведет себя не совсем разумно.

Обстоятельства смерти Родерика всплыли гораздо раньше, чем рассчитывал Шелдон. Случилось худшее из возможного. Сведения о позорной смерти полковника Родерика Шелдона, хотя и несколько искажённые, из писем родственников и знакомых из Рединга почерпнул именно Вивьен Тэлбот. Ему не сообщили подлинной причины самоубийства, однако за то, что никакой дуэли не было, ручались. Но кое на что всё-таки намекали...

Ничто не предвещало Шелдону добра, он и не ждал ничего хорошего. Однако чего Раймонд Шелдон никак не мог предполагать, так это того, что при обнародовании пренеприятнейших для него обстоятельств, он может получить удовольствие. Тем не менее, случилось именно так.

Вивьен Тэлбот по-прежнему ненавидел Шелдона. Обвинение во лжи и клевете он бы спокойно перенёс, но унижение в глазах той, что нравилась, было непереносимо. Теперь Тэлбот возликовал. Траур, в который погрузился дом Шелдонов, не давал ему возможность отомстить так, как он хотел, но он терпеливо ждал. Мисс Иствуд должна сама услышать всё и убедиться, что тот, кто столь высокомерно унизил его и кто слывёт образчиком добродетели, сам вынужден скрывать позорящие обстоятельства, которые никому чести не сделают. И когда виконт Шелдон вновь стал выезжать, Тэлбот хладнокровно и расчетливо дождался званого обеда в доме миссис Кемптон, матери Патрика, Арчибальда и Альберта, куда, как он знал, были приглашены отец и сын Шелдоны, а также брат и сестра Иствуд. Тэлботу было, в общем-то, наплевать на то, сколь широко разнесется эта новость, но Шелдон должен был быть унижен при Коре.

Кора Иствуд прибыла вместе с Энн Гилмор. Были здесь и мисс Хилдербрандт вместе с леди Холдейн, но на старух Тэлбот особого внимания не обратил. Вивьен ликовал. Ему удалось устроить так, что в гостиной собрались все те, кто должен был узнать правду. Теперь уж высокомерный аристократ не сможет закутаться в тогу молчания или горделиво заявить, что он, Тэлбот, лжёт. Его час настал.

— Ваш траур истёк, мистер Шелдон?

Раймонд Шелдон мрачно исподлобья взглянул на Вивьена. По чёрной злобе на дне его глаз мгновенно понял всё. Глубоко вздохнул, и кивнул.

— Мой приятель из Рединга просил выразить вам соболезнование в связи самоубийством вашего брата. — Монтэгю, тоже бывший гостем миссис Кемптон, резко повернул голову к Тэлботу, Кора медленно встала. До этого всем в городе было объявлено о гибели полковника Родерика Шелдона на дуэли. Вивьен был в центре внимания. Он до краев наполнил бокал вином. — Что же послужило причиной столь нехристианского деяния?

Шелдон тусклыми глазами посмотрел на мерзавца. Он понимал, что Тэлбот разыграет пьесу как по нотам и ключевое слово произнесёт в конце. И в бессильном раздражении, просто, чтобы испортить негодяю спектакль, спокойно сказал о самом убийственном.

— В предсмертном письме приятелю он написал, что сучка из притона негодяя Торнби

наградила его мерзейшей заразой... Я, правда, не знаю, где это...

Шелдон умолк, потому что случилось нечто непредсказуемое и непредвиденное. Раймонд мельком заметил, как передернулось лицо Джулиана Монтэгу, костяшки пальцев которого побелели, вцепившись в отворот сюртука, но это было пустяком по сравнению с тем, как побледнел вдруг сам мистер Тэлбот. Бокал выпал из его рук, со звоном разлетелся вдребезги, а вино расплылось на белоснежной скатерти кровавым пятном.

Мистер Лоренс Иствуд понял из этой пантомимы достаточно, чтобы тут же увести, точнее, буквально вытащить сестру из гостиной. Джулиан Монтэгу весело и беспутно рассмеялся. Шелдон тоже понял достаточно, чтобы улыбнуться, любезно осведомившись у мистера Тэлбота, ему показалось, или упомянутый в письме брата притон ему хорошо известен? Может быть, он знает даже, какая особа имеется в виду? Тэлбот, похоже, даже не услышал. Было заметно, что он перепуган, причём настолько, что не может скрыть испуг под маской безразличия.

Монтэгу человеколюбивым жестом наполнил вином новый бокал.

— Возьмите, Вивьен, не пугайтесь, это, может быть, ещё и не Грета. Или вы, чёрт вас возьми, всех там перепробовали? Давно вы там были-то? Говорил же я вам, изобретение доктора Кондома нельзя игнорировать, это неумно. Осторожность, я слышал, не только дочь опыта, она ещё и мать разума...

Раймонд Шелдон, закусив губу, чтобы не рассмеяться, молчал, блестящими глазами следя за Монтэгу и Тэлботом. Вивьен был настолько убит, что не только принял бокал из рук ненавистного Монтэгу, но и осушил его. Но облегчения он не принёс. Тэлбота трясло, Вивьен почувствовал спазмы в желудке и сильнейшее головокружение и наконец, закрыв рот платком, на ватных ногах выбежал из гостиной. Джулиан снова наполнил бокалы, предложив выпить и Шелдону. Тот не отказался. Они осушили по бокалу и, встретившись глазами, расхохотались.

— Не то, чтобы я пел дифирамбы вашему целомудрию, дорогой Шелдон, но должен признать, иногда оно бывает весьма прагматично и даже... умно. А что, простите, ваш брат не разделял ваши принципы?

Мистер Шелдон не обиделся.

— Нет, он, судя по всему, разделял ваши, но был, как я полагаю, лишен вашей мудрой осмотрительности, дорогой Джулиан.

Неожиданно оба обернулись, заслышав шуршание шелков. Мисс Гилмор, о которой все забыли, точнее, которую просто не заметили, ибо она сидела в вишневом платье на фоне бордовой портьеры, бледная как мел, встала, шатаясь, ухватилась, чтобы не упасть, за спинку стула. Мужчины кинулись к ней, но она, отстранив их, вышла из комнаты. Монтэгу и Шелдон переглянулись.

— Бедняжка... Что с ней?

Монтэгу пожал плечами. Раймонд понял лишь, что мисс Гилмор весьма несчастна, и это как-то связано с мистером Тэлботом, но этикет и слишком поверхностное знакомство не давали возможности расспросить её. Не влюблена ли несчастная в Вивьена?

Тут Шелдон вдруг вздрогнул. Мисс Летиция Хилдербрандт и леди Фанни Холдейн смотрели на них из затемнённого угла гостиной так спокойно, словно происшедшее было не менее заурядно, чем их вечернее чаепитие. Мистер Монтэгу на цыпочках вышел, кусая губы и ругая себя последними словами, виконт Шелдон же, приблизившись к дамам, выразил радость по поводу того, что погода стоит на удивление приятная. С ним охотно согласились.

Хотя сцена с Вивьеном посмешила его, Шелдон находил, что во всём прочем он имеет весьма незначительный повод для веселья. Радоваться было нечему. Отец был сломлен и болен, Раймонд не однажды слышал в спальне по ночам его сдавленные рыдания. Однажды вечером он робко постучал в дверь отцовской спальни и, получив разрешение войти, почувствовал, как болезненно сжалось сердце: отец сгорбился в кресле у камина, увидя его, с трудом поднялся ему навстречу и обнял его. «Мальчик мой, единственное моё дитя...» Чувствуя, как трепещущие пальцы отца застыли на его плечах, Шелдон тоже замер: стеснилось дыхание, защемило в груди. Отец снова сел и, не вытирая слёз, склонился над Писанием.

— Вы помните, Раймонд? «Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им. Кто наставляет своего сына, тот среди знакомых будет хвалиться им. Поблажающий сыну будет перевязывать раны его, и при всяком крике его будет тревожиться сердце его. Лелей дитя, и оно утешит тебя; играй с ним, и оно опечалит тебя. Не давай ему воли в юности и не потворствуй неразумию его. Нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе...» Разве я не следовал мудрости? Разве я потворствовал вам? Одни учителя учили вас, и моя рука опускала одни и те же розги на ваши спины... Почему получилось так, что я потерял сына, ставшего безумным в дерзости своей? Что я сделал не так, Раймонд? — слёзы душили его, милорд уже не мог говорить.

Сын искренне хотел бы успокоить душу отца, но не знал, что сказать. Насколько Раймонд помнил Родерика, в те минуты, когда ничто не стесняло личных побуждений брата, и Родди проявлял себя в своей сущности, он всегда делал или говорил нечто, коробящее Раймонда. Раймонд не считал нужным доносить об этом отцу, полагая, что от таких жалоб окончательно потеряет доверие брата, да и отец едва ли поверит ему: при нём Родерик всегда играл роль кроткого сына, был тих и послушен. Шелдон видел лицемерие и нравственное ничтожество брата, но не знал, что могло бы вразумить его.

— Отец, вы не должны винить себя. Молитесь. Вспомните, «взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу — и был постыжен? Кто пребывал в страхе Его — и был оставлен? Кто взывал к Нему — и Он презрел его? Ибо Господь сострадателен и милостив и прощает грехи, и спасает во время скорби...»

— «Вино и женщины развратят разумных, а связывающийся с блудницами делается ещё наглее; гниль и черви наследуют его, и дерзкая душа истребится...» — не слушая утешений сына, продолжал бормотать в скорби лорд Брайан.

Решимость Раймонда уговорить отца разрешить ему женитьбу ослабела, наносить ему новый удар было немислимо.

Шелдон проводил пустые бессмысленные дни, вечерами, перед сном, истово молился, прося Всевышнего соединить их с Патрицией. Просил и душевного мира отцу. Единственной его радостью были короткие встречи с Пэт. Шелдон рассказал ей правду о брате, решив, что это лучше, нежели Патриция услышала бы её от людей, подобных Вивьену Тэлботу. Она ужаснулась, но жалея его, не показала этого. За те дни, что их отделял друг от друга траур,

Пэт поняла, что полюбила его. И этого тоже не показала. Но Шелдон, видя её глаза, устремлённые на него, слушая обращённые к нему слова, ловя её еле заметные вздохи, возликовал, поняв, что его не отвергают. Но минутное ликование тут же сменилось гнетущей тоской.

Что делать, Боже мой, что же делать?

в которой мистер Монтэгу вынужден расплачиваться за свои старые глупости, а мистер Тэлбот делает новые. При этом на былых промахах мистера Монтэгу выигрывает мистер Кемптон, а глупости мистера Тэлбота неожиданно делают счастливым виконта Шелдона.

В тот же вечер, когда мистер Шелдон имел повод для столь неожиданного веселья, в доме мистера Арчибальда Кемптона у последнего состоялся весьма любопытный разговор с его тещей, которая словно продолжила их прошлую беседу, начав с того самого слова, на котором тогда замолчала.

— Мне кажется, искать надо в Рединге, в притоне Торнби, Арчибальд. Где это — осведомитесь по-дружески у мистера Монтэгу. Скажите, что милорд Брайан Шелдон просил вас расследовать обстоятельства смерти его младшего сына. Едва ли Монтэгу будет проверять ваши слова. И, Бога ради, поторопитесь. Где появляется молодой Тэлбот — там и мерзость. Этот человек начинает пугать меня. Я теперь жалею, что не расспросила Софи Радстон. Поторопитесь.

Джулиан Монтэгу, услышав от мистера Кемптона вопрос о том, где в Рединге можно хорошо провести время, насторожился. С него хватит. Он и так уже наболтал лишнего в присутствии пожилых дам! Джулиан пустился было в пространный рассказ о достопримечательностях города, порекомендовав в первую очередь осмотреть старинную церковь Святой Марии XVI века на Кэстл-стрит и церковь святого Лаврентия. Изумительные сооружения. Просто дышат стариной! Особо он советовал бы мистеру Кемптону посетить старинное бенедиктинское аббатство, основанное Генрихом I в 1121 году, и замечательный местный музей в...

Но тут мистер Монтэгу был остановлен и прямо спрошен, где находится заведение мистера Торнби?

Монтэгу знал, с кем говорит. Арчибальд Кемптон возглавлял полицию в Уинчестере. Поняв, что ему не задали бы этого вопроса без весомых на то оснований, Джулиан вздохнул. Монтэгу не знал, миссис ли Холдейн или мисс Хилдербрандт поделились с ним своими соображениями на этот счёт, но то, что начальник полиции был осведомлён о том, что имело место в доме его матери, было очевидным. Они стояли друг напротив друга, смотрели в глаза друг другу, и под взглядом мистера Кемптона Джулиан в конце концов опустил голову. Уставившись в пол, на котором не было решительно ничего интересного, Джулиан продолжал разговор. В упомянутом заведении далеко не всё благополучно, попытался вразумить он мистера Кемптона. Порядочному человеку лучше подобные места не посещать. Там легко утратить здоровье и доброе имя.

Мистер Арчибальд Кемптон полностью разделял мнение собеседника и всё же упорно настаивал на своём желании узнать, где оно находится. Мистер Монтэгу, понимая, что мистер Кемптон считает его прекрасно осведомленным о местонахождении одного злочного места, счёл нужным ещё раз предостеречь мистера Кемптона. «Это просто неразумно, мистер Кемптон. Семейному человеку? Другое дело мы, бедные студенты, младшие сыновья, которым о женитьбе раньше тридцати и думать нечего... Плоть слаба. Того и гляди, угодишь

в лапы порока, но имея семью? Как можно? Вспомните несчастного Родерика Шелдона...» Мистер Арчибальд, однако, заверил его, что направляется в Рединг как раз по поручению милорда Шелдона. Тот хотел бы узнать больше об обстоятельствах гибели Родерика. Как он понял, это нелегальный блудный дом?

Монтэгию вздохнул, поморщился и кивнул.

— Кто из имеющихся там девиц может знать больше остальных? Сколько могут стоить эти сведения? Сколько стоит вход? Что нужно, чтобы тебя приняли? Ведь, надо полагать, с улицы не войдешь?

— Разумеется. Только по рекомендации члена «клуба»...

Девицы там часто меняются. Мистер Монтэгию не знал, кто из прежних обитательниц на месте. Разве что Нелли Фолдер толковой остальных. Мистер Торнби возьмёт гинею. Сколько возьмёт за сведения проститутка — сказать невозможно, они жадны и вряд ли какая проговорится о подобном. Кто бы ни заразил Родерика — они будут молчать. Но фунтов за десять Нелли, если знает что-то о Родерике и если не она ему так удружила — скажет. Мистер Арчибальд молча смотрел, как Джулиан строчит записку мистеру Эдвину Торнби, рекомендуя ему своего близкого друга и сокурсника, выпускника Кембриджа, человека в высшей степени надежного, истинного джентльмена, мистера...

— Арчибальда Линдона из Уинчестера.

...Арчибальда Линдона из Уинчестера.

Мистер Кемптон закончил Оксфорд, но сейчас не счёл нужным уточнять это. Мистер Монтэгию запечатал письмо, протянул его мистеру Кемптону и сообщил, что дом леди Дорранс находится на Макбейн-стрит, под номером четырнадцать. Его тепло поблагодарили. Джулиан Монтэгию вяло пробормотал, что это не стоит благодарности и, пряча глаза, поспешил откланяться.

На следующее утро мистер Кемптон уехал из города.

Арчибальд уехал, предварительно повидавшись с мистером Девэриллом. Тот в последнее время перестал быть законченным пессимистом, заметив, что ситуация в его семье, если, конечно, то, что он имел, можно было назвать семьей, изменяется. Эдмонд неоднократно слышал рыдания миссис Девэрилл в её спальне по ночам, несколько раз она пыталась объяснить с ним. Эдмонда при этом охватывало странное для столь мягкого человека ощущение своей силы и власти. Мужской воли. Ощущение приятное... Деверилл уже не чувствовал себя униженным. Теперь его умоляли быть снисходительным, перед ним рассыпались в извинениях, его просили сжалиться. Он бы и снизошел, и извинил, и сжалился, но Арчибальд был непреклонен.

Кемптон уехал, ещё раз напомнив другу необходимое условие прощения. Скрепя сердце, Эдмонд Деверилл согласился.

* * *

Мисс Энн Гилмор, остававшаяся в гостинной Кемптонов до конца скандала и едва не лишившаяся чувств, когда окончательно поняла, что объект её привязанности — просто негодяй, мстительный и завистливый распутник, описала подруге слова, сказанные мистером Монтэгию и виконтом Шелдоном. Мисс Гилмор уже не оспаривала её утверждение, что это Тэлбот с её братцем погубили репутацию леди Радстон, хотя и не до

конца соглашалась. Ведь мистер Лавертон и мистер Салливан утверждали, что застали леди Софи in flagranti! Как же это можно организовать-то? Она, безусловно, сама пришла ночью к Вивьену...

Кора не знала, что на это ответить, но чувствовала, что Вивьен Тэлбот стал ей просто омерзителен. Это снова возвысило в её глазах Раймонда Шелдона. Мистер же Монтэгу, сэр Чилтон был прав, ничем не лучше Вивьена. «Говорил же я вам, изобретение доктора Кондома нельзя игнорировать, это неумно. Осторожность, я слышал, дочь опыта, но она ещё и мать разума...» Хорош, нечего сказать... И этот-то негодяй уверял её в пылкой любви! Кора разозлилась, почувствовав, как закипела кровь. Почему он ей так отвратителен? Почему она не может даже думать о нём без гнева и отвращения? Кора только не понимала, что заставляет Раймонда Шелдона подавать руку мистеру Монтэгу и раскланиваться с ним.

Теперь ей стало ясно, что только Шелдон — человек подлинного достоинства, и только с таким человеком женщина может найти счастье. Но как добиться его внимания, если все женские уловки она уже перепробовала?

* * *

Тэлбот не мог не сожалеть теперь о затеянном в гостиной Кемптонов разговоре. Само упоминание притона потрясло его. Если бы он только сумел сразу овладеть собой и не показать, что знает, где это! Ужасно было и то, что ему пришло в голову посетить по старой памяти Грету... При мысли, что он мог подцепить от неё тот же подарок, что и Родерик, ему стало совсем дурно. Вивьен Тэлбот торопливо отбыл в Лондон. Там он выяснил, что судьба оказалась милостива к нему: зараза его миновала. Он не был болен, но его ненависть к Шелдону становилась болезнью, душила и лишала покоя.

Но именно она неожиданно сделала то, что сам Шелдон считал невозможным.

Началом всему был пустой разговор вернувшегося из столицы Вивьена с мистером Лоренсом Иствудом, свидетелями которому были мистер Монтэгу и сэр мистер Остин Чилтон, собравшиеся за карточным столом в доме полковника Карбэри. Лоренс Иствуд, хоть и злился на Шелдона, до сих пор не выбравшего себе невесты, но был, однако, весьма обрадован тем, что мисс Энн Гилмор зачастила к его сестре и отвернулась от Тэлбота, а его собственная сестрица давно перестала заигрывать с Монтэгу, и потому пребывал в радужном настроении. Немало повеселил его и случай с леди Радстон.

Джулиан Монтэгу, с некоторой долей уверенности полагая, что Тэлбот не осведомлён о том, что мисс Кора рассказала ему тогда о подробностях их встречи с мистером Шелдоном в парке, старался вести себя с Вивьеном так, словно ничего не произошло, и своей возросшей неприязни Вивьену не показывал.

— Кстати, Иствуд, — лениво заметил за столом Вивьен, — вы, я слышал, заказали у Перкинса новый экипаж?

— Да. Но каретник сказал, что ещё не закончено новое ландо Шелдонов. Лорд Брайан хотел подарить его сыну к свадьбе и заказал ещё в мае.

— В мае? Странно... уж и Иоаннов день миновал, и Михайлов не за горами, а егс дражайший сынок ни одну не выбрал... Вы утверждали, Монтэгу, что Шелдон чуть ли не девственник?

Монтэгу уже давно надоели дурацкие и издевательские вопросы Тэлбота и Иствуда. Он

раздраженно ответил:

— Я ничего не утверждал, но Шелдон всегда говорил, что хочет сохранить чистоту — и души, и тела.

— Зачем? А, впрочем, да... Принципы. Но я не понимаю — ведь лорд Брайан хотел бы, чтобы он женился, невест — сколько угодно, Шелдон — послушный сын. Но вот — последнее время я не помню, чтобы он даже танцевал. Всё за картами...

— Не забывайте о смерти Родерика, — мистер Монтэгу зло и насмешливо ухмыльнулся в лицо Тэлботу. — В семье траур.

Вивьен Тэлбот болезненно поморщился, но продолжил:

— Но траур занимает сорок дней, он же игнорирует увеселения чуть ли не с третьего дня пребывания здесь.

— К чему вы ведёте, Тэлбот? — раздраженно спросил Монтэгу. — Это, в конце концов, его право — танцевать или играть, — Джулиан блеснул глазами, заметив рискованную комбинацию, которую проводил сэр Чилтон, бывший его партнером.

— Да, но подобное поведение наталкивает на мысль, что здесь что-то нечисто. Аскетика в годы учёбы — ну, это я готов понять, но равная аскетика в годы брачные заставляет думать, что род Шелдонов имеет не одну гнилую ветвь, а две, — Тэлбот просмотрел ход мистера Монтэгу, иронично глядя на собеседника.

Монтэгу без труда понял, как и все остальные за столом, на что намекает Тэлбот, ему и самому однажды пришло в голову схожее подозрение, но Джулиан питал такое отвращение к Тэлботу, что ответил резко и высокомерно:

— Я уже давно не француз, Вивьен, много поколений предков живут здесь, но у моей родни во Франции бытует любопытное определение: «Esprit mal tourné» Это означает ум, направленный на дурное, во всём видящий только порочность да изъяны... — Джулиан тонко подыграл партнеру, добавив две парные карты и заставив мистера Лоренса Иствуда заскрипеть зубами.

Партия закончилась. Сэр Чилтон поклонился Джулиану. Монтэгу обладал, как отмечали все, кто садился с ним за карточный стол, великолепным чутьём игрока. Он не только безукоризненно чувствовал игру, но всегда верно знал момент, когда Фортуна начинала отворачиваться, и потому играл беспроигрышно. Сейчас это оценил и сэр Остин.

— Возможно, вы и правы, — продолжал между тем Вивьен, — но как вы сами объясните его поведение? Мужчина не должен вести себя как старик, если... может быть мужчиной. Чтобы не выбрать из дюжины...

— Никто не уполномочил меня ничего объяснять.

— Конечно-конечно. Но я склонен думать, что для иных вещей существует совершенно определенное название.

Тэлбот был озлоблен. И не только неудавшимся отмщением высокомерному аристократу Шелдону, в результате которого он сам, надо признаться, сплоховал и потерял контроль над собой. Озлоблен Вивьен был и собственным испугом при упоминании того самого притона, где он оставил дурочку Харди, и почти демонстративным презрением гордячки мисс Кору Иствуд, переставшей даже приветствовать его при встрече, и тем, что чёртов негодяй Ламберт по-прежнему кружил вокруг сестрицы. Теперь Тэлбот понял, что они с Лоренсом ещё и проиграли партию — причём в значительной мере по его вине. Как будто все вокруг сговорились свести его с ума!

Ну ничего, со всем этим он разберётся, а пока, роняя неосторожные и пакостные

намеки о ненавистном ему Шелдоне, Тэлбот просто отводил душу. Верил ли он в то, что говорил? Тэлбот и сам не знал этого, но то, что Шелдон никак не воспользовался возможностью покорить богатую красотку, от которой сам Тэлбот никогда бы не отказался, и злило, и приводило в недоумение.

Во время этого разговора мало кто заметил, как высокомерно окаменело лицо сэра Чилтона. Он был единственным, кто не принимал в беседе никакого участия. Баронет и за стол-то сел просто, чтобы поближе познакомиться с сыном Этьена. Сейчас сэр Остин вынужден был признать, что щенок держится благородно, и его рассуждения и впрямь свидетельствуют о некоторой порядочности. По крайней мере, в том, как Монтэгю отказывался обсуждать мерзкие гипотезы молодого Тэлбота, нельзя было усмотреть ничего дурного.

Что же до болтовни Вивьена... Закончив роббер, принесший им с Монтэгю сто фунтов, сэр Чилтон извинился перед партнерами и направился в малую гостиную мистера Карбери, где нашёл леди Холдейн. Оценив степень их уединенности, и найдя её недостаточной, Остин Чилтон пригласил миссис Фанни в библиотеку — посмотреть на последние приобретения полковника. Здесь баронет в нескольких лаконичных словах передал ей только что услышанный разговор.

— Сплетни в обществе неизбежны, но есть нечто, выходящее за пределы пустой болтовни. Если подобное распространится достаточно широко... Тем более, что желающих разнести подобную мерзость всегда достаточно. Мне кажется, наш друг должен быть в курсе.

— Какая-то беснующаяся мерзость... Юный Тэлбот далеко пойдёт.

— Если не сломает по пути ногу...

— Боюсь, этим придётся озаботиться особо.

* * *

Вечером того же дня состоялся короткий визит леди Френсис Холдейн к своему старинному другу — милорду Брайану Шелдону. Он никого не принимал, но для этой гостьи сделал исключение.

— Нам нужно поговорить, Брайан.

Разговор этот, надо заметить, произвёл на графа Шелдона убийственное впечатление. Мука потери младшего сына только подняла в его глазах цену старшего — теперь — единственного, оставшегося ему. Мерзейшее подозрение Тэлбота о мужской несостоятельности того, от кого зависело продолжение их рода, грозившее распространиться в обществе, ужаснуло старшего Шелдона. Граф лихорадочно перебирал в памяти детали поведения сына. Да, он несколько отстранён, развлечения и суэта не слишком-то увлекают его, но ничего страшного сам милорд Брайан в этом не видел. «А что ты вообще видишь, Шелдон? — злобно спросил он себя. Ты просмотрел порочность одного своего чада, а теперь не хочешь видеть ущербности другого?...»

— Вы это имели в виду, Фанни, когда говорили о разнице между нравственной чистотой и стоицизмом?

— Помилуйте, Брайан, и в мыслях не было. Мальчик просто показался мне несколько... холодным.

После отъезда леди Холдейн граф несколько часов сидел, погруженный в тягостные размышления. Нет, этого не может быть. Раймонд, мальчик мой. Гордость моя и последнее моё утешение... В постель он лёг с тяжёлым сердцем, рассчитывая, что утром сможет успокоиться и поговорить с сыном. Но как вообще говорить о подобном?

Наутро, с трудом поднявшись, милорд постучался в спальню сына. Отец никогда в этот час не приходил к нему, и Раймонд немного удивился. «Я хотел бы поговорить с вами, сэр». Холодный тон отца удивил младшего Шелдона, но он просто кивнул. Лорд Брайан сел и исподлобья мрачно взглянул на сына. Отрывисто приказал ему сесть. Раймонд присел, недоумевая, что происходит с отцом. Тот с нервно перекошенным лицом, с видом больным и желчным, наконец, заговорил.

— Мы с вами ещё в марте, сэр, говорили о вашей женитьбе. Прошло полгода. Вы выбрали?

Раймонд растерялся. Он не ожидал, что отец заговорит об этом. Потерянность и замешательство отразились на его лице, и ещё больше раздражили отца. Самого Раймонда испугало страшное подозрение, что кто-то мог догадаться о его склонности к Патриции — и сообщить отцу.

— Вы... Вы, отец, сказали... Вы не советовали мне торопиться. Я полагал, что могу не спешить.

— Вы хотите сказать, что за шесть месяцев из дюжины девиц не смогли найти ни одной достойной?

Раймонд опустил глаза. Он не понимал странного раздражения и гнева в голосе отца, но боялся узнать его причины, не знал, что сказать.

— Итак, сэр, отвечайте мне. Вам не пришлось по душе признанная красавица мисс Иствуд. Почему?

Раймонд бросил на отца растерянный взгляд.

— Мисс Кора представляется мне слишком свободомыслящей особой. Слишком много самолюбия и гордости и слишком мало чувства долга. Могу сказать, что и родственные связи оной особы, особенно — её братец, да и что скрывать — мамочка, не прельщают меня.

Отец смерил сына гневным взглядом. Его грудь колебалась нервным, сбивчивым дыханием.

— Вот как. Хорошо. Чем вам не нравятся остальные, мисс Гилмор, например?

— Мне показалось, отец, сердце этой особы несвободно.

— Даже так, — откинувшись в кресле, проговорил лорд Брайан. Разговор с сыном только усиливал его подозрения, — мисс Лавертон и мисс Вудли показались вам, должно быть, слишком легкомысленными?

— Скорее, дурочками, сэр, — робко улыбнулся Раймонд.

— Мисс Харди и мисс Хеллоран тоже не больно-то, видимо, по-вашему, умны?

— Мне нечего возразить, милорд.

— А мисс Глэдис Сейвари, видимо, не слишком красива?

— Оспа никого не красит, отец...

Лорд Брайан зло посмотрел на сына.

— А чем вам не по душе мисс Монтэгю? Тоже дурочка? Безобразна?

Раймонд молчал.

— Итак, вам не нравятся ни красотки, ни уродки, ни богатые, ни бедные, ни дурочки, ни умные. Вы, должен заметить, чрезмерно разборчивы. А может, вам мешает сделать выбор нечто другое?

Раймонд почувствовал, что дыхание пресеклось в его груди, в глазах потемнело. Неужели, отец узнал? Откуда? Грэхемы? Он был так осторожен... Вчера приезжала леди Холдейн. Однажды она видела, как он несколько минут разговаривал с Патрицией в гостиной Лавертонов. Заметив её взгляд, он тут же отошёл. Неужели... Раймонд молчал. Его молчание и бледность испугали сэра Брайана, но на карте стояло для него так много, что нюансы душевного равновесия сына были сейчас незначимы.

— Вы можете быть мужем, ответьте мне! Вы дееспособны?

Раймонд окаменел, потом кровь так резко бросилась ему в лицо, что его окатило волной жара. Его потрясённое и оторопелое выражение, в котором было такое смешение гнева, смеха и ещё чего-то невычленимого, удивило вперившего в него больной и пристальный взгляд отца. Лихорадочное напряжение вскоре разрешилось для Шелдона-младшего нервным и несколько истеричным смехом, который он, несмотря на все усилия, не смог сразу унять.

— Простите, отец... что значит, могу ли... Я? Почему, Бога ради... Конечно, могу.

Реакция Раймонда чуть успокоила отца. Соответствуя это действительности, он вёл бы себя иначе. Сам же Раймонд, поняв, что отец ничего не знает о его недозволенной и запретной страсти, тоже несколько успокоился. На мгновение он подумал, может быть, сейчас упасть в ноги отцу и всё рассказать, но следующая фраза сэра Брайана парализовала его.

— Я считаю, что до конца недели вы должны сделать предложение — либо мисс Иствуд, либо мисс Монтэгю, либо любой из вышеназванных девиц. Вы меня поняли, Раймонд?

Теперь младший Шелдон ни о чём не думал — ноги его просто подкосились — он упал, обнимая колени отца.

— Сэр, умоляю вас.... - забормотал он, — это невозможно... — и, поймав снова наливающийся гневом взгляд отца, вцепился в полу его сюртука, — пожалуйста, сэр. Я не могу... Я не вынесу... Я ничего не могу с собой поделать, я полюбил, едва увидев... Все попытки бороться были безуспешны. Это рок, это сильнее меня. Я люблю до безумия, и если буду связан с другой, то... то я и вправду, сэр... Я не знаю, что мне делать. Это сильнее меня, я пытался отойти... простите, отец, — лепетал Раймонд в истерике.

К милорду Шелдону наконец пришло понимание, что сыну мешает жениться уже сделанный им выбор — и, судя по его поведению — выбор весьма недостойный. Это было лучше того, чего он боялся, но тоже не радовало.

— Бог мой, да о ком вы говорите?

Раймонд умолк. Дыхание его стеснилось.

— Это огорчит вас, сэр, я не хотел, всем сердцем не хотел бы...

— Да говорите же, чёрт возьми! Кто она? Белошвейка? Служанка? Кухарка? Горничная?

Раймонд был так шокирован, что ноги его распрямились. Он поднялся с колен.

— Ну, что вы, отец... — младший Шелдон обиженно пожал плечами. Подобное предположение о нём показалось ему совсем уж унижительным — и для него, и для Пэт. — Как можно? Это... мисс Патриция Монтгомери. Она... живет у родственников, Грэхемов...

На челе мистера Шелдона-старшего отразилось выражение, прочесть которое Раймонд не смог. Тот оторопело откинулся в кресле, насупил брови, но гнева в его глазах Раймонд не заметил. Граф несколько минут глухо молчал, потом уточнил:

— Дочь Реджинальда... — он снова надолго замолчал, потом подозрительно спросил, глядя в лицо Раймонда, — стало быть, если я позволю вам жениться, ничто не затруднит вас? Вы посватаетесь?

Раймонд не верил своим ушам. Отец... это почти позволение...

— О, сэр, разумеется. Вы позволяете? Вы... благословите? — заторопился он, снова опускаясь на колени, — можно просто, без торжеств, тихо обвенчаться в нашей церкви, совсем не хотелось бы собирать весь город, траур не позволяет... Я мог бы поехать с Патрицией в Италию... - бормотал он. — Или, если вам будет угодно, в Лондон. Можно остаться здесь. Я просто не мог сказать вам, вы говорили, бесприданница... Я не мог...
Благословите, отец.

Лорд Брайан вздохнул. Разговор с сыном лишил его последних сил, но теперь хотя бы всё прояснилось. Дочь Реджинальда. Он помнил её. Сероглазая блондинка, худенькая, стройная. В глазах — горе. Хм, дети праведников... Вот тебе и Писание... Да, ни девочке, ни потомству её не придется просить хлеба. Это была хорошая семья, но даже для лучших родов порой наступают чёрные времена. В конце концов, могло быть хуже. Выбери сын одну из дурочек вроде этой... как её... Лавертон или Вудли... Граф снова вздохнул. «Надеюсь, Раймонд, что ваш выбор оправдан. Будьте благословенны. Идите, сэр». Шелдон-старший забыл, что разговор происходил в спальне сына, а тот, истолковав слова отца как приказание, ринулся к шкафу, попутно звоня лакею.

— Отец, а для сватовства нужен фрак или сюртук? В чем вы делали предложение матери?

Поняв, что он не у себя, милорд Брайан поднялся. Улыбнулся, вспомнив события почти тридцатилетней давности.

— В жюсокре и парике аллонж, мой мальчик... и при шпаге.

— О... — Раймонд на миг растерялся, но тут же нашёл выход, — тогда я возьму трость.

«Рядись, во что позволит кошелёк, но не франти — богато, но без вычур...» Он выскочил — и не слышал слов, что пробормотал, глядя в пол, отец: «Трёх страшится сердце моё: городского злословия, возмущения черни и оболгания на смерть, — всё это ужасно...»

Глава 21,

в которой мистер Раймонд Шелдон богословствует, мистер Монтэгю пребывает в унынии, кружок же его сиятельства потрясен жуткими новостями.

Раймонд ничего не понимал. Словно в чадю заехал цветочный магазин, потом в ювелирный, где долго растерянно думал, какой номер кольца ему взять для Патриции. Шелдон понимал, что отвергнут не будет: в её взглядах, словах, обращённых к нему, он давно чувствовал благосклонность и преданность. Его любят, Шелдон верил в это. Смутно помнил, как огорошил любимую сообщением о том, что отец дозволил ему жениться, надел ей на палец кольцо, которое пришлось на удивление впору, как увидел в её глазах ту бездонную любовь, о которой мечтал и наконец чуть пришёл в себя уже в парке, где неожиданно столкнулся с Джулианом Монтэгю.

Джулиан был удивлён и странно-блаженным видом, и бессмысленной улыбкой счастья, блуждавшей на губах Раймонда. Спросил, почему его совсем не видно в обществе? Кстати, знает ли он, какую мерзейшую сплетню распускает о нём Вивьен Тэлбот? Услышав это имя, Раймонд поморщился, но продолжал улыбаться. Опять Тэлбот...

— Как говорит наша кухарка миссис Сондерсон, «посуде с трещиной — нет износу...» Ну и что же Тэлбот-то?

— Он говорит, что вы не женитесь до сих пор потому, что не в состоянии быть мужчиной...

Голова мистера Шелдона произвольно дернулась к мистеру Монтэгю. Он даже на минуту перестал улыбаться.

— Когда это он сказал?

Монтэгю удивился незначимости вопроса.

— «С тех пор, как говорят мои часы, на целый день я ближе стал к могиле...» Не так давно, вчера, в доме полковника, а что?

— Там была леди Холдейн?

— Нет... не знаю. А впрочем, да, была.

— При разговоре?

— Нет, там были только я, Вивьен, Иствуд и Чилтон.

— А... вот как... понятно... — Раймонд улыбнулся снова. — Чудеса Божьи. Так это ему я должен быть благодарен... Но как же? — размышления Шелдона были таинственны и неясны Монтэгю. При этом он всё ещё улыбался, чем окончательно сбил с толку Джулиана.

— Вас, что, не задевает подобное? Я уже хотел было предложить себя в секунданты.

Шелдон улыбнулся, точнее, продолжая улыбаться, блеснул зубами.

— Боюсь, дорогой Джулиан, если Вивьен Тэлбот считает меня не мужчиной, попытка убедить мистера Тэлбота в обратном с помощью пули будет безуспешной. Я постараюсь опровергнуть его мнение иным способом.

— Если не секрет, каким же? Что убедительнее пули?

— Только что, милый Джулиан, и четверти часа не минуло, уверяю вас, — сообщил Шелдон восторженно, наклонившись к Монтэгю, — как одна особа сделала мне честь, согласившись быть моей женой.

Монтэю против воли побелел и поднялся. Опомнившись, снова сел, и тихо спросил:

— Мисс Иствуд согласилась быть вашей женой?

Шелдон пожал плечами. Усмехнулся. Воистину, для влюбленных нет иных светил на небесах...

— Нет, Монтэю. Я сватался к другой. И меня удостоили согласием.

Джулиан пронзил его изумлённым взглядом, в котором читалось, однако, заметное облегчение.

— Ну, это понятно. Кто же откажет его милости виконту Раймонду Шелдону?

Шелдон наморщил нос.

— О, Боже, не убивайте меня, Джулиан. Моё предложение принято вовсе не потому, что я — Шелдон.

— Интересно. А почему же?

— Мой Бог! Надеюсь, потому, что я — всё же достоин любви. Я всегда полагал — ну, по крайней мере, с тех лет, когда стал способен рассуждать, что для того, чтобы быть вправе требовать от своей избранницы чистоты, верности, преданности — словом, любви, — я должен сам быть достоин её чистоты, верности и преданности, то есть, я сам должен быть безупречен. Этим и объяснялось моё поведение в Кембридже, которое столь часто вызывало ваши насмешки и иронию. Впрочем, это я не в упрёк. И вот, теперь я нашёл женщину, чьи красота и достоинства привлекли меня, и скоро состоится венчание. Торжеств из-за траура не будет, но моё счастье от того, что оно не будет вынесено на публику, меньше, согласитесь, не станет. Одновременно, — слухи о нём опровергнут вздорные выдумки мистера Тэлбота.

Шелдон на мгновение умолк, но потом, помрачнев, проговорил.

— Но, право слово, я глупец. Я иногда позволял себе подобные эпитеты на ваш счёт, Джулиан, прошу прощения. Большого идиота, чем я, и представить-то трудно. Я дерзнул усомниться в Божественном Провидении, я, ничтожный, ничего не понимавший глупец, осмеливался думать... Да, «Вечность — звук не для земных ушей...»

О! Мне ли было не знать, что, поскольку в мире есть свободные существа и они могут злоупотребить своей свободной волей, необходимо действие Промысла Божьего, направленное на устранение этих ошибок. Разве я не знал об этом?

Как мог я — трижды безумный — произносить в дерзости своей слова непотребные, недоумевать, что происходит со мной? Господь дал мне девицу красоты и совершенств необычайных, чистоту коей уберёг, храня для меня, от взглядов недостойных, и не давал очам моим оторваться от неё, прилепил сердце моё к ней, заставляя грезить ею во сне и наяву, а я роптал, называя это помешательством! Как мог я сказать такое? Любая подлость, любая клевета негодяя Тэлбота в итоге способствовали лишь возвышению моему и исполнению моих желаний. А я сокрушался, как Господь терпит подобного человека? Промысел любое зло обращает на благо. Как я мог забыть об этом? Смерть брата моего — почему недоумевал я, за что отцу моему, человеку праведному, наказание сие? Почему не подумал я о том, чего действительно заслуживал Родерик порочностью своею? Каждый получит по делам своим и, если не подлежит вразумлению, — извергается вон из мира сего. Что нового в этом для меня? Когда приходили на ум мне глупейшие мысли, почему не вспомнил я слова мудрости? Никогда не шлется тебе искушение, превышающее твои силы. Я, что, не знал об этом? Трижды идиот, вот кто я такой.

Поток богословствования Шелдона Монтэю выслушал в полном безмолвии, но

стараясь не упустить ни слова.

— «По определениям Твоим всё стоит донныне, ибо всё служит Тебе, в Твоей руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти, и всё держится словом Твоим». Всё промыслительно, всё провиденциально. Вот что надлежало вспомнить мне в минуту искушения! — продолжал каяться Шелдон.

Разговор богослова с юристом мог закончиться теологическим пассажем, но завершился крючкотворством. Юрист вернул богослова к реальности.

— А я могу узнать имя счастливицы, Раймонд?

— А... что? А... Ну, конечно, Джулиан. Леди Шелдон. — Раймонд снова рассмеялся и напевая что-то себе под нос, направился домой, оставив Монтэгу одного в парке.

* * *

Джулиан скорчился в углу скамьи. Счастье приятеля, столь очевидное, бьющее в глаза, не вызвало зависти, но — тоску и уныние, а его слова, хоть Монтэгу и не показал этого, больно задели. И вовсе не напоминанием их прежних споров, а просто неприятной и коробящей истиной. Джулиан не оспаривал утверждения Шелдона. Да, и в его глазах этот человек был достоин любви — Монтэгу с радостью отдал бы за него свою сестру и считал бы, что её счастье гарантировано. И совсем не пятнадцать тысячами годовых, но безупречной порядочностью, высотой помыслов и личными достоинствами этого человека. Но это признание не могло не вызвать и естественного сопоставления. А чего достоин он сам?

Мисс Кора не только не заигрывала с ним более, но, встречая, отворачивалась, а когда он приходил с визитами — его не принимали. Когда Монтэгу пытался пригласить её на танец на последнем балу, ему ответили, что он невозможен. Он не нравился, его не любили. Его ненавидели и презирали. От него отшатывались как от зачумлённого. Джулиан отчетливо видел это и страдал. Теперь вскользь брошенные слова Шелдона высветили для него самую ужасную причину этого. Сэр Чилтон тут ни при чём. Он недостоин любви. Эпизоды его полночных вылазок одна за другой пронеслись перед глазами. Монтэгу вспомнил — так отчетливо, словно видел наяву, рыжую Хетти из блудного дома мистера Торнби. Он тогда разбил ей лицо за то, что она пыталась поцеловать его и, избивая, твердил, что её дело — просто пониже наклониться и упереться руками в пол.

Ну и чего он достоин за всё это?

* * *

Граф Шелдон, узнав от сына, что тот удостоен согласия избранницы своего сердца и готов венчаться даже сегодня и уже в эту ночь сделать всё, от него зависящее, чтобы род Шелдонов процветал в веках, назначил венчание на ближайшую субботу. После чего, отдав все необходимые распоряжения для скромного венчания без торжеств, которым мешал годовой траур, милорд направился к сэру Чилтону, чтобы разузнать причины странной сплетни, пущенной молодым Тэлботом. Это соперничество? Мечь? Зависть? Сын выказывал ему пренебрежение? Чтобы придумать такую мерзость — человека нужно

ненавидеть смертельно. У Остина Чилтона, как всегда, были мисс Летиция и леди Холдейн. Шелдону обрадовались — полковник не смог придти, и партия не составлялась. Однако милорд Шелдон был не расположен сегодня играть.

— Объясните мне, Бога ради, за что сын Мортимера ненавидит моего сына?

Ответить на этот вопрос мог только сэр Чилтон, что он и сделал, рассказав о стычке молодых людей в парке при его крестнице. Граф выслушал, не перебивая, внимательно и вдумчиво. Кое-что переспросил, но в итоге остался в недоумении.

— Ничего не понимаю. Ну, и что? Нечего поливать отсутствующего грязью... Бог ведь что за народ пошёл, — граф опустил голову, на мгновение задумавшись, потом всколыхнулся, — а кстати, Фанни, я, помните, просил вас уточнить по поводу девицы Монтгомери, дочери Реджинальда... Вы забыли?

Леди Холдейн пожала плечами. Она ничего не забывала.

— Почему, я расспросила о ней и даже говорила с ней самой, пытаюсь составить впечатление. Девица кротка, как говорят, очень добра, правил строгих. Мне она показалась излишне умной для своих лет. Впрочем, при такой жизни поумнеешь. Одна Амалия чего стоит. Но ни на что не жалуется. Она очень хорошенькая, но при такой бедности... Перелицованные платья никого не красят. А что, вы нашли, как пристроить её? Собрать небольшое приданое труда не составит. Сколько нужно?

Его сиятельство усмехнулся.

— В этом нет необходимости, Фанни. «Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба», Псалмопевец-то был прав, Летиция.

Мисс Хилдербрандт с удивлением переглянулась с подругой.

— Ничего не понимаю... Её берет состоятельный человек?

— Да... весьма.

Леди Холдейн что-то в его интонации показалось странным.

— Что вы хотите сказать, Брайан?

— То, что сказал. Этой девице не понадобится приданое. Её выбрал в жены весьма состоятельный человек.

Сообщенное заставило всех переглянуться. Было заметно, что в голове каждый из них перебирает богатых женихов, но отсеивает каждого. Молчание прервала, устав от пустых предположений, Летиция Хилдербрандт.

— Не томите, Шелдон. Кто это? Молодой Вудли? Лавертон? Не Тэлбот ли, упаси Бог? Иствуд? Или кто из вдовцов? Томпсон? Ламберт?

Его сиятельство, казалось, это забавляло.

— Я же сказал, Летти, весьма состоятельный...

Бог ведь как, но леди Холдейн, неожиданно усмехнувшись, догадалась.

— Я, кажется, поняла. Эту белокурую красотку выбрал ваш сынок, Брайан?

— Да, Фанни, вы правы.

Его друзья молча озирали его сиятельство, переглядывались, пытались понять, шутит он или говорит правду?

— Так, стало быть, он не хотел жениться на Коре Иствуд... потому что был влюблён в молоденькую Монтгомери?

Милорд Шелдон пожал плечами.

— Надо полагать... — Он окинул друзей внимательным взглядом, но не заметил, чтобы

кого-то из них эта новость особо поразила или шокировала. Они были несколько удивлены. И только.

* * *

Между тем слухи мгновенно разнесли по городу весть о предстоящей женитьбе Раймонда Шелдона. Монтэгу видел, как и мужчины и девицы судачили только об этом, как раскрывались в изумлении глаза, когда произносилось имя избранницы самого богатого мужчины графства. Лицо мисс Тэлбот при этой новости позеленело, мисс Иствуд побледнела, все остальные недоумевали, при этом совершенно потрясённое выражение было на лице миссис Амалии Грэхем. В течение нескольких минут она вообще не могла произнести ни слова. Потом понимание, что нищенка и приживалка из её дома завтра станет виконтессой Шелдон, перед которой будет заискивать всё общество, привело к невероятной головной боли и нервному срыву. Ей было прислано приглашение на церемонию венчания, но воспользоваться им по состоянию здоровья она не смогла.

Когда весть о помолвке виконта Шелдона дошла до юной Кэтрин Монтэгу, она оказалась единственной девицей в округе, способной искренне порадоваться за мисс Монтгомери и от души пожелать молодым счастья.

— А ты видел её? Какая она? — вопрос этот, исполненный неподдельного любопытства и ликования, был задан брату после того, как имя счастливицы стало известно обществу. Мисс Монтгомери редко бывала в обществе, и Кэт не помнила, видела ли её в свете.

— Да, видел. Она... блондинка. Стройная, худенькая, — Джулиан, откровенно сказать, просто повторил то, что говорили все — сам он мисс Монтгомери не помнил. Слеплённый Корой, Монтэгу не видел вообще никого. — А что ты так радуешься? — изумился он, заметив сияющие глаза Кэт.

Кэтрин смутилась.

— Ну, не знаю. — Но против воли продолжала улыбаться.

Юная мисс Монтэгу просто лукавила. Она прекрасно знала причины своего ликования. Гордячка Кора, которая охотилась на богача Шелдона, осталась с носом. Теперь-то уж она пожалеет о своём пренебрежении братом. Но, несмотря на распирающее её счастье, Кэтрин так и не осмелилась поговорить о мисс Иствуд с Джулианом, и Монтэгу оставался в полном неведении о том, что его сестрица понимает в его личных делах куда больше, чем Монтэгу хотелось бы.

Большинство же просто недоумевали, особенно миссис Лавертон, миссис Бартон и миссис Вудли. Они полагали своих дочерей недостаточно богатыми для мистера Шелдона и то, что он столь неожиданно выбрал бесприданницу, просто шокировало их. Им стало казаться, что они приложили далеко не все усилия, чтобы пристроить дочерей. Патриция Монтгомери. Нищая сирота! Да, она хорошего рода, но ведь за душой ничего!

— Ну, Шелдоны куда как не нищие, могут взять и бесприданницу.

— Она, и вправду, хороша собой? Ведь насколько я помню... впрочем, я её и не помню-то...

— Мисс Патриция Монтгомери, безусловно, очень красива. — Низкий голос леди Холдейн перекрыл болтовню.

Граф Шелдон успел уже приглядеться к невесте сына, отметил несколько необычную

красоту, скромность, благоразумие и благородную сдержанность. Фанни была права. Через два часа после знакомства милорд сделал вывод, что девица — прекрасно воспитана и не посрамит дома Шелдонов. Позже, в церкви избранница сына в нежно-розовом свадебном платье и бриллиантовой диадеме выглядела так, что сэру Брайану стал окончательно понятен выбор Раймонда. Что значит платье! Немного шёлка, немного батиста, блеск дорогих камней — и вчерашняя маленькая Синдерелла преобразается в королеву...

* * *

Венчание прошло в их домашней церкви, гостей было немного, траур не позволял ничего пышного, и молодые уединились в выделенных им апартаментах. На следующее утро они не явились к завтраку, но эту вольность милорд Брайан ещё готов был счесть простительной, но когда молодые не пришли и к обеду, отец, в душе которого вдруг всплыли прежние страхи, направился к сыну. Милорд не обнаружил молодых ни в их спальне, ни в гостиной, и наконец увидел их на шезлонге в парке, на берегу озера.

Он подошёл и услышал, как Раймонд объясняет своей юной супруге, чем охота на перепелов отличается от охоты на куропадок. Речь его, однако, была весьма путанной — он то называл перепелов фазанами, то говорил о бекасах. Потом откуда-то всплыли рябчики. Это, впрочем, не имело никакого значения — леди Патриция, виконтесса Шелдон, всё равно не слушала. Положив белокурую головку на плечо мужа, она давно спала, отдыхая после бессонной ночи. Раймонд, откинувшись на шезлонге, говорил всё медленнее и, в конце концов, замолчал, тоже уснув.

Подумав, что, если сын и невестка спят днём, то это — явное следствие того, что они не спали ночью, что, в свою очередь, обещало, что род Шелдонов и, в самом деле, не угаснет на Раймонде, лорд Брайан махнул рукой, собрался было прогуляться и даже велел запрягать лошадей. И тут через посыльного получил записку от Остина Чилтона, содержащую просьбу немедленно приехать к леди Холдейн. Судя по почерку друга, написано приглашение было в большой спешке. Но если его ждёт партия в вист, то зачем так торопиться?

По счастью, экипаж уже стоял у порога.

* * *

Мистер Кемптон вернулся из Рединга. Он ещё с дороги написал леди Холдейн, попросив её собрать сэра Чилтона, мистера Карбэри, леди Летицию, милорда Шелдона и сэра Винсента. По приезде застал троих из них в доме тёщи. Винсент Сейвари был у своего врача, а милорд Шелдон — на венчании сына. Лицо мистера Кемптона испугало леди Френсис, хотя знавшие эту особу, никогда не называли бы её пугливой.

— Арчи, что с вами?

Рассказанная мистером Кемптоном история была гнетущей и безрадостной. Указанный дом, формально принадлежащий леди Дорранс, на самом деле — просто притон, в котором содержатся в настоящее время несколько проституток. Одну из них, Нелли Фолдер, удалось за десяток фунтов разговорить. Да, несколько недель назад их число, которое никогда не превышало семи человек, было пополнено странной особой по имени Элиза. Описание

сходится с портретом мисс Харди. Она, по мнению Нелли, была странноватой, чуть ли не помешанной. Уверяла, что должна-де вот-вот выйти замуж, долго ничего не понимала, но когда поняла, где она оказалась, с ней началась истерика. Она отказалась есть и требовала, чтобы её немедленно доставили в Уинчестер. Естественно, её заставили замолчать и, избитая до полусмерти мистером Торнби, она вынуждена была принимать клиентов. Её нашли три дня назад повесившейся на гардинном шнуре. Куда делось тело — Нелли не знала.

Никто не усомнился в сообщении мистера Кемптона, все слишком хорошо знали Арчибальда, чтобы подумать, что его можно было ввести в заблуждение. В гостиной повисло такое глухое молчание, что слышно было, как скреблись по подлокотнику кресла ногти леди Холдейн. Летиция Хилдербрандт порывисто поднялась с кресла — и вдруг зашаталась. Сэр Остин и полковник Карбэри кинулись к ней, успев удержать от падения. Леди Френсис, вскочив, кинулась за лавандовой водой, мисс Летиция зарыдала. Прошло не менее четверти часа, пока её удалось успокоить и уложить в постель наверху.

Чилтон и Карбэри, проводив женщин, вернулись в гостиную к Кемптону и продолжили обсуждение.

— Она сама называла имя того, кто оставил её там?

— Называла. Но даже если бы она скрыла его — это было бы неважно. Упомянутого джентльмена прекрасно знала и сама Нелли. Он был постоянным посетителем одного злочного места и прекрасно знаком всем его насельникам.

— Тэлбот?

— Мистер Вивьен Тэлбот, — кивнул, подтверждая, Кемптон.

Все трое долго молчали.

— Лоусон уже знает? Вы сказали ему? — мрачно осведомился наконец сэр Остин.

— Нет, кроме нас пятерых, никому ещё ничего не известно.

В ней мистера Тэлбота решено изгнать из общества, виконтесса Шелдон, напротив, вступает в него в новом качестве. Что до мистера Монтэгу, то неожиданно оказывается, что он не только имеет в душе нечто святое, но и прекрасно отличает добро от зла.

В доме леди Френсис, выслушав ещё раз подобающие случаю поздравления, милорд Шелдон узнал, что его планы перекинуться в картишки со старыми друзьями сегодня не осуществляются. Ему и сэру Винсенту предложили выслушать рассказ мистера Арчибальда Кемптона. Мисс Летиция уже немного пришла в себя, и сейчас — второй раз за последний час — смачивала виски лавандовой водой.

Полковник Кемптон изложил обстоятельства дела спокойно и доходчиво, не упустив, как хотелось бы думать ему самому, ни одной важной детали. В его изложении судьба несчастной Элизы была представлена просто и последовательно. Столь же основательно были изложены и этапы поисков бедной девушки. Почти все его слушатели безмолвно переглядывались, кроме Остина Чилтона, который упорно смотрел на мраморные плиты пола.

— Непростительная оплошность. В начале сезона я в доме Тэлбота уже столкнулся с мерзостью этого юнца. Он поносил на чём свет стоит своего соперника — этого... сына Этьена. Говоря о себе, почти всегда о себе лгут. Говоря о других, о себе невольно проговариваются. Я подумал тогда, что от молодого подлеца надо постараться избавиться. Понять не могу, почему я забыл об этом.

— В доме вашей матери, полковник, Тэлбот тоже порадовал молодого виконта соболезнованием, — пробормотала леди Холдейн, — твой наследник пользуется, видимо, его особой симпатией, Брайан, — заметила она, — то он поливает грязью ваш род, то высказывает сомнения в способностях твоего сына его продолжить...

Граф Шелдон развёл руками. Он искренне недоумевал. Раймонд вообще никогда не произносил имени Тэлбота. Но явная неприязнь к его сыну, проявляемая Вивьеном повсеместно, отнюдь не объясняла его нынешней мерзости, весть о которой заставила милорда содрогнуться. Как можно? Безусловно, девица потеряла голову, точнее, головы, видимо, не имела, но...

— Из десятка юных девиц голова будет едва ли на плечах у двух или трёх. Это не основание для оправдания мерзавца, Брайан. — Мисс Холдейн не столько отвечала графу, сколько просто размышляла вслух.

Шелдон пожал плечами.

— А никто его и не оправдывает, Фанни.

— Что будем делать? — на лице мистера Габриэла Карбэри застыло выражение омерзения.

Сэр Винсент, до сих пор молчавший, уточнил у полковника Кемптона, обещал ли Тэлбот мисс Харди жениться на ней? Человек, неспособный на подлость, с трудом верит, что другие вполне способны на неё, и на лице мистера Сейвари застыло тяжелое недоумение. Полковник высказался однозначно:

— Разумеется, судя по тому, что слышала горничная. Он должен был сказать ей, что они направятся в Шотландию и там без проволочек вступят в брак.

— Но я не понимаю. Стало быть, совратив девицу и оставив её в этом блудилище, он вернулся и закрутил роман с Софи Радстон?

— Леди Радстон не наивная девочка и понимала, чем рискует, приходя к мужчине в дом. Но Элизе было только семнадцать.

— Тут ничего не скажешь, — кивнул Сейвари. — В мой дом подлец больше не войдет.

— Он не войдет больше ни в один приличный дом города, Винсент. Безнадежные болезни требуют отчаянных лекарств.

В разговор вмешалась молчавшая до этого мисс Хилдербрандт, неожиданно хмуро спросившая у подруги её мнение о том, не лучше ли вышвырнуть вместе с Тэлботом и... молодого Иствуда.

— Бывают люди со слабым здоровьем, прекрасно доживающие, однако, до преклонных лет, ибо, зная свои уязвимые места, восполняют недостаток жизненных сил постоянной заботой о себе. Бывают и люди с хилой репутацией....- объяснила она мотивацию своего предложения.

Мотовство молодого Иствуда тайной ни для кого не было, скользкость суждений и деяний — тоже. Но всё же это сочли преждевременным. Сугубых оснований нет. Общество снова вернулось к обсуждению истории мисс Харди.

— Не хотелось бы, чтобы вся мерзость всплыла, но этого, будем логичны, не миновать. Всё равно придётся поставить в известность и Лоусона, и Лавертон, и Вудли. Советую особо не распространяться, но, в конце концов, скандала должен бояться только тот, кто в нём замаран.

* * *

Она — последняя дура, просто дура. Миссис Девэрилл уже не сдерживала рыданий. Один раз её в подобном виде застал отец. Не выдержав душевных мук, Мэйбл призналась ему во всем. Мистер Даннинг побелел, поняв, что брак Мэйбл так и не состоялся, сыну друга его дочерью нанесено тягчайшее оскорбление, а сама она своей глупостью погубила своё счастье. Оплеуха, которую он с размаху закатил дочери, была по-мужски тяжёлой. Но она не решала созданной его дочуркой проблем. Видя пунцовый след на левой щеке миссис Девэрилл, мистер Даннинг добавил такой же на правой. Просто — чтобы придать симметрию румянцу. Приказал немедленно идти к мужу и валяться у него в ногах и не вставать с колен до тех пор, пока не вымолит прощение.

Мистер Даннинг несколько раз виделся с другом, отцом Эдмонда, и теперь понял, что его зять проявил подлинное благородство. Нет, не в том, что ничего не сказал отцу — в этом была просто сыновья забота о здоровье отца, нежелание его огорчать и расстраивать. А вот то, что ничего не было высказано по поводу воспитания дочери ему самому — это было великодушие, за которое ему, Роберту Даннингу, не расплатиться. Тяжело вздохнул, представив неизбежный тяжелый разговор с зятем и сватом. Нечего сказать, преподнёс он Девэриллам подарочек, будь всё проклято.

Пойти к мужу миссис Девэрилл не могла, — его не было дома. Вызванный запиской друга, Эдмонд направился к Арчибальду, и был потрясен последними новостями. Узнав об

обстоятельствах гибели Элизы Харди, он ужаснулся, причём настолько, что забыл и о своих семейных делах, и когда Арчибальд спросил о них, удивился. Теперь Эдмонд до конца понял друга. Да, ему удалось утвердить и себя, и своё мужское достоинство, но он не верил, что Мэйбл, к которой он теперь относился без обиды, но с жалостью, может так унижить себя. Да и не хотел этого. Эдмонд... любил и не хотел видеть унижения той, что носила его имя. Но мистер Кемптон был непреклонен и настойчив, как никогда.

* * *

Убедившись, что его приключение в Рединге сошло гладко, и по прошествии месяца никто особенно не обеспокоился исчезновением Элизы, Вивьен Тэлбот почти забыл этот жизненный эпизод, а если и вспоминал глупенькую мисс Харди, то только затем, чтобы усладиться постельным воспоминанием. Почти забыл он и высокомерную аристократку леди Софи, осмелившуюся играть с ним. Она получила по заслугам, тоже порадовав постельным воспоминанием. Но и это не могло занять его ум надолго.

Между тем поведение мистера Ламберта, ухаживавшего за сестрицей, становилось, по его мнению, всё наглее и определеннее. Правда, Белл вроде бы не сильно жаловала его, но и не избегала. А тут новое обстоятельство — свадьба виконта — привело к тому, что опасения Вивьена утроились. Раньше, пока у сестрицы сохранялась пусть призрачная надежда покорить богача Шелдона, она могла держать Ламберта на расстоянии, но теперь, поняв тщетность своих упований, она вполне могла принять его предложение. Да, стар, да, почти урод, да, почти нищий, но на безрыбье... К тому же, Эннабел ли выбирать! Но он не должен этого допустить. Надо сделать так, чтобы либо Ламберт не сделал предложения, либо чтобы сестрёнка не приняла его. Однако Вивьен Тэлбот знал Белл. Говорить с ней бесполезно. Напрасно он будет поливать грязью Ламберта — сестра упряма и неумна. Вызвать мистера Ламберта на дуэль под каким-нибудь предлогом? Опасно. Он армейский полковник в отставке, стрелять должен неплохо, в то время как сам Тэлбот меткостью похвастать не мог. Да и что за смысл подставлять голову? Риск непомерный.

Решение напрашивалось, точнее, давно где-то в глубине души прораставшее, теперь оно прорвалось наружу. Белл не должна выйти замуж. Вивьен Тэлбот медленно подошёл к шкафу и из его запыленных глубин извлёк купленный в Рединге пузырёк. Методично размышлял. Белл не шибко охоча до вина, но никогда не отказывалась от редких и экзотических сортов, которые кто-нибудь из друзей дома привозил из Италии, Испании или Франции. Она непременно желала их попробовать, чтобы после иметь возможность похвалиться и своим утонченным вкусом и тем, что ей доводилось пробовать самые изысканные напитки.

Ну, что ж. Вивьен Тэлбот осторожно откупорил длинную бутылку светлого стекла с утолщенным горлышком и неброской зелёной этикеткой. Это был французский ликер Шартрёз, зеленоватый цвет которого прекрасно скрывал любые добавки. Эту бутылку он купил у поставщика в Лондоне несколько лет назад. Добавив настойки из пузырька, он снова осторожно закупорил пробку и залил её для верности сургучом.

Однако надо было подсунуть сестрице бутылку так, чтобы самому остаться в стороне. Подумав, Вивьен Тэлбот нашёл простое, но неглупое решение. Он красиво упаковал ликёр и, изменив почерк, написал на карточке несколько загадочных слов, дав понять, что это подарок от «неизвестного дыхателя». Будь он проклят, если дурочка Эннабел не

расчувствуется! Когда стемнело, Тэлбот направился в бедные кварталы и там, поймав в тупике мальчишку и наградив его целым фунтом, велел отнести пакет в службу доставки. Тэлбот не выпускал щенка из виду и видел, что тот добросовестно отработал гонорар.

На следующий день утром Вивьен усмехнулся, услышав восторженное кудахтанье Эннабел, которой уже доставили пакет.

* * *

Патриция с изумлением оглядывала три шкатулки фамильных драгоценностей Шелдонов, поставленных перед ней Раймондом, и только что доставленное новое платье, которое, в её понимании, было сшито для королевы. В нём ей предстояло появиться на званом вечере, устраиваемом в конце недели в доме леди Хилдербрандт. Это был её первый выход в свет после замужества, где ей предстояло показаться уже как виконтессе Шелдон.

«Девушке подавай только мужа, а замужней подавай уже всё». Эта классическая поговорка не оправдывалась на Патриции Шелдон. Она не любила света, откровенно боялась фривольных шуток, холодных острот, плоских двусмысленностей, которые ожидала услышать по своему адресу. Патриция не осознавала своего нового положения и думала, что ей не миновать насмешек и унижения, а роскошь новых платьев и богатейших украшений могла лишь, по её мнению, спровоцировать сугубые оскорбления в её адрес. При мысли, что на неё будут обращены все взгляды, — недоброжелательные, завистливые и язвительные — у неё шла дрожь по телу. Она подобрала к платью серебряные серьги и небольшое кольцо, которые, как ей показалось, были скромны и не сильно бросались в глаза. Однако муж настоял на выборе совсем других украшений — роскошного бриллиантового убора, который, и на самом деле, подходил к платью больше, но останавливал и приковывал к себе любой взгляд.

Пэт не осмелилась спорить. За неделю, прошедшую с их свадьбы, она успела лучше узнать мужа. Когда накал страсти, усиливаемый ощущением недоступности столь желанного ему, схлынул, удовлетворенный в своих самых сокровенных, казавшихся недостижимыми желаниях, Раймонд успокоился и предстал перед Пэт человеком благодушным и мягким, склонным к насмешливо-ласковой нежности. Он видел в жене то золотую статуэтку, с которой сдувал пылинки, то милое дитя, с которым разговаривал кротко, чуть иронично и покровительственно.

Патриция в самом деле любила комедии Шекспира, и самой любимой из них была «Укрощение строптивой». При этом эпилог нравился ей больше кульминации. Она разумно, как и шекспировская героиня, сочла, что глупо спорить с супругом. Если он хочет так — разумнее уступить, но теперь боялась предстоящего вечера ещё больше.

* * *

У леди Летиции собрался весь город, все хотели посмотреть на ту, кого богатейший жених графства соблаговолил назвать супругой. Молодые люди изнывали от любопытства, девицы пребывали в расстройстве, особенно убитым лицом выделялась Кора Иствуд. Мисс Вудли и мисс Лавертон тоже были грустны и вялы, мисс Хеллоран задумчива, и только

молоденькая и симпатичная мисс Монтэю выказывала взглядом крайнюю степень любопытства. Её брат тихо стоял у стены, взгляд его иногда устремлялся к мисс Иствуд, но та совершенно не замечала его. Иствуд и Тэлбот переглядывались с двусмысленными улыбками. На физиономии же мисс Глэдис Сейвари застыло такое раздражение, что те, кто невольно бросал на неё взгляд, в ужасе отворачивались. Однако лицо мисс Тэлбот было не столь жёстко, как обычно — полученный утром пакет с дорогим вином от загадочного поклонника добавил ей значимости в собственных глазах. Эннабел недоумевала — кто же этот таинственный воздыхатель?

Здесь будет уместно заметить, что Вивьен несколько ошибся. Причём, сразу в двух, а точнее, в трёх вещах.

Мистер Ламберт вовсе не ухаживал за мисс Тэлбот, всё это привиделось воспалённому воображению Вивьена. Военный в отставке, мистер Леонард Ламберт из-за раненой ноги никогда не танцевал, но на досуге, имея некоторый достаток, начал учиться рисовать. Объяснить, почему вдруг зрелый и неглупый человек увлёкся подобным вздором — он не мог бы и сам, но при этом отставник не только проявлял склонность к живописи, но и показывал некоторые успехи, вызывающие похвалы его учителя, мистера Ричарда Дезмонда. Кроме того, выйдя в отставку, мистер Ламберт стал достаточно много читать, отдавая предпочтение древним авторам, и порой, особо вдохновленный прочитанным, пытался запечатлеть свои фантазии на темы античности на полотне. Ещё в мае мистер Леонард Ламберт увлёкся мифом о Персее, и уже почти три месяца пытался воплотить на холсте батальную сцену битвы сына Данаи и Зевса со злобной Медузой-Горгоной. Задерживало окончание работы отсутствие натурщицы, с которой можно было бы списать последнюю. Но тут ему повезло, мистер Леонард Ламберт среди шумных увеселений увидел мисс Тэлбот, был заворожён и обрадован. Если добавить змей на голове — он добьётся абсолютного сходства. И мистер Ламберт, до того весьма редко появлявшийся в обществе, стал гораздо чаще бывать там, затеявая проникновенные разговоры на абстрактные темы с Эннабел, пожирая мисс Тэлбот глазами... художника.

Вторая ошибка мистера Тэлбота состояла в карточке, присланной вместе с ликёром. Никто и никогда не баловал мисс Эннабел Тэлбот подарками, никто и никогда не объявлял себя её «тайным воздыхателем», и потому подарок обрёл огромную ценность в глазах мисс Белл, и не было даже и речи, чтобы она когда-нибудь распечатала заветную бутылку.

Третья ошибка заключалась в излишней самонадеянности и высокомерии мистера Вивьена Тэлбота, полагавшего, что ему удалось прекрасно устроить все свои дела, и никто ни о чём никогда не догадается. Что ж, жертвой самонадеянности пал в своё время великий Цезарь, что столь явно обозначилось в дни мартовских ид, что же говорить о мистере Тэлботе?

* * *

Лорд Брайан приехал отдельно от молодых, и уже давно присоединился к своим друзьям. Было видно, что за последние дни милорд поздоровел, успокоился и поправился. К тому же самодовольно улыбался — ему только что удивительно повезло — с раздачи пришли четыре туза. Бывает же! Граф деятельно обсуждал с мистером Чилтоном подробности поражения англо-турецкого десанта в Абукире, о котором стало известно

только что. Граф считал происшедшее незначимым, ибо положение французской армии в Египте всё равно безнадежно после прошлогоднего сражения, когда Нельсон разгромил французский флот. Лягушатники потеряли тогда десяток линейных кораблей и 2 фрегата, свыше шести тысяч убитыми, ранеными и пленными, тогда как мы — менее девятисот человек! Но глупо было рассчитывать, что чёртовы французишки с этим смирятся. И вот, пожалуйста, очередной демарш лягушатников!

Шелдоны приехали одними из последних. Раймонд дома, понимая по лицу Пэт, что она боится предстоящего вечера, оглядев её, сказал только, чтобы она не опускала голову и не наступила бы на подол платья — всё остальное он берёт на себя. Шелдоны склоняют головы только пред Божьим алтарем, в свете же смотрят прямо перед собой, наставлял он юную супругу. Поднимаясь по парадной лестнице, Патриция разглядела себя в огромном зеркале и приободрилась — она сначала просто не узнала незнакомую красавицу рядом с собственным мужем. Платье делало её очень элегантной, волосы Пат, над которыми час колдовала французская камеристка, сияли, украшения были божественно хороши.

В зале на них обратились все взоры. Воцарилось молчание. Виконт Шелдон видел только впечатление, произведённое женой на мужчин. У мистера Иствуда ошеломленно приоткрылся рот, который он в оторопи забыл закрыть, потемнел с лица Тэлбот, Монтэгю оглядывал леди Шелдон странным, отстранённо-восторженным взглядом, как озирают картину старого мастера, стоящую баснословно дорого, но место которой — в картинной галерее. Мисс Монтэгю смотрела на молодую виконтессу Шелдон тоже с восторгом, удвоенным тем обстоятельством, что теперь унижена и гордячка Кора Иствуд, так жестоко пренебрегшая её братом.

Годы сэра Чилтона позволяли ему быстро оценивать увиденное, но не давали уже возможности упиваться красотой. «У вашего сына прекрасный вкус, Шелдон», заметил баронет, оглядев Пэт с головы до ног, и вернулся к висту, постучав по плечу мистера Карбэри, всё ещё любующегося молодой женщиной, призывая его к игре. Мисс Глэдис Сейвари приготовила уже язвительное замечание, предназначенное для мисс Тэлбот, но забыла его, разглядывая баснословные драгоценности. Их же пожирала глазами и Эннабел. Наконец мисс Глэдис вспомнила, что собиралась уязвить счастливицу, и заметила подруге, но гораздо тише, чем хотела изначально, что убеждена в том, что эта особа далеко не столь красива, как всем кажется. Эннабел поддержала её, добавив, что более странного выбора Шелдон, если сказать правду, сделать не мог. Нищенка!

— Можно одолеть убеждение, но предубеждение непреодолимо, — заметила проходящая мимо мисс Летиция Хилдербрандт, и Эннабел вынуждена была замолчать. Мисс Хилдербрандт, глядя на неё жёстким взглядом, выразила удивление, почему это в устах некоторых недалёких людей выражение «сказать всю правду» означает не «открыть высшие истины», но «наговорить гадостей»? Спорить с леди Хилдербрандт боялись и мужчины. Мисс Тэлбот поспешно ретировалась.

Патриция сильней вцепилась в руку мужа, в эту минуту к ней с поздравлениями подошла леди Холдейн, по-матерински расцеловав её, назвав красавицей. За ней начали подходить остальные. Вышла некоторая заминка, во время которой произошла мелкая, но досадная история. Мисс Иствуд почувствовала себя дурно, её подхватила мисс Гилмор, но не смогла удержать, к ней бросился было брат, но рядом уже был Монтэгю. Он легко поднял её на руки и быстро вынес из зала в малую гостиную. За ним стремительно вышла и мисс Гилмор. Особого замешательства не произошло. Мисс Монтэгю растерялась, но решила, что

лучше не идти за ними. Втихомолку Кэтрин по-прежнему радовалась унижению Кору.

Раймонд всё же не мог удержаться от торжествующего взгляда в сторону треклятого Тэлбота, хоть и ругал себя за такую слабость. Но на лице Вивьена было странное выражение — не унижения, но животного страха — такого, что Шелдон, открывая танцы, повернулся к нему ещё раз. Ему стало ясно, что произошло нечто пугающее, но что — Раймонд не понял. Впрочем, через минуту, любуясь своей Патрицией, виконт забыл о Тэлботе. Тыфу на него.

Между тем Джулиан Монтэгу и мисс Энн хлопотали в гостиной вокруг мисс Иствуд. Кора чувствовала себя подавленной и несчастной, происшедшее казалось ей публичным унижением её гордости и красоты. Её соперница, которую Кора никогда не замечала, предстала словно Афродита из морской пены, все взгляды были устремлены только на неё, восторженные возгласы затопили зал, и внимательно вглядевшись в черты Патриции, Кора потеряла самообладание. Да, это была красота, странная и непривычная, но тем более победительная, красота мрамора и нежных лепестков роз.

Мистер Монтэгу подал ей бокал вина, мисс Энн — лавандовую воду, Кора постепенно пришла в себя и сейчас больше всего сожалела, что не справилась собой. Она успокоилась, и мысли её приняли другое направление. Шелдон отныне потерян навсегда. Теперь Кора особенно сожалела о своей ветрености и дерзости. Она унижена справедливо, если бы не её горделивая спесь, она могла бы привлечь его и была бы счастлива. Ей хотелось уехать домой, но мисс Иствуд побоялась, что это будет сочтено неким демаршем с её стороны. Сейчас ей впервые хотелось стать совсем незаметной, не привлекать ничьих взглядов, просто посидеть в тишине где-нибудь у лесного озера...

Несмотря на помощь мистера Монтэгу, ей было неприятно его присутствие. Он видел её унижение и не мог не злорадствовать, Кора поймала себя на чувстве странного раздражения, несмотря на то, что сам мистер Монтэгу не поднимал на неё глаз, был скован и ничего не говорил. Ей претило его лицемерие. Корчит из себя скромника и джентльмена, как будто она не знает правды о нём! А сейчас ещё и радуется, что Шелдон пренебрёг ею!

Тут Кора почувствовала, что должна успокоиться. Что она, в самом-то деле? Причём тут мистер Монтэгу? Она просто срывает на нём раздражение. Это невоспитанно. Кора мельком взглянула на его лицо. На нём не было ни злорадства, ни торжества. Монтэгу был печален и казался чем-то удручённым. Кора поблагодарила его за помощь, оперлась на руку Энн и вышла по боковой лестнице через холл в зал.

Мисс Гилмор ничего не говорила, и Кора была благодарна ей за молчание. Впрочем, мисс Энн скоро нарушила его, сообщив ей дрожащим голосом последнюю странную новость. Она не так давно, случайно остановившись у карточного стола мистера Чилтона, брата своей матери, услышала поразившие и испугавшие её слова, касавшиеся мистера Тэлбота, хоть она и уверяла себя, что неправильно поняла их.

— Дядя сказал, что ни в один приличный дом мистер Тэлбот отныне допущен не будет. Что это может значить?

— Так и сказал? — удивилась Кора.

— Да, я слышала сама.

Кора задумалась. Что случилось?

Монтэю, грустным взглядом проводив девушек, позже тоже вернулся в зал и тотчас нашёл глазами сестру. Несмотря на прочитанное ей по дороге из Лондона нравоучение, Джулиан старался не выпускать Кэтрин надолго из виду, внимательно следил за её знакомствами и молодыми людьми, представленными ей. Сейчас мисс Монтэю стояла в паре с мистером Джоном Лавертоном, столь изумившим недавно общество рассказом о скандальной истории леди Радстон.

Монтэю поморщился, вспомнив эту историю.

Лавертон был, по его мнению, был человек приличный, хотя его Кэт слишком хороша для него. Рядом с ним остановился виконт Раймонд Шелдон и, заметив обеспокоенность Джулиана, спросил, как успехи его сестры? Не увлеклась ли она кем? Монтэю, вспомнив их разговор перед его отъездом в Лондон, смерил его подозрительным взглядом, ответив, что позаботился о том, чтобы Кэтрин понимала, что не всё то золото, что блестит.

— То есть, насколько я понимаю, вы предостерегли её в отношении некоторых господ?

— Да. И любого из них, только посмей эти джентльмены приблизиться к ней, я пристрелю. Без дуэли, в спину, из-за угла, как собак. И не промахнусь, глупо и думать об этом, — Джулиана затрясло.

— Когда я говорил вам, Монтэю, что вы отличаетесь от Вивьена, следовало заметить, что вы не только имеете в душе нечто святое, но и прекрасно отличаете добро от зла, хоть когда-то недоумевали, чем они разнятся. Как поразительно, правда? Когда речь идёт о том, что вам дорого, вы ни на минуту не задумываясь, назвали подлость подлостью и явили полное понимание, что такое добродетель. Разве не удивительно?

Джулиан поморщился, точнее, сморщил нос, продолжая наблюдать за сестрицей. Воистину, не знать ему покоя, пока не выдаст её замуж. Тут Раймонд сообщил ему, что в субботу в Шелдонхолле будет небольшой музыкальный вечер — траур не позволяет устраивать ничего пышного, он же с супругой и его отец будут рады видеть его с юной мисс Кэтрин у себя в гостях. Соберётся, как сказал ему отец, весьма избранный круг. Там будут и некоторые новые лица — ждут сыновей мистера Карбэри и сэра Чилтона, юношей весьма достойных. Он берётся представить столь состоятельных женихов мисс Монтэю. Монтэю бросил внимательный взгляд на виконта и кивнул, потом, замявшись, попросил, наклонившись к Раймонду, пригласить Кэт. Тот улыбнулся и направился через весь зал к мисс Монтэю, а после танца представил её своей супруге.

Мистер Монтэю некоторое время нерешительно смотрел в сторону мисс Иствуд, которая с отсутствующим видом сидела на диване вместе с мисс Гилмор. Он хотел бы пригласить её, но боялся отказа, а в случае даже согласия — что смотреть в погасшие глаза, в которых отражались только отвращение? Всё было бессмысленно.

И если бы так не саднило сердце, можно было бы забыть обо всём. Джулиан вздохнул. И снова выследил глазами сестру. Кэтрин разговаривала о чём-то с леди Холдейн и леди Шелдон. Чувствовалось, что увлечена беседой. В Кэтрин ещё так много юной непосредственности, подумал он, надо не забыть сказать ей, что истинная леди не должна показывать чувств, надо быть чуть ленивой, двигаться чуть медленнее, смотреть на все с некоторым интересом, но без особого внимания. И не надо так долго глядеть в глаза собеседнику, лучше стать вполоборота и оглядывать зал, время от времени обращая взгляд на говорящего. Ох, всему учить приходится... Кто это приглашает её? А, младший Кемптон... А я бы на её месте так не улыбался этому щенку. Чего ради? Ему ещё лет пять до женитьбы. Ладно, вечером он вразумит её.

Увлечённый всеми этими размышлениями, Джулиан Монтэгю не заметил, как Раймонд Шелдон остановился в другом конце залы с сэром Остином и мистером Карбэри и обратил их внимание на мистера Монтэгю. Удивительно заботливый и нежный брат, не правда ли? Не спускает глаз с сестрицы. Следит за каждым шагом. Мисс Кэтрин под надёжной защитой.

— Девушка мила, — заметил мистер Карбэри, — дочь Этьена? Сколько за ней дают? Сорок? Да, мила. Такая трогательная непосредственность, но чувствуется воспитание. Где она училась? В пансионе мадам Дарлингтон? Только оттуда? Да, откровенно недурна, прелестная крошка... Себастиан у вас ещё тоже не женат, сэр Остин?

— Нет, — проронил сэр Остин рассеянно, — и ваш Льюис тоже, Габриэл? — обратился он к Карбэри.

Тот кивнул и, словно нехотя, с лёгкой улыбкой гордости продолжил:

— Он окончил университет и сейчас завершает путешествие по Италии.

— Вы отпустили мальчика одного?

— Помилуйте, Остин, с ним трое — следят за его поведением и интересами. И ещё двое — они надзирают за сопровождающими. Мне докладывают ежедневно.

— Разумно...

— В Шелдонхолле мальчики присмотрятся к лучшим невестам.

в которой оказывается, что ригористическое решение столпов общества вызвало одобрение мистера Монтэю, мистера Иствуда и мистера Деверилла, как ни мало было между ними сходства.

Как не жаль было девицам расставаться с мечтой о виконте Шелдоне, их несколько приободрила новость о том, что на вечере в Шелдонхолле ожидается прибытие мистера Себастиана Чилтона, младшего сына сэра Остина, и молодого мистера Льюиса Карбэри, сына полковника Габриэла.

Мисс Тэлбот устроила брату истерику.

— Посмотрите, как хлопочет о своей сестрице Монтэю, она ни разу не осталась без партнера на танцах, а вчера — я сама слышала — виконт Шелдон особо пригласил его, намекнув, что представит эту Кэтрин двум лучшим женихам! А что сделали вы для своей сестры?

Вивьен Тэлбот морщился. Не до воплей сестрицы ему было. У леди Летиции случилась пренеприятная вещь. Тэлбот обратился с каким-то вопросом к сэру Остину, но не получил ответа. Вопрос был задан достаточно громко, Чилтон не мог не услышать его, и потому такое пренебрежение было слишком очевидным. Вивьен испугался и чем более приближался вечер в Шелдонхолле, тем больше Тэлбот нервничал. Он точно знал, что приглашение уже получили и Лавертоны, и чёртов Монтэю с сестрицей, и Вудли, и Иствуды, и Гилморы. Но его пока не пригласили. Что за чертовщина? Не получил он приглашения и на званый обед у леди Холдейн, бывший во вторник...

Вивьен Тэлбот направился к Иствуду, но лакей сказал ему, что тот поехал к мистеру Чилтону. Он приглашён на партию в вист. Происходило что-то не то. Около дома сэра Остина Тэлбот столкнулся с Монтэю. Но, когда они поднялись по мраморной лестнице к парадной двери и попросили доложить о них, вернувшийся лакей заявил, что сэр Чилтон будет рад видеть мистера Джулиана Монтэю. Вивьен побледнел. Мимо прошёл Шелдон-старший, который, не замечая Вивьена Тэлбота, не ответил на его поклон, но в ответ на приветствие мистера Джулиана Монтэю поклонился.

Вивьен спустился со ступеней и побрёл по Голд-стрит. Тэлбот ничего не понимал. Что случилось? С леди Радстон он вёл себя по-джентльменски, никому ничего не сказал, всё сделали, как и было задумано, другие. Вивьен, безусловно, знал, что, если вскрыется его приключение с Элизой, неприятностей не миновать. Но за столько времени никто его ни в чём не упрекнул. Да и откуда, когда всё так блестяще продумано, взяться следам? Дурочка никому ничего не говорила — в этом Вивьен был твёрдо уверен, Элиза клялась, что ни опекуну, ни подружкам не сказала ни слова. Никто не заметил, что они уезжали, никто никогда не догадается, что надо искать у мистера Торнби...

Неожиданно его бросило в пот. Чёрт возьми! Джулиан Монтэю! Вот кому прекрасно известно, что он завсегда в притоне Торнби, да к тому же он сам, идиот, не зная, где подцепил заразу братец Шелдона, невольно выдал себя!! Но подожди, Вивьен. Успокойся. Болтать Монтэю о притоне на каждом углу не будет, с чего ему афишировать такие вещи? Шелдон мог догадаться, но ему явно не до разоблачений — глаз с молодой жены не сводит,

разодел как королеву. Молодожёну не до того. Тэлбот снова вернулся мыслями к Джулиану и покачал головой. Нет, да и как он мог бы догадаться? Монтэгию и не замечал никогда эту Харди! И с чего ему предположить, что она у Торнби, и с чего болтать об этом? Тэлбот почти подсознательно не хотел думать о Монтэгию — главным образом потому, что сладить с мерзавцем было невозможно. Человек, который вращает пистолет на пальце, а мгновение спустя стреляет по мишени и попадает в яблочко? Гадёныш. От такого поди избавься. Да, нет, Тэлбот ведь видел его только что — Монтэгию так же, как и Вивьен, не понимал, почему Тэлбот не принят у Чилтонов! Это не Монтэгию. Но если не он — значит, история с Элизой похоронена, и постепенно Тэлбот уверил себя, что пренебрежение старика Чилтона и остракизм графа Шелдона вызван чем-то иным. Уж не передали ли старому Шелдону его издевательские намеки на странности сыночка? Но даже если и так — мало ли сплетен, и притом, самых вздорных, гуляет в обществе? Тэлбот положил себе дожидаться Иствуда, и добиться ответа на свой вопрос: «Что происходит, чёрт возьми?»

* * *

Не мог не заметить произошедшего на пороге дома Чилтонов и Монтэгию. Когда было сыграно несколько робберов, Джулиан подошёл к Раймонду Шелдону.

— Раймонд, почему Тэлбот не принят? Его не пригласила и леди Холдейн...

— Сэр Чилтон сказал, что для некоторых людей нравственность сводится к тому, чтобы не попасть на эшафот. Он заметил, что не намерен никому предписывать принципы морали, но не хотел бы видеть подобных людей в своём доме. Леди же Холдейн, когда её спросили, почему она не пригласила мистера Тэлбота, ответила, что подлость в человеке многое объясняет, но ничего не оправдывает.

— Это они... о Тэлботе?

— Разумеется.

— Но что он сделал, чёрт возьми, за что?

Шелдон пожал плечами и развёл руками.

— Я спросил у леди Холдейн, в чём дело, но мне посоветовали... заняться продолжением рода Шелдонов и не лезть, куда не следует. Я заметил, что если делаю для продолжения своего рода всё, что только могу, с вечера и до утра, то с утра-то до вечера — могу я поинтересоваться чем-нибудь иным? Например, причинами остракизма Тэлбота. Тогда мне сказали, что его сиятельство поставит меня в известность обо всём, если сочтёт нужным. Но отец на мой вопрос сказал, что это подождёт, и тоже порекомендовал мне заняться продолжением рода. Так что я пока в неведении. Но человек, которого сэр Чилтон назвал негодяем, а леди Холдейн подлецом, в общество допущен уже никогда не будет. Это ясно.

Монтэгию побледнел. Да, эти люди определяли мнение света и могли запросто вышвырнуть человека из общества. Перед ним захлопывались двери всех приличных домов. Нет слов, Тэлбот мерзавец, но он, Джулиан, почему-то испугался... Даже руки заледенели. Право слово, Монтень прав, в жизни каждого найдется десяток обстоятельств, за которые его можно десять раз повесить. Но в его жизни были другие обстоятельства. Он заслуживал не петли, но, скорее, плети, сотни звонких розог. Не будем уточнять, по какому месту... И вот теперь человек... да, чего там... человек сходных с ним взглядов и поведения изгнан из

общества.

Джулиан Монтэгю почувствовал неприятный холодок, прошедший по спине. Но чего он испугался? Вивьен просто потерял голову. Нести вздор о Шелдоне в присутствии Чилтона! Монтэгю ещё тогда подумал, что такое дураку даром не пройдет. Естественно, в дом Шелдона Тэлбота тоже больше не пустят. Это можно понять. Но неужели граф Шелдон столь мстителен? Закрывать человеку доступ в общество за дурной намёк? Конечно, если Шелдон, Чилтон, Карбэри, мисс Хилдербрандт и леди Холдейн — все откажутся принимать его, с ним будет покончено. Вместе эти пятеро, а точнее, шестеро, ибо добавьте сюда и сэра Винсента, столпы общества, они избавятся от любого. А такие новости — шила-то в мешке не утаишь — мгновенно перенесутся в Лондон, и тогда несчастному только и останется, что прозябать безвыездно до конца жизни в деревне. Кто отдаст за него дочь? Кто возьмёт его сестру? Впрочем, сестрёнку Вивьена Джулиан Монтэгю и со ста тысячами не взял бы...

Но всё же — за что? Случай с леди Радстон? Сама виновата, нечего шляться по мужским спальням. Из-за Раймонда? Разговор тогда при Чилтоне вёлся мерзкий, слов нет, но всё же — за такое не изгоняют из общества. Есть что-то, чего он не знает, понял Монтэгю. При этом Джулиан с некоторым изумлением заметил, что, в общем-то, согласен с вынесенным обществом приговором. Воздух станет чище без Вивьена.

Странно. Эта мысль пронеслась в его голове как молния. Шелдон. Праведник. Тэлбот — подлец. Первого любят, он счастлив. Но даже когда, с точки зрения Джулиана, он вёл жизнь, далекую от наслаждения — он... всё равно был счастлив. Такого нельзя сделать несчастливым. Стойки — вне категорий счастья и горя. Пока Шелдон равен себе — он будет счастлив. Вивьен же обречён. А он? Да, Шелдон, должно быть, прав. Он не такой подлец, как Вивьен. И не праведник, как Шелдон. И потому — его не изгоняют. Но и не любят.

— Кора... — пробормотал он и почувствовал, как тяжелеет дыхание.

Джулиан Монтэгю шёл по тёмным улицам, опираясь на трость, и обнаружил, что его руки странно ослабели. Трость выскользнула и с тяжелым грохотом упала на мостовую. Он торопливо подхватил её. Это, собственно говоря, была не трость, а вещь куда менее безобидная. Стоило отвернуть ручку — и открывался стальной клинок, набалдашник же, налитый свинцом, тоже был оружием небезопасным. Монтэгю заказал её себе в дни своих вояжей по борделям, где столкнуться можно было с чем угодно. Сейчас эта вещь, — напоминанием о прошлом, — показалась омерзительной. Джулиан хотел было швырнуть её в реку, но в последнюю минуту передумал. Трижды глуп тот, кто думает столь легко избавиться от прошлого, сжечь его, как пару замшевых перчаток. Не получается. Шелдон как-то заметил ему, что его похождения — свидетельство незрелости души. Наверно, он и в этом прав. Джулиан и впрямь всё больше стыдился в душе сумасбродства, низости и порочности своих былых чувств и наклонностей. Неужто его душа повзрослела?

Когда Джулиан вернулся домой, сестра уже спала. Монтэгю вошёл в гостиную и заметил на кресле шаль Кэтрин. Рядом лежала Библия, которую она, видимо, читала перед сном. Он улыбнулся, открыл книгу. Глаза его расширились и остановились на строках: «Не следуй влечению души твоей и крепости твоей, чтобы ходить в похотях сердца твоего, и не говори: «кто властен в делах моих?», ибо Господь непременно отомстит за дерзость твою. Не говори: «я грешил и что мне было?», ибо Господь долготерпелив. Помни, что гнев не замедлит, что наказание нечестивому — огонь и червь...» В ужасе почувствовал, как взмокла спина. Монтэгю застонал. Воистину, когда нечестивый прокликает сатану, то прокликает свою душу.

Вивьен дожидался Лоренса Иствуда почти до полуночи и, наконец, увидел его, возвращающегося от сэра Чилтона. Тот издали заметил Тэлбота и, подойдя, молча сел рядом на скамью.

— Что происходит, чёрт возьми? — голос Вивьена прозвенел на пару октав выше привычного.

Иствуд понял, что дружок на пределе.

— Я далеко не всё понял, тем более что старичье особенно не распространялось, но, как мне показалось, ты здорово чем-то взбесил их всех. Они сидели как надутые индюки, а старый Карбэри и сэр Чилтон говорили такое, что не удивлюсь, если тебя никуда больше не пустят. Это не из-за леди Радстон — о ней никто и не вспоминал. Что ты вытворил-то? Разозлить Чилтона! Наступить на хвост этой змее Холдейн! Старуха Хилдербрандт всеуслышание назвала тебя негодяем. Связаться с Шелдонами! Есть несоизмеримые величины... И что тебе сделал, чёрт возьми, тот же Раймонд? Я ещё мог бы окрыситься на него, он не женился на Коре, а взял эту нищую красотку от Грэхемов. Но, в конце-то концов, это его право. Ты потерял голову.

Тэлбот, однако, не нуждался в проповедях, тем более от Иствуда.

— Какого чёрта? Что я сделал? Кто они, чтобы... — Вивьен Тэлбот умолк. Ему пришла в голову мысль об Элизе. Но нет. Это всплыть не могло. Каким образом?

Иствуд тоже молчал, думая про себя, что Вивьен явно не в себе. Кто они! Идиот! Эти шестеро — столпы общества! Чилтоны из Чилтончейз, Холдейны и Хилдербрандты с датского владычества, о Шелдонах и говорить нечего — с десятого века в летописях, Карбэри купили Хаусонхилл три века назад, Сейвари, конечно, почти выскочки, но Натгроув приносит не меньше пяти тысяч в год, да и Ривермаус ещё тысячи три, не меньше. Кто они! Люди это, милейший мой мистер Тэлбот, богатейшие и влиятельнейшие, и не чета каким-то там Тэлботам из Вудонхилла, который и купил-то твой папаша, заработавший торгашеством! Они могут всё. Он ещё спрашивает, кто они!

Но вслух Лоренс ничего не сказал, понимая, что разговаривать с Вивьеном бесполезно и думал только о том, как распрощаться и поскорей уйти. Но Тэлбот сам, причём, не прощаясь, сорвался со скамьи и исчез в темноте.

Лоренс Иствуд ещё несколько минут сидел неподвижно, погрузившись в раздумья, но не мысли о дружке занимали его. У всех достанет сил, чтобы перенести несчастье ближнего. Он уже и забыл о нём, размышляя о том, что тяготило, и весьма, его самого. Долги росли, они превысили его доходы, мотовство и карточные проигрыши нанесли состоянию заметный ущерб. Понимающие люди рекомендовали ему распродать всё, что можно, расплатиться с основными долгами, сдать в аренду дом, и за несколько лет поправить дела. Иствуд морщился. Он не привык себе отказывать, но главное, что унижало его в предложенном плане — это признать своё разорение. Поправить дела можно было и проще, и этот способ занимал в последнее время все мысли Лоренса Иствуда. Женитьба. Мисс Гилмор, приданое которой как нельзя лучше решит все его проблемы. На вечере в Шелдонхолле Лоренс Иствуд решил приступить к осуществлению этого плана вплотную. При этом, общественный приговор, закрывший Вивьену доступ в общество, пришёлся донельзя кстати, теперь мисс Энн, не видя Тэлбота, безусловно, обратит на него внимание. Лоренс усмехнулся, подумав,

что никогда ещё решение старых святош, ригористическое и жёсткое, не казалось ему столь верным и своевременным.

* * *

Эдмонд подбросил дров в камин и, не зажигая свечей, сидел в темноте. Лето сменилось осенью, и Девэрилл чувствовал себя странно напряженным и чуть больным, размышляя о судьбе несчастной Элизы Харди. Как много зла в мире... бедная девочка, наивная дурочка. Кем нужно быть, чтобы сделать такое? Деверилл не любил шумные сборища, редко бывал в обществе, предпочитая узкий дружеский круг, и Тэлбота практически не знал — лишь видел несколько раз. Но поступки такого рода были в его глазах непростительными, и Эдмонд полностью одобрял решение общества.

В эту минуту на пороге кабинета показалась Мэйбл, Эдмонд тихо поднял на неё глаза. Она сильно похудела в последний месяц, одна тень осталась. Деверилл хотел спросить её, вернулся ли с прогулки его тесть, мистер Даннинг, но не успел, Мэйбл покачнулась — и, опустившись на колени, обняла его ноги, рыдая, пыталась что-то сказать. Его сотрясло: содрогались руки, сердце колотилось как безумное. Он, наконец, услышал их — слова любви, слова преданности, слова, о которых даже не мечтал. Полуослепший от любви, жалости и желания, Деверилл, как пушинку, подхватил жену, отнёс на постель, не помня себя, путаясь пальцами в петлях сюртука, лихорадочно сбрасывая одежду, задернул полог алькова.

После они долго лежали вместе, слившись и не желая размыкать объятий. Мэйбл что-то лепетала, горестно и жалобно, потом покрывала его лицо и плечи поцелуями, и Эдмонд чувствовал, что подобная минута стоила и пережитых унижений, и усилий, предписанных Арчибальдом.

Его любили. Его обожали. Его боготворили.

* * *

Шелдонхолл в этот вечер распахнул двери перед самой избранной публикой.

Новоприбывшие — сын полковника Карбэри и младший сынок сэра Чилтона — понравились обществу. Льюис только что завершил поездкой по Италии своё образование, а Себастиан прибыл из Парижа, где пробыл несколько недель. Молодые люди были приятны и обходительны. Шелдон исполнил обещание представить их обоим юной мисс Кэтрин Монтегю.

Джулиан Монтегю, издерганный и плохо спавший последние несколько ночей, чувствовал в душе полную безысходность. Чёртов сон с рыженькой Хетти повторялся каждую ночь и стал его кошмаром, как Джулиан не затыкал уши, он слышал её плач. Он оставил все надежды на брак с мисс Иствуд и, если бы не сестра, просто — уехал бы в Лондон, бросив всё. Кэтрин мог бы сопровождать в обществе его отец или брат Томас, Монтегю думал, что они предложат это, но из имения писем не было. Но вообще-то Монтегю и сам не хотел передоверять кому бы то ни было судьбу сестры.

Сейчас Джулиан воспалёнными глазами внимательно разглядывал приехавших,

стараясь понять, кто перед ним. Льюис Карбэри был весьма похож на отца и, глядя на него, можно было безошибочно сказать, как он будет выглядеть лет этак через тридцать. В Себастиане Чилтоне ощущались ум и воля. Юноша был не то чтобы красив, но черты его напоминали римлянина, и Монтэгю вспомнил, что кто-то говорил ему, что жена сэра Чилтона — итальянка. Сейчас молодой человек, до этого проведший несколько недель во Франции, рассказывал Раймонду, виконту Шелдону, как одеваются парижане. Его повествование увлекло и Шелдона, и мистера Салливана, и даже мистер Арчибальд Кемптон и леди Холдейн окружили его. Подошёл ближе и Джулиан.

Дело в том, что сих пор преимущество Англии в области мужской моды никем не оспаривалось. Её творцами были лорды и денди. Лорд Кэтогэн оказал влияние на всю Европу своей причёской, лорд Спенсер — своим жилетом, лорд Кэррик — своим плащом с несколькими воротниками. Английский костюм для верховой езды переняли даже в Германии, преобразовав его в светский редингот. Но теперь...

— Вся революционная Франция носит дурацкие деревянные башмаки под названием сабо и подтяжки! Ещё в 1792 году красный колпак каторжника стал символом якобинцев, а в качестве протеста против коротких придворных панталон, к этой куртке начали носить длинные и широкие холщовые штаны.

— Не может быть! Они сошли с ума?

— Неужели так одеты все?

— О, нет, есть и оппозиционеры, сторонники Директории, «золотая молодежь», их называют «Incroyabl et merveilleuse», «невероятные и чудесные», но эти шуты одеваются в намеренно плохо сшитые фраки, галстук они повязывают таким образом, что он даже частично закрывает лицо! Жилет с «небрежной» элегантностью застегивают через пуговицу, а на волосы, сильно завитые в локоны около ушей, надевают двурогую шляпу огромных размеров. У девиц же тоже сильно завитые волосы и огромные чепцы, украшенные множеством лент, а иногда и клювообразным козырьком. Их платье представляет собой шмиз... только муслиновый...

— Как это?

— Это... не знаю, как и объяснить. Это собственно муслиновая тонкая длинная рубашка с большим декольте, короткими рукавами и поясом, перемещенным под самую грудь. Это платье украшено многочисленными воланами на рукавах и по нижнему краю юбки. Юбка спереди придерживается рукой, так что ножка, обутая в плоскую туфельку, обнажается высоко над щиколоткой.

— Это... неглиже? — леди Холдейн недоумевала.

— Платье!

— Себастиан!

— Клянусь вам, миледи, сам видел.

— Вам понравилось?

Молодой Чилтон задумался.

— Это по-своему красиво, но... красиво только тогда, когда украшает красивую девушку. Вот мисс Монтэгю выглядела бы в таком платье прекрасно... — Себастиан проводил мисс Кэтрин взглядом, на минуту забыв, о чём рассказывал.

Джулиан слушал их разговор не для того, чтобы узнать о парижских модах, но чтобы узнать молодого человека, о котором его уже шёпотом спросила Кэт, которой тот почему-то сразу приглянулся. Вот это джентльмен, ничего не скажешь! Все девицы отметили, что

юноша умён, хорошо держится в обществе, приятен внешне. Шелдон, ещё в самом начале вечера представивший юношу мисс Монтэгу, особо рекомендовал его, и Кэтрин, как заметил Джулиан, охотно приняла его приглашение на первые два танца. После молодые люди, стоя у окна, болтали без умолку, но Монтэгу, не слыша разговора, не знал, как это расценить.

Потом Джулиан вдруг увидел в углу гостиной мисс Иствуд и мисс Гилмор. Кора была в тёмном платье, неброском и скромном, волосы были убраны совсем иначе, чем обычно, и Монтэгу с удивлением понял, что она пытается... походить на миссис Шелдон. Кора была красива. Вернее, она казалась ему красивой даже сейчас, но Монтэгу предпочёл бы, чтобы она выглядела как на вечере у Сейвари...

Монтэгу отвернулся, чтобы не растревать душу. Надо написать в Лондон Алану Бритэму. Тот обещал помочь, порекомендовать его нужным людям. Накопленного на счету хватит на то, чтобы снять в столице приличное жильё и контору. Никому не известному юристу, ему, естественно, первое время придется несладко, но все преподаватели отмечали его недюжинные способности. Надо утвердить себя в Лондоне. Сейчас эта мысль не вызывала в Монтэгу никакого энтузиазма, но выбирать было не из чего. Лондон... Монтэгу вспомнил Пиккадилли, Стрэнд... закоулки... дома порока, в которых они порой сталкивались с Вивьеном. Его охватило тошнотворное ощущение собственной мерзости. Никогда ещё пренебрежение Кору не казалось ему столь справедливым.

Джулиан потряс головой, прогоняя тягостные мысли и стал лениво прислушиваться к препирательствам младшего Шелдона и сэра Чилтона за своей спиной. Темой разговора были теперь максимы Ларошфуко, лежавшие на столе, кои Раймонд считал весьма пошлыми, сэр же Остин был о них чуть лучшего мнения.

— Вы всё же не правы, Раймонд, мальчик мой, в изрядной доле ума французу не откажешь. И в наблюдательности тоже. Помнится, в годы былые меня потрясли некоторые его суждения. «Мы не можем вторично полюбить тех, кого однажды действительно разлюбили». Это удивительно верно.

— Рациональность и здравомыслие не искупают низости некоторых его суждений. У меня было впечатление, что он не верит ни в добродетель, ни в высоту помыслов. За сотнями его суждений — мерзкая пошлость. «Верность, которую удастся сохранить только ценой больших усилий, ничуть не лучше измены». Что за вздор? «Преданность — это в большинстве случаев уловка самолюбия, цель которой — завоевать доверие; это способ возвыситься над другими людьми и проникнуть в важнейшие тайны». Ну не мерзость ли? «Наша искренность в немалой доле вызвана желанием поговорить о себе и выставить свои недостатки в благоприятном свете». Он что, не умеет быть искренним, верным и преданным без всякой задней мысли? «Крушение всех надежд человека приятно и его друзьям и недругам...» Не хотел бы я иметь в друзьях такого человека...

Монтэгу теперь внимательно слушал. Странно, но ему когда-то показалось то же самое. Выходит, не всегда его мнение разнилось с мнением виконта.

— Полно, Раймонд, — сэр Остин посмеивался резкости суждений своего собеседника, — «Учтивость ума заключается в способности думать достойно и утончённо». Разве не он это сказал?

— Как наблюдение — это верно. Жаль, сам он не следует этой максиме.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Монтэгу отвлёкся и несколько оживился, когда заметил, что молодой Чилтон

пригласил его сестру второй раз. Кэт сегодня выглядела очень хорошенькой. Монтэгу настоял, чтобы ей заказали это тёмно-синее платье, оно выгодно оттеняло её красивые глаза. Глаза были подлинным украшением юной мисс Монтэгу — глубокие, синие, странной, но очень изысканной формы. У самого Джулиана были почти такие же, но у Кэт они были опущены густыми черными ресницами. Она часто держала глаза полуопущенными, потом вдруг точно вскидывала на собеседника — и мужчины чуть откидывались назад, одновременно пристально вглядываясь в это милое личико и начинали улыбаться намного теплей и искренней. Кэтрин к тому же стала лучше держаться, увереннее и спокойнее — его нотации не прошли даром. Сама же мисс Кэтрин имела двойной повод для ликования: ей понравился молодой Чилтон и, как она поняла — не без взаимности, а к тому же немало радости доставила ей постная физиономия мисс Иствуд. Будет знать, как пренебрегать её Джулианом!

Льюис Карбэри пригласил мисс Иствуд, и Джулиан против воли почувствовал, что мрачнеет. Потом мисс Кору пригласил Раймонд Шелдон, и Монтэгу заметил, что они во время танца оживленно разговаривают, Шелдон что-то объясняет ей, а Кора смотрит на него с удивлением и недоверием. При этом оба, Монтэгу видел это, бросали на него короткие взгляды, из-за чего возникло странное чувство, что они говорят о нём, чего быть не могло. Монтэгу почувствовал себя усталым и больным. Лоренс Иствуд пригласил мисс Гилмор, но она отказалась, и Монтэгу видел, как на скулах Иствуда заходили желваки. Монтэгу посочувствовал Лоренсу, хотя и не придерживался о нём особо высокого мнения, однако понимание, что Иствуд столь же нелюбим, как и он сам, вызвало сострадание. Физиономия Лоренса, как отметил Монтэгу между делом, была несколько болезненна и мрачна, что Монтэгу тоже приписал любовным неудачам.

Сестренка танцевала теперь с Льюисом Карбэри, и Монтэгу обнадёжился окончательно. Он не мог взглянуть на неё объективно, любовь и привязанность к Кэт застили ему глаза, но теперь становилось очевидным, что она и вправду очень хорошенькая и нравится юношам. Господи! Помоги ей! Монтэгу осёкся. Пересохло в горле. В памяти всплыла ужасная библейская фраза. «Идиот. Ты надеешься, что Бог услышит тебя?»

Кэтрин повёл к столу Себастиан, а мистер Карбэри — мисс Лавертон, Монтэгу искоса взглянул на мисс Кору и увидел, что они с мисс Энн пошли в гостиную в сопровождении Иствуда. Монтэгу несколько удивился, но тут к нему подошла леди Шелдон и выразила восхищение обаянием Кэтрин. Джулиан был польщён и вниманием, и её теплыми словами, поблагодарил, снова с удивлением разглядывая лицо Патриции, виконтессы Шелдон. Странная красота. Красота льда и солнца. Белое вино в розовом хрустале. Лунный свет на серебряных монетах. Эта женщина напомнила ему виденный когда-то в Италии образ Богородицы в одной из ватиканских церквей. Монтэгу не мог желать такой красоты. Она скорее трогала, чем волновала. Но, зная Шелдона, Монтэгу понимал его выбор.

Между тем, сев за стол, Джулиан принялся осторожно наводить справки о молодом Чилтоне и у виконта Шелдона и даже у леди Холдейн, а потом ещё раз имел повод порадоваться — сестрица весьма метко ответила на какой-то вопрос Себастиана, вызвав одобрительные улыбки и мистера Карбэри, и мистера Лавертон, и даже сэра Остина, сидевшего напротив.

Умница Кэт!

в которой мистер Монтэгу растолковывает виконту Шелдону, чем подпольные притоны отличаются от легальных борделей, а сэр Чилтон объясняет сыну, что совершенно недопустимо сразу выделять из толпы девиц одну и въявь ухаживать за ней.

Надо сказать, что мисс Элизу Харди Раймонд Шелдон как-то просмотрел. Ну, не заметил он её и всё тут, и когда отец, наконец, перед званым вечером в их доме рассказал сыну ужасающую историю несчастной глупышки, виконт, потрясённый услышанным, поймал себя на том, что пытается вспомнить её лицо и понять, о ком идёт речь. Мисс Вудли, мисс Хеллоран, мисс Лавертон и мисс Харди слились в его памяти почти нерасчленимо. Но постепенно Раймонд понял, кого имеет в виду отец. Да, невысокая девица с каштановыми пышными локонами и простоватым, но не отталкивающим лицом, верхняя губа коротковата, носик чуть вздёрнут... Она ещё несла какой-то вздор про луну и угрей. Да, Шелдон вспомнил.

По жилам его пробежал мороз. Близость с Патрицией дала ему счастье, глубокое и ничем не омрачённое, и в голове Шелдона просто не вмещалось, что кто-то мог хладнокровно оставить девушку... Обречь на позор и смерть... Ради чего? За что? Шелдон и раньше-то не придерживался высокого мнения о Вивьене Тэлботе, теперь же был склонен рассматривать его как... сумасшедшего. Это за гранью нормальности. Отец поправил его — это за гранью нравственности и только. Раймонд не стал спорить, но понять поступок Вивьена не мог. Нелепость. Безумие. Что им руководило?

— Что будет с Вивьеном? — Шелдон взглянул на отца, не сомневаясь в ответе.

— Ни в один дом в Уинчестере он никогда не будет допущен. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы он был извергнут из любого приличного общества. О содержимом сосуда надо судить по тому, что из него вытекает...

— А мисс Тэлбот?

Лорд Брайан пожал плечами.

— Если кто захочет породниться с таким домом — это его право. Мисс Тэлбот — особа неприятная, но этим она вредит только себе. Грехи братьев не падают на сестёр.

Встретившись после ужина в гостиной с Монтэгу, бдительно наблюдающим за сестрой, Раймонд отозвал его в сторону.

— Теперь я могу объяснить вам, Джулиан, почему вы не увидели мистера Тэлбота в доме леди Холдейн, почему он не принят в доме Чилтонов, и почему, я думаю, вы не увидите его больше ни в одном приличном доме.

Монтэгу немедля наострил уши. Шелдон посвятил Джулиана во все подробности, сообщённые ему отцом. Раймонд знал, что Монтэгу всё равно рано или поздно узнает всё, и ничего не срывал, но рассказывая, внимательно смотрел на приятеля. Лицо Монтэгу окаменело. Джулиан слушал молча, иногда поднимая глаза к лепнине потолка, потом опуская их вниз, на квадраты паркета, — и ни разу не посмотрел на Шелдона. «Вот оно что... А он-то всё гадал, силясь понять, в чём дело... Чёрт возьми, зря он грешил на мстительность милорда Шелдона, его сиятельство, стало быть, совсем и ни при чём. Да, это мерзость запредельная. С ума Вивьен сошёл, что ли?» Монтэгу недоумевал. Потешить плоть

— это он понимал. Чего тут не понять-то? Есть дамы полусвета — специально для этих целей. Но совратить беззащитную сироту, одурачить глупышку, позабавиться разок, а главное, — оставить у Торнби!?

— Наше общение как-то так складывалось, Монтэгу, — услышал Джулиан сквозь размышления голос Раймонда, — что обычно я отвечал на ваши вопросы. Но сейчас мне бы хотелось, чтобы на мой вопрос ответили вы. Отец сказал, что это за гранью нравственности, — Шелдон упёрся глазами в лицо Монтэгу. — Вы же как-то уронили фразу, что вы с Вивьеном одинаково порочны, хоть я и опроверг ваше суждение. Но зная его куда ближе, чем я, не можете ли вы объяснить, что им руководило? Зачем он это сделал?

Монтэгу бросил мрачный взгляд на Раймонда. Потом пожал плечами. Покачал головой.

— Нет. Я и сам об этом думал. С точки зрения порочности, лишить девицу невинности — это лакомое блюдо. Я помню, что у поставщика в одном злочном месте это удовольствие стоило десять гиней. — Заметив помрачневший взгляд виконта, сумрачно продолжил, — и любители находились, уверяю вас. Но это были деревенские дурочки, которых по приезде в город обманом заманивали в бордели сводни. Но проделать такое джентльмену — с девицей из общества, вдобавок, сироткой и дурочкой... Ваш отец прав.

— А оставил он её в этом лупанаре, по-вашему, чтобы избавиться от неё? Он понимал, что может произойти?

— Ну, во-первых, видимо, не просто оставил, а продал. — Раймонд поднял на Джулиана побелевшее лицо, но Монтэгу не заметил этого и вяло продолжал рассуждать, — Торнби дал бы фунтов двести, а может, и двести пятьдесят. У него они быстро окупятся. Я слышал, что сводни имеют с таких продаж пару-тройку сотен. Но разве у Вивьена была нужда в деньгах? Он вчетверо меня богаче. И потом... зарабатывать — джентльмену — таким способом? Ничего не понимаю. — Монтэгу почесал кончик длинного носа. — Особу эту я помню — откровенная дурочка. Скорее, Тэлбот просто решил позабавиться, а, так как полагал, что потешиться с этой глупышкой может безнаказанно, — он мог бы решиться, почему бы и нет? После развлечений ему надо было избавиться от неё. Куда её девать-то? Не домой же отвезти? Да, лучше всего оставить у Торнби. Такого ужасного исхода Тэлбот предвидеть, наверное, не мог, но кто туда попал, обратно не выходит, это Вивьен, разумеется, знал.

Монтэгу задумался.

— Чёрт возьми, — всколыхнулся он вдруг. — Эта лисица Кемптон провёл меня! Сказал, что ваш отец собирается расследовать обстоятельства смерти Родерика. Я даже расчувствовался, рекомендацию Торнби настрочил... а он, значит... Ну да, Бог с ним... он и не мог сказать... Но вы, Шелдон, в общем-то, не так уж и были и неправы насчет того, что у этого господина — ничего святого. Только, Бога ради, не спрашивайте меня, способен ли я на подобную подлость! А то с вас станется! — взъярился вдруг Монтэгу.

Шелдон засмеялся.

— Ну, что вы, Джулиан. И в мыслях не было.

Монтэгу чуть успокоился.

— Но... как это всплыло? Тэлбот должен был сделать все, чтобы следов не осталось. Она кому-то написала? Подружке? Вивьен должен был запретить ей это. И писать, и говорить об этом.

— Похоже, Тэлбот так и поступил. Но Кемптон узнал от её горничной, что она имела свойственную многим девицам привычку болтать сама с собой — и в мечтах уже видела себя

миссис Тэлбот, — Шелдон рассказал о том, что узнал от отца, — таким образом, удалось установить имя. Кемптон предположил, что раз Тэлбот не исчезал из города надолго, то должен поехать туда, где у него знакомства такого рода. Выяснилось, что ближайшие места — Солсбери и Рединг. Кемптон почему-то решил, что девица в Рединге.

— Это понятно. Тэлбот должен был сказать ей, что они едут в Гретна-Грин, в Шотландию. Рединг по дороге, Солсбери — на отшибе. Чего тут непонятного? Как ни глупа дуручка, направься Тэлбот в Солсбери — она могла бы и сообразить, что тут что-то не то. А так до самого Рединга у неё и подозрений-то не возникло.

— О, я не подумал... Ну, а как мистер Кемптон сделал вывод об этом притоне, тоже непостижимо для меня.

Монтэгу завел глаза к потолку.

— Ну, это как раз более чем понятно, судя по тому, что адрес этого заведения мистер Кемптон узнал у меня... А сам он проведал об этом от леди Холдейн или мисс Хилдербрандт, которые, в свою очередь, слышали это от нас с вами, мой дорогой Раймонд. Это случилось как раз у Кемптонов, когда мы... точнее, я столь неосмотрительно дал понять нашим дамам, что упомянутое в письме вашего брата заведение прекрасно известно не только мистеру Тэлботу, но и мне. Идиот я, слов нет. Правда, я их просто не заметил, но это — не оправдание, конечно. «О, кто даст мне печать благоразумия на уста мои, чтобы мне не пасть чрез них и чтобы язык мой не погубил меня!» Но Тэлбот и вправду непостижим. Сирота и дуручка... Жалею, что не пристрелил его — ещё тогда, в апреле. И повод-то был вполне подходящий. Пробей я ему макушку — ничего бы не было. Чего я?

Шелдон меж тем с некоторой брезгливой робостью осведомился:

— Снизойдите к моей неосведомленности, дорогой Монтэгу, но чем отличается обычный бордель от заведения этого Торнби?

Монтэгу улыбнулся, но совсем невесело. Наивность виконта ещё недавно вызвала бы его насмешку, но сейчас он умилился и позавидовал. Боже, как очаровательно неведение. Святая простота.

— Отличий несколько. Первое вас не интересует. Официальный бордель платит отчисления муниципалитету, подобный же дом свиданий — на учёте нигде не числится. Вы можете годами жить по соседству с таким респектабельным особняком, и вам даже в голову не придёт, что это притон. При этом, дорогой виконт, когда вас видят выходящим из борделя, вас вьявь не осуждают — вы мужчина, и имеете право на удовлетворение некоторых нужд. Но реноме всё равно портится. И кто знает, где и когда это всплывёт... — Монтэгу вздохнул. — А здесь ваша репутация — в полной безопасности, вы посещаете уважаемого члена общества, надо полагать, беседуете о вечном... Но вход стоит втрое дороже, чем в обычном притоне, никто не войдет туда с улицы, все клиенты известны наперечёт. Девицы содержатся в куда большей строгости, никто и никуда не выходит — нельзя компрометировать учреждение. Из блудного дома можно удрать, но из заведения мистера Торнби сбежать невозможно. На окнах — ставни и чугунные решётки, дверь на замке, вам открывают дверь и отдают ключ, вы запираете дверь и возвращаете ключ хозяину, который никогда не позабудет проверить запоры. При этом... и тут испуг мистера Тэлбота понятен... Подхватить заразу тут в сто раз проще, ибо бордельные девицы обязаны проверяться в полиции у медика, а эти — нигде и никогда. Мистер Торнби будет использовать и зараженную девицу, а заразить её может любой пришлый джентльмен, вернувшийся, скажем, из Бата...

— О, мой Бог... И Тэлбот там её оставил... Но почему он так испугался слуха о заразе в этом притоне? Чем могла заразить девица?

— Тэлбот испугался прежде всего упоминания о самом притоне. Он забыл или, видимо, просто не подумал о том, что это место известно и мне. Тэлбот бы никогда её там не оставил, если бы вовремя вспомнил об этом. Дурака Вивьен сваял, слов нет. Но я думаю, он туда этим летом выбирался, и испугался, не подхватил ли и он чего... Я не знаю, какая мысль его ошарашила.

— Бедное дитя... На гардинном шнуре...

Шелдон оперся локтями о стол, обхватил голову руками, и долго раскачивался из стороны в сторону...

В этот вечер не один Монтэрю узнал причины исчезновения и горькую историю несчастной мисс Харди. Сэр Чилтон рассказал об этом Тимоти Лавертону, Рудольфу Томпсону, и бедному мистеру Чарльзу Лоусону, которому стало так дурно, что с вечера его просто унесли. Это-то обстоятельство привело к тому, что, когда мистер Томпсон и мистер Лавертон ждали экипаж перед Шелдонхоллом, поддерживая с двух сторон совершенно разбитого опекуна бедной Элизы, горячо обсуждая совершенную негодяем Тэлботом мерзость, сам Тэлбот оказался неподалеку и, услышав собственное имя, оставил скамью, где ждал Иствуда, от которого только и мог теперь узнать что-то новое, и подошёл к ним, скрывшись за стоящим неподалеку ландо Монтэрю.

— Чтобы совершить такое, человек должен не иметь не только ни чести, ни совести, но и вообще — ничего святого в душе! Обмануть, обесчестить, обречь на смерть! Ведь Элизе только исполнилось семнадцать!

— Нет слов... Хладнокровный мерзавец. В мой дом Тэлбот никогда не войдет, я так и сказал Чилтону.

Мистер Лоусон что-то проговорил, но из его горла вырвался скорее вздох, похожий на стон.

— Подумать только, я даже не сразу поверил Чилтону, не подтверди всё Кемптон. Невероятно. Бедная девочка. Такая страшная смерть, такое отчаяние...

— Вот, наконец, экипаж. Давайте усадим его, Тимоти.

— Осторожно.

Они усадили трясущегося и что-то бормочущего себе под нос старика в карету, сев по обе стороны. Минута — и стук копыт затих в отдалении.

Вивьен Тэлбот побледнел. Из разговора он понял, что случай с Элизой известен в обществе, и именно он послужил причиной его изгнания. Кемптон? Полицейский? Но как он разнюхал, чёрт возьми? И о чём они говорили? Дурочка мертва, что ли? Ждать Иствуда теперь было бессмысленно. Бессмысленно было и оставаться в городе. Более того — это становилось откровенно опасно. Правда, старик Лоусон не в состоянии постоять за воспитанницу, но он может попросить кого-нибудь другого и, если выбор падёт, скажем, на Монтэрю... Вивьен Тэлбот прибавил шагу. Нужно немедленно ехать в Вудонхилл. Подальше отсюда. Там он спокойно всё обдумает. Это было на руку ему и в другом: сейчас выгоднее оказаться подальше от сестрицы, когда жаба отведаёт французского напитка, он должен быть далеко...

В конце этого вечера состоялся короткий разговор между сэром Чилтоном и его сыном, который, однако, не имел никакого отношения к несчастной Элизе Харди и касался мисс Кэтрин Монтэгю. Себастиан, по мнению отца, вёл себя неправильно. Совершенно недопустимо сразу выделять из толпы девиц одну и ввязываться ухаживать за ней. Зачем он пригласил мисс Монтэгю второй раз, а потом, что и вовсе недопустимо, в третий, а затем буквально не отходил от неё весь вечер, позволяя девице напропалую кокетничать с ним, и самому весь вечер не закрывать рта?

Сэр Остин недоумевал. Баронет знал, что его племянница, кузина Себастиана, мисс Энн Гилмор, симпатична ему — но лишь как сестра. Он понимал, что у сына достаточно ума, чтобы не прельститься особой вроде мисс Лавертон. Но он ожидал, что взгляд сына упадёт на мисс Иствуд. Кора, его крестница, была бы для его сына неплохой партией, а что касается её братца, то сэр Чилтон был уверен, что сумеет быстро отделаться от Лоренса Иствуда. Мисс Монтэгю сэр Остин как-то не принимал во внимание. Да, миленькая, но...

— Я вполне допускаю, что девица мила, но вы должны быть осторожны и осмотрительны, Себастиан.

Себастиан опустил голову и заметно погрузился. Он, англичанин до мозга костей, со сдержанным темпераментом и надменным отношением к вещам несерьёзным, пока не посетил Европу, считал беседу легкомысленным занятием, но там впервые понял, сколь велико это искусство и положил себе непременно найти в будущей жене собеседницу. Пыл страстных чувств непременно схлынет, об этом ему неоднократно говорили за вистом умудренные опытом пожилые джентльмены с огромными куполообразными лбами, выдававшими истинных философов, но если с женщиной нескучно разговаривать долгими вечерами — есть шанс счастливо дожить до седин. Но мисс Вудли глупо хихикала, мисс Бартон молчала, мисс Лавертон была глупа и чопорна, мисс Иствуд, танцуя с ним, казалось, думала совсем о другом. Одни девицы стеснялись долгим молчанием, другие говорили вздор только ради поддержания разговора. Мисс Кэт Монтэгю и впрямь сразу понравилась ему, она была, безусловно, самой очаровательной и милой из всех девиц. Как умна и находчива, как остроумна... А как прелестно говорит по-французски! Как истая парижанка! А как танцует... Себастиан вздохнул. В тоне отца, он сразу понял это, было не порицание его поведения, но порицание его выбора. Он-то полагал, что девица столь старинного рода и с приличным приданным не должна была вызвать у отца возражений. Но почему отец недоволен?

Заметив, что его слова задели и огорчили сына, сэр Чилтон несколько смягчился. Старый Этьен Монтэгю, ныне почти совсем удалившийся из общества, бесспорно, человек высоких помыслов и безупречных поступков. Его старший сын, насколько он знал, тоже безупречен. Конечно, о младшем такого не скажешь, но, в принципе, в последнее время щенок уже не вызывал в сэре Остине такого отторжения, как раньше. Может быть, Шелдон и прав. Подлости в нём, и подлинно, нет. Скорее, просто авантюрист. И почему, в конце концов, малышка должна расплачиваться за авантюры своего братца? Это несправедливо.

— Я не хочу ничего дурного сказать о мисс Монтэгю, Себастиан, — проговорил наконец сэр Остин. — Пригласите их с братом на наш обед в субботу. Но помните, вы не должны столь явно показывать свои предпочтения.

Глаза Себастиана Чилтона немного повеселели.

в которой мистер Монтэгю бьет мистера Иствуда, задает бестактный вопрос мисс Гилмор, и, наконец, засыпает в своей постели, назвав прошедший вечер «бурным».

Мистер Тимоти Лавертон был человеком простым и открытым. Он просто не мог, проводив вместе с Рудольфом Томпсоном старика Лоусона до дома, уложив его в постель и оставив на попечение экономки, вернувшись домой, не поведать всех страшных подробностей супруге и дочери. Миссис Лавертон восприняла рассказ мужа как ту новость, которую надо немедленно разнести по округе, но на Лилиан сообщённое отцом произвело ошеломляющее впечатление. Несколько минут она просто не могла выговорить ни слова, потом на негнущихся ногах дошла до спальни. Она знала Элизу Харди с детства и известие о её гибели ошеломило. То, что мистер Тэлбот, воплощение респектабельности, соблазнил и погубил мисс Харди, казалось невероятным. Лилиан ничего не понимала. Когда вечером к ней, как обычно, пришли поболтать мисс Вудли, мисс Бартон и мисс Хеллоран, у Лилиан было, что рассказать им. Девицы тоже были изумлены и подавлены. Мнение они выказали только одно: во всём были, разумеется, виноваты недостойные представители другого пола, и мисс Бартон выразила эту мысль вполне вразумительно:

— Как я ненавижу мужчин! Что за ужасные существа!

Мисс Хеллоран, которая была довольно близка с Элизой, была изумлена больше остальных. Её испуганные карие глаза по очереди останавливались на каждой подруге, взгляд странно мерцал.

— Просто невозможно поверить! Ведь она так любила его! Как Тэлбот мог так поступить?

— Правильно говорит мать, — заметила мисс Бартон, — мужчинам совершенно нельзя доверять. Какую бы сдержанность и осторожность не проявила бы девица по отношению к мужчине, она никогда не будет достаточной, чтобы оберечь девичью честь от грязных посягательств.

Все остальные выразили полное согласие. Сейчас, когда виконт Шелдон был женат, а мистер Тэлбот проявил себя столь ужасно, Лилиан всерьез задумалась о том, о ком ей часто твердил отец — о мистере Рудольфе Томпсоне, его друге, человеке весьма порядочном и очень несчастном — ведь он потерял семью. Мисс Вудли, молчаливая и скромная, всё ещё не пришедшая в себя после полученной от матери и леди Холдейн трёпки, впервые подумала, что, напиши она своё глупое письмо не виконту Шелдону, а мистеру Тэлботу, её, вполне возможно, ждала бы такая же страшная судьба, как и Элизу...

* * *

Суть да дело, а известие о произошедшем с несчастной мисс Харди, которое, по совету леди Холдейн, общество пыталось скрыть или, по меньшей мере, не афишировать, всё равно постепенно распространялось, и миссис Бриджит Гилмор с потрясённым выражением на лице вошла к дочери и поведала ей ужасную историю бедной Элизы. Она узнала всё от

своего брата, мистера Чилтона. Энн была потрясена и будь её мать чуть наблюдательнее, миссис Гилмор могла бы заметить, что потрясение дочери таит в себе нечто большее, чем просто ужас от осознания горестной участи их несчастной приятельницы. Наутро, проведя бессонную ночь, Энн послала записку Коре. Мисс Иствуд не замедлила придти, и когда Энн рассказала ей то, что узнала от матери, Кора тоже почувствовала, что по коже прошёл мороз.

— Тэлбот? — она с ужасом посмотрела на подругу.

Энн молча кивнула. Обе долго, не отводя глаз, смотрели одна на другую. Кора наконец опустила глаза. Перед её невидящим взором проносились разрозненные картинки. Вот Вивьен галантно приглашает её танцевать. Вот — он же за столом рассказывает что-то забавное. Он же — признается ей в пылких чувствах. Вот он же — зло и насмешливо клеветает на Монтэгу. Вот он же — издевается над виконтом Шелдоном у Кемптонов. И вот он безжалостно и бессердечно обрекает бедную Элизу на позор и смерть. И он же — хладнокровно наставляет её брата Лоренса, как ослабить леди Радстон.

Мисс Гилмор понимала, о чём думает Кора — Энн сама почти всю ночь думала о том же.

Мисс Иствуд всё ещё трясло.

— Несчастливая Элиза. Право, она была... не всегда разумна, но это слишком страшная расплата за неразумие. Однако подумай, ведь мне, в общем-то, случайно удалось понять, кто такой Тэлбот. Ведь сложились всё иначе, и я — или ты — могли стать женой такого негодяя. Кто бы оберг нас? Вот что страшно.

— Да. Красив, богат, обаятелен. Элизу можно понять. Ничего нет удивительного в том, что она потеряла голову — я сама была близка к тому же.

— Да. Все они джентльмены, поставь их в одной гостиной — разнятся друг с другом разве что цветом волос да глаз, да пожалуй, ростом. Все столь благообразны, а на поверку — распутники и негодяи...

* * *

Джулиан Монтэгу долго недоумевал по поводу поступка Вивьена Тэлбота, но вскоре эти мысли уступили место другим, куда более приятным размышлениям. Джулиан имел все основания быть довольным вечером у Шелдонов, и ещё больше возликовал, когда через день около трех пополудни приехал с визитом молодой Себастиан Чилтон, завезший им приглашения на званый обед в доме отца и рассыпавшийся в комплиментах Кэтрин. Молодой Чилтон при ближайшем рассмотрении всё больше нравился Джулиану. Он обладал самостоятельным состоянием, доставшимся от брата отца, и был бы прекрасной партией для сестры. Монтэгу полагал, что сэр Остин, известный ригоризмом суждений и безупречной нравственностью, воспитал сына человеком достойным и пока Джулиан не заметил ничего, противоречившего этому выводу. Но что скажет сэр Чилтон о возможности такого брака? Назвавший его распутником, сэр Остин может просто не пожелать такой родни, и тогда Себастиан никогда не сделает предложения Кэт.

Джулиан вздохнул.

Тут в комнату вошла Кэтрин, и по её личику Джулиан сразу догадался, что она горит желанием узнать, зачем приезжал мистер Себастиан Чилтон. Брат рассказал сестре о приглашении, не умолчал и о комплиментах, который ронял тот по её адресу. Это дало ему

повод спросить и о чувствах самой Кэтрин к юноше. Молодой Чилтон ей по душе?

Кэт задумалась. Мистер Чилтон был умён и интересен. Не болтал без умолку и не изводил молчанием. Был в меру весел, но без вульгарной игривости. Умел сказать приятное, не отзывался о людях зло или дурно, был прекрасно воспитан. Кэтрин поняла, что мистер Чилтон гораздо глубже неё знаком со многими книгами, о которых она только слышала. Разговаривая с ним, Кэт чувствовала необыкновенную лёгкость, проистекавшую, возможно, от понимания, что она нравится Себастиану, что, в общем-то, само по себе было в её глазах неплохой рекомендацией для молодого человека. Лицо юноши было, на её взгляд, очень красивым.

— Он довольно привлекателен, — чопорно проронила Кэтрин.

Джулиан улыбнулся.

— Тебе нравится местное общество? У тебя появились подруги?

— Мне кажется, мисс Энн Гилмор очень мила. Кстати, ты знаешь, она, оказывается, кузина мистера Чилтона.

— Мистера Чилтона? — Джулиан не сразу понял сестру.

— Ну да, мистера Себастиана Чилтона! Её мать в девичестве была мисс Бриджит Чилтон, она сестра сэра Остина.

— Ах, вот как... я и не знал. А что ты скажешь о... мисс Иствуд? Разве она не по душе тебе?

Мисс Монтэгю внимательно оглядела брата.

— Она... тоже очень мила, — ответила Кэт после едва заметной паузы столь принужденным тоном, что Монтэгю смутился. — Жаль только, что ей так не повезло, и виконт Шелдон предпочёл ей более достойную, — в голосе Кэтрин промелькнуло почти нескрываемое злорадство. — А ты что, находишь её интересной?

Джулиан смутился ещё больше.

— Я? Да, она весьма интересная особа...

— Но насколько я понимаю, она думает о тебе хуже, чем ты о ней...

Монтэгю на минуту задержал взгляд на Кэт, но больше ни о чём не спросил. Просто побоялся. Ему было приятно, что сестра переживает за него, видя в этом проявление её любви к нему. Любя его, она, конечно, злилась на пренебрежение к нему Кори, а у него, считавшегося смельчаком, недоставало ни смелости, ни честности открыться Кэтрин, рассказать о том, насколько на самом деле это пренебрежение оправдано. Джулиан не хотел упасть в её глазах — ведь она считает его человеком порядочным, по-настоящему гордится им, необычайно высоко ценит. Монтэгю вдруг почувствовал новый приступ омерзения. Как надоело лицемерить, Господи, как хочется раз и навсегда избавиться от позорных, постыдных тайн, ничего не скрывать хотя бы от сестры, смотреть людям в глаза как Шелдон, не отводя их, быть равным себе...

Кэт же, расценив его молчание как согласие с ней, заговорила о предстоящем званом обеде, который им предстояло дать после вечера у Чилтонов. Она подобрала по цвету скатерти и салфетки, искусно соединив любимые ею оттенки желтого, зеленого и фиолетового — цвета, которые, к тому же нравились и мистеру Чилтону-младшему. Для украшения стола она решила собрать садовые и полевые цветы. Эти букеты она сделает произведением искусства, они станут стимулом для беседы и создадут непринужденную обстановку для приглашённых, он согласен, не так ли?

Джулиан, пытаясь отвлечься от сумеречных мыслей, заметил, что в таком случае

цветовая палитра должна быть соблюдена и в выборе еды. Следует тщательно подбирать цвет начинки для сэндвичей. Оборки из гофрированной бумаги, украшающие изысканные угощения-закуски, цвет глазури и желе, десертов, гарнира и приправ — всё должно быть подобранно тоже по цветовой гамме! Монтэгу вообще-то шутил, но к его немалому изумлению оказалось, что в пансионе мадам Дарлингтон сервировке стола уделяли столько же внимания, как и искусству застольной беседы. Да, гости будут в восторге от изысканных сэндвичей с различными начинками, такими как огурцы, паста из анчоусов, яйца с кресс-салатом и аккуратно нарезанная ветчина. Тонкие кусочки домашнего зернового хлеба, намазанные маслом и домашним вареньем, также порадуют гостей. К чаю на выбор можно предложить пироги, булочки, кексы, имбирное печенье и другую выпечку, а также свежие фрукты. Скатерть тоже нужно взять ту, что она ещё в пансионе вышила крокусами и тюльпанами, а уголки — подходящим фигурным орнаментом. Цвет посуды, а также цвет полотенец для подноса обязательно должны совпадать с одним из выбранных для сервировки стола цветов.

Джулиан Монтэгу улыбнулся и предоставил Кэтрин полное право распоряжаться. Лёгкий характер, мелодичный голос и милые манеры Кэт отвлекли его от тяжких мыслей. Но вот сестра направилась на прогулку, а Монтэгу вдруг с досадой вспомнил пронизывающий и чуть насмешливый взгляд Раймонда. «Когда речь идёт о том, что вам дорого, вы ни на минуту не задумываясь, назвали подлость подлостью и явили полное понимание, что такое добродетель». Чёрт возьми, верно. Приглядывая сестре жениха, он искал тех качеств, которые сделают женщину счастливой — порядочность, чувство долга, нравственность... чистота. За такого истаскавшегося повесу, как ты сам — ты отдал бы Кэт? А мисс Коре ты подсовывал развратного дуэлянта и в придачу — лживого фарисея, всегда старавшегося скрыть свои блудные похождения. И ты раздражался, что тобою пренебрегают? Мысли эти были тяжелы и обременительны, но Монтэгу не уклонялся от них. Однако они привели его к чёрному бездонному провалу — и так истомили, что Джулиан со стоном повалился на постель.

Интересно, с раздражением подумал он просто для того, чтобы отвлечься, отец и братец могли бы хотя бы поинтересоваться делами Кэт! Спору нет, пока с ней он — она как за каменной стеной, но хоть бы интерес проявили по поводу её успехов в обществе. Между тем, отец прислал только одно короткое письмо, в котором, извещая его о недомогании Томаса, просил позаботиться о Кэтрин. Ничего не скажешь, мило.

До званого обеда у Чилтонов оставалось ещё три дня. Монтэгу, давно уже осознав безнадежность своей любви, ничего не мог с собой поделать, ему мучительно хотелось увидеть Кору, он изнемогал от желания хотя бы просто на минуту оказаться рядом, может, услышать голос... «...У вашей двери шалаш я сплёл бы, я слагал бы песни о верной и отвергнутой любви, я распевал бы их в глухую полночь, я по ночам кричал бы ваше имя, чтоб эхо холмам его передавало...» Боже, как саднит сердце, какой мукой сводит зубы! Монтэгу тихо застонал.

Под вечер Джулиан вышел в Сад Декана, надеясь встретить там её и мисс Гилмор, но ему не повезло, и Монтэгу с досадой стукнул тяжелой тростью о мостовую. Потом медленно побрёл по Грейт-стрит к дому Иствудов, рассчитывая хотя бы заметить в окне её силуэт. Когда сгустились сумерки, Монтэгу всё ещё сидел недалеко от дома Кору, на повороте на Соборную улицу, глядя на освещённое окно, и тут увидел, как к парадному крыльцу подъехала карета.

Это был странный для ранней осени закрытый экипаж, и Джулиан не мог понять, кому и зачем он понадобился? Не уезжает ли мисс Кора в Лондон? При этой мысли у Монтэгу стеснилось дыхание. Он осторожно приблизился и увидел, как к кучеру подошёл мистер Лоренс Иствуд и что-то тихо проговорил. Что-то в его движениях, крадущихся и опасливых, насторожило Монтэгу. Что он хочет, зачем закрытый экипаж? Сбежать от долгов? Говорят, Иствудхаус давно заложен. Чёртов мот. А карета-то... а лошади... У Шелдонов и то таких нет. Абы пыль в глаза пускать...

Мистеру Иствуду ответили достаточно громко, чтобы мистер Монтэгу разобрал слова о том, что сидящему на козлах всё это не нравилось. «Перестаньте, Майлз, никакого риска нет, услышал Монтэгу голос Иствуда. Ей потом просто будет некуда деваться — или под венец, или она опозорена навеки. Как она осмелится вообще рассказать об этом?»

Что задумал подонок? Но мысли мистера Монтэгу сразу прояснились, когда он увидел, что из парадного вышла мисс Энн Гилмор, провожаемая Корой Иствуд. Любоваться объектом своей страсти было некогда. Монтэгу понял, чего хотел Лоренс. Ему нужно было только увезти мисс Гилмор в укромное место, овладеть ею — а дальше у неё, и верно, не осталось бы никакого выбора — или к алтарю с Иствудом — или в петлю. Джулиан подумал было, что Лоренс потерял голову, но тут же усмехнулся. Какую голову? Под ним же земля горит, а тут сорок тысяч фунтов. Однако размышлять тоже было некогда, и Монтэгу тихо и осторожно пристроился на запятках кареты.

Лоренс Иствуд усадил мисс Гилмор в экипаж, Кора ушла в дом, кучер тронул лошадей. Монтэгу подумал, что зря он выбрал такое место, надо было забраться в карету. Куда Лоренс везёт её? В своё поместье? Монтэгу покачал головой. Вряд ли. Далеко. Она поймёт, что они едут слишком долго и поднимет тревогу. До дома Гилморов, расположенного недалеко от Грейт-Холла, всего несколько кварталов. Но карета свернула на юг, миновала Старый мост и выехала за городскую черту, не доехав полумили до госпиталя Сент-Кросс. Дорога здесь была абсолютно безлюдна. Невдалеке шумела на перекатах река. Монтэгу улыбнулся, оценив практичность Лоренса, и тут услышал в карете сдавленные крики. Мистер Иствуд не терял времени даром. Джулиан схватился за боковые поручни, кошкой взобрался на крышу, внезапным ударом набалдашника трости по затылку кучера оглушил его и, спрыгнув на козлы, резко остановил лошадей.

Спустившись вниз, Монтэгу тем же свинцовым набалдашником что было силы ударил по стеклу, тут же со звоном разлетевшемуся. Вспотевшая изумлённая физиономия мерзавца Иствуда мелькнула в чёрном провале двери. Джулиан схватил его за воротник и с силой потянул на себя. Иствуд оказался столь тощим, что проскочил в отверстие и свалился на землю головой вниз, довольно сильно ударившись затылком о подножку кареты. Ну, и поделом. Заглянув в глубину экипажа, Джулиан разглядел только испуганные белки глаз мисс Гилмор, сжавшейся в изодранном платье в углу кареты. Монтэгу с трудом смог открыть замок на двери и сказал несчастной Энн, что она в безопасности. Откровенно говоря, Монтэгу не ожидал от Лоренса такой прыти. В его понимании, Иствуд, бывший всего на четыре дюйма выше пяти футов, чьи запястья и кисти рук всегда напоминали Джулиану за карточным столом индюшачьи лапки, вообще был не в состоянии одолеть никого, крупнее кролика.

Мисс Гилмор, дрожа и спотыкаясь, выбралась из кареты и тут, увидя лежащего на земле Иствуда, внезапно затряслась и разразилась рыданиями столь бурными, что Монтэгу испугался. Сначала Джулиан подумал, не опоздал ли он, чего доброго, но не знал, как

спросить, неужели мерзавец успел добиться своей цели? Ведь и семи минут не прошло!.. Но потом понял, что истерика мисс Гилмор — просто следствие пережитого нервного потрясения. Руки бедняжки тряслись, Энн то всхлипывала, то задыхалась. Монтэгу уговаривал её придти в себя и успокоиться, но чем больше успокаивал, тем сильнее её трясло. Время уходило. Неужели всё же бедняжка оплакивает потерянную невинность? Чёрт, как же успокоить её? Чувствительность женщин — бич Божий. Неожиданно Монтэгу подумал, что совершенно напрасно деликатничает — и время теряет, и Иствуд начал шевелиться.

— Он овладел вами? Он добился своего?

Мисс Гилмор снова истерично вскрикнула, затряслась, но в движении её головы Монтэгу всё-таки прочёл «нет».

— Мисс Гилмор, умоляю, спокойно выслушайте меня, — тут заметив, что Лоренс пытается подняться на четвереньки, Монтэгу со злостью обрушил на затылок насильника-горемыки набалдашник. Иствуд снова плашмя рухнул на землю, словно куча глины, свалившаяся с гончарного круга. Обойдя карету, Монтэгу увидел, что конюх по-прежнему без чувств и отволоч его к ближайшей придорожной копне соломы. Возись ещё тут со всяким сбродом! Вернувшись, Монтэгу увидел, что бедной девице удалось всё же справиться со своими нервами. Энн тяжело дышала, вцепившись в разорванное на груди платье, но уже не рыдала. Сказать по правде, в чувство её привела та необычайная лёгкость, с которой мистер Монтэгу пристукнул Иствуда. То, что с тем, кто чуть не надругался над ней, справились с такой удивительной простотой, заставило её думать, что она, в самом деле, спасена и находится под надёжной защитой.

— Мисс Гилмор, нам нужно вернуться в дом Иствудов. Вы не можете в таком виде показаться дома. — Она закусила губу, слушая Монтэгу, и молчала. — Завезём этого господина, возьмете у мисс Иствуд другое платье — и я доставлю вас домой. Вы понимаете меня?

Энн — неожиданно для него — ответила довольно вразумительно. Да, она всё поняла, но в эту карету она ни за что не сядет. Она не может...

— Хорошо, мисс Гилмор, залезайте на козлы, там два места, а мистера Иствуда я засуну внутрь. — Что Монтэгу и сделал, правда, не удосужившись усадить мерзавца на сидение, а просто зашвырнув бесчувственного доходягу на пол экипажа, захлопнул дверь кареты, а после, взобравшись рядом с Энн на кучерское место, хлестнул лошадей.

Дорогой девица молчала, глубоко и судорожно дыша.

Через несколько минут они снова были у дома Иствудов. Монтэгу заглянул вглубь кареты и убедился, что Лоренс никуда не сбежал. Тогда Джулиан взвалил его на плечо и понёс к двери, дав знак мисс Гилмор идти за ним. Чёрт, или ему показалось, или братец был ничуть не тяжелее сестры. Мужчина... тьфу, — Монтэгу пренебрежительно поморщился.

Когда на стук открыли дверь и через минуту на крики служанки прибежали мисс и миссис Иствуд, на которую, признаться, Джулиан вовсе и не рассчитывал, Монтэгу попросил Кору помочь мисс Гилмор. Кора тихо вскрикнула, увидев лицо и платье подруги. При этом, надо заметить, в сложной ситуации мисс Иствуд не терялась. Кора быстро схватила Энн за руку, повлекла к себе в комнату, по пути отдав распоряжение служанке срочно принести воды. Миссис же Иствуд тут же принялась с причитаниями хлопотать вокруг поверженного Лоренса.

В спальне Кору Энн, всё ещё трясясь, стаскивала с себя изорванное платье. Кора,

помогая подруге, недоумевала. Что сделал мистер Монтэгю? Откуда он взялся? Почему Лоренс в таком виде? Где он были? Что произошло? Услышав наконец сбивчивый рассказ мисс Гилмор, побледнела. Лоренс пытался обесчестить её? У Кору на минуту опустились руки, и она в ужасе взглянула на подругу, чуть заметно сжавшись, словно от удара. Ей казалось, что теперь Энн просто не захочет знать её, но мисс Гилмор не сказала ничего оскорбительного, и казалось, нисколько не винила её в происшествии. Но от одного упрека она не удержалась. Рассказывая ей о событиях ночи, Энн не смогла объяснить, откуда взялся там мистер Монтэгю, но всё, что он сделал, говорило, на её взгляд, только о мужестве и благородстве. Какой смельчак! Как могла Кора говорить о том, что мистер Монтэгю негодяй? Он герой! Мисс Иствуд молчала, не зная, что сказать.

Джулиан Монтэгю присел в кресло в гостиной и только тут заметил, что разрезал о стекло кареты рукав сюртука и рубашку, да видимо, задел и руку, ибо рубашка была в крови. Миссис Иствуд металась по комнате, причитая над сыночком, недоумевая, что же могло случиться? Монтэгю подумал, что сплупил. Надо было по дороге договориться с мисс Гилмор и придумать какую-нибудь безобидную историю. Он просто не ожидал столкнуться с миссис Иствуд. Несколько минут Джулиан размышлял, что бы придумать в объяснение матери Иствуда — покороче и попроще. Потом подумав, что у мисс Гилмор было достаточно времени привести себя в порядок, Монтэгю попросил мечущуюся горничную проводить его к мисс Иствуд и доложить о нём.

Монтэгю вошёл и увидел, что у сидящей в углу комнаты на диване в другом — не порванном — платье мисс Гилмор цвет лица уже близок к нормальному, хотя на щеках алеют пятна, а вокруг глаз залегли тени. По лицу же мисс Кору Монтэгю безошибочно понял, что мисс Иствуд уже знает от подруги всё. Кора странно, исподлобья, в упор разглядывала его, словно видела впервые. Про себя она недоумевала, по её представлению, мистер Монтэгю должен был скорее помочь Лоренсу совершить похищение, нежели спасти мисс Гилмор. Так же как и её братец помог Тэлботу ослабить леди Софи. Но сейчас, когда Джулиан Монтэгю с окровавленным плечом появился в комнате, Кора не могла ни отметить, как он мужественен и как... красив. Но она сжала зубы. Корсар...

Монтэгю заметил краем глаза, как Кора отодвинулась при его появлении, и почувствовал вдруг странную тяжесть в веках — они на мгновение сомкнулись, и только усилием воли Монтэгю смог разлепить их. Потом по телу прошла мучительная и болезненная дрожь — наверное, вяло подумал Джулиан, давно не был в фехтовальном зале, расслабился. Монтэгю в нескольких словах изложил суть проблемы: нельзя, чтобы о происшедших событиях разнеслись слухи. Мистер Иствуд будет молчать, иначе не миновать ему беды, мисс Гилмор тоже лучше не говорить об этом даже дома, свет жесток и ей трудно будет избежать пусть и несправедливых упреков, что она-де своим поведением спровоцировала мистера Иствуда. Репутация девицы хрупка. Что касается миссис Иствуд, нельзя, чтобы она узнала правду — обстоятельства, как ни посмотри, слишком неприглядны. Мистер Лоренс просто упал с подножки экипажа. Споткнулся. Так нужно говорить, если кто осведомится о причинах его недомогания. Монтэгю не то чтобы уговаривал, скорее, просто разъяснял ситуацию.

— Нам пора ехать, мисс Гилмор, — заключил он.

Энн тяжело вздохнула и попыталась подняться.

— Что у вас с рукой? — вопрос мисс Кору прозвучал будто издалека.

— Я порезал предплечье о стекло. Царапина, — говоря это, Монтэгю ощутил странную

пустоту, которая отделяла его от неё. Он бродил в Саду Декана специально, только чтобы хоть мельком увидеть её, но вот она рядом — а в нём — такая странная и бездонная пустота, апатия и боль... Почему? Что с ним?

— Подождите, мисс Гилмор ещё не пришла в себя. Снимите сюртук, я перевяжу вам руку.

Кора не стала дожидаться, чтобы Монтэгу согласился или отказался, вынула из ящика комода кусок холщовой ткани и стала аккуратно разрывать её на тонкие полосы. Видя, что Энн всё ещё сидит на диване и тяжело дышит, Джулиан решил дать ей ещё несколько минут. С горечью подумал, что сюртук не подлежит ремонту — рукав распорот от плеча до локтя. Очевидно, это случилось, когда он вытащил Лоренса через окно из кареты или пытался изнутри открыть замок на дверце. Рубашка была окровавлена, но сняв её, мистер Монтэгу увидел, что порез на самом деле пустяковый — даже непонятно, откуда взялось столько крови. Кора справилась на удивление быстро, остановив кровь, которая, впрочем, и сама уже успела свернуться, и перебинтовала ему руку. Монтэгу чувствовал прикосновение её пальцев, ощутил аромат кожи и волос, но и — странную мертвенность, сковывающую его.

Через десять минут они вышли на улицу. Мисс Гилмор спросила, может быть, мистер Монтэгу просто доведёт её до дома? И Джулиан, понимая, насколько ей не хочется снова видеть экипаж Иствудов, согласился и проводил её по Грейт-стрит, они свернули на улицу Южных врат и вскоре добрались до дома Гилморов. Энн уже почти пришла в себя и сейчас поймала себя на странном чувстве — удивительной защищённости и полной безопасности, которую ощущала рядом с этим человеком. Но пережитое то и дело напоминало о себе лёгкими судорогами в ногах и дрожью пальцев. Энн подумала, что может спросить его о том, чего не могла понять. Как мистер Монтэгу очутился у госпиталя? Джулиан лаконично объяснил, что просто у дома Иствудов заметил закрытый экипаж и увидел, как Лоренс посадил её туда, а из-за случайно услышанного разговора Иствуда с кучером заподозрил неладное. Боясь быть бестактной, Энн не спросила, что мистер Джулиан Монтэгу делал у дома Иствудов. Монтэгу тоже ничего больше не сказал. Энн, исподлобья взглянув на него, подумала, что он, влюблённый и отчаявшийся, просто бродил около дома Кору. На пороге дома она пыталась ещё раз поблагодарить его, но язык плохо слушался её.

К себе домой Монтэгу попал уже за полночь.

Прошедшая ночь что-то изменила в нём — причём, чувствовал Монтэгу только самую перемену, но не мог осмыслить её причин. Он по-прежнему ощущал свою зависимость от Кору, его влекло к ней и телом и душой, но, то ли долгое время её предшествующего равнодушия и пренебрежения что-то надломило в нём, то ли тоска, перебродив в душе вместе с любовью, породила эту мутную вялость и пустоту. А может, он просто потерял последнюю надежду? А впрочем, нет, понял Монтэгу наконец. Причина была в том, что сделав после разговора с Шелдоном жестокий и убийственный вывод о том, что он недостойн любви, он допустил, чтобы этот вывод, словно зараза сифилиса, проник в его душу и кровь — и убил его. Вот почему находясь с ней рядом, слыша её голос и даже ощущая её прикосновение к себе — он уже не чувствовал ничего.

Он был мёртв. Крах любви осознавался Монтэгу не как крах жизни — он был слишком силён для этого, но как крах личности. В нём беззвучно обрушивались крыши, опадали стены, фундаменты превращались в руины. Во всяком случае, Монтэгу твёрдо решил, как только пристроит Кэтрин — тотчас же после её свадьбы уедет в Лондон. Пора и делом заняться.

Дома Джулиан кое-как умылся, осторожно снял сюртук и рубашку, стараясь не потревожить повязку на руке и не измарать кровью постель — чай, не брачное ложе, и наконец провалился в глубокий сон, подумав напоследок, что вечерок выдался, что и говорить, бурный...

в которой повествуется о развитии событий, изложенных в предыдущей главе, при этом мисс Иствуд вдруг понимает то, о чем до того и помыслить не могла, а мистер Монтэгу, прихлебывая кларет, требует сухого закона для низших классов.

Человек предполагает, но Промысел Божий правит миром. Монтэгу казалось, что им сделано всё, чтобы история, компрометирующая брата Кору и несчастную Энн, не стала достоянием досужих языков. Мисс Гилмор будет молчать. Мисс Иствуд — тоже. У Лоренса для молчания — основания сугубые. Его самого быть разговорчивым ничто не заставит.

Откуда же что всплывёт?

Но подвело мистера Монтэгу свойственное аристократу высокомерное пренебрежение к тем, кого Господь поставил ниже господ. Он педантично учёл все обстоятельства, кроме... кучера Майлза. Вот уж кого мистер Джулиан Монтэгу в расчёт абсолютно не брал, он просто забыл про него, притом начисто, а меж тем, под утро тот был обнаружен нарядом местной полиции, заподозрен в чрезмерном пьянстве, и очнулся только в участке, где, под воздействием гудящей головы и шума в ушах изложил все события прошедшей ночи — естественно, до того момента, пока он их помнил. К несчастью, нанимая кучера, отец мистера Иствуда несколько не интересовался остротой его ума. Майлз и в самом деле не мог похвастать умом, и потому простодушно рассказал о поручении, данном ему господином, и всех дальнейших событиях. Майлз был уверен, что его господин и его бедная жертва тоже подверглись зверскому нападению, а узнав, что ни кареты, ни лошадей на мосту не было, решил, что мистер Иствуд и мисс Гилмор давно мертвы и, наверняка, сброшены злодеями, нападшими на него, с моста в реку.

Полковник Арчибальд Кемптон, узнав из доклада своих подчинённых о ночном происшествии, не поленился утром навестить в дом Иствудов, где быстро обнаружил, что никто вышепоименованного Лоренса Иствуда в реку не сбрасывал, вот он, пожалуйста, правда, получить от него нужные сведения было весьма затруднительно, ибо язык во рту мистера Иствуда почти не ворочался, а голова трещала так, что даже шорох лёгкого ветерка казался ему набатом. Мисс Иствуд, спрошенная о том, знает ли она, что произошло ночью с её братом и их кучером Майлзом, сообщила, что их кучер давно страдает потерей памяти и, вообще, плетёт порой Бог весть что, брат же упал с подножки экипажа, а мисс Гилмор, её подруга, наверняка, дома. Её проводил туда вчера вечером один господин.

— И кто же это, мисс?

— ...Друг и сокурсник мистера Раймонда Шелдона — мистер Джулиан Монтэгу.

— Вот ка-ак... — этого авантюриста, завсегдадая блудных притонов и повесу мистер Кемптон уже знал.

В доме Гилморов ему не удалось повидать мисс Гилмор. Было сказано, что она дурно себя чувствует из-за недавно подхваченной простуды. Ну, что ж, мистер Кемптон понадеялся, что мистер Монтэгу, по крайней мере, ничего не подхватил и, когда только что проснувшийся, облачённый в домашний халат проспавший завтрак Джулиан пытался утолить голод остывшим ростбифом, который запивал кларетом, — ему доложили о приходе мистера Арчибальда Кемптона, полковника.

Чёрт возьми. Чего ему надо? Не принимать? Тоже глупо. Эта лисица только насторожится. Ладно, посмотрим.

Мистер Кемптон извинился, что побеспокоил мистера Монтэгу в столь ранний час, он понимает, что не время для визитов, но срочно нужно выяснить одно обстоятельство...

— Какое же? — мистер Монтэгу был само радушие. Он предложил мистеру Кемптону разделить с ним трапезу, от чего тот любезно отказался. Он уже завтракал.

— Правда ли, что вчера вечером вы проводили мисс Гилмор от дома мистера Иствуда до её дома?

Ни один мускул не дернулся на лице Джулиана Монтэгу.

— Мисс Гилмор? Да, мы прошли пешком. Дом Гилморов недалеко от Грейт-Холла.

— И она... чувствовала себя... хорошо?

Монтэгу почувствовал, как вспотел под халатом.

— Кажется... несколько покашливала... Да, она говорила, что чувствует лёгкий озноб. А что с ней? Не заболела ли? Почему вы вообще, полковник, интересуетесь столь незначительным обстоятельством?

Мистер Кемптон, внимательно глядя на Джулиана Монтэгу, рассказал об утреннем происшествии с кучером Майлзом. Рассказанное зримо позабавило мистера Монтэгу. Он развёл руками.

— Полковник, это сущий вздор, уверяю вас, кучер, наверняка, — просто идиот. Кто мог напасть на него, кто мог напасть на мистера Иствуда? Какие планы похищения? Я всегда говорил, пока парламентом не будет введен сухой закон, — Монтэгу прихлебнул кларет, — для низших классов, — уточнил он, — порядка в стране не будет. Этот грубый сброд... Перепьются — и давай фантазировать. Я слышал, что мисс Иствуд, когда мы посетили её с мисс Гилмор, сетовала, что её дорогой брат оступился и упал со ступенек ландо. Подумать только — похищение! Нападение! Какой вздор!

«Чёртов идиот, кипел Монтэгу про себя. Как же я забыл-то про этого остолопа?!»

Полковник не мог спорить с мистером Монтэгу.

— Очень может быть, мистер Монтэгу, очень может быть... А кстати, я забыл поблагодарить вас за сведения о Макбейн-стрит и за рекомендацию... Они очень пригодились.

«Еще бы они тебе, хитрой лисице, не пригодились...»

Когда дверь за ним закрылась, Джулиан Монтэгу поморщился и махнул рукой. Что тут поделаешь? Он снова принялся за холодный ростбиф. Здравомыслие, подумав, что показаний одного придурковатого кучера мало для весомых подозрений. Всё может обойтись, если не будет свидетельств мисс Гилмор и признаний Лоренса, а их не будет. Жаль, слухов теперь не избежать... Впрочем, тема помуссируется и заглохнет. Монтэгу почувствовал вялую слабость, распорядился наносить ему воду в ванную. После ванны решил поспать ещё часок-другой, и проснулся снова, когда его разбудил дворецкий с письмами, и тут же следом за ним вошла Кэт. «Что это тебе вздумалось целый день валяться в постели? Поднимайся же! Тебя ждут».

Этого ещё не хватало! Опять Кемптон?

— Кто там?

— Две девицы. Мисс Энн Гилмор и... эта... мисс Иствуд. — Последнее имя Кэтрин произнесла сухо и колко, с оттенком явной недоброжелательности в голосе. — Они пришли ко мне, но потом сказали, что хотели бы видеть тебя.

Этому неожиданному визиту предшествовали некоторые обстоятельства. И первым из них была бессонная ночь мисс Иствуд. Когда дом погрузился в конце концов во тьму, Кора задумалась о весьма многом.

Брат. Она никогда не видела от него ни любви, ни братской поддержки, ни даже простого понимания. Раньше она недоумевала о причинах подобного, но, чем более взрослела, тем больше осознавала, что её Лоренс — просто ничтожество, не знающее и не желающее знать ничего, кроме своих эгоистичных потребностей. Кора ни на минуту не поверила, что братец влюбился в подругу, Кора уже понимала, что Лоренс вообще не мог никого полюбить. Никогда. Она вспомнила горничную матери, с которой у него была интрижка, видела приходившие ему счета, сталкивалась с его кредиторами и от души радовалась, что отец перед смертью передал деньги, предназначенные ей в приданое, в особое управление их поверенного, мистера Леггита, а то Лоренс и от её приданого ничего не оставил бы!

Лоренс просто хладнокровно просчитал, что у Энн нет братьев и вступить за неё некому, что мать Энн не сможет защитить репутацию дочери, а сорок тысяч приданого мисс Гилмор, видимо, решали все его проблемы. Негодяй.

Задумалась Кора и о подруге. Энн стала ей теперь особенно дорога. Коре понравилось достоинство, с каким та вела себя, ведь могла бы наговорить кучу гадостей и порвать с ней, сестрой негодяя, всякие отношения. Но — ни слова упрёка, никакого обидного жеста. Энн выросла в глазах Кору на целую голову. Какое счастье, что Лоренс не сумел добиться своей низкой цели! Какое счастье, что невесть откуда подвернулся мистер Монтэгию...

Мистер Монтэгию... На вечере в Шелдонхолле, танцуя с Раймондом Шелдоном, Кора заметила, что сейчас, когда мистер Шелдон был уже женат, она могла — вначале просто делая вид, что ничуть не задета тем, что виконт выбрал другую, а потом и не делая никакого вида, — говорить с ним свободнее и раскованнее, и с радостью отметила, что и его улыбки, утратив церемонную галантность, стали сердечней и искренней. И потому, сопоставляя свои впечатления о мистере Тэлботе и мистере Монтэгию, мисс Иствуд неожиданно спросила будущего хозяина Шелдонхолла, почему он раскланивается с господином Монтэгию, но никогда не приветствует мистера Тэлбота? Ведь не может же он не понимать, что они одинаковы? Этот вопрос давно занимал её. Виконт тогда спокойно ответил ей, что мисс Иствуд заблуждается, выразив уверенность, что, если ей когда-нибудь доведётся ближе узнать мистера Монтэгию, она непременно откроет в нём и ум, и честь, и мужество, и нежность.

— Взгляните, мисс Иствуд, как озабочен мистер Монтэгию успехами сестры. Это, по меньшей мере, свидетельствует о том, что он умеет любить. Разве хоть раз мистер Монтэгию совершил нечто бесчестное? У него есть честь. Я часто беседовал с Джулианом, и знаю, что он очень умён. Кроме того, Монтэгию отличный наездник, фехтовальщик и стрелок. Такие мужчины трусами не бывают, поверьте. Ну, а то, о чем вы говорите... — Шелдон пожал плечами, — юношеские заблуждения все мы перерастаем.

— Сэр Чилтон говорил не о заблуждениях.

Раймонд Шелдон грустно посмотрел на неё.

— Сэр Чилтон говорил с вами о мистере Монтэгю?

Кора не поняла странную тоску, прозвучавшую в его голосе.

— Он... нет, он говорил не со мной, а с братом. Это было ещё до нашей встречи в парке.

Я случайно услышала его слова...

— Вот как, — мистер Шелдон, как ей показалось, был хмур и огорчён чем-то. Он помолчал, потом всё же договорил, — мне кажется, что сэр Остин судил излишне резко.

— А вы... тоже имели юношеские заблуждения, мистер Шелдон?

— О, да, дорогая мисс Иствуд, должен признаться, что имел. И не только имел, но и имел глупость упорствовать в них. Они, правда, были иного свойства, чем у мистера Монтэгю — но сути дела это не меняет. Но мне кажется, что в последнее время, — Шелдон улыбнулся, — я и мистер Монтэгю — мы оба поумнели.

Прошедшая ночь убедила Кору Иствуд в том, что Шелдон был прав. И, по крайней мере, в том, что у этого человека есть мужество и благородство — она теперь не сомневалась. Она давно, ещё на вечере у Сейвари, отметила неординарную внешность Монтэгю. Кокетство — кокетством, но ей было приятно танцевать с ним, такой грации она в мужчине никогда не видела. Ей было приятно и его внимание. И когда мистер Чилтон назвал его распутным, почему она так расстроилась? Или рассердилась?

Неожиданно Кора поняла. Да, она расстроилась!

Была огорчена почти до слёз! Но почему?

Почему она так злилась на него?

Почему презирала Тэлбота, но Монтэгю — ненавидела?

Да потому что.... она... Она влюбилась в него! Монтэгю показался ей похожим на корсара. Кора улыбнулась. Он был мужчиной её мечты! Не предметом материнских восторгов, не богачом Шелдоном, о котором толковал братец и вздыхали все девицы вокруг, а её идеалом — решительным, бесшабашным, мужественным. Именно таким, каким ей хотелось бы видеть своего любимого. Потому-то слова сэра Чилтона так больно отозвались в ней! Монтэгю оказался недостойным любви — вот что заставляло её злиться и ненавидеть его. Ей нельзя было любить его — того, к кому влекло сердце!

Было и ещё одно, мелкое, но странное обстоятельство, запавшее в эту ночь ей в душу. Девицы её лет видели обнаженных мужчин только в мраморе — в лондонских галереях, и то — на них приличным девушкам не рекомендовали засматриваться. Несколько раз Кора полуголым видела братца Лоренса — и это зрелище ничего, кроме жалости, в ней не вызывало. Вчерашний вечер... Когда Монтэгю снял окровавленную рубашку, Кора вздрогнула и ощутила странную дрожь в теле. Это не Лоренс! Плечи мистера Монтэгю были необыкновенно широки, на руках перекатывались наросты мускулов, остановив кровь и перебинтовывая ему руку, она почувствовала стальную жёсткость этих мышц, и сама не могла понять, почему это так волнует её...

Утренние беспокойства, связанные с визитом мистера Кемптона, не заставили её забыть ни вчерашние впечатления, ни ночные размышления, однако встревожили, хоть волновалась мисс Кора только из-за подруги. Мать причитала около сына, Кора же, с омерзением взглянув на стонущего братца, надела шляпку и сообщила матери, что намерена прогуляться, и пойдет к мисс Энн Гилмор.

В доме Гилморов, где три часа тому назад не приняли мистера Кемптона, перед ней — двери распахнулись. Энн уже давно встала и теперь предавалась беспокойству по поводу

визита полковника. Как ни странно, Энн, несмотря на то, что так перенервничала, ночь спала, как убитая, а обдумала происшествие утром, на свежую голову. Энн вовсе не думала, подобно мистеру Монтэгу, что никакой опасности не подвергалась. Она изумилась, как легко мистер Монтэгу одолел негодя Лоренса, но сама хорошо помнила, сколь испугалась, когда Лоренс набросился на неё в карете, каким сильным он ей показался, и в каком ужасе она была, поняв, чего добивается мистер Иствуд. Опоздай мистер Монтэгу на десять минут — и ей бы пришлось стать женой такого подлеца... Эта судьба пострашнее того, что случилось с несчастной Элизой Харди!

Энн благословила Провидение и его милость к ней. Поняв, что мистер Монтэгу, давнишний влюбленный в её подругу, просто сидел неподалёку от её дома, ожидая возможности увидеть Кору, Энн не знала, сказать ли подруге об этой догадке. При этом Энн действительно не распространяла свой гнев и неприязнь на сестру мистера Иствуда, прекрасно зная, сколь мало их связывает родственная любовь. Но зачем приходил полковник Кемптон? Это беспокоило её.

Кора поведала ей последние новости: кучер Майлз обнаружен полицейским нарядом и наговорил там всё, что знал, братец стонет и кричит, а мистер Кемптон задал самые незначительные вопросы, но заподозрил, видимо, немало... Но хуже всего — его родство с леди Холдейн... Энн, однако, уже успокоилась. Всё прошло. Конечно, слухи лучше всего пресечь в зародыше, но как это сделать?

Мисс Иствуд высказала мысль, только что пришедшую её в голову.

— Нам нужно увидеть мистера Монтэгу и посоветоваться с ним.

Мисс Гилмор не поверила ушам.

— Кора! Ты в уме ли? Что за авантюра? Мы не можем пойти к мужчине!

Надо заметить, что, высказав неожиданное желание встретиться с мистером Монтэгу, Кора поразила сама себе куда больше, чем слова её изумили Энн. Почему она сказала это? Кора вспомнила вчерашнюю ночь, свои размышления, мистера Монтэгу, его налитые мощью мускулы, припомнила лицо с резкими чертами. Его зовут Джулианом. Красивое имя. Нет, она не ожидала, что мистер Монтэгу даст им дельный совет. Что тут посоветуешь-то? Так в чём же дело? Она просто хочет увидеть мистера Монтэгу, поняла Кора. Джулиана.

Решение пришло быстро.

— А мы навестим мисс Кэтрин Монтэгу и попросим её позвать брата.

Энн задумалась. Эта идея была приемлема. Таким образом, две девицы оказались в доме Монтэгу, и мисс Кэтрин, гневно морща носик и негодуя про себя, пошла за Джулианом.

* * *

Визит мисс Кору и мисс Энн был для мистера Монтэгу совершенно неожиданным. Чёрт, он не брит. Впрочем, Бог с ним, что он в самом-то деле? Монтэгу собирался днём зайти — справиться о здоровье и самочувствии мисс Гилмор, но осведомляться о здоровье Лоренса даже не собирался. Это было бы почти издёвкой. Монтэгу крикнул камердинера, быстро оделся, оглядел себя в зеркале, махнув рукой на чуть помятую физиономию. Торопливо спустился в гостиную.

— Мисс Гилмор, мисс Иствуд, приветствую вас, — и, не дожидаясь вопросов,

продолжил, — всему виной моя недалёковидность: я просто позабыл про этого конюха. Мистер Кемптон был у меня сегодня. Но если у истории не будет подтверждений с вашей стороны — ну, разумеется, и со стороны мистера Лоренса — дело всё равно заглохнет. — Монтэгию поймал себя на том, что обращается к мисс Гилмор, избегая смотреть на мисс Кору, но потом, усилием воли преодолев смущение, бросил на неё спокойный взгляд, искренне надеясь, что его замешательство и растерянность незаметны. — Не знаю, — продолжил Монтэгию, чуть замаявшись, — должен ли я захватить осведомиться о самочувствии вашего брата, мисс Иствуд? Ведь, в некотором роде, я сам и являюсь причиной его недомогания.

— О чём вы, как я вижу, весьма сожалеете, — усмехнулась мисс Кора, но в её голосе не было осуждения. Монтэгию даже с удивлением подметил в нём тёплые нотки неожиданной и непривычной симпатии, но счёл, что ему показалось. Она же между тем продолжила, — все сведения о самочувствии моего дорогого брата вы можете почерпнуть и у меня. Лоренс чувствует себя омерзительно, над его ухом шишка величиной с мой кулак, почти такая же на макушке, у него поцарапана вся физиономия, хотя за это надо, видимо, благодарить не вас, а ещё — он весь в синяках. У него ноет спина и болит шея. Он кряхтит и стонет так, словно вот-вот умрёт. Ну, а теперь, к делу, — заметила мисс Иствуд, давая понять, что до этого говорила о пустяках, — мистер Кемптон, я не знаю, поняли вы это или нет — человек весьма неглупый, но это полбеда. Он — зять леди Холдейн...

Мистер Монтэгию помрачнел.

— Надеюсь, он, как большинство мужчин, терпеть не может тещу?

— Когда он только женился, то неизменно обедал у неё раз в месяц...

— Ну, а сейчас... — с надеждой подхватил Джулиан.

— Сейчас — два раза в неделю...

— О, Боже...

В разговор вмешалась мисс Гилмор.

— Мы хотели посоветоваться с вами, мистер Монтэгию. Что лучше, молчать, надеясь, что всё уляжется само, или поговорить с леди Холдейн и объяснить ей, что огласка только повредит? С другой стороны, чем меньше будет известно — тем больше может родиться нелепых домыслов. Ведь самые ничтожные обстоятельства дают порой повод для самых оскорбительных слухов.

Монтэгию задумался, покачал головой. Вчерашние обстоятельства он бы ничтожными не назвал, не так уж часто мерзавцы, вроде Лоренса, отваживались на такое... И потому шума прецедент мог наделать немало. Чёртов кучер!

— Мне сложно предположить реакцию леди Холдейн. Боюсь я эту особу. С ней бы мог найти общий язык милорд Брайан Шелдон, но не я. Может, молодой виконт... Я мог бы попросить Раймонда...

— Это так, но посвящать ещё кого-то...

Кора задумалась, потом решительно высказалась.

— Нет, мы не правы. Репутации Энн ничего не угрожает, а, если эта история станет известна леди Холдейн, а значит, и мистеру Чилтону, то, по крайней мере, она больше не повторится. Тут нет ничего страшного.

— Что? — голоса мистера Монтэгию и мисс Гилмор слились в этом вопросе.

Мисс Энн и мистер Монтэгию в изумлении смотрели на мисс Кору.

— А что, вы полагаете, что мой братец расплатится с долгами своими шишками? Его

проблемы — это по-прежнему его проблемы. Не удалось одно похищение — Лори планирует другое. Не всегда же мистер Монтэгу окажется рядом... — она снова тепло и даже кокетливо улыбнулась Джулиану.

Монтэгу, почему-то снова смутившись, опустил глаза, а мисс Гилмор в ужасе поглядела на подругу.

— Ты хочешь сказать... Да я и близко... я закричу, как только он подойдёт ближе, чем на три шага! Какой экипаж... какое другое похищение? — бормотала Энн отрывисто.

Мисс Кора поспешила утешить подругу.

— Я не говорю, что Лоренс попытается опять увезти тебя.

Повисло короткое молчание.

— Вы полагаете, мисс Иствуд, что Лоренс повторит свой подвиг, но уже...? — мистер Монтэгу смотрел на мисс Кору с лёгким удивлением. Он и раньше-то замечал, что сестра и брат весьма мало привязаны друг к другу, но те слова, что Кора роняла сейчас о Лоренсе, говорили не о равнодушии, но о презрении. Да, слов нет, мистер Иствуд чести своему роду не делает, но уж очень отчетливым и совсем недетским было это понимание у его сестры. Она умна, с удивлением подумал Монтэгу.

— Разумеется. Кстати, Лоренс сказал, вернувшись из Шелдонхолла, что синеглазка очень мила.

Мистер Монтэгу ждал продолжения, но его не последовало. Кора молчала. Тогда Монтэгу вдумался в сказанное и вдруг вытаращил глаза, оглушённый внезапным подозрением...

— Что?... это он... про... мою сестру? Про Кэт? Я-то, честно говоря, его вообще всерьёз не принимал... — Монтэгу тяжело выдохнул и зло поинтересовался, — и что же его остановило? — его затрясло.

— Надо полагать, вы, ибо не спускали, как всеми было отмечено, с сестрицы глаз, затем — ваша слава непромахивающегося дуэлянта, а так же то обстоятельство, что у мисс Гилмор нет братьев. Всё просто.

Монтэгу тяжело дышал, и, судя по лицу, весьма сожалел, что случайно не прибил Лоренса Иствуда насмерть. Энн Гилмор посмотрела на подругу.

— Следовательно, ты думаешь, что теперь Лоренс попробует тот же трюк... с мисс Монтэгу?

— Нет, вряд ли. Он теперь боится мистера Монтэгу. Понимает Лоренс, что и ты ему никогда уже не будешь доверять. Я не исключаю даже, что после такого удара... судьбы... он, хоть и, скрипя зубами, но поступит порядочно.

— То есть?

— Посватается к мисс Глэдис Сейвари или мисс Эннабел Тэлбот. Сначала к первой. Это пятьдесят тысяч. Не выйдет, значит — ко второй. Это тридцать тысяч. Мисс Лавертон и мисс Вудли его не прельстят. За ними дают всего по двадцать, а этого Лоренсу мало.

— Почему же он не сделал это с самого начала? — любопытствовал Джулиан, — к тому же пятьдесят тысяч лучше сорока.

Мисс Иствуд посмотрела на него недоуменно и чуть свысока.

— А будь вы на его месте, кого предпочли бы? Глэдис или Энн? Лоренс даже как-то при мне высказался, что на самый худой конец сойдет и Эннабел, но заметил, что худой конец — это ужасно, ведь при этом можно так и остаться с худым концом.....

К её удивлению, Джулиан Монтэгу покраснел и смутился. Он, и вправду, по своей

развращенности понял мысль Лоренса во всей её полноте. Всем известно, что мужчине бывает неловко не тогда, когда он не может прикрыть свои гениталии, но когда он может прикрыть их одной рукой. Но Лоренсу ли говорить об этом? Джулиан высокомерно улыбнулся и кивнул, давая понять, что, в общем-то, он понимает мотивацию действий Лоренса и просит прощения за свою недогадливость, при этом смекнул, что мысль Лоренса о конце девицы по чистоте своей, конечно же, до конца просто не поняли.

— А он сватался к вам, мисс Гилмор?

— Нет, я сразу дала ему понять, что он мне не по душе и я никогда не выйду за него.

— Так что мы решаем с полковником и леди Холдейн?

— Если бы быть уверенными в том, что Лоренс и впрямь посватается к Глэдис или Эннабел, то, наверное, лучше молчать. Мне кажется, лучше немного выждать. В принципе, пока Лоренс не придёт в себя...

Они переглянулись.

— Я, признаться, не знаю, — заявила Кора Иствуд, — как реально обстоят дела у брата, каковы его долги и как скоро ему надо расплатиться, а от этого зависит многое. Может и действительно нужно немного выждать?

На том и порешили.

в которой мистер Монтэгю укоряет себя, мисс Иствуд начинает ревновать, мистер Арчибальд Кемптон угощает друга, а мистер Чилтон беседует с племянницей.

Этот разговор произвёл странное впечатление на мистера Монтэгю. Это, по сути, был первый для него опыт человеческого общения с девицами. Монтэгю никогда бы не подумал, что они способны мыслить и здраво рассуждать. Почему-то мистер Джулиан Монтэгю считал это исключительно мужской прерогативой, и то, что мисс Кора и мисс Энн выстраивали цепь рассуждений, в которой он не находил ни одного ложного звена, изумило Джулиана. Монтэгю запоздало задумался о том, о чем следовало подумать раньше. Шелдон прав. Кора не знала Раймонда. Ну, а что он сам знал о Коре? Какая она? Он, ослеплённый, видел только красоту. А между тем, в каждом из нас слишком много потаённого, скрытого... Шелдон когда-то сказал ему, что его губы оскверняют само имя Любви. Да, глупо было рассчитывать, что мисс Кора, прекрасно понимая, кто такой её братец, не поняла бы, кто такой он. Спасибо и сэру Чилтону. К тому же Джулиан заметил полное доверие и откровенность между самими девицами. А раз так — глупо надеяться, что мисс Энн скрыла от Кору то, что услышала в гостиной Кемптонов. Впрочем, что сожалеть о том, что он тогда проболтался? Сейчас Монтэгю сожалел, что вообще когда-то знал мистера Торнби. Да, шансов у него не было.

Монтэгю сжал зубы и тяжело вздохнул.

Последние события, многое запутав, тем не менее, кое-что прояснили для него — в нём самом. Знал ли он Тэлбота? Мог ли предполагать, что тот окажется способным на такую подлость? Нет. Ему бы это и в голову не пришло. Монтэгю знал, что Тэлбот распутен, ну и что? Сам он был не лучше, но столь бессердечно надругаться над сиротой Монтэгю никогда бы не мог. От мук похоти — плохо спишь по ночам, но совершив такое — как вообще спать по ночам? Шелдон прав. Он, оказывается, и подлинно, не Вивьен. Знал ли он Иствуда? Монтэгю задумался. Он не очень удивился, когда постиг намерение Лоренса. Всё было предсказуемо и понятно. Но надругаться над девицей, вынудив идти с ним под венец? Способен ли он сам на подобное? Монтэгю поморщился. Немыслимо. Он отдал бы всё, чтобы Кора полюбила его, но методы Иствуда были ему омерзительны. Помилуйте, надо хоть чуть уважать себя. Монтэгю снова поморщился. Да, ему уважать себя не за что, но и это не повод творить подобное.

Удивительно. В нём были большие способности, Монтэгю знал их в себе и обиделся бы, если бы услышал, что он не способен на что-то, но теперь он стал понимать, что честь — это, по сути, и есть неспособность — неспособность мириться с грязью в себе, неспособность унижить своё достоинство, неспособность на подлость. Неспособность, которая делает честь её обладателю.

Ладно, он начнет всё заново. Хватит с него мерзостей. Новая жизнь в Лондоне. Он приложит все силы, уйдёт в работу. Возможно, ему удастся за несколько лет сделать себе имя. Монтэгю вздохнул. А зачем это всё? Сердце стучало глухо и ровно. Из души ушли напряжение и жар любви, оставив руины и выжженную землю. Но ожоги болели даже при мысленном прикосновении к ним. Чтобы отвлечься от размышлений, становящихся всё

более неприятными, Джулиан вернулся в спальню и взял письмо отца. В прошлый раз он не мог удержаться, чтобы не похвалиться в письме успехами Кэт. Однако, боясь сглазить удачу, сообщил лишь, что, вполне возможно, что Кэтрин скоро будет просватана, и выразил мнение, что отцу лучше всего приехать в город. Теперь в ответном письме сэр Этьен писал, что приехать не может и просил его вместе с Кэт навестить брата — он болен. Джулиан ничего не понимал. Сейчас, в разгар сезона, увезти Кэтрин в деревню? Что с Томасом, чёрт возьми? Что может случиться с двадцатилетним мужчиной? Бред какой-то. В любом случае — Кэт должна быть на балу у Чилтонов. А после их званого обеда надо дать свой. Может, и в самом деле, потом съездить в имение?

Монтэгу не был там с семнадцати лет.

* * *

Когда девицы возвращались домой, мисс Энн заметила, что мистер Монтэгу показался ей весьма милым человеком. В нём чувствуется не только аристократизм, но и большое личное обаяние. Ему идёт небритость...

— Почему ты рисовала его таким чудовищем?

Мисс Кора промолчала. Но не потому, что не согласилась с подругой, а потому, что неожиданно почувствовала укол ревности. Не влюбилась ли в него Энн? У неё немало для того оснований, ведь он спас её честь да и судьбу, пожалуй. Странно — ещё совсем недавно Кора нисколько не возражала бы, если бы мистер Монтэгу бесследно исчез из Уинчестера, провалился бы в тартарары, и, наверное, даже не заметила бы его отсутствия. Но теперь, когда она вполне осознала свои чувства к нему, мистер Джулиан Монтэгу, в качестве спасителя подруги от бесчестья, как человек, в котором сам виконт Шелдон отметил и ум, и честь, и мужество, и нежность, а главное, как... мужчина — нравился ей. То, о чём сказал сэр Чилтон и чего не отрицал и Шелдон... Кора поморщилась, но неожиданно улыбнулась. Раньше она просто не задумывалась об этом. Глупо было и ожидать, что любитель приключений окажется строгим моралистом и воплощением нравственности! Любимые ею корсары и разбойники были благородны, но ни один из них никогда не был монахом! Чего она хотела, в самом-то деле?

Кора снова вспомнила его налитые мощью плечи... Всё в её душе перевернулось — и то, чему раньше в её глазах не было оправданий, теперь выглядело вполне естественно и простительно. Ну, да, несколько распушен, повеса и авантюрист. Но сколько в нём силы, ума, благородства! А как находчив, как мгновенно принимает решения! Как красив и мужественен! Кора снова любила его и страстно хотела считать его достойным своей любви, и потому — склонна была к милосердию и всепрощению.

При этом мисс Иствуд не могла не заметить, что мистер Монтэгу охладел к ней: она не подметила ни одного взгляда или слова, которые говорили бы о былой влюблённости. Даже в ответ на её улыбки Монтэгу держался теперь отстранённо и холодно. А ведь раньше один её взгляд приводил его в трепет. Кора погрузилась, прикрыла глаза, представила Монтэгу — резкий профиль, тёмные волосы, выразительные тёмно-синие глаза.

Неужели она потеряла его сердце? Именно сейчас, когда её душа открылась для его любви?

Между тем, мистер Кемптон, человек, как мы имели возможность убедиться, весьма неглупый, полностью поверил дураку-кучеру и сильно усомнился в правдивости слов умного господина Монтэгу. В похвалу прозорливости мисс Иствуд следует сказать, что, как она и предвидела, Арчибальд не замедлил нанести визит своей теще, леди Френсис Холдейн.

Выслушав зятя, леди Фанни полностью согласилась с его выводами. «Разумеется, от Иствуда глупо ждать признаний. Независимо от того, пострадала или спаслась мисс Гилмор, она ни в чём не признается, мисс Иствуд не пожелает положить пятно на семейство. Монтэгу будет до конца строить из себя рыцаря. Ничего ты тут, Арчи, не добьёшься. Мне, по правде сказать, кажется, что всё обошлось, иначе Иствуд не лежал бы с пробитой головой, а девицы не вели бы себя как ни в чём не бывало. Но за Иствудом я на твоём месте приглядывала бы...»

Удовлетворённый тем, что их выводы совпали, мистер Кемптон и впрямь отдал одному из подчинённых соответствующее указание, после чего направился домой, где на пороге столкнулся с мистером Эдмондом Девэриллом. Лицо друга напоминало лица каторжников, вернувшихся с галер, и Арчибальд не мог не подумать, что другу попалась весьма упрямая особа. Сговорившись со своей супругой и приятелями, они за последние недели сделали всё, чтобы заставить жену Эдмонда горько сожалеть о проявленном пренебрежении и осознать совершенное ею как непростительную глупость. Арчибальд знал — через гувернера своих сынишек, дружившего с мажордомом Девэриллов, — что и тесть Эдмонда придерживается аналогичных взглядов и даже с некоторой излишней жестокостью дал это понять дочурке. И она до сих пор упирается, не раскаявшись в собственной глупости?

Оказалось, однако, что мистер Кемптон ошибся. Изнуряли мистера Девэрилла не семейные проблемы, а медовый месяц и связанные с ним неизбежные затраты энергии. Он просто мало спал по ночам последнюю неделю. Узнав об этом и порадовавшись за друга, мистер Кемптон заказал на ленч запеканку из телячьих почек, (мистер Девэрилл при этом кивнул), йоркширский утиный паптет (мистер Девэрилл снова кивнул) и пудинг с изюмом. Мистер Девэрилл кивнул с особым чувством.

Вообще-то, он завтракал. Но почему-то чувствовал себя голодным.

За ленчем друзья обсудили события во Франции, местные сплетни и последние события возле госпиталя, о которых мистер Кемптон, зная сдержанный и скромный нрав своего друга, поведал ему во всех деталях. До обеда они коротали время за картами и беседой. По возвращении домой мистер Девэрилл, оправдывая доверие друга, действительно, никому, кроме жены, о происшествии не рассказал.

Леди же Холдейн, что, в свою очередь, делало честь её прозорливости, после обеда, за которым последовали получасовые размышления на тахте, направилась на партию в бридж в дом Сейвари. Там она приятнейшим образом провела время, в узком круге друзей поведав историю, рассказанную зятем, при этом сугубо обращаясь к мистеру Сейвари, сидящему напротив. «Какое счастье, что обе мои девочки замужем за прекрасными людьми, а не то, попадись в зятя подлец, подобный Иствуду — беды не оберёшься...»

Сэр Винсент молча слушал леди Холдейн и покачивал головой в знак согласия.

Зато сэр Остин Чилтон побагровел, услышав от леди Холдейн ужасающее известие о попытке похищения его племянницы. Напряженно слушал, вцепившись в подлокотники, но

по мере приближения её рассказа к финалу, пальцы его разжались, а лицо приобрело свой обычный цвет. Однако прошло немало времени, прежде чем баронет смог выговорить хоть слово. Подумать только! Осмелиться на подобную дерзость! Какой негодяй! Воспользоваться девичьей слабостью! Чёрт возьми, что творится в Уинчестере? Летиция была куда как права, советуя вышвырнуть за компанию с Тэлботом и Иствуда. Просто невозможно поверить! Что происходит в городе? Но точно ли негодяй ничего не добился?

Леди Фанни выразила уверенность в этом, заметив, что, по её мнению, вмешиваться в ситуацию ему отнюдь не надо, и высказала недоумение, почему Остин столь настроен против молодого Монтэгу? Верить надо только половине того, что видишь, и ничему из того, что слышишь. Щенок весьма обаятелен. Да, повеса и шалопут, конечно, но надо признать, что в данной ситуации вел себя просто безупречно. И если бы не он... Сэр Чилтон задумчиво кивнул и направился к сестре — миссис Гилмор, но был встречен ещё в холле племянницей. Она, понимала, что от леди Холдейн дядя непременно узнает о происшествии, и при первом же взгляде на гостя поняла, что скрывать что-то нелепо.

Энн не стала отрицать, что названная история имела место, но умоляла сэра Остина не волновать мать — зачем беспокоить её, раз всё обошлось? Сэр Чилтон не возражал, но потребовал от племянницы точнейшего и подробнейшего отчёта о случившемся. Деваться было некуда, и Энн рассказала о прошедшем вечере. У неё и мысли дурной не возникло, когда мистер Иствуд предложил довезти её до дома, она безумно испугалась, когда в карете он вдруг набросился на неё. Мистер же Монтэгу выглядел в рассказе мисс Гилмор просто героем — настоящим рыцарем Круглого Стола, храбрецом Ланселотом. Она с сияющими глазами не только поведала, но и показала дяде в лицах, как отважно пристукнул мистер Монтэгу ужасного Иствуда, как забросил его в карету, как довёз её к мисс Коре, а после проводил до дома.

Мистер Чилтон не перебивал племянницу и не задавал ей вопросов. Выслушав до конца, он согласился, что миссис Гилмор вовсе не к чему знать обо всём — у неё слабое сердце. С мистером Иствудом разговор предстоял особый. Торопиться с ним баронет не хотел — надо было успокоиться, придти в себя, всё обдумать. Тем более что Фанни тоже советовала ему не проявлять эмоций, уверяя, что это излишне... Ну, а что до мальчишки, сына Этьена, то сэр Чилтон окончательно утвердился во мнении, что виконт был прав.

Сэр Остин задумался. Кто другой сделал бы подобное? Щенок должен был молниеносно сообразить, что происходит, запрыгнуть на запятки экипажа, забраться наверх, уложить кучера, расправиться с Иствудом, помочь бедняжке Энн... Ни у кого из тех, кого Чилтон знал, просто не хватило бы ни находчивости, ни силы сделать подобное. Разве что Арчибальд, подвернись он там... Да, он был неправ на счет юнца, человек Монтэгу всё же приличный, а что до блудных забав молодости, ну, даст Бог, остепенится.

Вернувшись к себе, сэр Чилтон увидел сына, уткнувшегося в толстый фолиант. Заметив отца, Себастиан встал и захлопнул книгу.

— Вы пригласили на обед мисс Монтэгу... — начал сэр Чилтон и умолк.

Книга чуть дрогнула в руках Себастиана. Он поднял на отца глаза, кивнул и замер.

— Если девица вам по душе — сватайтесь.

Себастиан порозовел и опустил на колени перед отцом, прося благословения.

На третий день по происшествии, благодаря заботливому уходу мамаша и хлопотам мисс Пегги, её горничной, Лоренс Иствуд пришёл в себя. Хотя голова его, как ему казалось, напоминала мешок, набитый мокрыми перьями, Лори снова мог достаточно связно размышлять. К тому же сестрица — злобная фурия — не замедлила поставить его в известность обо всём том, чего Лоренс не помнил, заявив, если он ещё раз осмелится повторить подобный демарш или хотя бы подумать о мисс Гилмор — она и мистер Монтэгю всё расскажут мистеру Кемптону, и тогда его не только ждёт судьба Вивьена Тэлбота, но и кое-что похуже, а именно — сырой каземат в городской каталажке!

Услышь её мистер Кемптон — он бы обиделся. Казематы в тюрьме Уинчестера, на его взгляд, содержались в образцовом порядке — и никакой сырости в них не было. Даже клопы — и те там не водились, а четыре кошки, состоявшие на службе в тюремном ведомстве, методично уничтожали имеющихся в наличии мышей и крыс. Так что, по его мнению, тюрьма делала честь городу, не говоря уже о том, какую прекрасную камеру с видом на госпиталь Сент-Кросс начальник полиции готов был предоставить мистеру Иствуду...

На брата Лори слова Кори произвели неприятное впечатление, но это было ничто в сравнении с теми мыслями, что возникали в его больной голове при упоминании о Джулиане Монтэгю. Мерзавец, как он оказался там — и в такой час? Если бы не он — всё бы сошло гладко! Подумать только — богатая девица уже была в его руках, и не подвернись этот чёртов негодяй Монтэгю — он бы сегодня уже женился бы и честь по чести расплатился с долгами.

Впрочем, Лоренс сделал и ещё одну глупость — спору нет. Довериться этому дураку Майлзу! Он просто был слишком уверен в успехе... Ну да ладно. Вопрос в том, что теперь делать? Сестрица говорит, что во время его болезни дважды навещался мистер Эллиот — его кредитор, и дал сроку неделю. Стало быть, решать надо быстро. Лоренс со стоном поднялся. Надо искать другие деньги, но те, что предлагались в приложение к смазливым девицам — либо малы, либо недоступны. Есть и то, что само пойдет в руки, но вызывало такое отвращение, что Иствуд тяжело вздохнул. Да, мисс Глэдис Сейвари. Но пятьдесят тысяч стоят того, чтобы кое на что закрыть глаза. Лоренс представил круглое, чуть одутловатое лицо Глэдис с глубокими оспинами. Да, что в фас, что в профиль — лягушка.

Но, и то лучше, чем Эннабел Тэлбот. Та просто жаба.

* * *

Мистер Сейвари, человек богатый и разумный, был весьма доволен тем, как удалось пристроить старшую дочь. Её письма были полны умиротворения и покоя. Они с мистером Патриком Кемптоном оказались созданными друг для друга и, посетив дочь в имении её мужа в Кемптонхилл, сэр Винсент убедился, что жизнь молодых действительно гармонична. Но Сесили всегда была девицей неглупой и спокойной, чего нельзя было сказать о Глэдис. И потому, прекрасно поняв намёк леди Холдейн, мистер Сейвари решил оберечь свою вторую дочь, девицу весьма неразумную, от опрометчивого шага.

Но как это сделать? Глэдис неумна, и отсоветуй он ей прямо принимать предложение мистера Иствуда, она может заупрямиться и сделать наоборот. Как же быть? Не предложить ли ей погостить у сестры в имении Кемптонов? Нет. Глэдис не любит Сесили, а сейчас злится и откровенно завидует ей. Может, отправить её к дяде в Бат? Там много молодых

мужчин заняты поисками богатых невест, и выбор там больше, чем в Уинчестере. Да, это, пожалуй, привлечёт Глэдис. И не ища третьего варианта, если второй показался ему вполне приемлемым, отец направился к дочери, застал её зевающей над каким-то романом и без обиняков предложил ей поездку в Бат.

Не тут-то было. Глэдис мечтала о Лондоне и тут же заявила, что ни за что не поедет ни в какой Бат. Почему он не хочет, чтобы она поехала к сестре их матери в Лондон? К её немалому удивлению, отец не возражал. «Ты права, моя дорогая девочка, мы непростительно невнимательны к миссис Варрик. Да, ты немедленно должна навестить тетю Шарлотту. К тому же, я надеюсь, Лондон порадует тебя» Глаза мисс Глэдис вспыхнули. «Как только будешь готова — отправляйся. Сколько тебе нужно денег?» Мисс Сейвари не верила своим ушам и, боясь, что отец передумает, уверила его, что к утру будет готова — Кэролайн уложит её вещи. Она полагала, что сотни фунтов ей хватит. В другое время отец счёл бы и поездку излишней, и сумму чрезмерной. Но нежелание иметь распутного зятя-транжиру сейчас перевесило все иные соображения. Баронет направил нарочного в Лондон — дать особые указания своей свояченице, и утром уже махал рукой вслед экипажу.

в которой авантюрист, завсегда́тай блудных притонов и повеса мистер Монтэ́гю весьма изумляет мистера Кемптона, а с плеч самого мистера Монтэ́гю сваливается гора.

На следующий день дом Чилтонов принимал весь город. Монтэ́гю не на шутку волновался — кто знает, может, сегодня решится судьба его сестры? До этого Джулиан потратил ещё целый день, пытаясь на обеде у миссис Кемптон снискать расположение Арчибальда Кемптона: младшая сестра его жены жила в Лондоне, будучи замужем за мистером Эдгаром Чилтоном, и в её доме все годы учебы жил Себастиан. Монтэ́гю ненавязчиво расспрашивал за вистом начальника полиции о его родственнике, время от времени переводя разговор на посторонние темы. Полученные сведения его не разочаровали — если верить семейным преданиям, юный Чилтон с детства был спокоен и выдержан, имел идеалом античных стоиков, его воображение волновали Тацит и Геродот. Мечтает стать членом парламента. Учился прекрасно, никогда не причинял никому хлопот, если не считать одного случая в далёком детстве, когда Себастиан проглотил живого лягушонка.

— Сделал ли он это из гастрономических и стоических соображений?

— Это никому не известно. Он и сам не помнит.

Будучи французом по крови, хоть и англизировавшись в поколениях, Монтэ́гю не видел ничего недопустимого во включении в рацион питания самых экзотических блюд, и в действиях юного Чилтона не нашёл ничего предосудительного. Монтэ́гю сам пробовал лягушачьи лапки в Париже и пришёл в восторг. Мистер Кемптон, в свою очередь, ненавязчиво расспрашивал о ночи, проведенной мистером Монтэ́гю на запятках кареты. Понимая, что в голове у начальника полиции ничуть не меньше, чем у него самого, и он уже знает достаточно для того, чтобы понять и всё остальное, мистер Монтэ́гю хоть и неохотно, но исчерпывающе отвечал на все вопросы. Нет, негодяй не добился своей цели, он планировал просто выехать за городскую черту, а там уже осуществить свои намерения, но возможности такой не получил. Джулиан Монтэ́гю выразил пренебрежение к мужским достоинствам мистера Иствуда, заметив, что Лоренс просто не в состоянии был осуществить подобный план. Звучало это двусмысленно, но мистер Кемптон сделал вид, что не заметил этого. Он внимательно расспросил мистера Монтэ́гю о Кембридже, учёбе и его дальнейших планах. Джулиан не видел необходимости таиться — он собирался начать в Лондоне юридическую практику.

«До него дошли слухи, что, в годы учёбы мистер Монтэ́гю... — начал мистер Кемптон, и Джулиан напрягся, — демонстрировал прекрасные способности к стрельбе и фехтованию...» Монтэ́гю чуть расслабился. «Да, он любит оружие и, как говорят, недурно им владеет. Эти склонности у него, видимо, от дяди, брата матери, генерала Мак-Грегора, о нём говорили, что он родился со шпагой. Он-то и начал обучать своих племянников ещё с отрочества, но Томасу не нравилось оружие, он же от одного вида рукояти шпаги приходил в восторг. Обожал и пистолеты...»

Мистер Кемптон похвалился перед собеседником своим фамильным оружием. Это, видимо, удел всех младших сыновей — военная карьера. Их отец завещал всё оружие не

Патрику, а ему. Патрик и смотреть-то на пистолеты боялся. Не дай-де Господь, выстрелит. Джулиан, усмехнувшись, кивнул. Та же история. Увидя кемптоновские пистолеты, восторженно вздохнул — прекрасная работа. Не может ли он, поинтересовался мистер Кемптон, воочию увидеть прославленную меткость господина Монтэгу? Джулиан Монтэгу пожал плечами.

На заднем дворе на каменной ограде на чуть выступающем камне был установлен черепок от разбитого горшка. Мистер Монтэгу с сорока шагов, ибо дальше не позволил отойти фундамент дома, с улыбкой разнёс его вдребезги. Попадёт ли мистер Монтэгу в фунт? Зачем же портить монету? Он попадет даже в горошину. Прищурившись, мистер Кемптон положил на каменистый выступ ограды заваливающуюся в кармане пуговицу. Грянул новый выстрел. Пуговица исчезла. Мистер Кемптон рассыпался в похвалах. Потрясающе. Просто великолепно.

Джулиан Монтэгу не видел в этом ничего особенного, но похвалы были ему приятны.

Но неужели и фехтует он столь же прекрасно? Монтэгу развёл руками. Мистер Кемптон был исполнен желания скрестить с ним шпаги. Желание это продержалось в нём лишь пару минут после начала поединка. Казалось, что рукоять шпаги противника сжата стальными тисками. При этом мистер Арчибальд Кемптон не мог не заметить, что его соперник лишь парирует удары, но не нападает. Почему? Монтэгу улыбнулся, и в то же мгновение его шпага скользнула возле рукояти шпаги противника, и невероятная сила вывернула оружие из рук Кемптона. Монтэгу снова улыбнулся и вернул шпагу сопернику, пообещав, что в фехтовальном зале, снабженный более безопасным оружием, он позволит себе показать мистеру Кемптону, каков он в нападении. Глаза мистера Кемптона странно блеснули. Он оглядел свою ладонь, пошевелил пальцами, словно видел диковинку. Про себя он подумал, что лишь в крайнем случае позволит себе подобную встречу, а вслух поинтересовался, не рукоятью ли шпаги мистер Монтэгу огрел по голове мистера Иствуда? Увы, посетовал его собеседник. Блаженные времена жюсокоров, париков и шпаг прошли. Пришлось стукнуть мерзавца тростью, — ничего более подходящего под рукой просто не случилось.

— Вот этой? — внимание мистера Кемптона было обращено на трость Джулиана. Трость весила не меньше семи фунтов и неимоверно оттягивала руку.

— Этой, — подтвердил мистер Монтэгу, осторожно забирая трость из рук собеседника, опасаясь, как бы тот ненароком не крутанул рукоятку. Мягко пояснил, что набалдашник налит свинцом — отсюда и тяжесть.

Мистер Кемптон понял, почему мистер Иствуд и трое суток спустя мог говорить с трудом. Они вернулись в гостиную, и неожиданно мистер Монтэгу был несколько огорошен предложением мистера Кемптона. Как смотрит мистер Монтэгу на работу в полиции Уинчестера? Люди с таким образованием и такими способностями нужны Империи. Монтэгу растерялся. Предложение было соблазнительно тем, что не нужно было тратиться на контору и квартиру, что было неизбежно в Лондоне, здесь был их дом, и Джулиан успел уже привыкнуть к его удобствам. Работа в сыскной полиции, получавшей жалование от казны, была интересна для него. Официально сыщики числились чиновниками суда магистратов и посылались мировыми судьями при извещении о совершенном преступлении для обнаружения и ареста виновника. Их можно было нанять как для расследования преступлений в любой части страны, так и для охраны частных мероприятий. Работа в полиции, среди боу-стритских приставов — это прекрасная школа, уголовная практика

всегда интересовала Монтэгу, раскрытие преступлений занимало, и он показывал блестящие успехи на курсе. Но тут Монтэгу помрачнел. Нет. Отсюда надо уехать — подальше от Кору, от этого города разбитых надежд и горьких прозрений.

Но мистеру Кемптону Монтэгу, сам не зная зачем, обещал подумать.

* * *

При входе в зал Чилтонов Монтэгу сравнил свою Кэтрин с входящими девицами и с удовлетворением счёл, что она просто прелестна, ничуть никого не хуже, а кое-кого, подумал он, увидев сидящую прямо с вызывающим и злым видом мисс Тэлбот, (о, Боже!) и гораздо лучше. Не успела его Кэтрин появиться в зале, как к ней подошёл молодой Чилтон, приглашая на первые два танца. Очень хорошо.

Когда в зал вошли мисс Иствуд и мисс Гилмор, последнюю сразу пригласил мистер Льюис Карбэри. Приехавший отдельно с цветком в петлице мистер Иствуд мрачно озирал зал. Его мрачность имела двойную причину: голова всё ещё болела, а, кроме того, он нигде не видел мисс Сейвари, между тем, специально для того, чтобы разыграть влюблённого и сделать предложение, он и приехал. Где она, чёрт её возьми? Лоренс хотел было поинтересоваться этим у сестрёнки несчастного Вивьена Тэлбота, но решил подождать. Даст Бог, появится, просто запаздывает. Заметив в углу зала треклятого Джулиана Монтэгу, Лоренс сначала позеленел, потом сморщился и наконец просто отвернулся.

Хоть бы поклонился, невежа, подумал Монтэгу, сам, правда, тоже не утрудив себя приветствием.

Мисс Иствуд внимательно оглядела зал и, увидев мистера Джулиана Монтэгу, кивнула ему и отвернулась, мисс же Гилмор, проходившая мимо в сопровождении молодого Карбэри, приветствовала его любезно и с сияющей улыбкой. Он тоже галантно поклонился в ответ.

Когда пары выстроились, Монтэгу услышал, как пожилая особа сзади него хвалится обручением дочери. Только вчера мистер Лавертон сделал предложение её Эмили. «Прекрасный молодой человек, очень удачная партия». Монтэгу заметил, как просветлело при этих словах лицо Шелдона, который вздохнул с явным облегчением. Ах да, письмо... Чем, интересно, закончилась та история?

Джулиан увидел, что мисс Иствуд ещё не приглашена, но, памятуя её прошлые отказы, подойти не решился. На минуту Монтэгу показалось, что позавчерашняя ночь дает ему некоторые права на признательность мисс Кору, но тут же сам поморщился от подобной мысли. Напоминание о благодеянии оскорбительно. Она может подумать, что он напрашивается на благодарность. Всё перегорело. Жаль, обугленные головешки всё не хотели превращаться в прах и пепел... «И, хей-хо, ветер и дождь...».

Монтэгу смотрел на танцующих мисс Лилиан и мистера Рудольфа Томпсона, но думал о своём. Вспомнив пророчество Кору о мисс Сейвари, он оглядел зал, но не заметил мисс Глэдис, между тем как вид Лоренса подтверждал слова сестры. Вылитый жених. Поинтересовавшись у проходящего мимо сэра Остина, хозяина праздника, где мисс Сейвари, Монтэгу узнал, что приглашение ей было послано, но её отец, мистер Винсент, только что сообщил, что его дочь уехала на пару недель погостить к родственникам в Лондон. Монтэгу усмехнулся уголком рта. Бедный Лоренс. Уплыли его пятьдесят тысяч. Ну, ничего, вот рядом сидят тридцать. Что-нибудь лучше, чем ничего.

Сам мистер Чилтон хотел было вообще не посылать приглашение мерзавцу Иствуду, но внял уговорам леди Холдейн.

Лоренс, который, как и Монтэгию, уже успел узнать причины отсутствия мисс Сейвари, сейчас сидел на диване с почерневшим лицом. Пятьдесят тысяч — коту под хвост. Чего эту дуру угораздило в такое время ехать в Лондон? Он мрачно окидывал взглядом мисс Эннабел, как никогда омерзительную, и не находил решимости даже подойти. Чего сказать-то? Что её-де красота пленила его и свела с ума? Помилуйте, как такое сказать-то и не расхохотаться? Неужели она сама в такое поверит? Лори тяжело вздохнул. Если бы не крайняя нужда в деньгах... Эллиот сказал, что ждёт только до пятницы.

Монтэгию так увлёкся мимикой мистера Иствуда, которую читал по лицу Лоренса безошибочно, что позабыл на минуту и про сестрицу. Между тем, пока Лоренс готовил себя к нелёгкому испытанию сватовства к мисс Эннабел, мисс Монтэгию снова стояла в паре с мистером Чилтоном, а мисс Гилмор удалилась в столовую вместе с Льюисом Карбэри. Для мисс Энн этот вечер был прекрасным, во многом вознаградившим её за страдания и нервогрёпку последних дней. Мистер Карбэри был ненавязчив, но обходителен и приятен, рассказывал преуморительные вещи и, она чувствовала, что отдыхает с ним душой. Мисс Кора не танцевала, сидела за столом и думала о чем-то своём.

Потом все, свободные от танцев, поздравляли зардевшуюся как маков цвет мисс Эмили Вудли, только вчера посватанную. К ней подошли и Монтэгию, и мисс Иствуд. Здесь в толпе были и Шелдоны, и мисс Хилдербрандт, и леди Холдейн. Судя по их взглядам на Джулиана, все они знали о происшедшем у госпиталя Сент-Кросс. Бог мой, что за город — ничего не скроешь. Виконт Шелдон даже имел наглость тихо заметить ему, что восхищён проявленным им мужеством.

— Вы издеваетесь, Шелдон? Я проявил некоторое проворство и, пожалуй, ловкость, согласен. Но мужество? Вы делаете Лоренсу комплимент, какого он не заслуживает. Если бы мисс Гилмор не растерялась от неожиданности и не потеряла бы присутствия духа — справиться с ним могла бы и она, — вяло и тихо ответил Монтэгию.

— Что же, остается возблагодарить Господа, друг мой, что вы оказались неподалеку. А, кстати, почему вы там оказались, да ещё в такое время? Случайно проходили мимо?

Сэр Чилтон, стоя за спиной виконта, молча слушал их разговор. Видя, что мисс Иствуд стоит неподалеку, Джулиан Монтэгию ответил, что просто сидел на скамье на Грейт-стрит, неподалеку от дома Иствудов. Мисс Кора, услышав его слова, вспыхнула. Виконт Шелдон скосил на него глаза, обвёл Монтэгию странным взглядом, но ничего не сказал. Сэр Чилтон тоже не проронил ни слова. Но когда Монтэгию отошёл, сэр Остин повернулся к молодому виконту и тихо заметил:

— Должен признаться, вы были правы, Раймонд. Мальчишка, и впрямь, не столь плох, как мне его рисовали. Повеса, конечно, и авантюрист, но...

— Любовь мистера Монтэгию к авантюрам спасла честь вашей племянницы, сэр...

— Кемптон уверяет, что щенок стреляет как бог. Абсолютная меткость... И фехтует прекрасно.

— Да, я же говорил вам, Монтэгию никогда не промахивается.

— А вы, виконт, хорошо стреляете?

Шелдон рассмеялся.

— Если хорошо прицелюсь...

— А вы слышали, что Кемптон пригласил вашего... друга Монтэгию работать в

полицию?

— Нет, впервые слышу. Но у него получится. Монтэгу однажды любопытнейшим образом выследил вора, шнырявшего почти полгода по спальням студентов. Поймал с поличным — с помощью двух фунтов муки и таза с водой.

Пока виконт рассказывал эту историю сэру Чилтону, Лоренс уже был около мисс Эннабел. Теперь Джулиан Монтэгу отдал должное выдержке и лицедейству мистера Иствуда. Зря он столь пренебрежительно высказывался о нём. Чтобы сделать такое, господа, нужны нечеловеческая воля и сильный дух. И кто бы мог подумать, что всё это пребывает в столь тщедушном тельце?!

Мисс Эннабел Тэлбот, которая до этого не удосужилась даже поздравить мисс Вудли, при первых словах мистера Иствуда возликовала. Наконец-то её достоинства оценены по заслугам! К удивлению мистера Иствуда, столь долго размышлявшего, как ему заставить эту жабу поверить в его любовь, оказалось, что все его размышления были излишними. Мисс Тэлбот готова была проглотить любую приманку.

Леди Холдейн не могла не улыбнуться, заметив выражение лица сэра Остина, когда ему сообщили о предстоящей женитьбе мистера Лоренса Иствуда на мисс Эннабел Тэлбот. Баронет, вопреки всем уговорам, намеревался высказать негодяю в конце вечера всё, что думал по поводу его попытки обесчестить его племянницу, но теперь просто замер с открытым ртом, ловя воздух. Когда сэр Остин чуть пришёл в себя, чему немало способствовала леди Холдейн, поднёсшая ему бокал вина, он, внимательно взглянув в насмешливые глаза леди Фанни, понял, что его намерения оказались абсолютно излишними. Худшего наказания, чем этот брак, глупцу не вынес бы и королевский суд.

Тут Монтэгу, незаметно наблюдавший за Иствудом, обратил внимание на молодого Чилтона, который что-то сосредоточенно говорил его Кэтрин. Ага. Неужели? Джулиан сразу забыл про Лоренса, вперив взгляд в сестрицу. Мистер Себастиан Чилтон был взволнован, его Кэт, блестя синими глазками, выглядела мило и благонравно. Наконец она что-то сказала своему кавалеру и направилась к брату. Тот, стараясь, чтобы это не выглядело торопливостью, медленно встал и ждал, когда сестра подойдёт. «Ну, что?»

— Мистер Чилтон просил меня быть его женой.

Монтэгу облегчённо вздохнул. Лицо его просияло. Все заботы позади, сестрица устроена и будет женой достойного человека, чего ещё желать?

Но, теперь, когда напряжение и волнение за Кэтрин оставили его, Монтэгу погрузился. Его ждал Лондон. А что ждало его в Лондоне?... Ну, ничего. Прошедшие полгода многому научили его, многое изменили в нём, Монтэгу смотрел в будущее уже далеко не так безнадёжно и зло, как по выходе из университета. Его ожесточение прошло, он научился видеть причины своих бед в себе самом, научился судить себя. Это, господа, дорогого стоит. Воистину, чрезмерные притязания — вот источник наших горестей и обид. Стоит ему иссякнуть — мы успокаиваемся и обретаем... если не счастье, то хотя бы его иллюзию. Ему, что, не хватает денег? Да он ни разу не потратил больше пятисот фунтов в год! А меньше шлялся бы по лупанарам — может, и трехсот хватало бы. Дурная гордыня, высокомерие и тщеславие, не желающее мириться с подчинённым положением — вот чем на протяжении почти десятилетия он сам отравлял себе жизнь. Щенячья дурь это всё. Блудливое ничтожество — вот спокойно вынесенный им самому себе приговор. Слава милосердию Божьему, что плоды его грехов пожинает он сам, а чистой душе — его милашке Кэт — выпал, кажется, счастливый жребий. После званого обеда у них в доме срочно нужно поехать

в имение, решить с отцом и братом дела. Свадебный контракт, приданое — сколько времени это займет? А потом — Лондон. Монтэгю задумался. Или всё-таки, принять предложение Кемптона? От себя-то не убежишь... Размышляя об этом, Джулиан не заметил, как внимательно смотрела на него мисс Кора Иствуд.

Взгляд её был серьёзен и пристален.

Глава 29,

в которой мистер Джулиан Монтэгю понимает, что он — просто законченный мерзавец, а мистер Этьен Монтэгю приходит к выводу, что считая сына законченным мерзавцем, он всё же чего-то не понял.

По дороге в деревню брат и сестра были веселы и болтливы. Кэт была счастлива, Джулиан радовался за неё.

— А правда, если свинья перебежит свадебной процессии дорогу, новобрачным предстоит несчастливая жизнь?

Джулиан не знал о такой примете, но откуда же взяться свинье в городе-то? В деревне — пожалуй, может, откуда-нибудь и выскочит.

— А помнишь, как миссис Варин посадила клубни каких-то редких тюльпанов на клумбе у ворот, а из закута выскочила толстая свинья Зануда и все их пожрала?

Джулиан помнил. Как ни помнить? Он сам и выпустил Зануду. Правда, о тюльпанах он не думал, просто свинка так горестно хрюкала в сарае, что он решил дать ей возможность прогуляться по саду. Да она, вообще-то, на желуди у дальнего дуба кинулась, а эти тюльпаны так, попробовала просто. Там, под дубом в конце сада её и отловили скотник и кухарка. Смеху было! Ему тогда не влетело. Все решили, что Зануда выбралась сама, подняв пятак щеколду.

А однажды под вечер Джулиан до смерти напугал гувернантку сестры, забравшись на крышу и свесив оттуда на тонких веревочках вырезанное из старой простыни привидение, которое под её истошные крики нагло танцевало на карнизе перед её окном целых пять минут.

— Так это был ты? — Кэтрин помнила, как до смерти перепуганная миссис Варин долго рассказывала всем о призраке в Монтэгюкастл и даже написала об этом родным в Солсбери!

Джулиан весело кивнул, заметив, что эта проделка не идёт, однако, ни в какое сравнение с тем наизабавнейшим случаем с чёрным котом Ромуальдом, который он устроил незадолго до отъезда в Кембридж. Он отпечатал лапки Ромуальда на размягченном воске, сделал из папье-маше копии и оставлял грязные кошачьи следы по всем столам и подоконникам. Несчастного кота заперли, — но следы продолжали появляться! Причём — на потолке и стенах! Миссис Варин, особа весьма суеверная, заговорила о дьяволе, отец недоумевал, братец читал молитвы...

Дьявол исчез из дома только с его отъездом.

Вспоминая эту и подобные детские проделки и шалости, они развлекались до самого имени. Кэт не была здесь год, приезжая из пансиона на каникулы, а Джулиан отсутствовал семь лет, и сейчас они озирали дом, где выросли.

Экипаж остановился у ворот Монтэгюкастл, Кэт выпрыгнула навстречу отцу, показавшемуся в дверном проёме. Джулиан мысленно ахнул. В испуге остановилась и Кэтрин. Отец выглядел развалиной. Джулиан с ужасом вглядывался в седые, спутанные космы волос, в пугающие коричневые пятна, залегшие под глазами и в провалах морщин.

— Папочка, — Кэт кинулась к отцу, — что случилось?

Отец, молча повернувшись, сторбясь и чуть прихрамывая, вошёл в холл. Брат и сестра в испуге переглянулись и пошли следом. Сэр Этьен поднялся на второй этаж по центральной лестнице, свернул в коридор и подошёл к двери, за которой раньше, насколько помнил Джулиан, были апартаменты Томаса. Кэт шла за отцом, и он пропустил её впереди себя. Они прошли через обширную гостиную, и вошли в спальню. Джулиан вспомнил, что отец писал ему о болезни Тома, и сейчас, видя отца в столь ужасном состоянии, впервые подумал, что брат может быть болен серьезней, чем он предполагал. Но чем можно заболеть в двадцать шесть лет? От размышлений Монтэгу отвлекли сразу два обстоятельства. Кэт отскочила прямо на его ногу, а её вскрик пронзил его уши. Он же сам, разглядев на постели брата, от которого остался только обтянутый пергаментной кожей скелет, на лице которого жили страшно увеличившиеся глаза, почувствовал, что по спине заструился пот. Потом пот стал ощущим по вискам и взмокли ладони. Том попытался улыбнуться им и полусшёпотом поприветствовал их. Умненькая Кэт уже сумела взять себя в руки и зашебетала что-то ласковое. Сжав зубы, Джулиан тоже поприветствовал брата. Отец сказал, что утомлять больного не нужно, и они вышли.

Достаточно было одного взгляда на Тома, чтобы понять, что перед ним — смертник. Это поняла и Кэт, которая в гостиной вцепилась в брата и беззвучно разрыдалась. Джулиан обнял её, долго гладил по волосам, успокаивая. Но кто бы успокоил его? Кто бы сказал ему, что он не виноват?

Безрассудные пожелания наказываются их исполнением. Монтэгу представлял иногда, что с Томом что-то случается — несчастный случай на охоте или роковая дуэль — и он, Джулиан Монтэгу, становится наследником всего состояния и хозяином Монтэгюкастл. Восемь тысяч годовых вместо жалких восьмисот фунтов! Он всегда обрывал себя, говорил себе, что это... это пустые мечты. Мечты... Он мечтал о смерти брата? Да... хотя нет.

Он не хотел!! Он не желал... Хотел. Желал. Монтэгу раскачивался в такт судорожным всхлипываниям сестры и понимал, что он — просто негодяй. Законченный мерзавец. Потому-то отец и не протянул ему руки, ибо тоже понял, что Джулиан всегда мечтал об этом. Но... нет. Разве он рад? Разве он счастлив сейчас? Джулиан не чувствовал ничего, кроме мучительно раскаяния в дурном отношении к брату, в безразличии к отцу, к семейным делам. Если Тома можно было вылечить, он сделал бы для этого всё возможное. И невозможное.

Или он лжёт? И всё-таки где-то в глубине души ощущает некую потаённую радость?

Джулиан задумался. Нет. Он не хочет этого имения! Оно просто не нужно ему! Монтэгу вздохнул с некоторым облегчением. Да, ещё два дня назад он строил планы на будущее, и разве думал о возможности подобного? Он планировал заняться юридической практикой, снять жильё в Лондоне или остаться в Уинчестере в полиции. Эти мысли немного успокоили его. Они позволяли думать, что он вовсе не подонок. И не виноват.... Но Монтэгу сам понимал, что успокаивает себя. Помышлением он стократно желал смерти брату.

Джулиан отвёл Кэт в спальню, уложил на постель. Молча вышел в сад по боковой лестнице. Вот старый сарайчик, откуда он выпустил свинью, вот конюшня, его коня звали Персик, вон там псарня... Монтэгу что было силы стиснул руками лестничный парапет и вдруг содрогнулся в таком рыдании, что рухнул на ступени. Его сотрясало и колотило, бросало то в озноб, то в жар. Люди склада Джулиана, спокойные и сильные духом, не позволяющие себе истерик, не имеют и опыта обуздания их. Несколько раз Монтэгу

пытался успокоиться, но совладать с собой не получалось, и новые приступы нервного истеричного плача, почти воя, били его изнутри, словно вытрясая из него душу. Он то захлебывался слезами, то надрывно стонал в неконтролируемом, каком-то даже женском визге. Обуздать себя не получалось — мерзейшие мысли, что он подлинно позволял себе о брате, всплывали в раскаленном мозгу и убивали, усиливая поток слёз. Сердечный спазм пробегал по телу, боль сковала левую лопатку.

Неожиданно Джулиан увидел отца, который в безмолвии стоял у садовой калитки и смотрел на него в некотором отрешённом недоумении. Джулиан ясно, с необычайной отчетливостью понял этот взгляд. Все его редкие письма из Кембриджа всегда сводились к нескольким строкам. Он никогда не утруждал себя даже вопросом о здравии домашних, ибо всегда подчеркивал этим, что не считает этот дом своим. Монтэгию никогда не писал брату и все сведения о доме черпал из писем Кэт. Он знал, что друг отца, преподаватель университета, часто писал сэру Этьену о нём, и не сомневался, что все слухи о его распутствах и дуэлях тоже переданы отцу. И потому сэр Этьен даже не счёл нужным известить его о смертельной болезни брата. Отец терял кроткого и послушного сына. Ему оставался бретёр, дуэлянт и распутник, знать ничего не желающий о семье, готовый, видимо, тут же пустить по ветру всё семейное достояние. От такого понимания и поседеть недолго.

Джулиан с трудом поднялся на ноги, посмотрел на отца. Решив, что ещё не пришёл в себя для серьёзного разговора, шатаясь, пошёл наверх, к себе. Всё в доме показалось странно маленьким: и его спальня, и детская, и лестничные пролёты... Долго сидел в своей гостиной, глядя в каминное пламя. Джулиан не хотел идти к отцу, но знал, что пойдёт. Умел пакостить — умеи, мерзавец, не визжать под розгой.

Поговорить с отцом решил под вечер, заметив, что тот прошёл в библиотеку. Тихо постучал, услышав голос сэра Этьена, вошёл. Утренняя встреча несколько удивила сэра Этьена Монтэгию. Да, что скрывать, он был невысокого мнения о своём младшем сыне. Неуправляемый и дерзкий, распущенный и бесшабашный. Горе рода. Правда, любит сестру. Но это мало что меняло в его мнении о сыне. Ужасный удар, обрушившийся на него, слова врачей о том, что его старший сын обречён, усугубился пониманием, что теперь наследником станет Джулиан. Это была двойная катастрофа. Он не удивился бы, если бы Джулиан отправился с описью имущества по имению или поинтересовался бы расходными книгами. Этьен Монтэгию не удивился бы никакой мерзейшей и кощунственной выходке. Истеричные, страшные слезы Джулиана ошеломили его. Что с ним? Если бы только можно было надеяться на... на что? Отец молча смотрел на сына, которого не видел семь лет — тот не приезжал из Кембриджа на каникулы, предпочитая проводить их в Бате, Лондоне или за границей.

Джулиан, в отличие от хрупкого старшего брата, пошёл в Мак-Грегоров. Перед отцом был высокий, очень сильный человек, что сэр Этьен безошибочно определил по мощным запястьям и широким плечам. От Джулиана, как и от его шурина Хьюго, исходило ощущение страшной силы — едва сдерживаемой, несокрушимой и неистовой. Но взгляд был пронзительный и умный, в нём не было теперь ни былой вызывающей дерзости, ни вечной раздражительности, от которой все домашние так страдали в былые годы.

— Вы хотели поговорить о сестре?

— Пока не увидел брата, да. Сейчас не знаю, что и сказать.

— Садитесь и говорите.

Джулиан сел рядом с отцом. Тяжело вздохнул.

— Вы должны знать, сэр, сэра Остина Чилтона, баронета, он друг лорда Брайана Шелдона. У него два сына — Эдгар и Себастиан, старший женат, а младший, обладающий самостоятельным состоянием в семьдесят тысяч фунтов, полученным от дяди, только что завершил образование. Я навёл справки через моего друга Раймонда Шелдона, это достойный молодой человек, такие же сведения нам предоставила и леди Холдейн — её младшая дочь замужем за старшим сыном сэра Остина, Себастиан жил во время учебы у них. Арчибальд Кемптон тоже считает молодого человека в высшей степени достойным. Сейчас отец хотел бы, чтобы молодой человек женился, и я рад сказать, что его выбор пал на Кэтрин. Дом Чилтонов безупречен и, полагаю, вы согласитесь, породниться с ними почетно.

Сэр Этьен в недоумении смотрел на сына.

— Ваш друг Шелдон? Молодой Шелдон?

— Да, и я полагаю, его сведения надежны. То же самое сказал и Кемптон, начальник местной полиции — он зять леди Холдейн. А у вас есть основания сомневаться? Вы слышали нечто дурное о молодом Чилтоне?

Сэр Этьен Монтэгю ничего не слышал. Но сам Шелдон — в друзьях у Джулиана? Верить ли этому? Старший Монтэгю неоднократно слышал блестящие отзывы о нём, и предположить, что такой человек...

— Вы действительно друзья с Шелдоном?

Джулиан пожал плечами.

— Он называет меня другом. Почему это удивляет вас, сэр?

— Вы хотите, чтобы я объяснил?

— Да, — Джулиан понимал, что услышит от отца, но предпочёл выяснение всех обстоятельств — неопределённости в отношениях.

— Не было месяца, сэр, за семь лет, исключая последние полгода, когда бы я не получал сведений о ваших непотребных и извращённых распутствах, дуэлях по ничтожным поводам, бесшабашному риску, коему вы поминутно подвергали себя, и иных скандальных, хотя и замятых, историях. Удивляюсь, как у вас ещё хватало времени на учёбу. И вы хотите уверить меня, что пользуетесь уважением и дружбой виконта Шелдона, человека высокой добродетели и безупречных достоинств?

Джулиан улыбнулся.

— С виконтом Шелдоном мы действительно препирались относительно всех перечисленных вами вопросов, но ныне уже нелепо разбирать аргументы сторон, поскольку я... — Монтэгю-младший замялся, — я поумнел, и сегодня признаю правоту виконта. Но он сам неоднократно замечал, что нет ничего страшного в том, что в двадцать лет вы принадлежите к радикалам, беда, если в пятьдесят вы не стали консерватором. Я замечаю в себе задатки тори, отец. Со шлюхами покончено. С дуэлями покончено. С дурацкими историями покончено. — Голос Джулиана Монтэгю, отвердев, стал отдавать металлом.

Сэр Этьен долго смотрел на сына. Тот продолжал:

— Я хотел бы попросить у вас прощения, отец, за неповиновение вам, за дурную гордыню и дерзость, за ничем не оправданный гнев на брата и неприязнь к нему, за мои распутства, которым нет оправдания, за безответственный риск, которому я по глупости подвергал свою жизнь, за всё беспокойство, что причинил вам в эти годы.

Монтэгю-старший оглядел сына.

— Такое покаяние делает вам честь, сэр. Но мне хотелось бы уточнить ещё один вопрос. Сколько у вас на счету? Ваши долги?

Джулиан оторопело уставился на отца.

— Долги? Разве что пять или шесть... а, ещё две рубашки... девять шиллингов прачке, и поставщику... фунтов двадцать будет.

— Что? Я спрашиваю, сколько на вашем счету?

Джулиан пожал плечами.

— Мне на учебу было выделено шестнадцать тысяч фунтов, процент с которых составлял восемьсот фунтов в год. Я в среднем тратил около пятисот фунтов в год, остаток процента составил за годы учебы тысячу восемьсот фунтов. Добавим сюда двести семьдесят фунтов прибыли с неостребованных сумм. Кроме того, — тут Джулиан самодовольно усмехнулся, — я выиграл у молодого лорда Найджела — двести фунтов, у Сирила Вернона сто пятьдесят, у Рональда Паркера — сто тридцать, и сто — уже здесь, у мистера Тэлбота и мистера Иствуда — в паре с мистером Чилтоном. Итого — чистая прибыль с кона — пятьдесят фунтов. Таким образом, сальдо у баланса — Монтэгию вынул из кармана книжку — восемнадцать тысяч шестьсот фунтов, с которых в конце года я получу ещё свыше девятисот тридцати фунтов, что составит девятнадцать тысяч пятьсот тридцать фунтов, откуда надо вычесть...

Сэр Этьен выхватил у сына чековую книжку. Он не верил глазам. Кто бы мог подумать, а? Он был твёрдо уверен, что от выделенного на учебу младшему сыну капитала и гроша не осталось. А сынок, оказывается, не транжира. Может, слухи о его дебошах преувеличены Джорджем? Монтэгию-старший полагал, что тот, полностью промотавшись, пытался просто разжалобить его, разыгрывая роль блудного сына, но теперь у слов Джулиана была другая цена. Если человек говорит о раскаянии, имея почти тысячу фунтов годового дохода... Сэр Этьен вздохнул с заметным облегчением.

— И каковы ваши планы на будущее?

Джулиан ответил, что хотел было обосноваться в Лондоне, его учитель обещал дать ему рекомендацию, но... — Монтэгию замаялся, — после одного случая в городе он получил предложение от Арчибальда Кемптона работать в местной полиции и пока не принял никакого решения.

— В... полиции? Вам предложили работать в полиции?

— Ну да, сэр. Но я ещё не определился. Скорее всего, всё-таки выберу Лондон. Но сейчас важно устроить брак Кэт.

Отец скрыл изумление от услышанного, но про себя не мог не подумать, что что-то он в сынке не понял изначально. Они достаточно быстро урегулировали вопросы с приданным сестры и заговорили о Томасе.

— В субботу был консилиум, они ничем меня не обнадежили. Максимум, месяц...

в которой, к немалому удивлению мисс Иствуд, деяния мистера Монтэгу, джентльмена весьма авантюрного склада, были названы Божьим Промыслом.

Весть о замужестве Эннабел явилась для мистера Вивьена Тэлбота просто ударом, громом среди ясного неба. Мать, узнав причины его изгнания из общества, была потрясена и буквально убита — сын был её любимцем и гордостью. Потрясение дурно сказалось на её слабом здоровье, и пожилую женщину парализовало. Но это не сильно взволновало Вивьена. Чем меньше мать будет во всё соваться — тем лучше. Важнее было другое. Тэлбот, сидя в имении, всё время ждал рокового известия о гибели сестрицы и даже примерял к физиономии некоторые скорбные, уместно безрадостные и даже потрясенные выражения. Как лучше отреагировать?

А тут — сообщение поверенного о том, что Эннабел, которую он привык уже считать безвременно скончавшейся от несчастного случая, а то и покончившей собой от несчастной любви — ибо его равно устраивали обе версии, — вдруг отправляется вовсе не на тот свет, а под венец! Да ещё с Иствудом, тут же затребовавшим приданое!

Это было уже слишком!

В гневе и ярости Тэлбот примчался к поверенному, но сделать ничего не смог — тот просто исполнил должное. Кроме того странное выражение, появившееся на лице поверенного, подсказало мистеру Вивьену Тэлботу, что он потерял голову. Что он делает? Надо немедленно взять себя в руки. Тэлбот сумел это сделать, и даже разыграл перед мистером Стаффордом небольшой спектакль, мотивируя свою несдержанность тем, что сестра сделала столь недостойный выбор. Ведь мистер Иствуд — распущенный транжира! Ох, Белл, что же ты наделала?!

Мистер Стаффорд прекрасно знал, что перед ним человек, вышвырнутый из общества за деяние, которое мало было назвать аморальным, но выслушал мистера Тэлбота с улыбкой понимания. Основное достоинство умного мужчины в том, что он всё понимает. Правда, это же является и его основным недостатком. Мистер Стаффорд, и вправду, не очень лукавил, всё понимая. Вивьен Тэлбот стал вдвое беднее, а этот удар — в добавление к общественному остракизму, — действительно способен заставить и не такого мерзавца, как этот, потерять контроль над собой. Чего ж тут не понять-то, помилуйте?

* * *

«Дороже всего себя ценят те, кого никто никогда не купил бы и за ломаный грош» — этот печальный вывод сделал через неделю после свадьбы мистер Лоренс Иствуд. Долги ему больше не угрожали, он вздохнул с облегчением. Правда, братец мисс Тэлбот не приехал на свадьбу, но это, зная теперь уже, как и весь свет, обстоятельства и причины изгнания Вивьена Тэлбота, не удивило и ничуть не расстроило Лоренса. Деньги, назначавшиеся в приданое, были получены. Иствуд даже не удивился словам поверенного, что мистер Тэлбот вёл себя после выдачи суммы весьма странно, ибо у Лоренса было слишком много своих

проблем, чтобы думать о странностях бывшего дружка. Кроме того — что скрывать — Лори вообще предпочитал теперь поменьше думать: голова, особенно под вечер и на дождь, болела неимоверно.

Но все прочие обстоятельства улучшались, и особенно радовало его обстоятельство, о котором никто из домашних не знал. Маргарет Фаркер, его подруга Пегги, горничная его матери, часто устраивала Лоренсу истерики, требуя, чтобы он узаконил их отношения. Это, с точки зрения мистера Иствуда, было откровенной дурью. Впрочем, сама Пегги, девица неглупая, прекрасно понимала, чего может требовать, а чего ей не удастся добиться никогда. Достаточно одного слова миссис Иствуд — и её просто вышвырнут из особняка безо всяких рекомендаций. Ухаживания Лоренса за мисс Гилмор просто выводили Пегги из себя, но внезапная женитьба любовника на мисс Тэлбот явилась для неё полной неожиданностью; когда она услышала об этом от миссис Иствуд, то так изменилась в лице, что хозяйка даже спросила её о том, что с ней. Пегги с трудом удалось взять себя в руки, но самообладание полностью вернулось к ней, когда она услышала, что приданое мисс Тэлбот — тридцать тысяч фунтов. Про долги Иствуда Пегги знала лучше всех в доме.

Но её первое потрясение от известия о браке Лоренса было пустяком в сравнении с той минутой, когда ей довелось впервые увидеть благоверную своего ветреного любовника. Пегги в немом изумлении озираала миссис Лоренс Иствуд, и почувствовала, как по всему телу пробежали отвратительные мурашки. Что это? Вглядевшись в физиономию супруги своего господина, не веря глазам, Маргарет глубоко вздохнула и — возликовала. Теперь её положение в доме становилось прочным, как никогда!

Её мысли по этому поводу вскоре полностью подтвердил и Лоренс, уверив Пегги, что жениться был просто вынужден. Маргарет не часто доверяла словам любовника, зная его лживость и вечное актёрство, но тут поверила сразу и безоговорочно. Жениться добровольно на такой жабе! Надо быть сумасшедшим. Пегги с удовольствием подбоченилась перед зеркалом, которое отразило смазливую румяную мордашку с игривыми карими глазками и пухлыми губками, поправила платок на упругой груди. Самодовольно улыбнулась. Разве можно даже сравнить её достоинства с тем, что имелось у миссис Иствуд-младшей?

Лоренс был рад, что Пегги восприняла его женитьбу спокойно, не устроила истерики, чего Лори втайне опасался, и уверил её, что всё останется по-старому: он сможет по ночам приходить к ней на мансарду, и они по-прежнему будут вместе. Жалование Пегги не превышало семи фунтов в год, но благодаря вышеописанным немалым достоинствам, она имела не менее пятидесяти — на подарках любовника. Теперь же, Пегги понимала это, Лоренс без её услуг и вовсе не обойдется, и они вместе вполне смогут прекрасно прожить на приданое его тощей пигалицы-супруги.

Лоренс с этим не спорил.

Не то, чтобы всё предшествующее убедило Лоренса вести впредь более скромный и умеренный образ жизни, скорее, Иствуд просто отдыхал от напряженных поисков выхода из финансового кризиса, от издержек моральных и физических, от встречи с мерзопакостным негодяем Монтэгю. Лоренс также легче, чем опасался, сумел перенести начало супружеской жизни с Эннабел. Ночью все кошки одинаково серы, все жабы одинаково буры, и в темноте Лоренс не посрамил чести мужской половины человечества, рассчитывая получить недополученное — после, на мансарде.

Но оказалось, что у миссис Эннабел Иствуд совершенно нелепые представления о брачной жизни, почерпнутые, надо полагать, из дамских романов, которые она поглощала в

изобилии. Бог весть, из какого из них Белл извлекла глупейшую мысль о том, что женщина есть украшение человечества, что только общение с нею, любование на неё и составляет единственное счастье мужчины, в частности, её собственного мужа, и выбить из головы Эннабел эту невероятную глупость было невозможно. Посоветовать супруге посмотреться в зеркало было бессмысленно: Эннабел от него и так не отходила, однако то, что она видела в нём, казалось ей прекрасным. Лоренс Иствуд и раньше полагал, что большинство женщин считает себя по меньшей мере в три раза красивее, чем они есть на самом деле. Но Эннабел считала себя красивее, чем она была, в тридцать три раза, а это уже было вызывало сомнение в здравости её рассудка.

Целыми днями Эннабел надоедала Лоренсу, то призывая его десятки раз повторять, как он любит её, то требуя дом в Лондоне, то уговаривая прокатиться по парку в новом экипаже — ей хотелось показаться всем знакомым в новом статусе. Ночами же Белл, отличаясь к тому же невероятно тонким слухом, не только не давала ему посещать мансарду, просыпаясь, едва Лоренс пытался покинуть супружеское ложе, но и требовала таких доказательств любви и в таком количестве, какого Лоренс не мог дать и в лучшие времена своей крошке Пегги. Комплекция была не та...

Известно, что в каждом ровно настолько тщеславия, насколько ему недостает ума, а так как ума у Эннабел, похоже, не было вообще, в конце первой недели брачной жизни мистер Иствуд стал подумывать о том, что на самом деле он рассчитался с долгами по тройной ставке.

Кора Иствуд была шокирована, столкнувшись с Эннабел в доме. До этого сближение Кору с милой и благородной мисс Гилмор было полезно: делясь мыслями с подругой, мисс Иствуд оттачивала свои суждения, и сожалела только о том, что судьба не свела её с Энн раньше. Но Эннабел поразила её — причём первое время Кора даже затруднялась определить, чем именно. Суждения невестки несли на себе печать чего-то такого, чему в лексиконе мисс Иствуд не было определения. Но поступки...

Мисс Гилмор, которой Кора с изумлением передала кое-что, сказанное Эннабел, пожал хрупкими плечами, назвала произнесённое глупостью, но стоило мисс Иствуд рассказать о том, как в прошлую пятницу невестка во время визита леди Холдейн, называла супруга во всеуслышание «пупсиком» и прыгнула к нему на колени, Энн растерялась и покраснела. Такое, подруга была права, даже глупостью не назовешь. Это было уже за гранью смысла.

Сама Кора Иствуд несколько не жалела брата, считая, что за своё мотовство Лоренс получил по заслугам, но перспектива находиться в одном доме с глупейшей курицей не радовала. Тем более что с замужеством самодовольство и глупость Эннабел возросли стократно. Белл позволяла себе учить мисс Иствуд одеваться и давала ей советы, как лучше выглядеть, поминутно делилась знанием жизни, отчего у мисс Кору начинались головные боли. Но единственной возможностью избежать дальнейшего общения с Эннабел было замужество. Между тем...

На вечере в доме Чилтонов Кора не спускала глаз с Джулиана, но он был поглощён делами сестры и не обращал на неё внимания. При входе она смутилась, увидев его, но ожидала, что мистер Монтэгю подойдёт позже, заговорит о происшествии, пригласит танцевать. Кора так хотела, что мистер Монтэгю хотя бы с несколькими словами обратился к ней! Но этого не случилось. Он, правда, признался виконту Шелдону, что сидел в тот вечер у её дома, хотя вполне мог подтвердить слова виконта, что просто шёл мимо... Может быть, мистер Монтэгю помнил как-то сказанные ею в раздражении слова, когда она просила его

не затруднять себя ухаживаниями за ней? Но ведь это было давно, её ввёл в заблуждение сэр Чилтон, и должен же был мистер Монтэгу понять, что теперь имеет некоторые права на её признательность!? Почему же он не подошёл, не заговорил? Может быть, он, не желая афишировать само происшествие, делал вид, что ничего не произошло? Но ведь всё равно многим уже известны все обстоятельства... Не влюбился ли он в Энн? При этой мысли Кора Иствуд похолодела. Энн очень хорошенькая. Но ведь и к ней он не подходил! Нет... Может, Джулиан не хотел напоминать об услуге? Это говорило бы о его благородстве, но... это одновременно значило, что он абсолютно равнодушен к ней. Если бы он любил её — как мог он не воспользоваться таким поводом? А теперь он и вовсе уехал с сестрой в имение...

Но подруга Энн неизменно успокаивала её.

— Мистер Монтэгу умный, мужественный и заботливый. Слышала бы ты, как превозносила его Кэтрин! Он любит сестру и без раздумий бросился спасать меня... Он никогда ни о ком не говорил дурно... Он — благородный человек и любит тебя. И ведь он нравится тебе!

Кора бросила на неё задумчивый взгляд и улыбнулась.

— Он... да, наверно... Виконт был прав, когда хвалил его. Крестный, наверно, ошибся... Как просто ошибиться в человеке, и как трудно понять, что скрывается в каждом... Я бы, наверное... вышла за него. Он небогат, но моих денег хватит, чтобы прожить безбедно. А что? Он нравится и тебе?

Энн улыбнулась и покачала головой.

— Мистер Монтэгу влюблён в тебя.

Кора грустно покачала головой. Мистер Джулиан Монтэгу уже не любит её.

Опасаясь сказать слишком много, Энн поделилась с Корой радостными ожиданиями. Молодой мистер Карбэри, вначале уделяя равное внимание всем девицам, ещё в Шелдонхолле, был к ней, однако, чуть внимательнее, чем ко всем остальным. Он очень милый молодой человек, и прекрасно образован. В доме же Чилтонов она удостоилась нескольких совершенно особых знаков его внимания, кроме того, с ней говорил и мистер Габриэл, его отец. Потом он подошёл к миссис Гилмор, долго беседовал с ней. Мать говорит, что мистер Карбэри интересовался ею!

— Ты считаешь, что он влюблён?

— Не знаю, но он не такой, как Вивьен. Хотелось бы думать... Ты права. Так трудно что-то понять в людях. Мне казалось, что Тэлбот так умён и обаятелен, но он оказался распущенным и злым негодяем, мистер Монтэгу казался резким и мрачным, но когда случилась беда, он показал себя благородным и мужественным. Мистер Карбери тоже кажется мне человеком порядочным, но как понять — права ли я? Нас никто не учит разбираться в людях. Но даже если бы и учили — как разобраться в том же Тэлботе? Как заглянуть в душу?

Кора молчала, соглашаясь с подругой.

* * *

Вместо того, чтобы, покинув Энн, вернуться домой, Кора Иствуд свернула на Голд-стрит, прошла половину квартала, остановилась у внушительного особняка, легко поднялась по мраморным ступеням и оказалась на пороге дома Чилтонов. Сэр Остин стоял в передней.

собираясь выходить, и был весьма изумлён столь неожиданным визитом крестницы.

— Кора, девочка моя, что-то случилось? Давай войдём к нам.

Мисс Иствуд успокоила мистера Чилтона. Ничего не произошло, просто ей хотелось бы поговорить с ним. Куда он, она может проводить его? Сэр Остин направлялся к леди Холдейн и, так как он тоже собирался пройтись пешком, они медленно двинулись по улице. Кора уже несколько дней хотела поговорить с крестным, но её останавливало то, что ей пришлось бы открыть ему — нет, не тайну сердца, этим она, бесконечно высоко ставя его ум и порядочность, могла бы поделиться, но то, что когда-то ей довелось узнать не самым пристойным образом. Но, подумав, Кора Иствуд сказала себе, что некоторые вещи сейчас не столь важны и крестный, безусловно, поймёт её правильно.

Но мистер Чилтон заговорил первым.

— Столько событий в последние дни — голова кругом идёт. Ты ведь знаешь уже всё о несчастной Элизе? А тут чуть с Энн беды не случилось! Бог весть, что творится, а ведь если разобраться — всего-то два мерзавца нагадили...

— Да... — Кора неожиданно вспомнила ещё об одной мерзости Тэлбота. — Я должна была, наверное, давно сказать, но... Энн... — Кора Иствуд растерялась. — Энн сказала, что я не права...

— Ты о чём, Кора?

— Понимаете, сэр Остин, когда мистер Лавертон и мистер Салливан застали у мистера Тэлбота леди Радстон... Это было не случайно! Мой брат и Вивьен договорились, что Лоренс приведёт свидетелей. Они сказали — болванов. Это было подстроено!

— Подстроено?

Кора Иствуд рассказала крестному о давно услышанном разговоре. Чем эта подлость лучше той, что была устроена несчастной Элизе? Сэр Чилтон выслушал спокойно, ни разу не перебив крестницу. Но, вдумавшись в обстоятельства, с грустной улыбкой заметил:

— Понимаешь, моя девочка, в начале любой трагедии всегда лежит вызванный греховными мыслями поступок. Иногда — опрометчивый, порой — откровенно порочный. В первом случае, мистер Тэлбот воспользовался глупой опрометчивостью Элизы, во втором — безусловно, порочным поступком Софи Радстон. Если бы Элиза была умнее и скромнее — я откровенен с тобой — с ней никогда бы не произошло того, что случилось. Если бы леди Радстон вела себя, как подобает — никакие уловки мистера Вивьена и твоего брата не подействовали бы. Безупречное поведение — вот защита от любых трагедий.

Мистер Вивьен изгнан за поступок с Элизой — ибо она поступила глупо и опрометчиво, доверившись такому человеку, но её можно оправдать молодостью и тем, что она не могла думать о бесчестье. Элиза не виновата в главном — в собственной глупости, она не ведала, что творила. Но леди Софи не могла не понимать, что делает... Зло другого человека бессильно вторгнуться в нас, пока на него не отзовется зло в нас самих.

Кора долго молчала. Но когда заговорила, едва не сорвалась на крик:

— Но... ваша племянница, сэр, моя подруга Энн — она ведь умна и благородна. Мисс Гилмор никогда не пошла бы к мужчине в дом ночью — а между тем... Это ведь просто чудо, что так всё получилось! Простое совпадение, случайность спасла её. Если бы всё сложилось иначе — над ней бы надругались, испортили бы всю жизнь, обрекли бы на брак с распутником! Вы, конечно, скажете, что этого же не случилось...

Сэр Остин молчал, внимательно глядя на крестницу. Кора Иствуд поймала его задумчивый взгляд и взяла себя в руки.

— Почему вы молчите? Скажите мне, что я глупа и ничего не понимаю в жизни. Я не обижусь. Это правда. Я ничего не понимаю.

— Ты неопытна, но очень умна, Кора. Я уверен, с годами ты поймёшь ещё одну составляющую нашей жизни. Я сам пришёл к пониманию её только в пятьдесят. Помимо наших поступков, отношений с другими людьми, наше бытие определяется ещё и незримым, но весьма ощутимым обстоятельством — Промыслом Божьим. Это он, вторгаясь в нашу жизнь, направляет и исправляет её. Я не вижу ничего случайного в происшествии с Энн. Она была невинна — и Промыслом Божьим к твоему дому был направлен, пожалуй, тот единственный в обществе человек, джентльмен весьма авантюрного склада, который спокойно запрыгивает на запятки кареты, играючи оглушает кучера и твоего очаровательного брата и спасает твою подругу. Я действительно скажу, что беды с Энн не случилось... Чего нельзя сказать ни о несчастной Элизе, ни о леди Радстон...

Кора Иствуд вспомнила, о чём хотела с самого начала хотела поговорить с крёстным.

— Стало быть, Промысел Божий не очень разборчив, если для спасения невинных от распутников посылает — других распутников. Вы ведь говорили моему брату, что мистер Монтэгу — человек недостойный... Я тогда поверила вам.

— А, значит, теперь, когда он спас Энн, ты стала смотреть на него по-другому, не так ли, моя девочка?

— Стало быть, это глупо и чревато трагедией?

Сэр Чилтон усмехнулся. Девочка была излишне понятлива.

— Не знаю, что и сказать. У меня состоялся — уже довольно давно — разговор с виконтом Шелдоном по поводу сына Этьена. Раймонд Шелдон действительно защищал его. Я собирался поговорить с тобой и предостеречь тебя от общения с ним, но виконт сделал всё, чтобы отговорить меня от этого. Но не отговорил бы, если бы я не видел, что молодой Монтэгу безразличен тебе.

Кора опустила глаза. Сэр Чилтон меж тем продолжал.

— Теперь я склонен думать, что, возможно, был неправ. Я пригляделся к нему — просто чтобы определиться в собственном суждении, а не опираться на чужие. Я не заметил в этом юноше той порочности, которая побудила негодя Тэлбота на его мерзость. Молодой Монтэгу в своих суждениях довольно осмотрителен, однако, слова — пена в наши дни. Но его поступки, и тут я должен согласиться с Шелдоном, действительно, говорят о некотором благородстве, способности на чувство, может быть, даже порядочности. Мне трудно поверить уверениям Раймонда Шелдона, что сын Этьена раскаивается в своей былой распущенности, что слезы покаяния смывают грязь с души, но может быть, он и тут прав? Леди Френсис, чьё мнение и ум я весьма высоко ценю, именует этого юношу повесой и шалопутом, в то время как молодого Тэлбота она назвала мерзавцем, причём, намного раньше, чем это сделал я. Это, конечно, разница. Ты неглупая девочка и способна многое понять. Присмотришься к нему сама.

Разговор с сэром Чилтоном странно подействовал на Кору, умиротворив и раздражив одновременно. Отрадно было услышать, что сэр Чилтон изменил своё мнение о Джулиане Монтэгу и, как и она сама, теперь думает о нём лучше. Но ведь именно из-за сказанного крёстным когда-то она и отвергла Монтэгу! А теперь Джулиан Монтэгу забыл и разлюбил её.

Как всё нелепо.

в которой мистер Монтэгю получает то, без чего уже научился обходиться, и тогда, когда это уже не нужно, и ценой, которая убила всю радость обладания обретённым.

С планами поездки в Лондон Джулиану теперь пришлось распрощаться. Предсвадебные хлопоты, ускоренные по его просьбе, заняли две недели. Кэтрин стала женой мистера Чилтона. По счастью, ни одна свинья не перебежала дорогу свадебному кортежу, и юная миссис Чилтон отбыла вместе с мужем в Бат, где молодые намеревались провести медовый месяц.

В ожидании неминуемой смерти брата Джулиан замечал, как трясутся его руки при получении любого известия из имения, как падает сердце при любом шуме в передней. В это время было замечено и странное сближение мистера Монтэгю с виконтом Шелдоном. Сам Раймонд недоумевал — Джулиан всегда держался независимо и отстранённо, но теперь просто льнул к нему. Раймонд узнал от самого Монтэгю о смертельной болезни его брата Томаса, но это означало, что в скором времени Джулиан будет одним из самых богатых людей графства, и Раймонд вначале не понимал, почему у Монтэгю, который, как он знал, никогда не был близок с Томасом, столь померкший взгляд, столь поникшие плечи и столь убитый вид. Но в разговорах с университетским приятелем скоро проступили грани такого отчаяния, что Шелдон, который раньше никогда не щадил самолюбия Монтэгю, безжалостно высказываясь, теперь стал весьма осторожно выбирать слова, боясь даже ненароком обидеть или задеть Джулиана. В нём проснулось то, чего он никогда не замечал в себе раньше — братское чувство к Монтэгю.

Джулиан избегал общества, цепляясь за Шелдона как за якорь спасения, интуитивно чувствуя его устойчивость в бурях. Его тянуло к Раймонду Шелдону ещё с университетских времен, но при мысли, что кто-то может подумать, что он, нищий, заискивает в богаче Шелдоне, Монтэгю бесился и держался на расстоянии. Теперь же никто не мог бы сказать, что он ищет хоть какой-то выгоды в подобной дружбе. Умственное превосходство, выделявшее их с Шелдоном в университете из общей массы, сделало их одинокими, но если Шелдон жил в одиночестве как в келье, то Монтэгю нёс его бремя из эпатажа. Однако сейчас, когда крах в любви усугубился безжалостным пониманием своей жестокости к ближним, страшной виной перед братом, осознанием, что он просто просмотрел того, кто, возможно, был послан ему Богом как друг, самый близкий по крови, чьи узы он столь грубо и бездумно разорвал — в Монтэгю рушилось то последнее, что всегда держало Джулиана — его гордыня.

— Как будто злой демон измывается надо мной. Я получаю то, без чего уже научился обходиться, и тогда, когда это уже не нужно, и такой ценой, которая убивает всю радость обладания обретённым. Я хотел его смерти. Каин, я хотел смерти брата. Но ведь я не хочу, чтобы Томас умирал, я не нуждаюсь в деньгах и не хочу наследства ценой его смерти. Или я лгу себе?

Раймонд Шелдон, как мог, успокаивал его.

— Вы просто хотели быть первым, чтобы ни перед кем не склоняться. Всё остальное — производные. Я уверен, что вас никогда не унижали, — но вы чувствовали себя униженным,

вам ни в чём не отказывали, — но вы считали себя обделённым, вас любили, — но вы ощущали себя ненавидимым. Но это фантомы гордыни. Таким же фантомом было и ваше желание смерти брата. Вы не хотели гибели человека, гордыня толкала вас просто желать первородства, а реализоваться оно могло только через его смерть.

— Я уеду в Лондон...

— Сжигать мосты можно за собой, но не перед собой. Заплатить свой долг брату и отцу вы сможете только смирением и здравомыслием, а не новыми глупостями.

— Я...боюсь. Томас при смерти.

— ...Бойтесь, что он умрёт при вас?

Джулиан закрыл глаза и кивнул.

— Поезжайте. Он и должен умереть при вас, Джулиан.

— Хотите сказать, что я заслужил...

— Это не кара, но вразумление... Поезжайте.

* * *

Смерть брата стала для Монтэгу мучительнейшим из воспоминаний. Томас скончался тихо, с улыбкой, одна его рука сжимала руку отца, другая — брата.

— Я не знаю, готов ли я к смерти... но я так отрешен от жизни, то глупо оплакивать меня. Молитесь обо мне. «Слово Его есть жизнь вечная...» — Брат говорил с трудом, умолк и умер. Лицо его просветлело. Джулиан испытал странное чувство — не только смертной тоски от утраченного, но и чего-то иного, необретённого, точнее, даже неосмысляемого, что прошло вдруг рядом, завораживая и пугая одновременно.

Брат оставил ему папку, в которой было лишь одна страница. «Умираю я с одним лишь сожалением, Джулиан, брат мой, что не успел и не сумел я в моей краткой жизни обрести в тебе брата. Но уповаю, что смерть моя примирит тебя со мной. Не скорби обо мне. Мы не знали друг друга, и моё понимание твоего сердца затруднено. Кто ты? Какой ты? Поздно и спрашивать. Я корю себя за слабость тех попыток сближения, которые предпринимал при жизни. Теперь, когда ты заступишь на моё место, мне кажется, сердце твое смягчится, и ты будешь достойным помощником отцу и заменишь ему моё отсутствие. Сделай это, Джулиан...» Строчки плыли в глазах Джулиана, в висках стучало. Близость смерти ударила его, обесценив то, что ещё было значимым, но эти простые строки вошли в него последней — ножевой — болью.

Сэр Этьен не мог успокоиться после смерти сына, Джулиан же чувствовал мутную непреходящую горечь и такую скорбь, что её ощутил даже отец. Он попытался выпихнуть сына из образовавшегося вокруг них смертного круга. Имением в последний год никто не занимался, и дела были в некотором упадке. «Займитесь этим, Джулиан», попросил отец. Тот на удивление быстро разобрался с делами, навёл идеальный порядок в счетах, но отвлечься удавалось только днём, ночами Джулиан плохо спал или видел кошмары. По счастью, из них ушла рыженькая плачущая Хетти. Но то, что пришло, было не лучше. Мимо него проносили тяжелые гробы, он то и дело застревал сапогами в зловонной грязи, пытаясь выбраться, хватался за гробовую повозку, та выволакивала его из грязи и влекла на погост...

Джулиан предложил отцу отремонтировать Монтэгюкастл, привести в порядок службы. Может, завершить огораживание? Тот, видя, что Джулиан просто не знает, куда себя деть,

поддержал его, и с новым удивлением наблюдал, как набранные рабочие снуют, как муравьи, по двору, как носится и отдаёт приказанья сын, как мелькают гружёные телеги и подводы с гранитными валунами, привезёнными из соседней каменоломни. Джулиан хотел сохранить фасад дома, напомилавший древнюю крепость, ему нравилась его горделивое величие и солидность, он заменил двери — на ещё более массивные, сумрачного мореного дуба, приказал обложить фундамент гранитом, из него же выложили ограды, закрывшие службы. Он перепланировал двор, изменил петлю подъездной дороги, разбил цветники, маленький родник был огорожен валунами, за домом из остатков гранита выложили беседку, установили во дворе новые скамьи и фонари. Отец, оглядев преображённый дом, не мог не отдать должного безупречному вкусу Джулиана, его деловой хватке и умению организовать работу, но сказать об этом сыну не пришлось — тот уже занялся огораживанием, уезжал утром, возвращался в сумерках.

Потом Джулиан решил расширить комнаты, переделать интерьеры, и отремонтировать парадную лестницу, на что ушло две недели препирательств с декоратором, когда же всё было сделано по желанию Джулиана, служанки и лакеи в изумлении осматривали новые апартаменты, в которых классическая строгость интерьеров сочеталась с простотой и удобством. Комнат стало меньше, но дом внутри приобрел странные пропорции готических замков. Опытный строитель, приглашённый Монтэгу, с удивлением отметил, что молодой хозяин безошибочно, чутьем, восстановил изначальный вид дома, убрав позднейшие пристройки и стены. Джулиан считал, что древность придает всему отпечаток того благородства, которой не возмещают ни роскошь, ни богатство, ни фантазии моды. Отец был в немом восторге, ему понравилось, что сын не забил дом новомодными безделушками, а, напротив, отдаёт предпочтение благородной старине. Сэр Этьен не мог не признать, что за два месяца Джулиан сделал больше, чем Томас за восемь лет. Сам Джулиан за это время, восстанавливая величие родовой вотчины, усилием воли отодвинул смертный круг.

Жизнь снова — вяло и апатично, но заструилась в нём.

* * *

Несмотря на то, что общество смотрело на юную леди Шелдон с восторгом, видя в ней блестящую властительницу светского общества, Патриция не пользовалась преимуществами, которое дало ей замужество. Она перестала явно томиться на светских раутах, но настолько предпочитала им домашние вечера наедине с мужем, что он наконец согласился с тем, что ей вовсе ни к чему посещать их все.

К мужу Патриция относилась с нежным обожанием, Раймонд в равной степени боготворил супругу. Его семейное счастье, которое виконт никогда не стремился выставлять напоказ, читалось, однако, в его умиротворенных жестах и взглядах, в улыбках и всегдашнем благодушии. Оба отличались сдержанностью, имели сходные чувства, а если их мнения в чем и разнились, то Патриция, любя супруга и восхищаясь его умом и образованием, всегда уступала. В итоге — и Шелдон не сразу заметил это — приобрела над ним необыкновенную власть, тайны которой супруг не постигал. День, когда он не будил её поцелуем — был прожит зря, утро без её силуэта в жемчужном пенюаре у окна — было не утром, вечер, когда он не любовался её профилем в неверном свете свечи в шандале — был безрадостен.

Лорд Брайан, наблюдая жизнь молодых, пришёл к выводу, что его сын не сплупил в

выборе супруги. Невестка нравилась свекру, была мила и скромна, и вскоре граф Шелдон признал, что сын подлинно нашёл сокровище.

* * *

Мисс Кора Иствуд по-прежнему дружила с мисс Гилмор, дорожа этой дружбой всё больше, открывая в подруге всё новые совершенства. Она не удивилась предпочтению, которое всё более явно оказывал ей молодой Льюис Карбэри, искренне радовалась за неё, но сама с каждым днём томилась всё больше.

Кора поймала себя на том, что постоянно думает о Джулиане Монтэгю. Ей доставляло теперь несколько болезненное удовольствие вспоминать его признания, вызывать в памяти его лицо, его мощные плечи с той кровавой царапиной, которую она врачевала, вспоминать трепет и тепло его кожи. Теперь она поняла, что никогда не любила Раймонда Шелдона. Её поступки определялись только тщеславием. Когда виконт Шелдон женился, в ней было задето самолюбие — но вовсе не сердце! Она даже не думала о нём, разве что уважала его бесспорные достоинства. Но отдавая дань его добродетели и красоте, Кора никогда не думала о нём как о любимом человеке.

Как о любимом... Да. Если бы не слова матери и Лоренса о мистере Шелдоне, её сердце принадлежало бы Джулиану.

Но что делать теперь? — вот вопрос, ответа на который она не находила. Как быть? Что предпринять? А ничего. Он разлюбил и забыл её. «Мы не можем вторично полюбить тех, кого однажды действительно разлюбили». Сэр Чилтон часто цитировал Ларошфуко. Кора тяжело вздыхала, не видя выхода. Томление её усиливалось, становясь в иные минуты совсем тягостным, и оно вынудило её сделать то, что запрещали осмотрительность и здравомыслие. На одном из вечеров, куда виконт Шелдон приехал без супруги, Кора Иствуд, постаравшись оказаться за столом с ним рядом, будто невзначай спросила его, не получал ли он вестей от... мистера Монтэгю?

Раймонд Шелдон посмотрел в лицо мисс Кору, сохранявшее спокойное и безучастное выражение, и на её руки, нервно теребившие платок, и с готовностью ответил, что недавно действительно получил от мистера Джулиана Монтэгю письмо из имения. Его постигла тяжелая утрата — скончался его брат Томас. Джулиан сообщил ему, что по просьбе отца, сэра Этьена, занят делами и хозяйством, несколько запущенным за последний год. Мисс Иствуд внимательно слушала его, но неожиданно на её чело легла странная тень.

— У сэра Этьена... только два сына?

— Да, Томас и Джулиан.

— Стало быть, теперь...

— Джулиан унаследует имение и восемь тысяч годовых. — Раймонд Шелдон внимательно посмотрел на мисс Иствуд, отметив про себя, что её лицо перестало быть кукольным, залегшие впадины на щеках обрисовали высокие скулы, глаза стали глубже и печальней, лицо удлинилось и в обрамлении тёмных волос казалось новым — колдовским и скорбно-красивым. Заметил он и впечатление, произведённое его словами — они не обрадовали мисс Иствуд. В глазах её промелькнуло что-то болезненное и горестное.

— И он... останется в деревне?

— Насколько я понял, у него нет пока определённых планов. Мистер Монтэгю раньше

предполагал обосноваться в Лондоне, но, вы же знаете, он получил предложение от мистера Кемптона работать в полиции, — Кора ошеломлённо взглянула на него, — да-да, я сам слышал об этом от мистера Чилтона, но теперь его планы могут снова измениться. Управление таким поместьем требует немалых усилий.

Мисс Иствуд не стала продолжать разговор, переведя его на посторонние вещи, а вскоре поторопилась уехать — задолго до конца вечера, сославшись на недомогание. Уже дома, в своей спальне она обдумала услышанное и расстроилась ещё больше. Восемь тысяч годовых! Монтэгу теперь может выбрать кого угодно. Наверняка, став богачом, он отомстит ей за былое пренебрежение. Впрочем, нет. Монтэгу благородный человек и истинный джентльмен. Он не опустится до такого. Как может она так думать о нём? Но новый статус Монтэгу всё равно не радовал. Если раньше у Кору Иствуд была надежда, что после его возвращения в город ей удастся привлечь его, то теперь это становилось невозможным. Если она сделает хоть что-нибудь, чтобы обратить на себя его внимание, это будет истолковано низменно — её обвинят в расчетливости и корысти.

Кора поделилась новостями и своими размышлениями с подругой Энн. Только с ней она могла быть до конца откровенной, к тому же ей было приятно слышать уверения Энн, что мистер Монтэгу влюблён в неё. Кора оспаривала суждение подруги, но слышать его хотела вновь и вновь. Она искренне рассказала Энн о своих мыслях. Бог весть, почему она внушила себе, что была влюблена в Шелдона. Ничего подобного. С первого взгляда её сердцем завладел мистер Монтэгу, и если бы не слова сэра Чилтона, она могла бы быть счастлива. Ведь он столько раз говорил ей о своей любви! Жаль, что всё столь неудачно сложилось...

Мисс Энн Гилмор утешала подругу. Мистер Монтэгу по-прежнему любит её. Ведь в тот день он не просто сидел у её дома. Он хотел увидеть её. Как же Кора может говорить, что нелюбима? Да, теперь, когда Джулиан так разбогател и должен был унаследовать титул, положение менялось, и мисс Гилмор понимала это. Найдутся те, кто скажут, что Кора пренебрегла нищим, а теперь старается понравиться богачу. Но мнением света, если ты в полной мере осознаёшь свою правоту, можно и пренебречь, заявила Энн. Что скажут женщины типа миссис Лавертон или мисс Глэдис — понятно, но нелепо строить жизнь по их принципам.

— Мистер Монтэгу привлёк тебя благородством, а не состоянием, ты к тому же имеешь прекрасное приданое, и обвинять тебя в расчетливости могут только низкие люди.

— Но ведь ты же видела, Энн, с той самой ночи он ни разу не пригласил меня, даже не подошёл ни разу!

— Мистер Монтэгу благородный человек и не хотел пользоваться тем, что мы обе в долгу перед ним.

Кора усмехнулась.

— Если это так, то надеяться мне вообще не на что — ведь мы по-прежнему обязаны ему.

— Я думаю, что пережив такую потерю, утратив брата, мистер Монтэгу почувствует себя одиноким, и снова проявит свои чувства.

— Он разлюбил меня! Я для него теперь ничего не значу!

— Вздор это всё.

в которой выясняется, что же было у мистера Джулиана Монтэгу святого, а обществу становится известно о грядущем появлении на шелдоновском родословном древе новой ветви.

Когда Джулиан Монтэгу — и в детстве, в имении отца, и в юности, в Кембридже, — оглядывал себя в зеркалах, он не находил ни особого основания для восторгов, ни существенного повода расстраиваться. Сестрица Кэт, любя брата, была убеждена, что его красивые синие глаза и улыбка делают его весьма обаятельным, Шелдон полагал, что Джулиан имеет облик настоящего джентльмена. Но в Уинчестере, где сразу стало известно, что он — младший сын сэра Этьена Монтэгу, баронета, и его доход не превышает и тысячи фунтов, Монтэгу не показался никому особенно привлекательным. Ничего впечатляющего, таково было мнение о нём всех девиц в округе.

Однако теперь все вдруг поняли, что жестоко обманулись! Едва безвременная смерть старшего брата сделала Джулиана Монтэгу наследником имения, приносящего восемь тысяч годовых, его внешность в глазах всех девиц волшебным образом преобразилась. Монтэгу стал красавцем. Все были уверены, что более интересного и обаятельного молодого человека трудно даже представить! Как одевается, как танцует, а какой вкус! Повторяемая шёпотом история о госпитале ещё больше поднимала престиж Джулиана Монтэгу в глазах общества. Он не только красавец, но и смельчак! Настоящий герой! Слухи о некоторой испорченности мистера Монтэгу не вызывали теперь ни малейшего доверия. Их просто не слушали, либо видели в его похождениях вполне простительную склонность к приключениям, свойственную молодости. Отмечали его обаяние, безупречное знание французского, прекрасные манеры.

Монтэгу оказался почти в том же положении, что Шелдон в марте: пред ним заискивали мамыши, ему улыбались все дочери, но если раньше положение Раймонда казалось ему завидным, то ныне сам Джулиан чувствовал себя уставшим, вымотанным до крайности, истомлённым дурацкой необходимостью улыбаться всем подряд, не обидеть ни одну девицу невниманием. А тут ещё Шелдон нагло подлил масла в огонь, посоветовав ему, упаси Бог, не уклоняться от танцев, не садиться за карточный стол и не уединяться с мужчинами — а то, как бы кто не усомнился в его способности к брачной жизни и не заподозрил в каких иных порочных наклонностях... Джулиан Монтэгу тихо, сквозь зубы, бормотал проклятия и радовался только тому, что сезон заканчивался, многие уже собирались в Лондон на зиму.

Ситуация усугубилась для Монтэгу ещё одним обстоятельством, которое сам он звал ужасом, а Раймонд мягко именовал... неприятностью. Мисс Глэдис Сейвари по возвращении из Лондона ждало убийственное известие о замужестве подруги Эннабел Тэлбот. При одной мысли, что Эннабел уже замужем, а она — с приданным на двадцать тысяч больше — всё ещё остаётся без мужа, Глэдис просто теряла голову. И тут появившийся к концу сезона новый богач... Глэдис буквально не давала мистеру Монтэгу проходу. Тот, замечая её зовущие улыбки, вздрагивал, ощущая противную дрожь возле солнечного сплетения и лёгкое тремоло в коленях. Господи, спаси и сохрани...

Но проходу мисс Сейвари не давала не только Джулиану Монтэгу. Встретившись в гостиной Лавертонов с мисс Корой Иствуд, Глэдис не преминула заметить — и достаточно громко, чтобы быть услышанной, что теперь-то своенравная красотка пожалеет о былом пренебрежении... Мисс Кора поморщилась. Некоторые люди, что бы они ни сказали, не могут вызвать ничего, кроме тошноты и уныния. Но сама Кора не могла не понимать, что сказанное Глэдис скоро станет мнением всего общества.

На званом ужине у леди Холдейн, Кора, впервые после возвращения Монтэгу, заметила его издали и сразу поняла, что с ним произошло нечто страшное. Если Монтэгу и походил на корсара, то вернувшегося с галер. Кора видела, что Джулиан очень устал, потерян и сломлен. Сегодня он мало чем напоминал того Монтэгу, что появился в гостиной Сейвари в марте. Кора поняла, что надеяться не на что.

Сам Джулиан Монтэгу вошёл в гостиную леди Френсис без мыслей и предчувствий. Его безумная страсть, пережив и пик желания, и холод отстранённости, и безнадежность, пройдя Долину теней и Елисейские поля, утратила остроту и накал, превратившись в томящую боль, саднящую как незаживающая царапина. Выйдя из смертного круга, Джулиан полагал, что всё прежнее для него утратило прежний смысл. Что ему деньги, титул баронета? Дурная гордыня и пустое честолюбие... Монтэгу полагал теперь, что и Кора покажется ему таким же туманным призраком былого, и он окончательно сможет уверить себя в том, что нет в этом мире ничего устойчивого, и что её власть над его сердцем не беспредельна, что она истекла, истаяла, кончена...

Но вот Монтэгу снова, словно невзначай, бросал взгляды на высокие скулы, прекрасный чистый лоб, бездонные глаза и понял, что это — единственное, что живо в нём. Наваждение. Поистине эта женщина была его проклятием. А ведь сейчас Джулиан глядел на неё не теми отуманенными и воспалёнными глазами, что раньше, но взглядом отвердевшим и спокойным. Монтэгу отметил, что мисс Иствуд изменилась за то время, что он не видел её. Заметно похудела, стала ещё бледней, чем раньше, глаза стали глубже и печальней. Но Кора казалась Монтэгу ещё красивее, чем раньше, и сердце сжимало мукой при взгляде на неё. Её власть над ним была безмерна. На миг в Монтэгу взвихрилось яростное желание добиться её любви. Он хотел её так мучительно и страстно, что зубы его свело судорогой. Усилием воли Монтэгу одёрнул себя. Сумасшедший. Вечная гордыня, вечное самоутверждение. Разве мало его сокрушала и смиряла жизнь? Уймись, глупец. Ты что, стал достойным любви? Давно ли? При этой мысли глаза мистера Монтэгу потемнели.

Шелдон, зная его мимику, спросил, что с ним? Джулиан хандрил, нервничал и злился.

— Я знаю всё, что вы скажете, Раймонд. Я не стою любви, всё дурная надменность, я не имею права требовать... Мои губы оскверняют... всё так. Я идиот. Не надо было приезжать. Это мистика. Я просто думал, что теперь смогу смотреть на неё спокойно. Это колдовство.

— Ну что вы, Джулиан. Скажу вам по секрету... Или не говорить? — задумчиво проронил виконт. Монтэгу пронзил его взглядом. — О вас осведомлялись и подробно расспрашивали. Мне даже показалось, что в вас... заинтересованы. Что до вашего желания, чтобы вас полюбили, то оно не надменное, а просто мужское. Хотя, боюсь, друг мой, вы многого пока не понимаете. Женщины, постоянно повинующиеся, ловящие вашу улыбку, взгляд, желание — самые страшные деспоты, они повелевают вами, как хотят... Впрочем, это неважно.

Монтэгу искоса бросил взгляд на Раймонда. Правильно ли он понял? Между тем Шелдон, опасаясь, что сказал слишком много лишнего, поспешил вернуться к обсуждению

темы «укрощения строптивой».

— Вы должны добиться её. Всё надо продумать, хотя, с другой стороны, как можно предсказать женщину? Да она одним капризом разобьёт все ваши расчёты...

Монтэгию с изумлением вытаращился на Шелдона.

— Вы же сами изволили выразиться, что мои губы оскверняют само имя Любви. Чего же я, по-вашему, могу добиться? И как же ваши моральные принципы?

Шелдон пожал плечами.

— Что до моих былых высказываний — они относились к другому человеку. Мне кажется, вы поумнели. А с точки зрения морали не вижу ничего недопустимого в желании жениться на любящей вас женщине. Добьётесь её любви — женитесь, не добьётесь — ну, она выйдет за другого. С пятьюдесятью тысячами фунтов приданого старыми девами не остаются, поверьте. — Джулиан задумчиво пережевывал персик, вслушиваясь в слова Раймонда. — Что тут аморально, помилуйте? К тому же, если же она окажется неборимой, — продолжал Шелдон, — вы сможете здорово утереть ей нос: женихи с восемью тысячами годового дохода тоже не остаются холостяками. Вы ей назло женитесь... на мисс Сейвари. — Монтэгию подбросило на стуле, он подавился персиком и закашлялся, — и даже в деньгах ничуть не потеряете, — проникновенно договорил Шелдон, постучав по спине Джулиана.

— ...Чёрт!... Прекратите ваши шутки, Шелдон! Святыми вещами...

— О, ну, вот, я же говорил, что у вас и святое есть...

Шелдон поддержал друга по двум достаточно противоречивым причинам. Во-первых, Раймонд находил, что Джулиану Монтэгию надо чем-то заняться, и зачем было ремонтировать Монтэгиюкастл, если он не обретёт в скором времени хозяйки, а, во-вторых, неделю назад он сам был весьма обрадован сообщением супруги, подтвержденным доктором Клиффордом, что через два месяца после Пасхи род Шелдонов обогатится наследником. Отец был в восторге, Пэт тоже и он радовался... до тех пор, пока не понял, что теперь вынужден полгода довольствоваться одинокой постелью и библиотекой. Отец счёл, что городской воздух вреден для внука, и увёз Пэт в Олдэби, предварительно уведомив о грядущем появлении на шелдоновском родословном древе новой ветви всего-то леди Холдейн и — случайно оказавшуюся неподалеку миссис Лавертон. Этого хватило, чтобы на следующий день об этом стало известно всем и каждому. Но не это угнетало Раймонда. Привыкнув к радостям супружества, Шелдон отчаянно скучал. Вечера удавалось коротать с книгами, но ему мучительно не хватало Пэт. Ничего не развлекало, ничего не интересовало. До появления Джулиана Монтэгию Шелдон с тоской узнал от мистера Салливана о государственном перевороте во Франции, произведённом позавчера бригадным генералом Бонапарте, блестяще проведшим Итальянскую и Египетскую компании. Он назначен первый Консулом Франции! «Провались ваш Бонапарте в преисподнюю», вяло подумал Раймонд и вежливо выслушал совершенно ненужные ему подробности о новом режиме консульства, проникновенно сообщив мистеру Салливану, что чрезвычайно взволнован французскими событиями.

Вчера Раймонд получил письмо от Пэт, но сегодня письма ещё не было. Не случилось ли чего? Матримониальные планы Монтэгию сулили ему, по крайней мере, хоть какое-то развлечение. Промыслом Божьим, полагал он, Джулиану было дано довольно времени для осмысления былых глупостей и покаяния в былых сумасбродствах. Теперь Раймонд и впрямь склонен был счесть бывшего университетского распутника достаточно поумневшим, если не

для того, чтобы быть достойным любви, то хотя бы для того, чтобы добиваться её.

Они встретились на следующий день возле Грейт-Холла, куда забрели полюбоваться цветными витражами.

Здесь же гуляли мистер Арчибальд Кемптон с женой и детишками и мистер Эдмонд Девэрилл с супругой. Мужчины обсуждали приятнейшее событие, произошедшее неделю назад с мистером Девэриллом. Его тесть — подумать только! — подарил ему охотничий домик неподалеку от Стоукской заводи! Друзья как раз накануне съездили, чтобы осмотреть столь щедрое дарение, и теперь обсуждали — сдать ли его в аренду или пользоваться им самим? Ведь для пикников — местечко дивное, а мистер Кемптон, кроме того, обожал рыбалку, и вчера, едва закинул удочки — выловил двух прелестных сазанчиков. Вот таких, — он раздвинул ладони на два фута. Миссис Флора Кемптон, смеясь, сдвинула руки супруга на полфута, уверяя, что так ближе к истине.

Погода была необыкновенно теплой для ноября. Монтэгу по-прежнему хандрил, но было заметно, что уверения Шелдона всё же были им услышаны. Они болтали — свободно и откровенно, как равный с равным. Странно, что оба не могли наговориться, очевидно, потому, что каждый слишком долго не имел равного собеседника и несколько истомился молчанием. Обсуждению — пристрастному и основательному — подверглись события минувших месяцев, от французских бонапартовых заварушек до мерзейшего поведения Вивьена Тэлбота и до приключения Джулиана на тихой окраине у госпиталя Сент-Кросс. Шелдон, выслушав полный отчёт о случившемся, был шокирован.

— Помилуй, Боже! И после этого вы не удостоились от мисс Иствуд ни единой улыбки и слов признательности?

— По-моему, вы уподобляетесь Ларошфуко, дорогой Раймонд, по мнению которого в основе мужской доблести лежат тщеславие, стыд и темперамент. Я не ждал благодарности от мисс Иствуд.

— Вздор, причём тут Ларошфуко? Но такая неблагодарность противна женской природе. Она должна была как минимум поблагодарить вас. Как максимум — влюбиться. Потому-то она и осведомлялась о вас!

Монтэгу отмахнулся.

— Вы же неоднократно виделись после! Неужели вам даже ни разу не улыбнулись?

Джулиан пожал плечами. Он не знал, точнее, не помнил. Он перестал надеяться, а, когда в нём умерла надежда, Монтэгу уже не замечал её равнодушия и неприязни. После был занят сестрой, потом — дом, отец, брат... Страшная весть.

Монтэгу и Шелдон расходились в исходных позициях. Шелдон был уверен, что мисс Иствуд благоволит к Монтэгу, на его предложение ответила бы согласием, если бы неожиданно на его голову не свалилось бы первородство со всеми вытекающими. Боязнь услышать, что она польстилась на богатого жениха, которого отвергала раньше нищим, мешала ей проявить свои чувства. Монтэгу же предполагал, что к нему безразличны, но теперь он может рассчитывать на некоторое внимание. Женихи с таким доходом — и верно — в цене. Раймонд возражал. Такая позиция в корне неверна. С одной стороны, мисс Иствуд располагает прекрасным приданым, с другой стороны, она интересовалась им, к тому же — не может не быть благодарна ему за спасение подруги, и, наконец, она не может не понимать, что он любит её. Монтэгу упирал на то, что чёртов Вивьен и сэр Чилтон постарались, чтобы его былые глупости стали ей известны, глупо ожидать, что она заблуждается на его счёт. Она презирает его, хоть, может быть, последние события и

заставили её думать о нём чуть лучше — но никаких нежных чувств она к нему не испытывает.

Отсутствие ясности в столь важном вопросе мешало разработке продуманной стратегии. Но был человек, полагал Раймонд, вполне осведомленный о чувствах мисс Иствуд. Шелдон пообещал — и Джулиан не мог не оценить такой услуги — поговорить по душам с мисс Гилмор — и выведать, как её подруга относится к Джулиану.

Приняв столь мудрое решение, Шелдон в этот же день на музыкальном вечере у Салливанов оглядел зал, и заметил, что мисс Энн Гилмор беседует в углу гостиной с мистером Льюисом Карбэри. Виконт хотел было дождаться, пока бы тот отошёл, но потом решил не ждать милостей фортуны и попросил мисс Хилдербрандт послать молодого Карбэри с каким-либо поручением в столовую и задержать его там подольше. Мисс Летиция смерила виконта насмешливым взглядом и, едва он отошёл от стола, попросила Льюиса сопроводить её в зал — ей нужно видеть его отца. Мистер Карбэри извинился перед мисс Энн, подав руку мисс Хилдербрандт. Его место не успело освободиться, как его занял виконт Шелдон. Не зная, на сколько минут мисс Летиции удастся отвлечь Льюиса, Раймонд решил не терять времени даром.

— Мисс Энн, кажется, совсем скоро вас можно будет поздравить? — Шелдон прекрасно знал, что мистер Карбэри-старший, приглядевшись ко всем девицам в городе, выделил только троих. На его взгляд, привлекательна была мисс Иствуд, но иметь в родне её брата — увольте. Мисс Монтэгу сразу привлекла внимание сына его друга. Всё обдумав, он рекомендовал сыну обратить особое внимание на мисс Гилмор. Девица нравилась ему приятной внешностью, безупречными манерами, непоказной скромностью и умными глазами. Имение Гилморов, Пайнвуд, ему тоже нравилось, тем более что граничило с Хаусонхиллом, а наследница — мисс Гилмор — не имела ни братьев, ни сестёр. Пайнвуд приносит три тысячи годовых. Хаусонхилл — почти шесть. Миссис Гилмор, мать возможной невестки — особа приятная, урожденная Чилтон. Приданое прекрасное, оно даст ещё две тысячи годовых. С какой стороны не посмотри — чудесная партия. Всех остальных девиц в обществе мистер Габриэл просто не счёл достойными внимания... своего сына. По счастью, вкусы отца и сына совпали, мисс Гилмор и единственному наследнику рода Карбэри показалась умной и милой.

Мисс Гилмор смутилась и бросила осторожный взгляд на виконта. Такой человек не будет разбрасываться словами. Энн робко улыбнулась и быстро спросила, находит ли он мистера Льюиса Карбэри достойным человеком?

— Да, сын мистера Карбэри — человек достойнейший, он не посрамит свой род, — ответил мистер Шелдон, за это время успевший узнать юношу, оказавшегося практичным, здравомыслящим и придерживающимся весьма строгих взглядов на мораль, и тут же поинтересовался, выследив глазами её подругу, танцующую в паре с мистером Салливаном, насколько, по её мнению, мисс Коре Иствуд по душе его друг мистер Монтэгу?

Мисс Гилмор была слишком высокого мнения о виконте Шелдоне, чтобы счесть его интерес праздным. Так как он особо обозначил свою заинтересованность как дружескую, Энн сочла возможным заверить его, что мисс Кора, особенно после одного неприятного эпизода... весьма сожалеет, что раньше недооценивала достоинства мистера Монтэгу. Ей кажется, что она потеряла его сердце. Сама мисс Гилмор считала мистера Монтэгу человеком благороднейшим и храбрейшим и, поняв, что её искренность может способствовать новому возгоранию его чувств к её подруге, решила высказаться до конца.

— Хотя внезапное изменение статуса мистера Монтэгю несколько смущает мисс Кору, — осторожно продолжила мисс Энн, — её нынешнее положение таково, что... может пересилить смущение. Мисс Иствуд не удаётся найти общий язык с невесткой. Мисс Кора последний месяц... кроме выходных... живёт у меня, — пояснила мисс Гилмор.

Об этом обстоятельстве Раймонд ничего не знал. Боже мой, бедная девочка, встречаться за каждой трапезой с Эннабел Тэлбот, ох, извините, миссис Лоренс Иствуд. Да, мисс Кора Иствуд будет рада выйти за кого угодно.

— Если бы мистер Монтэгю возобновил свои ухаживания... — начал он.

— Мисс Кора была бы весьма польщена. Но она... она уверена, что навсегда потеряла расположение мистера Монтэгю, — проронила мисс Гилмор.

Положение упрощалось. Виконт тепло поблагодарил мисс Гилмор за оказанное ему внимание и откланялся, заметив, кстати, что мисс Летиция в сопровождении мистера Карбэри-младшего снова входит в зал.

— Мисс Гилмор ручается, ваше предложение будет принято. — Шелдон дословно передал Монтэгю слова мисс Энн. — Единственная опасность для вас, Джулиан, что вас опередят — и она выскочит за Салливана или Вудли. Миссис Лоренс Иствуд так украсила жизнь несчастной мисс Кору, что мисс Иствуд сейчас переехала к мисс Гилмор и неделями живет у неё, и с ужасом присматривается к ухаживаниям мистера Карбэри, понимая, что, когда Энн выйдет замуж, ей придётся вернуться к брату. А Льюис Карбэри сделает предложение до конца сезона.

Джулиан выслушал молча. Глубоко вздохнул. Странно всё.

— В марте у меня не было ни состояния, ни положения, ни любви. И вот, как из дурного рога изобилия... У несчастного Тома отнято все, даже жизнь... Что это? Искушение? Испытание? Промысел? Почему всё так исковеркано и искажено?

— Вздор, Джулиан. Ваш брат, насколько я понял вас, праведник, а раз так — о нём позаботится Тот, Чья забота превыше всего в этом мире. А что до вас — вы исковеркали себя сами. Исправьте пути свои — и исправится жизнь, очистите душу — и вас полюбят, избавьтесь от уныния — и научитесь радоваться. Мир меняется ровно настолько, насколько меняетесь вы.

Монтэгю был мрачен.

— Но ведь это низость — воспользоваться тем, что её положение сейчас столь тягостно. Разве это свободный выбор?

Шелдон поднял глаза к потолку.

— Ну, если вы собираетесь дожидаться, пока мисс Иствуд сама упадёт вам в объятия, заявившись под вечер в ваш дом, как леди Радстон к Тэлботу — будете ждать напрасно. Вздор всё. Вы не вынуждаете мисс Иствуд согласиться или отвергнуть ваше предложение. Вы предлагаете. Разве у неё нет права отказать вам? Что помешает ей предпочесть вам мистера Вудли? Вон он крутится рядом.

Монтэгю против воли резко обернулся. Никакого мистера Вудли нигде не было. Шелдон усмехнулся.

— Подойдите и с должным смирением предложите руку, сердце и состояние. С должным смирением, сэр Джулиан, с должным смирением...

Эта трижды и с особой интонацией повторенная Раймондом фраза странно отозвалась в душе Джулиана. С должным смирением... Ещё полгода назад его бы взбесило такое пожелание. Монтэгю не желал смиряться ни перед чем, кроме собственных прихотей.

Теперь он понимал куда больше.

Но в тот вечер подойти к мисс Коре так и не решился.

* * *

Ночью Монтэгу долго лежал без сна, стараясь уверить себя, что мисс Гилмор — весьма разумная особа и не может заблуждаться насчет чувств подруги. Но может ли это быть? Кора Иствуд расположена к нему? Монтэгу верил и не верил. Гораздо вернее то, что сказал Шелдон. «Готова выйти за кого угодно...» Монтэгу не хотелось быть «кем угодно», однако, Шелдон прав. Если её положение столь тягостно, то она, и правда, может выйти за первого встречного. При мысли, что Кора будет принадлежать другому, у него темнело в глазах. Раз первый встречный — пусть этим первым встречным будет он.

На большее он не вправе и претендовать.

Под утро Джулиану Монтэгу приснился странный сон. Кора стояла на каком-то горном уступе, и вдруг налетевший порыв урагана сбросил её вниз. Она падала, а он, выбиваясь из сил, бежал к скале, надеясь поймать её, но понимая, что это невозможно. Он подбежал, ища глазами изувеченное тело, но слышал крик над головой. Кора в падении зацепилась за росший на обрыве куст и теперь он прогибался... Она снова упала, но теперь Джулиан успел подхватить её на руки и, держа в объятьях, с трепетом прижимал к себе...

— Джулиан! — Крик прогремел над самым ухом и столь внезапно, что Монтэгу подбросило на постели. Вскочив на ноги, он молниеносно схватил с тумбочки пистолет и взвел курок, прижавшись спиной к стене, шурясь на свет и целясь в источник шума.

— Я же говорил вам, Шелдон, этот молодой человек создан для работы в полиции, — услышал Монтэгу спокойный голос Арчибальда Кемптона.

— Да, реакция неплохая.

Монтэгу опустил пистолет на тумбочку, раздвинул портьеры и, обернувшись, с удивлением оглядел начальника полиции Кемптона и виконта Шелдона, несколько бесцеремонно, на взгляд Монтэгу, вторгшихся в его спальню. Сколько времени? Что случилось? Чёрт, такой сон снился!... Монтэгу снова услышал голос мистера Кемптона.

— Я пойду туда, Раймонд, и вы следом. Скорее одевайтесь, Монтэгу.

Его неслышные шаги растаяли за дверью.

Шелдон не стал дожидаться вопросов.

— Я вчера засиделся за картами у Кемптона, его жена с детьми уехала накануне в Бат, ну и я, сам знаешь, в одиночестве. Остался ночевать у него, а тут утром, только что — двадцати минут не прошло — его вызвали в дом Иствудов. Там... случилось что-то ужасное. Нет-нет, ты не волнуйся, она в здравии, — быстро проговорил Шелдон, заметив разлившуюся по лицу Монтэгу меловую бледность. — Я так понял, что сама мисс Иствуд и послала за Кемптоном. Одевайся. Это я предложил зайти за тобой.

В мистере Монтэгу определено были задатки если не полицейского, то военного — точно. Через пару минут Джулиан был полностью одет, и на ходу, сбегая с лестницы, набросил на плечи плащ.

в которой обнаруживаются ужасные вещи, а мистер Монтэгю узнает, что в ту ночь, когда он смирился с равнодушием мисс Иствуд и осознал, что недостойн любви, произошло нечто весьма для него неожиданное.

Ничто не предвещало беды. Весь предшествующий вечер Кора, вернувшись от леди Холдейн, провела на скамейке около старых клёнов в парке, где она не ожидала никого встретить. Она подобрала пожелтевший лист и горестно разглядывала его, может быть, не видя и думая совсем о другом. По взволнованному виду подруги, по затаённому блеску в её глазах, по разговорам вокруг она понимала, что совсем скоро судьба Энн будет решена. Кора полагала, что её ждет счастье, и это радовало, но радость отравляло понимание, что она сама в своём первом сезоне сделала все ошибки из возможных и из-за нелепо сложившихся обстоятельств потеряла того, кто мог бы составить её счастье. И ничего теперь не вернёшь.

Но хуже всего было то, что дом стал ненавистен. Субботу и воскресенье Кора вынуждена была проводить в доме брата, а когда выйдет замуж Энн — ей снова придется жить там постоянно. Деваться было некуда. Кора раздумывала, не уговорить ли мать, не дожидаясь конца сезона, уехать в имение? Там, среди книг и тишины, она обретёт покой. Поумнеет. Кора тяжело вздохнула, разглядывая прожилки на сухом листе.

Эти же мрачные раздумья отягощали её и дома. Она долго не могла уснуть.

Проснувшись Кора на следующий день, в воскресенье, на рассвете, не было ещё и пяти. За окном шелестела дождем ноябрьская ночь, и Кора вдруг почувствовала такую тоску, что с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться. Джулиан... Кто бы мог подумать, что она будет так тосковать по нему, сможет так влюбиться?

В эту минуту мисс Иствуд вдруг услышала крик — настолько страшный, что кровь у неё застыла в жилах. Несколько секунд просто не могла сдвинуться с места, однако потом пришла в себя, выбежала в коридор и прислушалась. Теперь где-то далеко на лестнице раздавались всхлипывания. Потом что-то загремело, и всё затихло. Внизу в холле Кора увидела свою мать, разбуженную тем же криком.

— Бог мой, Кора, девочка моя! Что случилось?

— По-моему, кричала Эннабел. Где-то наверху.

Они поднялись по лестнице, но дверь в спальню молодых была распахнута, а сама спальня пуста. Никого не было на всём этаже, они вдвоём с матерью обошли все комнаты, к ним присоединилась и Мэйбл, одна из горничных. Но тут Кора остановилась, пораженная, как озарением, и почти бегом устремилась к лестнице в другой части дома, ведущей на мансарду.

Так и есть. Внизу, распростершись в странной позе тряпичной куклы, лежала Эннабел. Она не шевелилась. Кора в ужасе посмотрела на верхнюю площадку. Она угадала ужасную правду. Эннабел выследила своего неверного муженька, поймала его с Пегги с поличным, а Лоренс, не соображая, что делает, столкнул жену с лестницы, рассчитывая, что это примут за несчастный случай.

Подбежали мать и Мэйбл, кинулись к Эннабел. Кора тяжело дышала и боялась подняться вверх по лестнице. Разумеется, этот негодяй, её братец, будет уверять теперь, что

Белл упала сама, споткнулась, дескать. Да только всё напрасно — вон, она уже приходит в себя. Как будто она смолчит, и не расскажет всего! Боже мой, как же всё надоело. Что за дом! Скандал за скандалом! Кора чуть не расплакалась.

Однако что-то вдруг насторожило мисс Иствуд. Лоренс трус и слабак, но не дурак. Ему надо хотя бы сделать вид, что он тут ни при чём. Почему он не спускается? Где он? Или он уже успел удрать с Пегги? Наверняка. Эта мысль придала мисс Коре смелости, и она быстро поднялась на мансарду — оглядеться.

Распахнув дверь в комнату Пегги, обомлела. У неё потемнело в глазах, а уши заложило от леденящего душу крика, надрывного и страшного. Кора не сразу поняла, что кричит сама. Она сжала зубы, до крови закусив палец, и уже молча потрясённо озидала два скорченных на полу среди осколков стекла и странных зеленовато-желтых луж тела — брата и Пегги.

Что было дальше, мисс Иствуд помнила смутно. Она не пустила в комнату мать, появившуюся следом. Рядом суетились и что-то кричали служанки. Наконец, усилием воли заставив себя чуть успокоиться, Кора почти осмысленно послала Мэйбл за мистером Арчибальдом Кемптоном, веля ей бежать за ним со всех ног. Дом превратился во что-то безумное. Слуги отнесли Эннабел в её спальню, мать — обессиленную и всё время что-то кричавшую — уложили в дальней гостиной. Кора, прилагая все усилия, чтобы держаться на ногах, ощущая в груди какую-то страшную пустоту, сидела на ступенях лестницы, трясясь и сцепив руки в судорожном жесте. В таком виде её и застал мистер Кемптон, появившийся двадцать минут спустя. Она потянулась к нему и, зависнув на его руке, трясущимися пальцами показала вверх. Полицейский видел, что потрясение девицы серьезно и чревато нервным срывом, но решил сначала разобраться в причине поднятого переполоха.

Увиденное парализовало. Но лишь на минуту. Он пощупал пульс у Иствуда, поднял веко у Маргарет. Тихо вздохнул.

Об обнаружении трупа обычно сообщалось патрульному констеблю, затем посылали за полицейским врачом, либо вызывали любого из докторов, известных в округе. Но речь шла о людях из общества, и Кемптон хотел сделать всё, чтобы расследование прошло быстро и не подняло лишнего шума. Потому и не возражал, чтобы Шелдон позвал Монтэгу. Связи этих двоих и их помощь могли пригодиться.

Кемптон вдумчиво оглядывал картину происшествия. Заметил круглую высокую бутылку с чуть утолщённым горлышком на столе, раскупоренную и на треть пустую, наполненную бледно-зеленой жидкостью, с этикеткой, гласящей, что это ликер Шартрёз. Он видел такие бутылки неоднократно, однажды пробовал и сам ликер, показавшийся достаточно изысканным на вкус. В осколках на полу без труда узнал бокалы. Оглядел и расстеленную постель.

Кора молча смотрела на мистера Кемптона, прислонившись к дверному косяку. Как ни странно, его появление успокоило её, она почувствовала, что первое потрясение прошло, и теперь, как ей хотелось бы думать, она справится со всем остальным. Главное понять, что произошло. От мысли о том, что братец сбросил супругу с лестницы, теперь пришлось отказаться. Бесспорно, Эннабел, не найдя мужа в спальне, отправилась на поиски, обнаружила его в комнате Пегги, закричала, и споткнувшись, от слабости и испуга слетела со ступеней. Но что произошло у Пегги? Неожиданно её мысли были прерваны шумом внизу, она услышала голос Мэйбл, и вдруг увидела поднимающихся по лестнице виконта Шелдона и Джулиана Монтэгу. Она с силой вонзила ногти в ладони.

Дух её снова ослабел, Кора и так с трудом держала себя в руках, и появление Монтэгу

смutilo её до трепета.

Между тем увиденное произвело отнюдь не одинаковое впечатление на пришедших: Шелдон почти спокойно обозрел комнату, и поинтересовался, кто здесь жил, а мистер Монтэгу спросил, как она себя чувствует? Ей плохо? Она так бледна... Кора не знала, показалось ли ей, или его голос и впрямь чуть дрожал? Не узнавая своего голоса, мисс Иствуд ответила, что здесь жила горничная её матери Маргарет Фаркер, которая... она сглотнула комок в горле... которая много лет была подружкой её брата... Кора снова сглотнула. А она... Что она? На чувствует себя...

— Лучше чем те, кто лежит здесь, — продолжил за нее Кемптон.

Шелдон спросил, откуда взялась эта бутылка? Её купил брат? Этого Кора не знала, и саму бутылку видела впервые. Она снова сжалась, почувствовав, что её сильно знобит. Кемптон заметил, что, судя по всему, эти двое отравлены, и надо проверить ликёр на наличие в нём яда. Шартрёз едва ли мог быть куплен здесь, он, Кемптон, никогда не встречал его в городке. Откуда он взялся? Надо спросить в ближайших лавках, покупал ли его мистер Иствуд? Или, может, специально заказывал? В Лондоне он встречается. Шелдон вяло кивал, но тут Монтэгу возразил обоим, сообщив, что уже шесть лет этот французский ликёр нигде не выпускается, с тех пор как во Франции в 1793 году разогнали все монашеские ордена, а его делали в бенедиктинском аббатстве. Этикетка не ярко-зеленая, но слегка выгоревшая. Бутылка могла долго храниться или у поставщиков, или в магазине, или у того, кто купил её. Они не смогут найти следы покупки, тем более что здесь его в продаже никогда не было. Внезапно Джулиан, наклонившись, извлёк из-под ножки старенького буфета кусок скомканной коричневой бумаги. Но на бумаге, в которую явно что-то упаковывали, и похоже — именно бутылку, не было ни строчки — край её был оторван, но следы клея на нём сохранились.

— Бутылка была прислана с посылным... Но кто мог прислать мистеру Иствуду отравленный ликер?

Ответа не было. Шелдон сказал, что надо справиться о здоровье миссис Лоренс Иствуд. Не послать ли за Клиффордом? Кемптон кивнул. Пожалуй. Кора снова почувствовала озноб и решила спуститься вниз. По пути она встретила Мэйбл и попросила принести плед. Укутавшись, скорчилась в углу дивана, глядя на каминное пламя. Её слегка трясло, но постепенно она согрелась и, задумавшись о случившемся, поймала себя на том, что не может осмыслить смерть Лоренса, настолько нереальной она казалась. При этом Кора не понимала — расстроена ли она, огорчена или просто сбита с толку, но дыхание её окончательно выровнялось, она почувствовала, что приходит в себя. Теперь Кора сообразила, что имел в виду виконт Шелдон, интересуясь Эннабел. Он... подозревает Белл, оформилась вдруг мысль в её голове.

Но подозревала ли сама Кора Белл? Нет. Ни на минуту. Ещё накануне вечером, после ужина, она, вернувшись от Энн, чтобы провести выходные в доме, слышала обычное глупейшее воркование супруги Лоренса... Эннабел не могла такого сделать! Особа она, что и говорить, препротивная, но отравить? Ведь Белл была влюблена в Лоренса! Коре показалось, что она что-то понимает, точнее, припоминает, но... нет. Всё гасло.

Но всё это было не очень важно. Джулиан... он здесь, совсем рядом. И почти не смотрит на неё. Мысли Кору путались. Неужели она совсем не нужна ему? Джулиан Монтэгу стал богачом. Правда, высокомерия в нём не было — но он отводил глаза. Теперь Кора, глядя в каминное пламя, до конца осознала, до какой степени влюблена. Разве она

когда-нибудь ощущала при взгляде виконта Шелдона или при упоминании его имени такую тоску, такую невыносимую боль? Да, прекрасный человек, порядочный и умный. Но разве он хоть раз снился ей? Разве так тягостно болело сердце и сбивалось дыхание? Разве она терялась и забывала себя, как теперь, при одном взгляде на Джулиана, при одной мысли о нём?

Неожиданно в голове Кору пронеслось какое-то смутное воспоминание, но тут внизу хлопнула парадная дверь, и почти одновременно на пороге показался крупный сорокалетний мужчина с гривой каштановых волос и сильно молодившим его лицо коротким и тупым носом. Он заметил её на диване и представился: «Доктор Клиффорд. Меня пригласил его милость виконт Шелдон. Он здесь?» Кора кивнула. «Да, он наверху» Она поднялась, чтобы проводить доктора, но тут сверху послышался шум шагов и трое мужчин, сумрачно глядя себе под ноги, быстро спустились по лестнице. Шелдон сразу заметил пришедшего.

— А, Джеймс, это вы? Произошла ужасная трагедия. Двое отравились. Или были отравлены. Но есть и несчастная женщина, она упала с лестницы. Я хотел бы, чтобы вы осмотрели её и трупы.

Мистер Клиффорд вопрошающим жестом осведомился, куда ему идти, и Кора окликнула Мэйбл. Она могла бы сама проводить доктора, но ей хотелось услышать мнение начальника полиции о произошедшем, и не очень хотелось видеть бедную Эннабел. А кроме того промелькнувшее воспоминание... Кора надеялась, что они, не обращая на неё внимания, заговорят о происшествии, но Арчибальд Кемптон, присев в кресло, обратился к ней.

— Мисс Иствуд, мне бы хотелось, чтобы вы не лукавили со мной. Может ли быть, чтобы люди, живущие под одной крышей, не заметили чёрного умысла, зреющего в сердце одного из членов семьи и направленного на другого? Будьте откровенны с нами.

Кора заметила, что виконт Шелдон и мистер Монтэгю сели в соседние кресла и оба смотрят на неё. Она поплотнее укуталась в плед. Ещё раз задумалась и тяжело вздохнула. Глупо было что-то скрывать, но и правда ничего не объясняла.

— Мне нечего сказать, мистер Кемптон. Я думала о случившемся, но... — она пожала плечами. — Мой брат недавно женился, но продолжал свою давнюю связь с горничной Пегги Фаркер. Их отношения начались пять лет назад при появлении в доме Маргарет Лоренс совратил её, но так как жалование Пегги составляло всего несколько фунтов в год, а связь с братом давала ей значительно больше того, на что может рассчитывать горничная, мисс Фаркер не жаловалась матери, но изводила Лори требованиями жениться на ней. Это, конечно, было смешно. После свадьбы Лоренса их связь продолжалась.

— Вы... знали об этом? — изумился виконт Шелдон, недоумённо глядя на Кору. Он и помыслить не мог, что особы её возраста понимают такие вещи.

Мисс Иствуд была не менее удивлена изумлением виконта. Разумеется, она знала об этом. Его милость полагает, что она слепая? Или не понимает очевидных вещей? Чего тут не понять-то?

— Стало быть, ваша невестка узнала обо всём и... — предположение мистера Кемптона основывалось на здравом смысле и понимании истоков преступлений.

Мисс Иствуд уверенно опровергла его. Кроме неё, никто в доме ничего не знал, ни мать, ни Эннабел.

— Но, может быть, ваша невестка стала случайной свидетельницей их отношений?

— Ещё вчера вечером она ничего не подозревала. — Кора была уверена в этом. Столь

же уверенно мисс Иствуд сделала и ещё одно умозаключение, обелявшее её невестку. — Белл, если бы узнала об этом — либо вцепилась бы Маргарет в волосы, либо заставила бы мою мать вышвырнуть её. А скорее всего — сделала бы и то, и другое. Но Эннабел никогда не убила бы Лори, она... поверьте, Эннабел обожала его, — мисс Иствуд умолкла, заметив пристальный взгляд мистера Монтэгу.

— А кто ещё мог желать зла вашему брату?

Кора словно не услышала вопроса. Воспоминание снова промелькнуло. Как же это? Теперь с неё не сводили глаз все трое.... Эннабел тогда долго распаковывала сундуки, Кора ещё поразилась обилию всевозможных безделушек, платьев, шкатулок и игольников. Но бутылка... кем-то присланная бутылка с наклейкой... Белл ещё жеманно сказала: «Это подарок от дыхателя». Мисс Иствуд напряглась.

— Я вспомнила! Когда Эннабел только приехала, среди её вещей была бутылка, упакованная в коричневую бумагу, с этикеткой рассылной конторы и вложенной карточкой! Она говорила о подарке поклонника.

— Такая? — Кемптон показал обертку, найденную мистером Монтэгу.

— Я... я не могу сказать. Похожа, но она ли? На той была наклейка и карточка.

— Что там было написано? Откуда она взялась?

Мисс Иствуд пожалала хрупкими плечами и развела руками.

— Я не читала. Я и заметила-то бутылку потому, что она была всего одна, и странно не вязалась с обилием её платьев и безделушек.

— Вы уверены, что это был Шартрёз?

— Нет, она не разворачивала бутылку, но очертания были похожи. Такая же круглая и высокая.

Где-то хлопнула дверь, и через минуту в залу вошёл доктор Клиффорд.

— Джеймс... — навстречу ему поднялся Шелдон.

— Положение безрадостное, множественные переломы, но, по счастью, позвоночник цел. С головой у неё, похоже, тоже не всё в порядке...

— Падение тут ни при чём, доктор, — мисс Кора Иствуд, не подумав, проронила эту фразу, но тут же спохватилась.

Мужчины усмехнулись. Монтэгу смотрел на неё внимательно и задумчиво, как показалось самой Коре, но как показалось виконту Шелдону — с раболепным обожанием.

— Но говорить-то она может? — Кемптон был раздражен тупиковостью расследования. Он не хотел вызывать ни сыщиков, ни коронера — дело касалось людей из общества. Но неужто придется?

— Да, я сейчас схожу за кое-какими медикаментами, потом ей лучше поспать. Но пока можете поговорить с нею. Трусами займёмся позже.

Доктор ушёл, а мистер Кемптон проследовал за Корой в спальню Эннабел. Туда же вошли виконт Шелдон и мистер Монтэгу. Миссис Лоренс Иствуд красавицей не была никогда, но сейчас выглядела просто ужасно. Огромные кровоподтеки превратили лицо в нечто неопределяемое, один глаз совершенно заплыл. Кора подумала, что может и выйти. Такие же мысли, судя по всему, появились и у остальных, но мистер Кемптон приступил к методичному допросу, не обращая внимания на чужие эмоции.

— Миссис Иствуд, что произошло ночью? Как вы оказались на мансарде?

Тут оказалось, к немалому ужасу Кору, что падение не только обогатило миссис Лоренс Иствуд кровоподтеком, но лишило несчастную нескольких зубов. Она прощамкала, что

просто проснувшись утром, не увидела мужа и направились искать его. Обошла весь дом и на мансарде, куда заглянула под конец, вдруг увидела его мёртвым!!! Служанка отравила его!!!

Этот связно изложенный рассказ на самом деле всем её слушателям пришлось додумывать и воссоздавать по мере воображения каждого. И быстрее всех всё сообразил Монтэгу. Он-то и задал следующий вопрос.

— Вы заметили, что там на столе был ликёр Шартрёз?

Этот, в общем-то, невинный и конкретный вопрос произвёл на миссис Иствуд весьма нервующее впечатление. Лицо её ещё больше перекосилось, Эннабел затряслась и захрипела. Джулиан наклонился над ней. Всё, что он смог разобрать, это было свидетельство Эннабел, что бутылка, наверное, была взята у неё, ей прислал такую... один друг...

— Он прислал её вам через посыльного, с карточкой?

Белл с трудом кивнула. «Давно?» Им показалось, что она назвала какой-то месяц, но не разобрали, между тем как мисс Иствуд перевела её невразумительное мычание. «Она говорит, за две недели до её свадьбы».

— А где вы хранили её? — резко спросил мистер Кемптон.

В хрипах миссис Иствуд он различил слово «сервант» и обернулся к мисс Иствуд. Кора чуть заметно кивнула. Между тем лицо Эннабел расплывалось и синело всё больше, пока, наконец, не заплыл второй глаз, после чего появившийся с грелками со льдом и шинами доктор Клиффорд выставил всех из спальни.

В серванте гостиной, который отперла Кора, стояли десятки бутылок — коньяк, портер, кларет, разные весьма дорогие вина. «Покойник ни в чём себе не отказывал», пронеслось в голове Монтэгу. Были тут и ликеры, но Шартрёза — не было. Неожиданно Кора выпрямилась. «Постойте, может быть, она имела в виду тот сервант, что в её гостиной».

В этом серванте — чего только не было, от шпилек и головных сеточек до пуховок и шёлковых пеньюаров. Но бутылки не было и тут. Джулиан, почти с головой нырнув в пузатое нутро серванта, несколько минут рылся там как терьер, но ничего, кроме дамского тряпья, не обнаружил. Это не разочаровало Монтэгу, он понимал, что тот, кто прислал ликёр миссис Иствуд, должен был быть уверен, что следы покупки затеряны. Но вот горлышко бутылки залито сургучом, а не воском, как обычно. Это сделал отравитель.

Мистера Кемптона всё это не обрадовало.

— Ну, хорошо, однако, как всё произошло? Допустим, муженек утащил её ликер... — он остановился, заметив, как мисс Иствуд нахмурилась и поджала губы. — Что-то не так, мисс Иствуд?

— Скорее всего, бутылку взял не Лори, а Пегги, она убирала здесь и, думая, что миссис Иствуд давно про неё забыла, стащила. Она-то и притащила её к себе наверх, оторвала и выкинула адрес и карточку, а потом... не знаю, может, похвалилась Лори, что стащила у его жабы... ой, простите, у его супруги бутылку, а может, и смолчала. Вместе они её и распили. Лоренс воровать бы не стал. Такого за ним не водится... Не водилось... — поправила мисс Иствуд, — Но это всё догадки и пустой вздор. Ведь если верить Эннабел, а я верю, я же видела пакет, если бутылка была прислана ей, то и отравить хотели, разумеется, её.

Мистер Шелдон и мистер Кемптон молчали. Взгляд мистера Монтэгу был исполнен нескрываемого и умилённого восхищения. То, что говорила мисс Иствуд, бесспорно, пришло в голову и ему самому, но как прекрасно было её лицо в этом милой рассудительности и нежной задумчивости! Каким матовым блеском отливала в свете каминного пламени её тёмные волосы! Господи, когда же он освободится от этой тяготы, от этой колдовской

зависимости? Когда, наконец, сможет взглянуть на неё без этого трепета, волной проходящего по телу? Как хороша, Боже мой, как умна и мила! От сентиментальных восторгов Монтэгу отвлек мистер Арчибальд Кемптон, который про себя тоже отметил, что этой девице в уме не откажешь, а притом, что ей всего-то восемнадцать — к пятидесяти она будет также умна, как его тёща.

— Но кто мог желать смерти вашей невестки?

Мисс Иствуд усмехнулась.

— Только двое, если вы всерьёз. Мой братец, её супруг, и его подружка Пегги. Но они её не травили... — мисс Кора окинула взглядом присутствующих и предложила всем гостям чай. Мужчины переглянулись и, вспомнив, что никто из них не завтракал, а время уже подходило к обеду, согласились.

По такому неофициальному случаю чай мисс Иствуд распорядилась подать у камина, в уютной обстановке, задернув шторы от осеннего ненастья. Стол был украшен цинниями и остролистом. Кора, как хозяйка, взяла на себя ответственность за коробочку с чаем, которую обычно запирали на замок, сама наполнила ароматным напитком маленькие, изящные фарфоровые чашечки. Она предложила им экзотические сорта, в чьих теплых ароматах с удовольствием можно было продолжить деловые разговоры. Гости сели там, где им только удобно, впитывая тепло от камина, разговаривая и наслаждаясь.

Виконт Шелдон впервые по-настоящему оценил эту девушку. Перед ним была истинная леди. Несмотря на утреннее потрясение от ужасного происшествия, несмотря на два не покрытых землей трупа на мансарде, обессиленных истерикой и травмами женщин в соседних комнатах, мисс Иствуд сумела совершенно успокоиться и придти в себя, и сейчас всем своим обхождением убеждала гостей, что их присутствие величайшее удовольствие для неё. Вдали от уличной прохлады и осеннего полумрака близость огня и уют чаепития подталкивали гостей на более интимные темы, и все на время оставили обсуждение происшествия. Мисс Иствуд, желая, чтобы мистер Монтэгу простил ей былое пренебрежение, заботилась, чтобы ему на блюдо попадали самые вкусные закуски. Шелдон же, заметив, что Монтэгу совсем ничего не ест, предпочитая исподтишка пожирать глазами мисс Иствуд, слегка двинул друга под столом ногой, чтобы напомнить ему о приличиях, сам же с большой похвалой отозвался о сервировке стола.

— Самый изысканный комплимент женщине — это суметь повернуть беседу так, чтобы отметить её превосходные способности, — рассмеялась мисс Иствуд, предложив им свежие поджаренные тосты, смазанными тонким слоем масла.

Беседа завертелась вокруг последних новостей в свете, виконт Шелдон пересказал услышанную от мистера Салливана весть о новом консуле во Франции, Кемптон поведал слухи о болезни Его величества, Монтэгу, понимая, что должен принять участие в общей беседе, извинился, отговорившись тем, что провёл ночь за картами.

— Можно ли ожидать блестящей мысли или речи от человека, просидевшего несколько часов за вистом?

Мистер Монтэгу безбожно лгал. Ни за каким вистом он не сидел. Просто присутствие мисс Иствуд сводило его с ума, а какая мысль придёт в безумную голову? Сам он только что по глупости представил себе, как было бы здорово сидеть у камина в такой же гостиной, когда на коленях у него сидела бы Кора, после чего покраснел, почувствовав напряжение плоти и учащенное сердцебиение. Нет, ну ни дурак ли? Но внешне мистер Монтэгу казался отрешённым и рассеянным, и мисс Иствуд вздохнула над своими несбыточными

мечтами.

— Мне кажется, — проронил после долгого молчания Шелдон, продолжая оставленную до чаепития тему, — что нужно поискать в рассыльных конторах...

— Едва ли там запомнили рядовой пакет.... — Кемптон был настроен скептически.

— В Уинчестере всего две конторы, — поддержал Шелдона Монтэгу, — почему бы не навести справки?

— Верно, я схожу к Тобиасу Вэйну, а вы, Монтэгу, прогуляйтесь в эту контору на Голд-стрит, забыл... как его там?

Тот кивнул.

— Я знаю, где это. А когда мисс Эннабел вышла замуж? В октябре?

— Ну да, через две недели после того... — Кора осеклась. — Двенадцатого октября.

— Ладно, я пойду, проверю яд. Судя по запаху миндаля, это синильная кислота... Её привозят из Пруссии. Вы, Шелдон, побывайте в конторе у Вэйна, а вы, Монтэгу, у Берта Бакса.

Кемптон удалился. Монтэгу не хотелось никуда уходить, но тут неожиданно Раймонд любезно осведомился о самочувствии мисс Иствуд. «Ужасный день, такое несчастье, столько переживаний. Вам, мисс Иствуд, нужно прогуляться. Почему бы вам не пройтись с мистером Монтэгу по Голд-стрит?» Джулиан бросил на Шелдона благодарный взгляд. Сам он никогда не решился бы пригласить мисс Кору на прогулку. Мисс Иствуд помедлила, как того требовали приличия, затем заявила, что она и вправду провела день взаперти, нервы так напряжены, пожалуй, прогулка ей не повредит, и облачившись с помощью джентльменов в пальто и взяв зонт, вышла в сопровождении мистера Монтэгу из дому.

Поначалу им не сопутствовала удача. В рассыльной конторе их уверили, что никакого пакета они ни миссис Лоренс Иствуд, ни мисс Эннабел Тэлбот не отправляли, ни двенадцатого октября, ни за две недели до того. У них всё записано, никакой ошибки быть не может. Книги хранятся целый год.

Они покинули контору и побрели в парк. Возвращаться домой Коре не хотелось. Всю дорогу до конторы Джулиан молчал, и мисс Иствуд надеялась, что теперь он, может быть, станет разговорчивее. Сам Джулиан, счастливый тем, что Кора рядом, просто брёл куда-то, не разбирая дороги, время от времени поднимая на неё глаза и любуясь её тонким профилем.

Они присели на скамью в Саду Декана и долго молчали. Джулиан вспомнил совет Шелдона, но почувствовал, что просто теряется. Бросил на мисс Кору осторожный взгляд, вспомнил мечты, коими грезил когда-то. Украденный у неё платок был в его потайном кармане. «С должным смирением...» «С должным смирением...» Да, он готов был смиренно вымалывать её любовь, готов был положить к её ногам всё, что имел, ибо без неё оно не имело для него никакого смысла, готов был упасть к её ногам и сам, — но разве это заставит её полюбить его? Его, чьи уста оскверняют само имя Любви? Джулиан почувствовал такую гнетущую боль в сердце, что вынужден был закусить губу, чтобы не застонать.

Мисс Иствуд заметила его нервное движение и посмотрела на него. Джулиан никогда не видел такого её взгляда — в нём читалось беспокойство и нежный испуг, и что-то ещё, чего Монтэгу не сумел прочесть, но что неожиданно придало ему сил.

— Вы... по-прежнему не хотите ничего слышать о моей любви? — спросил он, и тут же пожалел об этих словах. Они просто вырвались. Идиот. Надо было... А впрочем... что толку во всём? Как ни спроси и что не скажи...

Кора сжалась на скамье. Боже мой! Если она снова будет дурочкой — оправданий ей уже не найти. На её губах появилась улыбка, правда, несколько жалкая и болезненная. Но что сказать? Что она... он может подумать... Но и молчать было нельзя. Неожиданно её взгляд упал на рукав его фрака. Она улыбнулась этому, ставшему столь дорогим воспоминанию.

— А как... ваша рука? Зажила? — она прикоснулась бледными пальцами к его предплечью.

— Что?

— Помните, как вы порезали руку, когда спасли мисс Гилмор? Весь в крови...

Монтэгу, чуть вздохнув, тоже улыбнулся. Он помнил ту ночь. Карета, Иствуд... Брат ещё был жив. Испуганная мисс Гилмор, их ночное вторжение в дом Кору. Да, он был в крови. Пустячная царапина. Как далеко всё. Сквозь пронёсшиеся перед глазами воспоминания услышал: «С той ночи мне хотелось слышать слова о вашей любви — но вы перестали говорить о ней...» Джулиан услышал и не услышал. У него потемнело в глазах. Как странно всё — ведь как раз в ту ночь он ощутил, как в нём умерла его душа. Может ли это быть? Он смирился с её равнодушием, осознал вполне, что недостоин любви, а его в ту ночь — полюбили? Как же это?

— Стало быть... — Монтэгу задохнулся, — Вы согласны быть моей женой?

Кора опустила глаза и молча кивнула.

Монтэгию почувствовал, как стеснилось дыхание. Долго не мог произнести ни слова. Она сказала — «да», она согласна? Она — любит его... или, по крайней мере, находит достойным любви? Голова Монтэгию кружилась. Мисс Кора, услышав заветные и долгожданные слова, возликовала и тут же устыдилась. «Боже мой, дома такое, а ты!..»

«А что я?» Кора не чувствовала ни малейшего раскаяния. Значит, Энн была права! Всё это время он преданно любил её, думал о ней, помнил! Разве у неё нет повода для ликования? Этот мужчина, которого при первой же встрече безотчётно и неосмысленно выбрало её сердце, принадлежал теперь ей! Вопреки всем недоразумениям, чужим нелепым словам и её собственным предубеждениям — Джулиан Монтэгию любит её, он будет её мужем!

Монтэгию, ещё не веря в её согласие, сжимал её руки, бормотал путанные слова о том, как она осчастливила его, потом сбивчиво рассказывал о ремонте и о новой обстановке в Монтэгиюкастл, где ей предстояло стать хозяйкой, делился планами, спрашивал совета, принимать ли предложение Кемптона? Джулиан и сам не понимал, что говорит. При мысли, что эта девушка, одно присутствие которой наполняло его жизнь смыслом, теперь будет принадлежать ему, просыпаться по утрам в его постели и будить его поцелуем, Монтэгию чувствовал головокружение и истому.

Потом они, взявшись за руки, побрели к дому Кору и были замечены сэром Остином Чилтоном, с изумлением поглядевшим им вслед. Что это такое? Да, он советовал крестнице присмотреться к этому молодому повесе, но именно — присмотреться! А что происходит? Сэр Остин ещё не знал о трагедии в семье Иствудов, но полагал, что разгуливать чуть ли не в обнимку с сыном Этьена по городу — это просто... авантюризм чистейшей воды! Они, что, помолвлены, чтобы позволять себе такое?

Ну, ничего. Нынешним же вечером он поговорит с ней о недопустимости подобного поведения.

По дороге мисс Иствуд неожиданно деловито поинтересовалась у жениха, умеет ли он петь? Кора загадала про себя, что если да — то все её мечты сбудутся. Джулиан изумился, услышав этот вопрос, но заверил её, что иногда в университете развлекал друзей французскими и итальянскими ариями, может спеть и дуэтом. Они даже пели вдвоём с виконтом Шелдоном на пасхальной вечеринке в Кембридже шотландские песенки. Джулиан счёл излишним упоминать, что оба они тогда несколько перебрали. Кора торжествующе улыбнулась. Да, она так и чувствовала. Кабальеро с гитарой... Мечты сбывались.

Дома мисс Кору Иствуд и мистера Монтэгию поджидал начальник полиции с новостями достаточно ожидаемыми. Да, в ликере была лошадиная доза синильной кислоты. Её стали недавно ввозить из Германии — травить крыс. Через несколько минут лакей доложил о приходе его милости виконта Шелдона, и Монтэгию поспешил ему навстречу — Джулиан не хотел пока, до похорон, афишировать свою помолвку, но не видел повода ничего скрывать от Раймонда. Однако, увидев его на пороге, замер.

Шелдон был белее савана. Раймонд прошёл в зал и молча сел рядом с полковником.

Кора испуганно поглядела на виконта, Кемптон тоже не сводил с него глаз. Монтэгу попытался поймать его взгляд, но не смог, — хотя Шелдон смотрел прямо перед собой, он явно ничего не видел. Неожиданно Джулиан обернулся. Около двери стоял, уйдя в тень, парнишка лет двенадцати.

Мистер Шелдон уже немного опомнился.

— Саймон, идите же сюда, Боже мой, что вы там стали?

Мальчишка робко приблизился. В это время из гостиной, ведущей в спальню Эннабел, вышел доктор Клиффорд.

— К Тобиасу Вэйну действительно приносили упакованную бутылку для доставки её мисс Эннабел Тэлбот. — Начал виконт Шелдон, — в тот день дежурил сам хозяин. Доставил же в службу пакет Саймон Рейс, пятый сын в многодетной семье, живущей неподалеку. Я разыскал его. Это было нетрудно. Вот он. Мальчик заметил, что передавший пакет и просивший доставить его к Вэйну, прячет лицо. Он бы и не обратил на это внимания, но этот, по описанию Рейса, «настоящий джентльмен» дал ему фунт. И тем понудил всмотреться в него при свете фонарей проезжавшей мимо кареты. Сумма-то для мальчишки запредельная....

— Господи, да не тяните же, Шелдон!

— Может, я что-то не понял, но мальчик описал... Саймон, расскажите...

Мальчишка явно робел перед господами, но, видимо, виконт сумел успокоить его и уговорил довериться ему. Он с интересом оглядывал молодую леди и господ и, наконец, как показалось Шелдону, глубоко вздохнул, а на самом деле — просто набрал в лёгкие побольше воздуха и начал, глядя на мистера Арчибальда Кемптона, чутьем угадав в нём главного.

— Это был джентльмен, сэр. Ростом с вас, волосы, целая грива, вот как у этого господина, — он указал на доктора Клиффорда, — но они были светлые, и нос... длинный такой, ровный.

— Вы хотите сказать, Шелдон, что это описание... — Кемптон повернулся к виконту, — Это... Тэлбот?

— «Грива волос»? У кого ещё?

Мужчины, все, кроме Джулиана, уставились друг на друга.

— Зачем Вивьену, каким бы негодяем он не был, убивать сестру?

— Да и, помилуйте, о нём ли речь?

Мисс Иствуд оглядела мужчин. Всё это могло бы быть интересным и даже захватывающим, если бы не касалось её собственной семьи. Кора мечтала покинуть этот ужасный дом, зажить с мужем под спокойным и гостеприимным кровом, встречаться, что ни день, с дорогой Энн, зная, что рядом — самый любимый и надежный человек. А как мечталось ей, никогда не выезжавшей дальше Бата и Лондона, побывать во Франции, Италии... Она так много читала о Венеции, но что такое рассказы и картинки! Но вместе с тем, чтобы порадовать Энн, гулять с Джулианом, готовиться к свадьбе, принимать поздравления, — приходилось копать во всей этой мерзости.

Кора вздохнула. Чем быстрее всё кончится, тем будет лучше.

— Это легко выяснить. Надо, чтобы мальчуган посмотрел на мистера Тэлбота. Он в гостиной.

Все изумлённо уставились на неё. В гостиной? Кора, осознав, что неверно поняла, пояснила:

— Миссис Лоренс Иствуд после замужества привезла и повесила в гостиной портрет,

который написали с них в Бате. На картине миссис Тэлбот, правда, на двадцать лет моложе, чем на самом деле, сама Белл, почти красавица, их родственник, забыла, как его там... из Адмиралтейства, и — Вивьен Тэлбот. Он там на себя — видимо, единственный — очень похож. Может, похож и родственник, но он не был на их свадьбе, и о сходстве с оригиналом я судить не могу.

Это всё упрощало. Компания проследовала в гостиную миссис Лоренс Иствуд, и на той стене, что примыкала к выходу в бальный зал, все действительно имели возможность полюбоваться семейством Тэлботов. Мисс Кора была права в своей злой иронии, женщины на портрете были неузнаваемо прекрасны, но мистер Вивьен Тэлбот и в самом деле походил на самого себя.

— Саймон, посмотрите сюда.

Мальчишка, как замороженный, смотрел на написанное маслом полотно. Подойдя поближе, даже прикоснулся пальцами к холсту. Едва ли понимая, что ему предстоит либо оправдать невиновного, либо подписать приговор преступнику, он изумлялся мастерством того, кто смог нарисовать людей как живых. Виконт Шелдон хотел было поторопить Саймона, но мистер Кемптон прижал палец к губам.

— Вам нравится? Вы видели когда-нибудь кого-то из этих людей?

— А... да. Вот тот, о ком я рассказывал вам, сэр, — он обернулся к виконту, указав пальцем на Вивьена, — только одет он был иначе... на нем был тёмно-зеленый сюртук.

— Это тот джентльмен, который передал вам пакет?

— Он самый, сэр.

Мистер Арчибальд Кемптон записал адрес паренька, и виконт Шелдон проводил его к выходу, сунув ему на прощание в руку обещанный фунт. Джулиан же задумался. Эннабел говорит — пакет прислали незадолго до свадьбы. Но ведь её замужество было таким скоропалительным, и ещё за неделю до него никто не мог предвидеть, что мистер Иствуд посватается к ней! Уж кому-кому, а ему-то об этом было прекрасно известно. Стало быть, Тэлбот просто хотел избавиться от сестрицы, независимо от того, за кого и когда она выйдет замуж. Но чем она мешала ему? Может, что-то знала о нём?

Но, откровенно говоря, всё это как-то перестало волновать Монтэгу. Провались этот Тэлбот в преисподнюю! Теперь у Джулиана Монтэгу были дела поважнее. И, бросив влюблённый взгляд на свою невесту, мистер Монтэгу погрузился в размышления о предстоящем венчании. Из-за траура по брату ему не хотелось устраивать пышных церемоний... К тому же, — он совсем упустил это из виду — ведь Кора тоже потеряла брата. Когда же им уместней пожениться? Каждый час отсрочки казался годом. Поразмыслив, Монтэгу счёл, что, если на венчании будут только самые близкие люди и удастся соблюсти необходимые такт и скромность — его не осудят за поспешность. Да, на Рождество это будет вполне уместно... Дольше он просто не выдержит!

Мысли же виконта Шелдона были мрачны. Это он обронил когда-то столь запомнившееся Джулиану Монтэгу определение сущности мистера Тэлбота. Но одно дело, когда в душе нет ничего святого... а другое дело... Впрочем, он не прав, это как раз — то же самое, просто ступени... Что касается полковника Кемптона, то его размышления не отличались подобной философичностью, ибо философом Арчибальд Кемптон становился только после ужина у камина, попивая кларет и почитывая Библию. Сейчас же полицейский методично думал о том, что необходимо завтра же выяснить у поверенного, каким состоянием реально распоряжался Вивьен Тэлбот, сколько терял при замужестве сестры, а

самое главное — надо немедленно послать наряд полиции в его имение. Известие о гибели Иствуда ещё не успело широко развестись, сегодня воскресенье, да и услышь Тэлбот о гибели Лоренса — едва ли это переполошит его, ведь Вивьен считает себя в безопасности. Но удастся ли доказать обвинение? Показаний мальчишки и свидетельства Эннабел может оказаться недостаточно. Да и захочет ли Эннабел свидетельствовать против собственного брата? Где Тэлбот взял кислоту? Ха, не в Рединге ли? Или в Лондоне? Как давно он это задумал? Скорее всего, именно в этом году. Тогда надо прошерстить Рединг. Как доказать идентичность бутылки? Где и когда она куплена?

Дело было скользким. Весьма скользким.

Если виновника преступления не удавалось схватить сразу, способов его обнаружить у детективов было три: найти свидетеля для его опознания, раскрыть преступление по следам, оставленным преступником, а в случае такого «убийства до востребования» — проследить след преступления до его организатора. Но ведь в данном случае — убийца промахнулся. Между тем до слуха озабоченного этими раздумьями мистера Кемптона донёсся распираемый восторгом голос мистера Монтэгу, тот тихо извещал виконта, что помолвлен с мисс Иствуд, и он, виконт Шелдон, естественно, будет в числе первых приглашенных на свадьбу гостей вместе с мистером Кемптоном. Он, Монтэгу, намерен вступить в брак на Рождество. Полковник бросил взгляд на мисс Иствуд, одарившей при этих словах своего наречённого восторженной улыбкой.

Кемптон оторопел. Помолвка, заключенная в день смерти брата, показалась ему достаточно странной, но мистер Арчибальд Кемптон давно приметил в этой девице недюжинный ум и некоторый авантюризм. Что же, что жених, что невеста. Два сапога — пара. Эту же мысль выразил в своих поздравлениях и виконт Шелдон. Он отметил, что, по его мнению, в них двоих есть весьма сходные черты: ум, воля, решительность, умение не теряться в сложных ситуациях и ставить себя выше обстоятельств, какими бы неблагоприятными они ни были, и потому он, Шелдон, уверен, что если их совместная семейная жизнь и не принесет покоя, то уж точно, будет весьма захватывающей...

Мистеру Кемптону осталось только присоединиться к сказанному.

* * *

Второй раз за сезон сэр Чилтон оказался не в состоянии высказаться. Впервые это произошло при помолвке мистера Иствуда. Ещё раз подобное случилось через несколько часов после описанных событий, когда, появившись вместе с леди Холдейн в доме крестницы с продуманным и деликатным нравоучением, сэр Остин сначала узнал о гибели Лоренса Иствуда, что повергло его в немалое изумление, а затем был поставлен в известность, что его крестница настолько присмотрелась по его совету к авантюристу и повесе мистеру Монтэгу, что уже помолвлена с ним.

Он тут же вместе с миссис Холдейн получил приглашение и на свадьбу.

Сэр Остин лишился дара речи. Но, к его немалому изумлению, леди Холдейн приняла обе новости с равным и спокойным достоинством, коротко высказав свою скорбь по поводу безвременной гибели столь молодого человека, а после изъявила неподдельную радость в связи с тем, что, несмотря на постигшее её несчастье, мисс Кора сумела найти сильное мужское плечо, на которое может спокойно опереться в любой беде.

Венчание состоялось на Рождество в местной церкви и, судя по количеству приглашённых, никто не сказал бы, что это бракосочетание одного из богатейших наследников графства и девицы с приданным в пятьдесят тысяч фунтов. Со стороны невесты были лишь её мать, крестный отец сэр Остин Чилтон, леди Холдейн и мисс Хилдербрандт да ближайшая подруга невесты мисс Энн Гилмор, со стороны жениха же — его отец, сэр Этьен Монтэгю, виконт Раймонд Шелдон, мистер и миссис Себастиан Чилтон да мистер Арчибальд Кемптон.

Невеста была божественно красива, с губ её не сходила улыбка ликования, жених волновался до смешного, и не возьми на себя его друг Шелдон роль суфлера — перепутал бы и кольца. Сэр Этьен с затаённым недоумением наблюдал за сыном. Последние события подняли Джулиана в его глазах и примирили с ним, теперь же, видя, что виконт Шелдон и впрямь обращается с его сыном как с равным, он ещё больше изумился. Ответив согласием на просьбу сына жениться, он приехал из имения к самому венчанию и был потрясен ещё одним непредвиденным обстоятельством — ошеломляющей красотой своей невестки. То, что такая красавица и с таким приданным согласилась быть женой его сына, да ещё, сразу было видно, влюблена в него до ослепления, было не меньшим сюрпризом, чем дружба с молодым виконтом. Мистер Арчибальд Кемптон и его старый друг Остин в разговоре отозвались о Джулиане более чем похвально, и сэр Этьен не удивился ещё больше только потому, что и так уже был удивлён до крайности.

Букет, брошенный невестой, поймала её подруга, что, в общем-то, никого не удивило, ибо, во-первых, кроме неё, ловить его было некому, а, во-вторых, она уже месяц была помолвлена с мистером Льюисом Карбэри. Миссис Себастиан Чилтон, которую брату стоило немалого труда разуверить в её предубеждении против будущей невестки, всё-таки смирилась с его браком, и потом, почти через год, видя счастье брата, даже согласилась, что леди Монтэгю, пожалуй, и вправду, весьма милая особа.

Что касается горестных обстоятельств, предшествующих этому радостному событию, то проводимому следствию весьма помогла оказавшаяся неутолимой мстительность миссис Иствуд-младшей. Она, как уже говорилось неоднократно, не отличалась большим умом, но те вещи, которые Эннабел всё же усваивала, оседали в её мозгах весьма прочно. Как только Белл поняла, что бутылка с ядом была прислана ей Вивьеном, желающим, чтобы её приданое осталось составляющей его капитала, в результате чего погиб её обожаемый Лори — про Пегги Эннабел как-то забыла — её ненависть к брату пугала даже полицейских. Пегги, по счастью, не успела выкинуть карточку от пакета, а просто засунула её под перину и, найденная, она, несмотря на все попытки Вивьена изменить почерк, была распознана как написанная им — хотя и с наклоном в другую сторону. Свидетельства Саймона Рейса и Тобиаса Вейна, слов старухи Эстер Броун, которую мистеру Кемптону удалось разыскать в Рединге, сообщения поверенного мистера Стаффорда и показаний вдовы несчастного мистера Иствуда хватило для обвинения. Приговор был суров — семь лет каторжных работ.

Незадачливые любовники были похоронены на разных концах кладбища, одна — под неприметной серой плитой, на которой стоит её имя, второй — под величественным монументом с выбитыми на надгробии словами эпитафии о вечной памяти и скорби. Две фигурки, облаченные в чёрное, весьма часто бывают на могиле, кладя на чёрный мрамор

алые цветы. Это — дар убитой горем матери и безутешной вдовы.

Нельзя сказать, что мечты мистера Монтэгю полностью сбылись — те мечты, коими он когда-то грезил в постели в полночный час. Увы, полнота счастья — вещь редкая. Хотя его ночи и сегодня — его отрада и блаженство, но часы его пробуждения ничуть не похожи на былые грезы, ибо в них вторглись обстоятельства, о которых он не мог и мечтать.

Вот — нынешним утром, в преддверии нового Рождества, его супруга поднялась чуть свет — не было ещё и девяти. Она распорядилась подать экипаж к четырем, поболтала с гувернанткой, приказала подавать завтрак, после чего, войдя в белом утреннем халате в супружескую спальню, и вправду, начала ерошить волосы супруга и настаивать на том, что ему пора вставать. Их ждут в половине пятого в Шелдонхолле, он не забыл? Джулиан слышит супругу — судя по тому, как наморщил нос, но вставать не собирается. Он твёрдо намерен подремать ещё полчаса.

Однако никаких поцелуев не следует. Распахивается дверь и, подобно камню из пращи, на кровать обрушивается маленький Этьен — сын Джулиана и Кори. Его появление не оставляет от планов отца камня на камне. Теперь Джулиан сам спешит подняться — сынок, начинающий прыгать на его животе, всё равно не даст подремать.

Несмотря на то, что юному Этьену исполнилось только шесть лет — над ним уже прозвучал жёсткий общественный приговор. Когда семейство вернулось из последнего путешествия по Европе, сэр Чилтон, в течение получаса наблюдавший, как юный Этьен носится по двору с игрушечной шпагой и, схватив красную шаль матери, изображая из себя тореро, пытается заставить толстого поросёнка Лежебоку притвориться разъяренным испанским быком, баронет произнёс строго и безапелляционно: «Будет таким же авантюристом, как и его папаша». Суждение сэра Чилтона никто не оспорил, даже сам Джулиан, спрятавшийся за спину виконта Шелдона. Он по-прежнему, несмотря на родство, несколько побаивается сэра Чилтона.

Тем временем в спальню степенно входит Энн Монтэгю, и четырехлетняя крошка смотрит на братца с осуждением: совершенно не умеет себя вести! Малышка Энн, хорошенькая как картинка, является объектом детской влюблённости маленького Реджинальда Шелдона и платит ему взаимностью. Но это в семье не обсуждается.

Но вот — в четыре часа пополудни семейство усаживается в экипаж, и вскоре представительного господина в роскошном каррике, зажавшего под мышкой брыкающегося сынишку, и красивую даму, ведущую за руку дочурку, встречают в Шелдонхолле высокий черноволосый мужчина и белокурая женщина. Оказывается, все уже в сборе, ждали только их. Здесь Энн и Кэт, Льюис и Себастиан, сэр Остин, сэр Этьен, полковник Карбэри и милорд Брайан, леди Холдейн и мисс Хилдербрандт.

Старики покачивают на коленях внуков, и спорят о том, чей упитаннее и умнее, при этом бесспорное преимущество в глазах сэра Чилтона имеет пятилетний Генри, сынок Себастиана, члена парламента. Милорд Брайан, хоть и не спорит с другом, но искренне недоумевает, как можно так заблуждаться? Его Реджинальд не только гораздо красивей и рассудительнее, но вдобавок ещё и выше всех остальных на полголовы! Сэр Этьен ничего не говорит. Усадить одного его внука на колени невозможно — он и минуты не усидит на месте, и конечно, не может похвалиться упитанностью. Зато соображает малыш Этьен гораздо лучше остальных — кто смог трижды подряд найти пиратский клад прошлым

летом? Что касается Генри, сына его Кэт, то да, безусловно, Остин прав, для своих лет он весьма рослый и разумный малыш. Внуков у мистера Карбэри двое, но, хотя братец и сестрица Уинни и Мэгги совсем крошки и не могут похвастаться ничем, что составляет гордость остальных, но зато их двое. А это тоже чего-нибудь да стоит.

В семействе Шелдонов, увы, в последний год нет покоя. Гармонию нарушают препирательства, ставшие постоянными с тех пор, как к малышу Реджинальду были приглашены первые учителя. «Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им. Необъезженный конь бывает упрям, а сын, оставленный на свою волю, делается дерзким...» Памятуя свою юность, Раймонд за малейшую провинность опускает на плечи сынишки розги, наказывая недостаток усердия, праздные мысли и деяния. Но его разумнейшее поведение не находит никакого понимания у графа! Когда занятый с управляющим виконт на прошлой неделе попросил отца задать десяток розог мальчишке, плохо выучившему текст из Тацита, оказалось, что тот просто проигнорировал его просьбу! А вчера милорд был застигнут Раймондом на попытке пронести наказанному Реджинальду кусок пудинга!

— «Не давай сыну воли в юности и не потворствуй неразумию его. Нагибай выю его и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе...» Разве вы не знаете этого, милорд? — Раймонд был просто вне себя.

Его сиятельство, конечно, согласен с Писанием. Но это же сказано о сыне, а не о внуке. Если же говорить откровенно, милорд понимает правоту сына. Да, безусловно. Баловать не надо. И потакать пустым капризам недопустимо. Раймонд, разумеется, прав, Но поделаться его сиятельство ничего с собой не может. Малыш Реджинальд в его глазах является идеальным воплощением предельного совершенства — он гораздо талантливее и умнее не только внуков всех его друзей, но и способностями превосходит даже Раймонда в детстве! А как хорош собой! Просто ангел!

По мнению отца Реджинальда, гораздо более объективному и здравому, мальчик талантлив и добронравен, к тому же, пожалуй, даже излишне миловиден, — вон, с каким восторгом смотрит на него малышка Энн, дочка Джулиана. Но если в семье не будет единых принципов воспитания, любые дарования можно погубить потворством тщеславию и постоянным снисхождением! Разве он не прав? Его супруга Патриция, баюкая маленькую дочурку Фанни, как всегда, согласна с мужем. Конечно, нужна строгость. Но сердцем виконтесса понимает свёкра. Как же не побаловать иногда малыша?

Но все эти семейные разногласия, на публику, понятное дело, не выносятся.

* * *

Праздничный обед завершается. Миссис Фанни рассказывает миссис Карбэри об особенностях кроя детских сорочек, и сообщает последнюю новость, только что ставшую ей известной от зятя. Бедный мистер Девэрилл! Его супруга родила тройню, доктор Клиффорд завязал на руке первенца тесемку, которую потом по неведению сняла, не поняв её назначения, его старшая дочь Мэри, когда рассматривала новорожденных братцев. Ну, и кто теперь из появившихся младенцев старший и наследник?

Мистер Девэрилл был в ужасе, Арчи предлагал выбрать произвольно или кинуть жребий, но доктор Клиффорд вернулся, и по пуповине сразу определил старшего — и научил

различать их мистера Девэрилла. Но Арчи утверждает, что младенцы вовсе и не близнецы, он углядел, что у младшего на ушке с тыльной стороны есть родинка, а у двух старших — нет, миссис Мэйбл же утверждает, что младенцы совершенно непохожи друг на друга, и только мистер Девэрилл не видит никаких отличий и жалуется, что не может различить сыновей. Не будешь же поминутно заглядывать в пупок или отгибать ухо? Впрочем, его сторону держит и Флора Кемптон, дочь самой леди Фанни, тоже уверенная, что все малыши — на одно лицо.

Между тем, мисс Хилдербрандт повествует миссис Чилтон о тонкостях приготовления виноградного мусса, Кэтрин, не доверяя памяти, записывает рецепт. Её братец, мистер Монтэрю, перебирая гитарные струны, развлекает супругу тихой испанской серенадой, под которую маленький Реджинальд танцует с Энн, юный авантюрист Этьен тащит со стола апельсин, а его кузен, маленький Генри Чилтон, посапывает, свернувшись калачиком на диване.

Потом мужчины пьют за Рождество, за приход в наш мир Бога, за хранящее нас Провидение. А как же иначе? Ведь сквозь изменчивость и шаткость, как будто царящие в мире, действительно, проглядывает иногда некое скрытое сцепление событий, некий извечно предопределенный Провидением порядок, благодаря которому всё идёт, как положено, по заранее предначертанному пути.

Больше книг на сайте - Knigolub.net